

СОЦИОЛОГИЯ

курс лекций

для студентов вузов

Серия «Учебники, учебные пособия»

Ю. Г. Волков, В. Н. Нечипуренко, А. В. Попов,
С. И. Самыгин

СОЦИОЛОГИЯ

Курс лекций

*Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений*

«Феникс»
Ростов-на-Дону
1999

ББК 60.5
С 69

Ответственный редактор

доктор философских наук, профессор Ю. Г. Волков

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Р. Д. Хунагов,
ректор Адыгейского государственного университета
доктор социологических наук, профессор В. И. Чупров,
Институт социально-политических исследований РАН

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Самыгин С.И.

С 69 **Социология: Курс лекций: Учебное пособие.** —
Ростов-н/Д: Феникс, 1999. — 512 с.

Учебное пособие по курсу общей социологии. Рассматриваются базовые темы учебного курса и ключевые понятия социологии.

Курс лекций написан в соответствии с Государственным образовательным стандартом Российской Федерации коллективом известных в своей области специалистов, кандидатов и докторов наук на основе уникальных разработок, апробированных в ходе многолетней преподавательской практики.

Рекомендуется для студентов высших учебных заведений всех форм обучения.

ISBN 5-222-00482-1

ББК 60.5

- © Волков Ю.Г.,
Нечипуренко В.Н.,
Попов А.В.,
Самыгин С.И., 1999.
- © Оформление: издательство
«Феникс», 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой разработку учебного курса по социологии — научной дисциплине, коренным образом отличающейся от других наук общественно-гуманитарного цикла. Некогда отпочковавшаяся от философии в самостоятельную область знаний о человеке и обществе, социология сформировалась как наука в духовной атмосфере относительной современности (конец XIX — XX вв.), и потому несет на себе неизгладимый отпечаток современного менталитета.

Исторически возникновение социологии было обусловлено глобальным мировоззренческим переворотом, связанным с кризисом идеалистических философских систем и зарождением позитивизма как общей парадигмы научного, философского и даже обыденного мышления. Применительно к пониманию общества этот переворот заключался в отказе от традиционного для философии противопоставления «мира природы» и «мира свободы» — то есть сферы действия естественнонаучных закономерностей и сферы человеческой духовности, идей и идеалов, которая постигается методами философского умозрения. Бурное развитие наук естественно-математического цикла как бы обнаружило слабинку спекулятивно-философских построений и упрощенных идеологем. В этой обстановке не могла не возникнуть мысль о том, что изучение общества должно строиться в полной аналогии с естественнонаучным, «позитивным» изучением природного мира, и необходимо создание лишенной претензий на универсализм частной, позитивной науки об обществе, которая имела бы эмпирический базис и стояла бы в одном ряду с физикой, химией, биологией.

Таким образом, социология уже изначально по определению должна была заявить о себе как качественно иной тип знания об обществе. Такой она и предстает в трудах великих социологов классического периода своего развития — О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Дюркгейма.

Современный — постклассический — этап развития социологии характеризуется значительно большей широтой

диапазона подходов к интерпретации социальных феноменов и методологии исследования: от теоретических изысков в духе постмодерна до статистической обработки данных опросов и анкетирований в эмпирической социологии.]

Предлагаемый читателю курс лекций включает в себя подробный обзор многочисленных школ и направлений современной социологической науки. Структура его предусматривает логическое развитие от общего к частному. Первая лекционная тема представляет собой введение в предмет социологии, раскрывает специфику ее происхождения и место в ряду других общественных наук, ее внутреннюю структуру, а также дает характеристику основных методов, используемых в социологии. Вторая тема органически следует из предыдущей, вводя читателя в интеллектуальную лабораторию современного социолога. В ней даются структурная типология основных понятий и категорий, которыми оперирует социология, и логико-функциональное объяснение их содержания.

[Темы 3—5 посвящены описанию основных периодов исторического развития социологии как науки, начиная от ее возникновения и заканчивая современным этапом с его множеством школ и направлений. Авторы стремились показать преемственность проблематики, проследить динамику формирования новых идей и представлений в ходе анализа творчества основоположников социологии — О. Конта и Г. Спенсера, классиков периода ее институционализации и крупнейших представителей базисных направлений социологии XX века.

Дальнейшее изложение строится в соответствии с учебной программой базового курса социологии, затрагивая все его основные темы.]

Изучение современной социологии во всем многообразии представляющих ее школ и направлений сопряжено с известными трудностями. Во многом эти трудности обусловлены недостатком переводных изданий ведущих западных социологов в отечественном научном обиходе.]

В ходе работы над курсом лекций авторы пришли к необходимости расширения круга научных источников по большинству тем. С этой целью были использованы ранее

не переводившиеся на русский язык произведения современных зарубежных специалистов, таких, как: Г. П. Бардт, Э. Гидденс, Г. Микл-Хорке, Ч. Глок, Р. Старк, А. Турен и др.

Излагая те или иные концепции, авторы курса лекций сознательно стремились придерживаться дескриптивного подхода, по возможности избегая критических и вообще оценочных суждений. Такой вненормативный характер изложения направлен на достижение максимальной научной объективности.

Надеемся, что предлагаемый курс лекций поможет читателю получить прочные и систематические знания по социологии, глубже осмыслить социологическую проблематику.

*Заведующая кафедрой политологии и социологии
ИППК МГУ,
доктор философских наук,
профессор Л. Н. Панкова*

ТЕМА 1. ПРЕДМЕТ, СТРУКТУРА И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИИ

1. Предмет социологии.
2. Социология и другие науки.
3. Структура социологии. Микросоциология и макросоциология.
4. Методы социологии.

1. Предмет социологии

Социология — отрасль науки о человеческом поведении, ставящая своей целью раскрытие причинно-следственных связей, образующихся в процессе социальных отношений между людьми, в процессе взаимодействий и взаимосвязей между индивидами и группами. Она включает в себя изучение традиций, структур и институтов, возникающих в ходе взаимодействия сил, которые их объединяют и ослабляют, и тех воздействий, которые участие в группах и организациях оказывает на поведение и характер людей. Социология также исследует базисные характеристики человеческого общества в локальном и мировом масштабе и различные процессы, которые сохраняют статус-кво и вызывают изменения.

Это социальная жизнь, которая имеет свои особенности в регулировании поведения людей; человек не обладает инстинктами, подобными тем, которые направляют поведение более низших животных. Поэтому он сильнее зависит от социальной организации, чем любой другой вид живых существ. Этим обусловлена выработка институционализированных социальных форм поведения, оказывающих определяющее влияние на человеческие действия. Задача социологии состоит в том, чтобы выявить эти формы, исследовать, как они работают, а также как они возникают, развиваются.

усложняются, взаимодействуют друг с другом, разлагаются и исчезают. Среди наиболее важных таких структур необходимо отметить семью — предмет важной отрасли социологии. Группа, сообщество, экономические и политические порядки, различные добровольные ассоциации и организации типа церкви и армии имеют особую значимость для социологического анализа.

Несмотря на то, что социология может рассматриваться как часть западной традиции рационализма, открытого древними греками, она представляет собой итог развития философии XVIII—XIX в. и считается реакцией на ненаучные подходы классической философии и литературы к социальным явлениям. Какое-то время социология считалась частью философии морали. Некоторые аспекты изучения этого предмета другими науками остаются сферой интересов социологов. Социология связана с естественными науками. Социология девятнадцатого столетия, ощутившая влияние успехов биологии и эволюционной теории, пыталась провести параллели между биологическим и социальным развитием. В настоящее время интерес к этому снизился, но социология сохраняет интерес к экологии, поведенческой генетике, проблемам биологического воспроизводства и смертности, поскольку они касаются изучения населения.

2. Социология и другие науки

Социология — одна из социальных, или поведенческих, наук; как таковая она отличается от естественных наук (биологии, физики и химии), с одной стороны, и от гуманитарных дисциплин (литературы, музыки, искусства) — с другой. Все социальные науки — антропология, история, социология, психология, экономика и политическая наука — имеют дело с человеческим поведением. Каждая из них имеет собственный взгляд на вещи, и они отличаются друг от друга. Категория «поведенческой науки» включает антропологию, социологию и психологию минус такие специализированные подобласти, как психофизиология, археология, техническая лингвистика и значительная часть физической антропологии, плюс социальная география, часть

психиатрии, поведенческие разделы экономики, политическая наука и правоведение.

Из всех областей по крайней мере антропология и социология больше других имеют общую точку приложения сил. Главное различие между ними заключается в том, что культурные антропологи исповедуют исторический подход к образу жизни небольших дописьменных обществ. Их концепции и методы приложимы и к более сложным городским обществам. Бесценный вклад антропологии заключается в понятии «культура». Оно имеет огромное значение для социологии и помогает студентам избежать этноцентризма — привычки жестко мыслить в терминах идей, верований и ценностей собственной группы.

Если антропология помогает нам преодолеть этноцентризм, то история помогает избавиться от техноцентризма — неизмеряемого и по большей части бессознательного принятия своей собственной страны, своей собственной эпохи и своей собственной биографии в качестве центра социологического осмысления мира или фокуса, к которому привязываются все другие исторические периоды, либо критерия, на основании которого они оцениваются. Значительную часть данных социолог по необходимости черпает из истории, но он должен помнить, что история есть, с одной стороны, искусство, а с другой — социальная наука. Историк отбирает и выстраивает факты в соответствии с тем, что он подбирает только надежные данные; тем не менее он имеет дело, по определению, с прошлым поведением и уникальными событиями. Поэтому он не может использовать ту технику исследования, которая применяется в других социальных науках. История дает ученому, изучающему человеческое поведение, такое видение мира, которое он не может получить из других наук.

Психология также изучает человеческое поведение, но в ее фокусе находится отдельный индивид. В социальной психологии — области, расположенной частично в социологии, а частично в психологии — объектом исследования выступает индивид в группе. Одно из центральных понятий этой дисциплины — понятие «Я» («Self»), которое обозначает личность, социализированную человеческой группой.

Политическая наука имеет дело с тем, как человек управляет собой. Ее интересуют формальные политические организации и политическое поведение, которое формируется и определяется этими организациями, а также культурными верованиями и философией правительства, наконец, социальной структурой общества в целом. Курс политической социологии имеет дело именно с таким поведением, но рассмотренным с социологической точки зрения. Экономика изучает то, как человек использует свое окружение для производства, распределения и потребления товаров и услуг.

3. Структура социологии. Микросоциология и макросоциология

Социологи исследуют общество на двух уровнях: микро- и макроуровне. Микросоциология изучает поведение людей в их непосредственном межличностном взаимодействии. Исследователи, работающие в этом ключе, считают, что социальные явления можно понять лишь на основе анализа тех смыслов, которые люди придают данным явлениям при взаимодействии друг с другом. Главный предмет их исследований — поведение индивидов, их поступки, мотивы, значения, определяющие взаимодействие между людьми, которое оказывает влияние на стабильность общества или происходящие в нем перемены.

Макросоциологию интересуют крупномасштабные социальные системы и процессы, происходящие в течение длительного времени. Основное внимание она уделяет моделям поведения, помогающим понять сущность любого общества. Эти модели, или структуры, представляют собой такие социальные институты, как семья, образование, религия, а также экономический и политический строй. Люди, вовлеченные в данную систему социальных структур, испытывают на себе их глубокое влияние. Макросоциологи изучают взаимосвязи между различными частями общества и динамику их изменений.

В развитии социологии можно выделить два основных направления: *фундаментальное* и *прикладное*. Первое на-

правление занимается социально-философским осмыслением наиболее общих проблем развития и функционирования общества и места в нем человеческой личности, эпистемологическими проблемами социологии, механизмами построения структур социальных ассоциаций, математических моделей социальных общностей и процессов, методами изучения социальных процессов и явлений и т. д. (На фундаментальном уровне осуществляются взаимосвязи социологии с другими науками: философией, историей, культурологией, политологией, антропологией, психологией, экономикой, космогонией и др. Социологические концепции этого уровня отличаются высокой степенью абстракции; при этом, как правило, не выделяются для изучения такие конкретные социальные единицы, как социальная группа или социальный процесс. Такой уровень социологического знания принято называть *общесоциологическим*, а теории, возникающие на этом уровне, — общесоциологическими. Фундаментальные социологические теории возникли из социальной философии и психологии; они основывались на наблюдениях, умозаклучениях и обобщениях различных сторон общественной жизни, которые давали сведения о единых для всех социальных структур законах поведения людей. Вместе с тем очевидно, что социология как наука должна основываться на точных, конкретных данных об отдельных социальных фактах, составляющих процесс изменения и структуру общества. Эти данные собираются исследователями с помощью набора методов эмпирических исследований (опросов, наблюдений, изучения документов, экспериментов). Что касается *эмпирического* уровня, то в социологии это сбор многочисленных фактов, сведений, мнений членов социальных групп, личностных данных, их последующая обработка, а также обобщение и формулирование первичных выводов относительно конкретных явлений социальной жизни. Сюда относятся теоретические обобщения, полученные методом индукции (умозаклучения от частных, единичных случаев к общим выводам). Общесоциологические теории и эмпирические исследования должны быть неразрывно связаны между собой, так как теоретизирование, не подкрепленное знанием конкретных фактов социальной

действительности, становится бессодержательным, нежизнеспособным. В то же время эмпирические исследования, не связанные общетеоретическими выводами, не могут объяснить природу большинства социальных явлений.

Резко возросший уровень эмпирических исследований потребовал универсального теоретического аппарата для объяснения результатов теоретических изысканий. Однако аппарат фундаментальной социологии не подходил для изучения таких разных социальных феноменов, как семья, государство, девиантное (отклоняющееся) поведение и т. д. В свою очередь, фундаментальная социология испытывала значительный дефицит в эмпирической информации, так как эмпирические исследования, как правило, проводились в узкопрактических, утилитарных целях и трудно было связать их в единую систему. В результате произошел разрыв между фундаментальной социологией и эмпирическими исследованиями. В практической деятельности это отразилось, с одной стороны, на создании спекулятивных, не основанных на достаточно широкой эмпирической базе теоретических построений, а с другой — в появлении таких направлений получения знания, как позитивизм и эмпиризм, отрицающих необходимость общесоциологических, фундаментальных теорий.

Противостояние фундаментальных и эмпирических исследований в значительной степени тормозило развитие социологии, мешало кооперации ученых и объединению их усилий. Выход из этого положения был найден в результате формирования еще одного уровня социологического знания — *теорий среднего уровня*. Этот научный термин был введен в практическую деятельность исследователей американским социологом Р. Мертоном. Теории среднего уровня занимают некоторое промежуточное положение между фундаментальными теориями и эмпирическим обобщением первичной социологической информации.

По мнению Р. Мертона, *теории среднего уровня* — это «теории, находящиеся в промежуточном пространстве между частными, но тоже необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающим; в ходе повседневных исследований, и систематическими попытками создать единую тео-

рию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений». Такие теории призваны обобщать и структурировать эмпирические данные в пределах отдельных областей социологического знания, таких как изучение семьи, отклоняющегося поведения, конфликта и т. д. В теориях среднего уровня, где в целом используются идеи и терминология, заимствованные из фундаментальных социологических теорий, сформирована система специфических понятий и определений, применяемых только в данной области социологических исследований.

Теории среднего уровня, таким образом, относительно самостоятельны и вместе с тем тесно связаны как с эмпирическими исследованиями (которые поставляют необходимый «сырой» материал для их создания и развития), так и с общесоциологическими теоретическими построениями, которые дают возможность использовать наиболее общие теоретические разработки, модели и методы исследований. Это промежуточное положение теорий среднего уровня позволяет им сыграть роль мостика между «высокой» теорией и эмпирическими данными, полученными в результате исследования конкретных явлений и процессов.

Социологи полагают, что выделение теорий среднего уровня создает целый ряд неоспоримых удобств и преимуществ, главные из которых: возможность создания прочной и удобной теоретической основы для исследований конкретных областей человеческой деятельности и отдельных составляющих социальных структур без использования громоздкого и излишне абстрактного понятийного аппарата фундаментальных теорий; тесное взаимодействие с реальной жизнью людей, которая всегда находится в поле зрения теорий среднего уровня, отражающих практические проблемы жизни общества; демонстрация возможностей и убедительности социологических исследований в глазах менеджеров, ученых и специалистов несоциологических областей знания.

Появление и развитие теорий среднего уровня было с удовлетворением встречено социологами. В настоящее время эти теории прочно вошли в научную практику. Одновре-

Уровни социологического знания

Фундаментальные общесоциологические теории

Изучение социальных структур

Изучение социального развития, процессов интеграции и дезинтеграции

Изучение развития личности

Изучение моделей, методик и техники социологических исследований

Социальные институты

Социальные общности

Социальные процессы

Социология семьи

Социология малых групп

Социология девиантного поведения

Социология образования

Социология организации

Социология науки

Социология страт, слоев, классов

Социология конфликтов

Социология религии

Социология искусства

Социология толпы

Социология мобильности и миграции

Социология армии

Этносоциология

Социология политики

Феминистская социология

Социология города

Социология труда

Социология социальных движений

Теории среднего уровня

Первичное обобщение эмпирических данных

Проведение эмпирических исследований в социальных группах и институтах

менно они породили достаточно узкую специализацию социологов, например, появились социологи, которые работают только в области социологии семьи или социологии образования, собирают эмпирические данные, обобщают их и делают теоретические выводы и модели только в пределах этих областей социологического знания. Вместе с тем с введением в научную практику теорий среднего уровня повысилась эффективность деятельности социологов, занимающихся фундаментальными исследованиями, так как они стали получать богатые теоретические разработки в отдельных областях социологии и обобщать их, не обращая постоянно непосредственно к эмпирическим данным.

Все *теории среднего уровня* можно условно подразделить на три группы: *теории социальных институтов* (изучающие сложные социальные зависимости и отношения), *теории социальных общностей* (рассматривающие структурные единицы общества — от малой группы до социального класса) и *теории специализированных социальных процессов* (изучающие социальные изменения и процессы).

В каждой из выделенных нами групп содержится большое число теорий среднего уровня, которое увеличивается по мере углубления и развития изучения общества, по мере развития социологии как науки. Социологи, занимающиеся узкими областями исследования, разрабатывают специфический понятийный аппарат, проводят эмпирические исследования по своей группе проблем, обобщают полученные данные, делают теоретические обобщения и, наконец, соединяют эти обобщения в теорию в пределах своей узкой области.

Метасоциология. Помимо этих уровней существует еще один, получивший название метасоциологии.

Метасоциология — это анализ существующих эпистемологических и методологических структур социологии вообще, равно как и ее различных компонентов: концепций, теорий, моделей, методов и т. д.

Отличие метасоциологии от социологии состоит в том, что объектом исследования социологии является социальная реальность, а объектом метасоциологии — сама социология. Поэтому правомерно использовать наряду с понятием «ме-

тасоциологии» понятия «социология социологии» и «рефлексивная социология». Первое понятие было введено в научный обиход Р. Фридрихсом (*Friedrichs R. Sociology of Sociology. N.Y., 1970*), второе — А. Гоулднером (*Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y., 1970*).

Метасоциология анализирует социологию извне и изнутри. С внешней точки зрения, социология — специфическое социальное явление, которое, подобно другим явлениям, доступно социологическому анализу. Это может быть изучение общественной роли данной социологической теории, ее функций (служебных или критических) по отношению к определенной политической системе, ее влияния в обществе за пределами узкопрофессиональной среды и др. С внутренней точки зрения социология исследуется как особая научная дисциплина, совокупность конкретных проблем, понятий, теорий и методов независимо от их социального контекста.

Метасоциология берет в качестве объекта изучения саму социологию, ее концепции, теории и методы.

4. Методы социологии

На каждом уровне социологического знания существует своя методика исследования. На эмпирическом уровне проводятся *социологические исследования*, представляющие собой систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, подчиненных единой цели: получить точные объективные данные об изучаемом социальном явлении. На теоретическом уровне социологи пытаются осмыслить социальную реальность как единое целое — либо исходя из понимания общества как системы (функционализм), либо из понимания человека как субъекта социального действия (символический интеракционизм).

Теоретические методы. Значительное место в социологии занимает *структурно-функциональный метод*. С позиций этого метода общество рассматривается как функциональная система, которая характеризуется такой функцией любой системы, как устойчивость. Эта устойчивость обеспе-

чивается за счет воспроизводства, поддержки равновесия системы элементов. Структурно-функциональный подход позволяет устанавливать общие, универсальные закономерности функционального действия социальных систем. В качестве системы может быть рассмотрен любой социальный институт или организация, а именно государство, партии, профсоюзы, церковь. Структурно-функциональный подход характеризуется следующими чертами:

— в центре внимания оказываются проблемы, связанные с функционированием и воспроизводством социальной структуры;

— структура понимается как всесторонне интегрированная и гармонизированная система;

— функции социальных институтов определяются по отношению к состоянию интеграции или равновесия социальной структуры;

— динамика социальной структуры объясняется исходя из «принципа консенсуса» — принципа сохранения социального равновесия.

Дополнением и корректировкой структурно-функциональной методологии служит *сравнительный метод*. Этот метод опирается на предпосылку, что имеются определенные общие закономерности проявления социального поведения, поскольку в социальной жизни, культуре, политической системе различных народов много общего. Сравнительный метод предполагает сопоставление однотипных социальных явлений: социальной структуры, государственного устройства, форм семьи, власти, традиций и т. д. Применение сравнительного метода расширяет кругозор исследования, способствует плодотворному использованию опыта других стран и народов. Макс Вебер, например, сопоставлял протестантскую и индусскую разновидности фатализма с целью показать, как каждый из этих типов коррелирует с соответствующей системой секулярных ценностей. Э. Дюркгейм сравнивал суицидальную статистику в протестантских и католических странах.

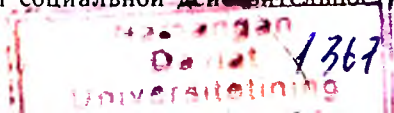
Методы социологического исследования

Выдвижение и проверка гипотез. Гипотеза в социологическом исследовании — это научно обоснованное предположение о структуре социальных объектов, о характере элементов и связей, образующих эти объекты, о механизме их функционирования и развития. Научная гипотеза может быть сформулирована только в результате предварительного анализа изучаемого объекта.

Процесс установления истинности или ложности гипотезы есть процесс ее эмпирического обоснования, ее проверки в ходе социологического исследования. В результате такого исследования гипотезы либо опровергаются, либо подтверждаются и становятся положениями теории, истинность которых уже доказана. Социолог должен прибегать к таким методам сбора информации, как наблюдение, опрос, тестирование и т. д.

В социологическом исследовании под **наблюдением** понимается метод сбора первичных эмпирических данных, который заключается в преднамеренном, целенаправленном, систематическом непосредственном восприятии и регистрации социальных фактов, подвергающихся контролю и проверке. Главным преимуществом непосредственного наблюдения является то, что оно позволяет фиксировать события и элементы человеческого поведения в момент их совершения, в то время как другие методы сбора первичных данных основываются на предварительных или ретроспективных суждениях индивидов. Другим важным достоинством этого метода является то, что исследователь в определенной степени не зависит от объекта своего исследования, он может собирать факты независимо от желания индивидов или группы говорить или от их умения отвечать на вопросы.

В наблюдении заложена определенная доля объективности, которая задается самой установкой фиксирования происходящих ситуаций, явлений, фактов. Однако в этой процедуре имеется и субъективный элемент. Наблюдение предполагает неразрывную связь наблюдателя с объектом наблюдения, которая накладывает отпечаток и на восприятие наблюдателем социальной действительности, и на по-

нимание сути наблюдаемых явлений, их интерпретацию. Чем сильнее наблюдатель связан с объектом наблюдения, тем больше элемент субъективизма, тем больше эмоциональная окрашенность его восприятия. Еще одной важной особенностью метода наблюдения, ограничивающей его применение, является сложность, а порой и невозможность проведения повторного наблюдения.

Виды наблюдения. В зависимости от роли наблюдателя в изучаемой ситуации различают четыре вида наблюдения: полное участие наблюдателя в ситуации; участник ситуации как наблюдатель; наблюдатель как участник; наблюдатель не участвует в процессе.

Полное участие в ситуации предполагает включение наблюдателя в изучаемую группу как полноправного ее члена. Роль наблюдателя неизвестна членам группы. Примером этой разновидности наблюдения может служить работа исследователя в изучаемом коллективе рабочих без раскрытия им своего действительного положения.

Классический пример использования этого метода — работа американского социолога У. Уайта, который три года прожил в квартале итальянских эмигрантов одного из американских городов, изучая их обычаи, взаимоотношения, адаптацию к новой культуре, язык, жаргон, и даже подружился с главарями соперничавших банд рэкетиоров и т. д.

Этот метод имеет следующие особенности. Незаменимый на предварительном этапе исследования, когда погружение в жизнь объекта стимулирует творческий процесс (постановку проблемы, выдвижение гипотез исследования), а также на этапе обобщения результатов (ведь исследователь начинает «чувствовать» эту среду и может тонко объяснить выявленные тенденции, связи). Но волей-неволей длительное погружение в жизнь изучаемого объекта формирует привязанности, симпатии и антипатии, а это ведет к субъективизму наблюдателя, неосознанной фильтрации событий и т. п. Вместе с тем, когда предметом изучения становится самобытность той или иной культуры, включенное наблюдение способно достаточно эффективно решать поставленные задачи.

Ситуация открытого наблюдения по сравнению с методикой скрытого наблюдения имеет свои преимущества: наблюдатель легче входит в исследовательскую ситуацию, поскольку ему не нужно осваивать новую, непривычную ролевую позицию; наблюдаемый коллектив адаптируется к присутствию наблюдателя и при положительном отношении к целям исследователя начинает активно помогать ему в сборе материала.

Опрос — самый распространенный метод сбора первичной информации. С его помощью получают почти 90% всех социологических данных. В каждом случае опрос предполагает обращение к непосредственному участнику и нацелен на те стороны процесса, которые мало поддаются или вообще не поддаются прямому наблюдению. Вот почему опрос незаменим, когда речь идет об исследовании тех содержательных характеристик общественных, коллективных и межличностных отношений, которые скрыты от постороннего взгляда и проявляются лишь в определенных условиях и ситуациях.

Точную информацию дает сплошной опрос. Более экономичным и в то же время менее надежным способом *получения* информации является **выборочное обследование**. Если обозначить все население или ту его часть, о которой вы стремитесь получить сведения, как *генеральную совокупность*, то *выборочная совокупность* (или просто *выборка*) — это точная, но уменьшенная ее копия. Знаменитый институт Гэллага в США регулярно опрашивает 1,5—2 тысячи человек, а получает достоверные сведения о том, как будут голосовать на предстоящих выборах все 300 миллионов американцев. Ошибка не превышает нескольких процентов.

Итак, выборочная совокупность должна быть точной копией генеральной. Отклонение от оригинала называется *ошибкой репрезентативности*. Она не должна быть очень большой, в противном случае социолог не имеет права распространять выводы исследования, в ходе которого опрошена часть людей, на все население. *Репрезентировать* — значит точно отражать генеральную совокупность при помощи выборочной. Математическая статистика вооружила социолога самыми современными методами расчета выбор-

ки. Главное, чтобы накануне исследования социолог точно определил, кто является типичным представителем генеральной совокупности, и добился того, чтобы у всех были равные шансы попасть в выборку. А кто именно должен быть опрошен, решают случай и математика.

Принципы выборочного обследования лежат в основе всех методов социологии — анкетного опроса, интервью, наблюдения, эксперимента, анализа документов. Действительно, каким бы способом вы ни изучали людей, всех их охватить невозможно.

Две основные разновидности социологического опроса — *анкетирование* и *интервьюирование*.

При *анкетировании* опрашиваемый сам заполняет вопросник в присутствии анкетера или без него. По форме проведения оно может быть индивидуальным или групповым. В последнем случае за короткое время можно опросить значительное число людей. Оно бывает также очным и заочным. Наиболее распространенные формы заочного: почтовый опрос, опрос через газету, журнал.

Интервьюирование предполагает личное общение с опрашиваемым, при котором исследователь (или его полномочный представитель) сам задает вопросы и фиксирует ответы. По форме проведения оно может быть прямым, как говорится, лицом к лицу, и опосредованным, например, по телефону.

В зависимости от источника (носителя) первичной социологической информации различают опросы массовые и специализированные. В *массовом* опросе основным источником информации выступают представители различных социальных групп, деятельность которых непосредственно не связана с предметом анализа. Участников массовых опросов принято называть респондентами. В *специализированных* опросах главный источник информации — компетентные лица, чьи профессиональные или теоретические знания, жизненный опыт позволяют делать авторитетные заключения. По сути дела участниками таких опросов являются эксперты, способные дать взвешенную оценку по интересующим исследователя вопросам. Отсюда еще одно широко распространенное в социологии название таких опросов — *эксперт-*

ные опросы, или оценки. Качество оценок самих результатов (подтверждающих определенные условия верификации среди указанных в гипотезе) зависит от концептуально-аналитических подходов экспертов, их идеологической ангажированности.

Почти во всех индустриальных странах проводились и проводятся *социологические эксперименты*, доставляющие эмпирическую информацию с помощью самых различных способов социального измерения. Только в социологическом эксперименте создается исследовательская ситуация, которая позволяет получать весьма специфическую социальную информацию, не извлекаемую другими методами социального измерения. *Социологический эксперимент* — метод получения социальной информации в контролируемых и управляемых условиях исследования социальных объектов. При этом социологи создают специфическую экспериментальную ситуацию с направленно воздействующим на нее особым фактором, не характерным для обычного течения событий. Под влиянием такого фактора (или ряда факторов) происходят определенные изменения в деятельности исследуемых социальных объектов, фиксируемые экспериментаторами. Чтобы правильно выбрать такой фактор, называемый независимой переменной, необходимо предварительно изучить социальный объект теоретически, так как он может привести к всестороннему изменению объекта или «раствориться» в многочисленных связях и не оказать существенного влияния на него.

Контент-анализ предполагает извлечение социологической информации из документальных источников. Он основан на выявлении некоторых количественных статистических характеристик текстов (или сообщений). Иначе говоря, контент-анализ в социологии — это количественный анализ любого рода социологической информации. В настоящее время применение этого метода связано с широким использованием компьютерных технологий. Преимущество этого метода — в оперативном получении фактографических данных о том или ином социальном явлении на основе объективной информации.

ТЕМА 2. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ СОЦИОЛОГИИ

1. Для чего социологии нужен понятийный аппарат.
2. Термин.
3. Статистические категории.
4. Операциональные понятия.
5. Модели и модельные понятия.
6. Понятие «идеального типа».
7. Аналитические понятия.

1. Для чего социологии нужен понятийный аппарат

В социологии не прекращаются споры по поводу того, нужен ли ей собственный понятийный аппарат. С одной стороны выдвигается такой аргумент: успешная коммуникация и даже продолжительные размышления не могут протекать упорядоченно, если за словами не закреплены обязательные значения. Однако с другой стороны, такая подчиненность противоречит динамичной природе мышления, которое характеризуется именно тем, что развивает понятие в процессе его функционирования, т. е. изменяет его содержание, объем, расширяет, сужает или осуществляет семантический сдвиг.

Совершенно очевидно, что существуют диалектические мыслительные процессы, которые ведут к расширению объема познания. Несомненно также и то, что спор о значимости понятий затрагивает важные теоретические вопросы, например вопрос о том, насколько понятия, обладающие весьма всеобщим и формальным значением, могут удовлетворять историчности социальных явлений. Однако спор часто оказывается неплодотворным или, во всяком случае, несущественным для обсуждаемого здесь вопроса.

Недоразумения могут быть связаны с тем, что понятие понимают по-разному. Если имеется в виду «все то, что я постигаю о вещи», то понятие фактически изменяется с каждым новым осмысленным высказыванием о рассматриваемом предмете. По крайней мере, оно приобретает содержательную полноту. Но тогда вернее было бы утверждать, что мое понимание предмета развивается дальше с каждым дополнительным мнением о нем.

Таким установлением частичного содержания мыслительных построений вынуждено ограничиться не только научное, но вообще человеческое мышление. Без этих «институционализаций» значений слов была бы невозможна языковая коммуникация, хотя в повседневной речи она обеспечивается чаще всего не дефинициями.

Остается фактом, что в обыденной речи — как, впрочем, и в поэтической — часто используются неоднозначные понятия, то есть слова без четких семантических границ. Двусмысленности, метафоры, которые расширяют сферу подразумеваемых подобий, оттенки прямого и переносного значений, случайное возвращение к первоначальному, но со временем забытому значению — все это характеризует живой язык и таит в себе возможности совершенствования познания. Кто глух к «ненормированным», но все же «резонирующим» значениям слов, не поймет своих ближних в повседневном разговоре и вряд ли станет хорошим социологом. Но даже если обыденная речь и нуждается в группе постоянных и обязательных значений и состоит не только из «многоголосного журчания», то в большей степени это касается языка науки. Ход мысли может быть убедительным лишь тогда, когда опирается на точно сформулированные понятия.

Впрочем, само собой разумеется, что у диалектиков тоже есть определенные термины, которые отличаются своим значением от слов обыденной речи лишь специальным употреблением (например, понятие «способ производства» *Produktionsweise* имеет в марксистской терминологии вполне определенное значение, которое не идентично предполагаемому прежде всего значению («типичный метод изготовления» — *typische Herstellungsverfahren*).

Подтверждение необходимости терминологического мышления не исключает следования историческим изменениям значения слов и рассмотрения их самих в контексте общественной значимости. Например, изменение значения слова «Gesellschaft» («общество») после XVIII века интересно не только в плане истории идей, но и истории общества. Хотя нужно было когда-то однажды решить, использовать ли слово «Gesellschaft» в собственных высказываниях так, как оно встречалось у Рилья, Моля или у Тённиса. Они придавали слову, смотря по обстоятельствам, ограниченное значение, так что многое «социальное» не охватывалось понятием «Gesellschaft» (к примеру, «семья» у Рилья или «небольшие общины» у Тённиса). Может быть, следует говорить об «обществе» (Gesellschaft) в широком смысле, как это бытует в современной социологии?

Мы не ставим перед собой задачу разработать точную теорию и типологию всех социологических понятий. Необходимо лишь представить краткие описания некоторых характерных для социологии типов понятий. Речь пойдет сначала о терминах, статистических категориях, операциональных понятиях, далее о моделях и о понятиях идеальных типов. В заключение мы приступим к так называемым аналитическим понятиям. Принадлежность отдельных понятий к определенному типу может точно выводиться лишь из контекста, в котором они находятся. Поэтому в сложных высказываниях вполне возможно, что используемое понятие может быть причислено к нескольким типам, тем более что упоминаемые выше типы понятий определяются таким образом, что их отличительные признаки не взаимоисключают друг друга.

Рассматриваемые в следующих главах понятия, как правило, являются аналитическими по своему содержанию. Мы пытаемся дать их в таких формулировках, которые позволяют применять их в качестве «терминов». Прежде чем перейти к отдельным типам понятий, позволим здесь себе еще одно общее замечание.

Понятие — это элемент высказывания, выполняющий функцию обозначения содержания, которое может касаться как действительного, так и возможного, или мнимого, поло-

жения вещей. Конечно, существуют также понятия, которые указывают не на положение вещей, а на феномены сознания субъекта, который хочет высказать нечто, к примеру, на способ, которым он хочет осуществить высказывание о вещах. Но сейчас речь должна идти о понятиях, характеризующих социальные явления. Такие понятия всегда подразумевают содержательные определения. Они отсылают к каким-либо свойствам явления, которые они обозначают. Но этим и ограничивается их задача. Бессмысленно ожидать от них удовлетворительного толкования предмета.

Понятия социальных явлений выполняют свои характеризующие функции, репрезентируя для сознания свойства обозначаемых феноменов. Они никогда не могут отражать явление в его тотальности. Но они и не смутные, полностью бессодержательные знаки. Различия в объеме содержания, соответственно, абстрактность и различия в выборе выделяемых понятием аспектов, а также степень и способ разграничения вытекают из функций, которые реализуют понятия в высказываниях. Контекст соответствующих высказываний проясняет, смотря по ситуации, что в используемом слове должно быть осмыслено сразу, а что — нет. Сообразно с этим, применяемое понятие является конкретным или абстрактным.

2. Термин

Термин служит коммуникации субъектов друг с другом или коммуникации субъекта с самим собой. Его задача состоит лишь в том, чтобы разграничить подразумеваемое положение вещей и такое, с которым его можно было бы спутать, и зафиксировать это разграничение для дальнейшего хода мысли. Функция термина заключается в том, чтобы в мыслительном процессе устанавливать моменты, служащие взаимопониманию. В его задачу не входит введение по возможности большего количества содержания в высказывание. Напротив, он тогда успешнее выполняет свою функцию, когда включает в себя лишь столько содержательных элементов, сколько требуется для точного определения элементов высказывания. Чем больше содержательных моментов

включает термин, тем большая существует опасность, что он исказит содержание высказывания. Под признаками термина следует понимать критерии, то есть отличительные черты. Термин достигает своей цели, если пригодность критериев определяется их согласованностью.

Критерии, конституируемые термином, не должны выражать нечто «существенное». Так, к примеру, в разговоре со служащими университетской администрации достаточно было бы определить социологию следующим образом: социология — это деятельность, которую осуществляют штатные преподаватели в рамках курса социологии, а также студенты, зачисленные на специальность «социология».

Термины могут быть совсем несложными. Прежде чем начнется дискуссия о предмете, должно существовать согласие в терминах, насколько это возможно. Если применение их слишком сложно, то момент терминологического согласия легко может быть достигнут уже в обсуждении вопроса, которое потом неизбежно ведется с использованием несовершенной терминологии. Это, по меньшей мере, не лучший стиль научной дискуссии, а скорее — верный путь к разговорам, где никто не слушает друг друга. Конечно, в ходе дискуссии или длительной мыслительной работы может выясниться, что избранные термины неудачны, например, неточны. Тогда нужно пересматривать терминологию.

В приведенной выше дефиниции социологии участникам разговора было безразлично, какие теоретические подходы существуют в социологии, зато их интересовало, на какое количество людей нужно рассчитывать при распределении помещений и планировании рабочих мест. Это сфера их компетенции. Однако дефиниция была неполной, поскольку здесь отчасти не имелись в виду студенты—философы, политологи — отдельные из которых по окончании обучения могли стать социологами и вести занятия по курсу социологии.

Часто перед социологом стоит вопрос, должен ли он пользоваться привычным и понятным, но относящимся к другой предметной области термином, или он должен создавать новый термин и вводить его в употребление, так как он больше соответствует изучаемой области. Общего правила здесь нет. Часто этот вопрос встает особенно остро, когда речь идет о том, заимствовать ли термины из других дис-

циплин (например, из статистики или юриспруденции) или терминологизировать понятия общеупотребительного языка с помощью дефиниций.

Определение термина осуществляется через дефиницию. Иными словами, определение понятия в качестве термина происходит путем выделения самого главного значения внутри иерархической системы классификации и путем выявления тех отличительных признаков (критериев), которые позволяют разграничить данное понятие и другие находящиеся в этой же классификационной системе на том же уровне. На наш взгляд, целесообразно придерживаться традиционного определения дефиниции, поскольку известно, что предмет, подлежащий определению, может входить в разнообразные классификационные системы; это также значит, что дефиниции различного содержания не обязательно противоречат друг другу.

Дефиниция является четко оформленным высказыванием. Но она сообщает не о социальном феномене, а о содержании понятия, которое мы хотим составить о социальном феномене.

3. Статистические категории

Статистические категории по своей структуре не отличаются от терминов. Они точно так же определяются и выполняют функции терминов. Цель их состоит в сравнении различных количественных показателей и получении сведений относительно изменений количества, характеризующегося одинаковым содержанием (иначе говоря, пропорций разных по содержанию количеств в отношении друг к другу). Поэтому при выборе критериев решающее значение имеют методы сбора и математической обработки данных. Структурными методами, которые могут играть важную роль в чистой классификации, часто сознательно пренебрегают, потому что их нельзя освоить математически и они слишком усложняют статистику. Например, статистики определяют рабочего как «человека, работающего по найму и имеющего право на социальное страхование». Несомненно, что факт социального страхования является не очень важной характеристикой рабочих. Можно даже ожидать, что по этому

признаку к рабочим причислят лиц, которые, с социологической точки зрения, не могут считаться типичными рабочими (например, формально к ним приравниваются сезонные рабочие или рабочие, занятые не на полную ставку). Несмотря на это приведенная выше дефиниция, опирающаяся на данные, полученные вычислительной техникой, целесообразна. Более точная дефиниция была бы неудобна в практике.

Поэтому статистические категории, как правило, полностью идентичны социальным категориям, на которые они, собственно, опираются и которыми интересуются социологи. Не всегда, но часто статистик интересуется теми же проблемами, что и социолог. Социолог пользуется данными официальной статистики. Большинство статистических данных верно, но они нуждаются в интерпретации, если мы желаем получить верную картину.

4. Операциональные понятия

То же самое относится и к операциональным понятиям, которые выполняют инструментальные функции. Дефиниция позволяет четко отличать определяемый предмет от других предметов. Содержательные определения составлены, напротив, так, что высказывания, которые оформляются с помощью этих понятий, могут быть фальсифицированы эмпирическими методами. Только так возможна верификация. О верификации можно сказать, что если все на сегодняшний день имеющиеся гипотезы фальсифицированы, то представленный для опыта фальсификации тезис оказался обоснованным. Операционализировать — значит выдвигать такую гипотезу, которая имеет более истинные основания по отношению к оспариваемой ею гипотезе.

Например, социология религии могла бы интересоваться тем, насколько сильна сегодня связь людей с церковью, или религиозностью жителей России (и каковы различия при этом в отношении городского и сельского населения). «Религиозность» — если признавать за ней прежде всего глубоко коренящуюся религиозную настроенность — едва ли возможно постичь эмпирически. Путем опроса можно было

бы выяснить, регулярно ли посещают люди церковь (не только по случаю рождения ребенка, венчания и похорон), а также узнать, делают ли они это в силу условностей, или в угоду своему супругу (супруге), или по другой причине. Кроме того, можно было бы еще проверить некоторые элементарные познания в вопросах веры. Итак, «религиозность» можно операционально определить следующим образом: «регулярное посещение церковных служб, мотивированное личными побуждениями религиозного характера, а также элементарное знание соответствующего конфессии понимания смысла причастия и содержания вероисповедания».

Это операциональное определение не относится, конечно, к тому, что действительно понимается под религиозностью. Оно основано скорее на характеристике симптомов. Все-таки, если симптомы наблюдаются, по ним можно более подробно узнать о населении. Во всяком случае, они позволяют применять эмпирические методы.

В развитии операциональных понятий всегда присутствуют издержки. В данном случае следует принять в расчет, что часть опрошенных, которые действительно безразличны к религии, попали в категорию «религиозных людей». «Операционализировать» всегда означает также исключение важного фактического материала, если он не может быть обработан эмпирическими методами.

5. Модели и модельные понятия

Под моделью можно понимать упрощенное и модифицированное изображение фактического или предвосхищаемого положения дел, которое должно дать возможность понять структуру данного явления. *Модель* — это не само явление, а также не его полная «инвентаризация» в нашем сознании (например, в форме полного описания, или фотографически точного отображения, или анализа). Упрощение и модификация (с помощью уменьшения, акцентуации важных структурных признаков, применения другого материала, опускания несущественного или само собой разумеющегося, трансформации в символы или, если подразумеваемое явление уже изображается в символах, трансформации в другие

символы, которые использовались бы в полном описании) служат лучшему пониманию, передаче и восприятию информации о предметах, которые сложно или вовсе невозможно было бы охватить, выделить и представить в их тотальности. В отдельных случаях трудно решить, оправдано ли здесь слово «модель». Ведь подробное описание комплексного явления в действительности всегда уже структурировано, упрощено и модифицировано. Модельный характер изображения нужно рассматривать относительно другого изображения, которое скопировало предмет более точно, детально, полно, менее символично, в некоторой степени «раболепно», и именно поэтому оно менее удобно в обращении. Модели являются средством исследования фактов прошлого, настоящего и будущего, а также средством распространения и разъяснения планов. Но они не воплощают окончательных сведений о действительности или готовых планов.

Слово «модель» в последнее время слишком часто использовалось социальными науками, и по этой причине его значение оказалось размытым. А поскольку и слово «понятие» не всегда применяется точно, слишком быстро стало возможным говорить о «модельных понятиях». Но это необходимо лишь тогда, когда понятие фактически обладает характером и функциями модели, как, например, при составлении архитектурного проекта дома или группы домов: понятие модели отражает не все обстоятельства дела, но сознательно выделяет и акцентирует определенные характеристики. Но оно не ограничивается несколькими отличительными признаками. Модельные понятия, обозначающие построения, отмечают их структуру, то есть то, что способствует их представлению в виде системы. Все, что в этом отношении несущественно или создает затруднения, опускается. Однако, так как действительность меняется и нередко обнаруживает «смешанные формы» на основе различных структурных принципов, нельзя понимать модельные понятия буквально. Они способствуют стилизации действительности как более единообразной и стабильной, чем она есть. Конечно, можно создавать модельные понятия, которые поясняют типичные процессы преобразований (например, процессы индустриализации, экономические кризисы, револю-

ционные события). Эти понятия также содержат элементы упрощения и схематизации. Они легко внушают мысль о господствующих закономерностях развития, в то время как на самом деле их можно рассматривать как тенденции или возможности.

Еще раз следует отметить, что модельные понятия только тогда являются понятиями в строгом смысле слова, когда они входят в высказывание в качестве его элементов и выполняют соответствующие функции. Теории или гипотезы могут выступать в форме модели, но они еще не являются понятиями как таковыми. Будучи сведенными к краткой формуле, они могут вместе с другими частями высказывания стать его элементами. (В предложении «Промышленный капитализм развивается в России во второй половине XIX в.» понятие «промышленный капитализм» в контексте этого предложения могло бы носить характер модельного понятия, потому что оно отличается упрощенным и стилизованным представлением о промышленном капитализме.)

Ввиду чрезмерной употребительности слова «модель» возникает вопрос, а не лучше ли в большинстве случаев избегать его. Часто оказывается вполне достаточно таких терминов, как «структурные понятия» или «тип».

Далее речь пойдет о понятии «идеального типа», которое имеет выраженный модельный характер.

6. Понятие «идеального типа»

Понятие «идеального типа» было введено в социологию М. Вебером в качестве инструмента, направленного на структуру социальных феноменов. Поэтому оно содержательно богаче, чем простой термин, и является модельным понятием. Оно не пытается полностью и «правильно» отразить реальные структуры, а сознательно их упрощает и модифицирует, то есть в существенных моментах отклоняется от рассматриваемой действительности.

Итак, это не какой-то выдвигной ящик, в который полностью входит все содержимое, иначе говоря, то, что обозначено данным понятием. Образно говоря, из этого ящичка

всегда свешивается «краешек действительности». Конечно, можно было бы создать понятия, в которые предполагаемая действительность укладывалась бы вся без остатка. Но тогда «выдвижные ящички» оказались бы слишком большими, то есть понятия стали бы очень общими и малосодержательными. Насколько всеобщими или конкретными, соответственно, малосодержательными или содержательными, а также узкими или широкими являются понятия, зависит от цели, которая перед ними поставлена. Если речь идет о понимании того, что ты хочешь сказать, из ящика стола не должно выглядывать ни одного сантиметра. Если понятие служит руководством на пути познания чрезвычайно сложной и труднообозримой действительности, оно должно быть узким и конкретным: образно говоря, брюки должны быть сшиты впору. А если уж шов расходится, не беда — в данном случае это повод к новому открытию.

Понятия в науке не являются выражением фактической реальности, они не произрастают, как цветы, из почвы действительности, а создаются людьми, чтобы с их помощью познавать ее и сообщаться с ней. Понятия живого разговорного языка — продукты человеческого сознания, только мы не знаем, кто их создал.

Понятие идеального типа — это в каждом отдельном случае сознательно построенная мыслительная конструкция, которая и считается идеалом. Речь здесь идет не об идеалах, к которым стремятся люди, или об идеале, который представляется исследователю. Нужно только сказать, что имеется в виду не так называемый реальный образ, который хотя и упрощенно отражает действительность, но ориентирован на нее так же, как эскиз, который готовит художник-реалист, прежде чем приняться за картину.

Понятие идеального типа создается, когда исследователь в соответствии со всеми представлениями о том, что считается важным для культуры и общества, выхватывает из многообразия явлений отдельные явления и связывает их в единый мыслительный образ. Понятная связь и единый мыслительный образ базируются на представлении, что то, что доступно пониманию, направлено на осуществление целей. Рациональные действия субъектов, ведущие к причинно обусловленным, взаимосвязанным последствиям, могут быть

потом восприняты как типичные социальные структурные образы (например, как институциональные или когерентные¹ процессы). Конечно, не стоит ожидать, что сконструированные единые мыслительные образы, предполагающие рациональное социальное поведение индивидов и рациональные социальные структуры, в действительности имеют точные соответствия. И это потому, что поведение очень часто бывает иррациональным и социальная действительность состоит не из полностью реализованных целей. Однако понятия идеального типа по причине своей внутренней ясности должны, как считал М. Вебер, учить правильным суждениям, указывать направление выдвижения гипотез. И хотя оно не полностью отражает действительность, но задает направление познанию.

Без сомнения, понятие идеального типа имеет свои негативные стороны. Оно не направлено на иррациональное поведение, которому придается большое значение в жизни общества. Метод применения понятия идеального типа не способствует систематическому изложению иррациональных феноменов. Они отходят в некоторой степени на второй план.

Понятие идеального типа особенно удобно использовать во всех случаях, где поведение людей в высшей степени рационально и согласовано относительно общей поставленной цели. Тогда очень велика вероятность, что осмысленные действия служат реализации той цели, которая намечена. При условии понимания действий людей возможно объяснение причин социальных событий.

Но не существует такого общественного события, которое фактически разрешается так, как это предусматривает конструкция идеального типа. Правда, социальные структуры и процессы в большей степени соответствуют конструкции идеального типа, построенной по принципу целесообразности и рациональности. Примером может быть полностью рационализированное современное промышленное предприятие. Противоположным примером, который охотно приводил М. Вебер, в экономической сфере общества, воплощающей принцип рациональности, является «биржевая паника».

¹ Когерентный, т. е. согласованный, связанный

Понятие идеального типа, как и все типические понятия, отличается относительной универсальностью. Оно конкретнее по своим тенденциям, чем термины и так называемые аналитические понятия, но более абстрактно, чем «имена», которые представляют исключительность и индивидуальность определенного типа исторического феномена. Понятие идеального типа должно быть всеобщим в такой мере, чтобы служить сравнению различных исторических событий, хотя и не настолько, чтобы выступать в качестве «высшего понятия», которое охватывает явления без остатка, между тем как оно представляет некую сетку, на которую может быть спроецирована социальная действительность. С другой стороны, понятие идеального типа не настолько всеобщее, чтобы оно могло быть применимо к любому историческому периоду и к любой общественной системе. (Понятие такого идеального типа, как церковь, даже если оно носит настолько всеобщий характер, что подходит к нехристианским религиозным общинам, например, к исламским, предполагает в каждом случае организационную градацию общества и такой тип религии, который отсутствует в так называемых первобытных обществах.)

Понятие идеального типа вызывает к себе интерес тогда, когда ставится вопрос о том, существуют ли структурные соответствия прежде наблюдавшемуся лишь на одной исторической территории феномену в других культурах или общественных системах. (Например, вопрос «Был ли в Японии феодализм?» может быть осмыслен вместе с таким понятием идеального типа, ориентированного на европейское средневековье, как феодализм, но которое, с другой стороны, не является настолько всеобщим и универсальным, что под него подпадает любое доиндустриальное, многоуровневое и патриархальное общественное устройство.)

7. Аналитические понятия

Аналитические понятия являются в социологии настолько всеобщими и малосодержательными, что во всех типах общества встречаются феномены, которые им соответствуют. Например, в каждом обществе есть нормы, роли, санк-

ции, интеракции. В то же время было бы несправедливым считать аналитическими понятия слоя, класса, власти. Возможно, что существуют общества без власти, расслоения и классовой структуры. С другой стороны, эти последние понятия имеют столь общее значение, что по сравнению с идеальными типами они «неисторичны». Решающую роль играет способ их применения. Понятие идеального типа применяется таким образом, что его можно проецировать на явления действительности.

Аналитические понятия не предназначены для этого метода использования. Понятие нормы не проецируется на действительность так, чтобы уверенно сказать: «Да, нормы существуют». Это высказывание было бы тривиально. Также, за исключением некоторых случаев, тривиальным был бы ответ: «Да, власть существует» (например, ее нет там, где речь идет о так называемых «сегментарных обществах»).

Аналитические понятия служат, во-первых, в качестве схем, упорядочивающих эмпирические данные и вопросы типа «Какие нормы здесь имеют силу?» Далее, они используются для мысленной связи различных по содержанию феноменов с точки зрения их структуры. Кроме того, аналитическое понятие позволяет (вместе с другими аналитическими понятиями) отражать общие законы социального поведения людей, например, осуществлять содержательные высказывания об особенностях человеческого сообщества в сравнении с животными. (Высказывание: «Так называемые "роли" в животном сообществе основываются не на символически опосредованных нормах, как это наблюдается в человеческом обществе» предполагает, что аналитические понятия «социальная роль» и «норма» имеют определенное значение. Содержание этого высказывания, правда, носит антропологический, а не собственно социологический характер.)

Итак, аналитические понятия в социологии не настолько формальны и абстрактны, как понятия в философской теории познания, которые лишь выявляют возможности мышления о предмете «вообще». Содержательные моменты отдельных аналитических понятий базируются на всеобщих фундаментальных гипотезах о возможном социальном по-

ведении и социальных отношениях между людьми и не служат непосредственному объяснению определенных общественных явлений. Косвенно, в качестве «инструмента сортировки» типических понятий и как переменные величины для данных, они имеют большое значение. Попытки объединить различные аналитические понятия в аналитическую систему обладают серьезной теоретической значимостью.

В социологии есть такие фундаментальные теории, которые выводят общую структуру общества из господствующих в нем норм. Другие ставят в центр понятие «интереса» или «группы». Такой образ действий часто оказывается односторонним и вызывает сомнения. Нужно постоянно размышлять, в какой связи по отношению друг к другу находятся разнообразные аналитические понятия. (Например, насколько понятие «социальной роли» является предпосылкой понятия «нормы».) Все-таки не стоит начинать построение понятийного здания с конструкции, в которой отдельные понятия раз и навсегда размещены в следующих друг за другом этажах.

ТЕМА 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ В XIX ВЕКЕ

1. Социально-исторические и теоретические предпосылки возникновения социологии.
2. Огюст Конт и возникновение социологии во Франции.
3. Социология Г. Спенсера.
4. Марксизм и социология.

1. Социально-исторические и теоретические предпосылки возникновения социологии

Возникновение социологии как отдельной науки предполагало появление понятия «общество» и разработку теории общества благодаря познанию естественных основ социального порядка. Можно даже сказать, что вообще социология как самостоятельная наука обязана своим возникновением изобретению понятия «общества», т. е. его разработке в теоретическом плане и в повсеместном словоупотреблении.

Социология возникла на основе идей Просвещения и как реакция на Французскую революцию. Таким образом, она является продуктом определенного времени и общества, однако впоследствии сама стала воздействовать на социальную действительность. Она была связана с духовными и политическими течениями своего времени, но социальное мышление не обязательно должно было выражаться только в социологии. Это подтверждает целый ряд мыслителей, ученых, реформаторов общества, которые интенсивно занимались социальными вопросами, но ни в коей мере не считали себя социологами. Здесь следует упомянуть лишь двоих из них: Алексиса Токвиля, современника и соотечественника

Огюста Конта, произведения которого «Демократия в Америке» и «Старое государство и революция» представляют интерес и сегодня, в то время как произведения Конта по сравнению с ними выглядят несколько архаично, и Карла Маркса, исторический материализм которого стал величайшим вызовом для социологии.

В XIX в. со словом «социология» связывали совершенно определенное интеллектуальное обоснование, которое, однако, не являлось единственным способом постановки вопроса о социальном порядке и его развитии. Сам вопрос «Как возможен социальный порядок?» представляет собой не начало, а итог развития размышлений о социальном.

Социология — это определенный ответ на вопрос о социальном порядке, который направил в одно русло последующий анализ, но не был единственно возможным. После появления этой специфической новой науки существовали и другие подходы к социальным проблемам, которые не считали себя «социологией». В настоящее время объем того, что охватывает социология, значительно вырос и включает многие до сих пор альтернативные подходы, которые обозначаются как направления или парадигмы.

Становление социологии как самостоятельной науки происходило на фоне длительного развития, последствия которого оказывают влияние и сегодня. Это развитие было обусловлено четырьмя предпосылками:

1) идеей естественного общественного порядка, который обладает собственной рациональностью и поэтому не может быть подчинен государству как политически-институциональному порядку, а противостоит ему и считается отдельным от него;

2) развитием рыночной экономики, носителем которой является не государство, а гражданское общество;

3) идеей историзма как основой интереса к смыслу и направленности исторического процесса;

4) разработкой современной концепции науки и научно-го прогресса.

2. Огюст Конт и возникновение социологии во Франции

Термин «социология» Огюст Конт впервые употребил в 1839 г. Было бы слишком тривиально увязывать развитие социологии с изобретением слова «социология». Мы и не преследуем такую цель, хотя начинаем «биографию» социологии с Конта. Разумеется, возникновение социологического мышления нельзя определить столь однозначно, и, возможно, это не имело бы смысла. Однако идея социологии как отдельной науки обязана своим возникновением целому ряду условий, сложившихся во Франции к началу XIX в.

Социология, как ее представлял Конт, есть дитя после-революционного времени во Франции и по этой причине имеет определенные черты. Специфическое понимание общества, свойственное французскому Просвещению и революционным идеалам, образует ее основу так же, как и изменение социальной структуры «старого режима» революцией, Наполеоном, реставрацией Бурбонов вплоть до середины прошлого века.

Социология Конта возникла в эпоху духовного и политического господства буржуазии. Она отражает подъем промышленности и наук и еще содержит надежду на разрешение социальных конфликтов с помощью разума.

Огюст Конт (1798—1857) происходил из мелкобуржуазной католической семьи. Большое влияние на формирование его взглядов оказала учеба в Политехнической школе. Принципы этой школы заключались в идее универсальности науки и в идеале энциклопедической системы всех наук, причем математика рассматривалась как ее основа. Контский проект энциклопедической системы наук отражает эти принципы.

Одно время Конт был секретарем Сен-Симона, а затем его сотрудником. Идеи Сен-Симона также оставили свой след в трудах Конта, хотя здесь нельзя говорить лишь об одностороннем влиянии. Они оба хотели видеть индустриальное общество будущего организованным на научной основе.

В последний период своей жизни под влиянием Клотильды де Во Конт стал придерживаться мистически-религиозной ориентации. Он хотел придать позитивизму статус своеобразной религии, в которой человечество заступает на место божества.

В своем главном произведении «Курс позитивной философии» (1842) Конт переформулировал приводимые уже Джованни Баттистой Вико и Тюрго три стадии истории познания, которые последовательно должен пройти человеческий дух. Философия истории Конта — это одновременно закон движения истории и познания. Этими стадиями являются:

- 1) теологическая, или фиктивная, стадия;
- 2) метафизическая, или абстрактная, стадия;
- 3) научная стадия.

Третья, последняя, стадия считается самым передовым состоянием познания. Как способ познания, теологическое, или фиктивное, мышление нацелено на понимание внутренней природы вещей, первопричин и конечных целей, т. е. на абсолютное познание божественного порядка. В форме метафизического мышления обращение к сверхъестественным силам заменяется силой абстракции. Место Бога занимает разум. Метафизическая стадия — это переходный процесс к научному, или позитивному, мышлению, которое направлено на познание законов с помощью разума и наблюдения. Следует стремиться не к абсолютному познанию, а к познанию отношений между отдельными явлениями и общими фактами (законами), число которых становится все меньше благодаря прогрессирующему позитивному исследованию. Впрочем, Конт считал, что сведение всех явлений к одному-единственному закону — это лишь надежда на будущее, но это, несомненно, идеал позитивной науки. Конт полагал, что, после того как человечество в основном пройдет две первые стадии, станет возможным перейти к концепции позитивной философии. Она должна сменить критическую философию XIX в. В то время как философия основывалась на отрицании и изменении существующего порядка вещей, задачей позитивной философии является его объяснение, которое затем может помочь в принятии решений.

Позитивная философия Конта является основой и условием его концепции превращения политики в науку и имеет явные социально-технологические черты. Науки — и здесь Конт выступает как наследник французского Просвещения — не являются самоцелью, они служат прогрессу человечества. Эта цель близка точке зрения, что все науки должны использовать единый метод, который является отражением способа бытия самой природы. Наука как понятие становится у Конта синонимом метода. Метод определяется заложенной в природе закономерностью и состоит в нащупывании этих закономерностей и объяснении действительности посредством законов, которые, со своей стороны, позволяют предвидеть и руководствоваться ими в своей деятельности. Итак, критерии «позитивности»: познание законов, предвидение, применение. Для Конта здесь не существует проблемы теории и практики, ибо «...наука ведет к предвидению, предвидение ведет к действию».

Позитивная наука — социология — должна в будущем обеспечить познание, которое облегчит политические действия, соответствующие развитию государства в направлении «позитивного состояния».

Таким образом, «позитивность» у Конта относится, с одной стороны, к познанию, а с другой — к социальному устройству. Позитивное состояние является не только средством, но и целью духовно-нравственного развития, достижения согласия в общественных отношениях с помощью «естественных законов».

В качестве инструмента познания позитивная наука нацелена на познание законов. Каждая более сложная наука строится на более общих (обобщающих) и потому может пользоваться их методами, но каждая более сложная наука добавляет свой специфический метод или способ рассмотрения проблем. В случае социологии это «исторический метод». Конт понимает под ним сравнение предшествующего и последующего состояний и выведение на этой основе законов развития.

Система наук и их методов у Конта:

Математика (абстрактные)	Логика
Конкретные (геометрия, механика)	Наблюдение
Астрономия	Наблюдение
Физика	Наблюдение + эксперимент
Химия	Наблюдение + эксперимент + + классификация
Биология	Наблюдение + эксперимент + + классификация + сравнение
Социология	Наблюдение + эксперимент + + классификация + сравнение + + исторический метод

Социология как наука о человеческом обществе является самой молодой отдельной наукой в составленной Контом энциклопедии наук. Ее следует развивать, чтобы с ее помощью не только объяснять закономерности общественного устройства и развития, но и поставить политику на научную основу для содействия прогрессу человека и общества.

Вместе с тем социология является самым сложным ответвлением в иерархии позитивных наук и потому должна опираться на все ранее развившиеся позитивные науки. Математика представляется Конту главной основополагающей наукой. Научкой, получившей самое раннее развитие, следует считать астрономию, за ней следует физика, затем химия и биология. Чтобы заниматься социологией, нужно усвоить все эти науки (за исключением психологии, которую Конт отвергает).

Обратимся теперь к содержательной концепции социологии Конта. Как он представляет себе предмет и основополагающую проблематику новой науки?

Конт не скрывает, что предмет его исследований — общество — неразрывно связан с послереволюционной ситуацией в социальных отношениях, в сфере порядка и прогресса. Это напряжение, которое тогдашняя общественность воспринимала как антагонизм и противоречие, Конт пытается преодолеть своей социологией и объединить оба полюса, порядок и прогресс. Прогресс без порядка — это анархия, порядок без прогресса превращается в реакцию. В позитивной политике порядок и прогресс — это две неразрывные стороны одного и того же принципа. Порядок и прогресс как два принципа, представляющие дилемму французского общества, являются, однако, не только различными перспективами предмета, но и представляют, как был уверен Конт, различную направленность интересов общественных группировок. Однако Конт надеется на то, что воплощение позитивной философии в политике снимет эти классовые противоречия между аристократией и буржуазией. Порядок и прогресс он воспринимает прежде всего не как принципы, отвечающие определенным интересам, а как два вида закономерностей «естественной» системы общества, представленные как две части социологии — социальная статика и социальная динамика.

Социальная статика имеет дело с порядком, который понимается как гармония элементов, основывающихся на отношениях общности. Семейные отношения и разделение труда — это основные отношения общественного порядка. Для социальной динамики Конт предполагает определенную последовательность этапов развития. Он опирается при этом на эволюционную теорию Ламарка и понимает развитие как вылет способностей благодаря культуре. Оценочное содержание понятия «прогресс» Конт отклоняет со ссылкой на относительность любого данного состояния. Развитие определяется соотношением между способностью к действию и его возможностью и общественными обстоятельствами.

Социальная динамика наряду с методами более общих наук использует исторический метод. В качестве законов развития общества Конт вновь приводит три стадии, на этот раз в качестве политико-социальных форм организации:

- 1) теологическая стадия: военное господство;
- 2) метафизическая стадия: феодальное господство;
- 3) позитивная стадия: промышленная цивилизация.

Эти стадии необходимо и закономерно следуют друг за другом; поэтому неравенство между общественными группами так же необходимо и закономерно связано с определенным уровнем развития. Развитие и состояние общества определяют не материальные изменения, а духовно-моральные условия и отношения между людьми.

В промышленной цивилизации Конт видит применение научно-позитивного образа мыслей, т. е. не индустриализация как технико-экономический процесс является эпохальным событием, которое вызывает изменения, а распространение научного образа мыслей и его применение во всех областях человеческой жизни. По этой причине он близко к сердцу принимал развитие позитивной науки социологии, особенно ее претворение в научно обоснованную политику. Последней он посвящает свое второе большое произведение «Система позитивной политики» (1850—1854).

Предметом исследования Конта является не реально-историческое общество Франции или вообще какое-либо реальное общество; этот предмет определяется как соотношение между политической системой и уровнем цивилизации. Собственно предметом рассмотрения является человеческое общество, просто человечество. Государство как каркас общества играет у Конта, в отличие от его немецкого современника Гегеля, подчиненную роль.

Над социологией Конта в качестве сверхпонятия можно поместить понятие «порядка» общества; при этом имеется в виду не только структурное понятие, но и политико-динамическое: это порядок, который следует «делать», формировать, планировать. Решающий импульс такой «формируемости» дал, очевидно, революционный опыт; однако прагматика планирования была связана с прогрессом науки. Наука должна была заменить авторитет королевского произвола и создать базу для основанного на разуме общественного порядка. Эта наука, так же как и в представлениях энциклопедистов, должна быть единой. Законы, управляющие природой, должны распространить свое действие на сферу человеческого общества. Общим для всех наук являет-

ся раскрытие законов. Социология Конта — позитивная наука, не ставшая при этом отраслью естествознания.

Огюст Конт может считаться основателем социологии, и не только потому, что он первый начал заниматься обществом и социальными процессами (социологические идеи имеют давнюю историю), но и потому, что своим проектом систематизации наук и включением в них социологии он заложил основы для произошедшего позднее академического закрепления социологии как отдельной науки.

3. Социология Г. Спенсера

Герберт Спенсер (1820—1903), английский социолог XIX в., был представителем либерального индивидуализма и отражал взгляды господствовавшей буржуазии. Напротив, его философское творчество не нашло в Великобритании большого отклика, что, возможно, было вызвано его сильной натуралистической ориентацией.

Спенсер в целях анализа приравнивает общество к организму. В таком организме, как общество, Спенсер обнаруживает выделившиеся подсистемы, которые, в свою очередь, подразделяются дальше: внутренняя система выполняет задачу сохранения организма путем приспособления к условиям «пропитания»; внешняя система выполняет функции регулирования и контроля между подсистемами и в отношении окружающей систему среды; промежуточная система ответственна за распределение, транспортировку и коммуникацию. Тем самым здесь уже обозначены основные элементы более позднего функционализма у Спенсера: системный характер общества как совокупности действий, которую невозможно свести к отдельным действиям индивидов, и концепция структуры системы, которая образуется благодаря дифференциации и стабилизируется через интеграцию.

По степени интеграции Спенсер различает простые, сложные, вдвойне сложные общества; по сравнительному значению подсистем он располагает общества как типы развития между двумя полюсами:

- 1) военные общества и
- 2) индустриальные общества.

Военные общества имеют единые системы веры, а кооперация между индивидами происходит посредством насилия и принуждения: индивиды существуют для государства. Индустриальные общества, где доминирует экономическая система, характеризуются демократическими принципами, многообразием систем веры и добровольной кооперацией индивидов. Государство существует для блага индивидов. Спенсер усматривает принципиальный путь развития от военных к индустриальным обществам, причем прототипом индустриально-демократических обществ считает, безусловно, Англию. Впрочем, формы развития по мере продвижения эволюции все больше умножаются, становится возможным существование многих разновидностей индустриальных обществ. Спенсер не исключает также возврата к военным формам и даже усматривает его в социалистических идеях, которые в то время получали все большее распространение. Спенсер отвергает не только их, но и все формы парламентаризма и вмешательства государства как «тиранию организации» и преимущественное право государства перед индивидом.

4. Марксизм и социология

Теория Карла Маркса имеет двойственное отношение к социологии: сам Маркс всегда с иронией говорил о «социологах»; он был не слишком высокого мнения о социологии типа контовской, для него она являлась типичным выражением буржуазных интересов и буржуазного сознания. Но все же и его мышление, и социология были бы невозможны без идей Просвещения. В этом смысле и о социологии, и о марксизме можно говорить как о наследниках Просвещения.

Карла Маркса здесь не следует воспринимать как социолога. Он наверняка никогда не считал сам себя социологом. Марксизм весьма решительно противопоставил себя «буржуазной» социологии.

Однако презрение, с которым Маркс относился к социологии, разделяли далеко не все последователи его учения. На I Международном конгрессе по социологии в 1894 г. выступили с докладами несколько представителей марксизма.

После распада II Интернационала (1889—1914), который был «золотым веком» марксизма, стали раздаваться призывы связывать марксизм с социологией, это были голоса тех, кого в первую очередь интересовали анализ и объяснение современного общества и кто считал марксизм пригодным для этого инструментом. Два события решающим образом изменили общественную реальность и тем самым ее отражение в марксизме: русская революция и установление советского режима, с одной стороны, а с другой — «крах» европейского, прежде всего германского, рабочего класса, не сумевшего изменить общественное устройство после Первой мировой войны. Вместо этого произошла интеграция рабочего класса в капиталистическое общество и его политическое включение в демократическую структуру.

Уже в конце XIX в. высказывалась точка зрения, что сам исторический материализм следует рассматривать в зависимости от определенных общественно-исторических условий. Наибольшую известность получили «ревизионистские» теории Эдуарда Бернштейна о предпосылках социализма. Однако многие другие марксисты продолжали заниматься выяснением отношений между марксистским учением и новыми общественными условиями. Эта рефлексивная фаза привела к отказу от возможности революции в пользу эволюционного развития и переосмыслению анализа. Теперь полезным представлялся анализ общества. Многие марксисты определяли теперь сам исторический материализм как социологию, впрочем, подчеркивая отличие от «буржуазной» социологии Конта, Спенсера и их эпигонов (Николай Бухарин, Макс Адлер, Карл Корш). Карл Корш считал марксизм подлинной общественной наукой современности. Он упрекал «буржуазную» социологию в том, что она рассматривает социальное как автономную сферу, тогда как марксистская социология, напротив, в анализе общества исходит из примата экономической структуры, подчеркивает историчность в интерпретации социальных феноменов, занимается эмпирическим изучением в историко-экономическом контексте и позволяет увидеть революционные изменения и изломы развития. Корш рассматривал исторический материализм как критическую науку об обществе, которая про-

должает традиции не Конта—Спенсера, а критической философии и политической экономии Франции и Великобритании XVIII в.

С книги Д. Лукача «История и классовое сознание» (1923) начинается развитие «западного марксизма», а именно — внедрение в марксистскую теорию идеалистических элементов. В дальнейшем реидеализация исторического материализма встречается у целого ряда авторов-марксистов. Для Грамши марксизм — философское мировоззрение, для Хоркхеймера он становится критической теорией, напоминающей возврат к младогегельянству.

В идейном развитии марксизма выделяются два противоположных духовных направления, которые начали выкристаллизовываться уже у Маркса и Энгельса: позитивистски-натуралистическая тенденция XIX в. во Франции и Англии и гегельянство в Германии. Национал-социализм и вторая мировая война воспрепятствовали дальнейшему развитию марксистской науки об обществе. Бурный подъем испытала лишь критическая теория, которая стала исходной базой для многообразного развития критических общественных теорий с 60-х годов.

ТЕМА 4.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

1. Социология Э. Дюркгейма.
2. Социология В. Парето и Л. Гумпловича.
3. Социология Г. Зиммеля.
4. Социология М. Вебера.

1. Социология Э. Дюркгейма

Эмиль Дюркгейм (1858—1917). Его восприятие общества как морального порядка, а социологии — как науки о морали — вполне соответствует взглядам Конта.

Общество для Дюркгейма — это прежде всего совокупность идей, убеждений и чувств, среди которых то, что он именуется моралью, занимает первое место. Мораль ориентирована на общество, а общество является целью любого морального действия. Общество становится своего рода персоней, которой соответствует определенная мораль. «Мораль (однако) ... начинается там, где начинается связь с обычной группой». И «всякая мораль представляется нам системой правил поведения». То, что, по мнению Дюркгейма, связывает нас с ближним в плане морали, это не его эмпирическая индивидуальность, а высшая цель, которой он служит и есть общество.

Как и Конт, Дюркгейм дистанцируется от психологии, по крайней мере, от той психологии, которая, с одной стороны, имеет чисто индивидуалистический характер, а с другой стороны, считает дух функцией нервных клеток. Дюркгейм, напротив, придерживается мнения, что духовная жизнь основывается на коллективных представлениях, которые превосходят наше индивидуальное сознание, причем сами они могут и не осознаваться индивидом. Дюркгейм предвосхищает здесь понятие «коллективного бессознательного».

Впрочем, Дюркгейм не развивает эту мысль, а удовлетворяется выводом, что представления будто бы имеют собственную жизнь и продолжают существовать независимо от нервно-физиологических условий индивидуального сознания. Однако представления отделяются также от конкретных отношений между индивидами. На основании ассоциации (В. Джемс) индивидуальных мыслей происходит объединение в представления, которые затем существуют самостоятельно и благодаря синтезу превращаются в «нечто иное». Они приобретают обязательный характер, становятся моралью, их обязательность Дюркгейм считает доказательством того, что этот род мышления и действия есть дело не отдельного человека, а некой вышестоящей инстанции, как бы она ни называлась: бог, разум, человечество или общество.

Общество и мораль «наличествуют» в индивидуальном сознании, однако выходят за его рамки. Моральные правила отличаются от других правил поведения, поскольку их последствия не содержатся в них самих, а лишь при их несоблюдении применяются санкции «извне» за нарушение обязанностей. Таким образом, хотя мораль уже заложена в индивидуальном сознании, она в то же время воспринимается индивидом как нечто внешнее, как авторитет, как принуждение.

Каждое общество имеет систему морали, соответствующую его структуре. Обнаружить и продемонстрировать ее — это задача «науки морали». При этом она должна использовать окольные пути, ибо то, какова мораль в определенном обществе, лучше всего становится очевидным на примере такого поведения, которое отклоняется от нее и потому вызывает применение социальных санкций. Представление о том, как Дюркгейм понимал связь между общественными структурами и соответствующими им системами оценок, дает его раннее произведение «О разделении общественно-го труда» (1893).

В качестве связующего звена между обществом и ценностными представлениями Дюркгейм вводит понятие «солидарность» (которое, впрочем, уже встречалось у Конта) — как взаимодействие индивидуальных сознаний. Это взаимодействие создает систему общих ценностей и чувств — «кол-

лективное сознание», которое несводимо к отдельным индивидам. Его содержание — коллективные представления — воспринимаются индивидом как обстоятельства, которые оказывают на него давление извне. В этом смысле они являются «социальными фактами» и обладают своего рода реальностью, другими словами, Дюркгейм признает за ними их собственную подлинность бытия. Социальные факты настолько же реальны, как и действия отдельных индивидов.

Коллективное сознание и возникающая как его следствие солидарность отдельных людей являются связующим средством, без которого не существует общественного порядка. Однако его форма и действие определяются структурой общества. В просто структурированных, сегментарных обществах индивиды весьма похожи друг на друга и по своим представлениям, и по своей жизненной ситуации, и именно на этом сходстве основывается их солидарность; она является той «механикой», той действующей силой, которая поддерживает общественный порядок. Дюркгейм именует ее механической солидарностью.

В отличие от этого специализация в обществах с развитой системой разделения труда обуславливает различия в образе жизни и сознании, которые, однако, не оказывают разрушительного воздействия, поскольку люди зависят друг от друга именно в силу своей различности. Как в организме с его различными функциями органов, так и в этих социумах общественное устройство основывается на разделении труда и кооперации, на функциональных связях. Дюркгейм именует его поэтому органической солидарностью. Оба типа наличествуют в конкретных обществах в смешанном виде; однако в современных обществах преобладают органически солидарные элементы, а в примитивных, архаичных и традиционных обществах — механически солидарные элементы.

Дюркгейм, наряду со Спенсером, может считаться первым социологом, который рассматривал общество, особенно современное общество с его развитой системой разделения труда, как функциональную связь. Хотя он и наблюдал социальные конфликты своего времени, но считал их патологиями, отклонениями, а не структурными детерминантами этих обществ. Устройство общества являлось перспекти-

вой, к которой было обращено мышление Дюркгейма. Подчеркнуто функциональное устройство, которое начинало вырисовываться в современных ему обществах, он поэтому не считал негативным явлением, а рассматривал как возможность перехода к органически составному общественному устройству, которое будет в состоянии устранять временные неполадки, вызванные классовыми конфликтами, социальными проблемами и т. п.

В вышедшем в 1895 г. труде «Метод социологии» он объявил овеществление социальных фактов основным требованием объективного научного рассмотрения. Социальные факты следует рассматривать как вещи, которые, подобно вещам в природе, могут быть поняты объективно и эмпирически, т. е. исключив личные оценочные суждения «извне»: ценности, мораль для социолога Дюркгейма являются в первую очередь социальными фактами, а предметы, объекты изучения науки не являются целью или идеалом. Коллективное социальное поведение становится социальным фактом тогда, когда оно приобретает обязательный характер, т. е. когда его нарушение влечет за собой негативные санкции.

Задачей социологии, согласно Дюркгейму, является установление нормального через выявление девиантного поведения, влекущего за собой санкции. Лишь девиантное указывает на то, что всеми считается нормальным. То, что подобная социология узаконивает всеобщую данность и общественное принуждение, Дюркгейм считал положительным моментом, ибо социология должна быть полезной для общества. Как и Конта, хотя и в меньшей степени, чем Спенсера, Дюркгейма интересует общество и его законы, которые сами себя генерируют и сами себя поддерживают.

Впрочем, он выделял различные типы общества. Некий социальный факт «нормален» всегда лишь относительно определенного социального типа на определенной фазе его развития. Определение различных типов является задачей так называемой «социальной морфологии», которая стоит у истоков любого социологического анализа. Ведущим принципом классификации обществ на различные типы является ориентация на степень организации, т. е. на степень социальной дифференциации от просто структурированных

обществ, которые состоят лишь из одного сегмента, до сложно дифференцированных обществ.

С помощью сравнительного метода Дюркгейм пытался проанализировать отражение определенных социальных фактов на всех социальных типах, которые находятся на одинаковой стадии развития. Согласно Дюркгейму, социологическое объяснение складывается из анализа фактов и функций, причем причинами всегда являются социальные факты, а не индивидуальные явления. Если бы за исходный пункт принимались индивидуальные явления, то социологии неизбежно угрожала бы опасность стать просто довеском психологии личности. Таким образом, социальные факты являются причинными факторами, нахождение которых позволяет объяснить определенные обстоятельства воздействием этих причин. Однако в то же время социальные факты всегда функциональны, т. е. полезны для коллектива, для целого, для общества, пока они носят принудительный характер. Их функциональность относится к целому и потому независима от их вклада в определенные ясные и специфические политические, экономические или религиозные цели.

То, как он представляет себе подобный социологический анализ, Дюркгейм продемонстрировал в 1897 г. на примере своей работы «Самоубийство». Она стала образцом обоснования социологии как эмпирической науки.

Вначале на основании статистических данных о самоубийстве Дюркгейм показывает, что не существует однозначной связи между такими индивидуальными состояниями, как душевное заболевание, алкоголизм и т. п., и попыткой самоубийства; расовые и наследственные факторы, так же как климатические условия, не обязательно связаны с самоубийством. Затем Дюркгейм анализирует возможные социальные причины — вероисповедание, семейное положение и обстановку в семье, политические обстоятельства. При этом он обнаружил обратное соотношение между самоубийством и степенью интеграции индивида в религиозное сообщество, семью и государство. Ослабление социальных связей, индивидуальная изоляция, согласно Дюркгейму, являются типичной социальной причиной самоубийства в современном обществе («эгоистическое самоубийство»).

По противоположным причинам, из-за исключительно сильных социальных связей, самоубийство происходит в других формах общества, поскольку индивидуальное существование ценится низко («альтруистическое самоубийство»). Не имеет большого значения для современного общества упомянутое Дюркгеймом лишь в шутку «фаталистическое самоубийство», которое обусловлено слишком сильной социальной регламентацией и контролем. Напротив, большое значение приобретает «аномическое самоубийство», социальной причиной которого Дюркгейм считает аномию в обществе. Аномия вызывает ослабление социальных рамок и принуждения, недостаток общественного регулирования и контроля.

Своим исследованием о самоубийстве Дюркгейм хотел доказать, что существуют такие социальные обстоятельства, которые могут считаться социальными причинами самоубийства, поскольку они подталкивают индивида к этому решению, обусловленному индивидуальными проблемами или ситуацией.

В своем последнем крупном произведении «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) Дюркгейм высказал мнение, что анализ простейших и примитивнейших социальных типов может дать представление об основополагающих признаках более сложных обществ. На основании исследований тотемизма у австралийских племен Дюркгейм пытался сделать общие выводы о связи между структурой общества и религией. Он старался доказать, что религия является творением общества и потому каждый тип общества развивает свою собственную форму религии. Поэтому в религии и через нее люди почитают свое собственное общество. Так, члены австралийских племен почитают тотем как выражение и символ клановой общности.

Именно то, что религия является формой мышления и познания общества, обусловило значение, которое эта работа имела для обоснования специфического характера социологии знания. Познание и логика рассматриваются как явления, обусловленные обществом, поэтому они относительны и действительны только для того типа общества, которому они соответствуют, каждый же социальный тип на опреде-

ленной фазе своей эволюции вновь порождает свои формы познания.

Социология Дюркгейма содержит целый ряд основных задач и перспектив, которые и сегодня все еще характерны для большей части современной социологии.

1. Относительно метода:

а) Дюркгейм обосновал социологию как эмпирическую и законодательную науку; научность социологии обусловлена ее методом, о чем свидетельствует то значение, которое Дюркгейм придавал «вещественному» характеру социальных фактов;

б) научная объективность не склоняется перед ценностями и моралью, что неизбежно приводит к методическому релятивизму ценностей.

2. Относительно предмета: социальные факты рассматриваются как продукты общей связи общества, а не как признаки индивидов или групп.

а) Это наблюдение мотивировано познавательным интересом к общественному устройству. Вопрос «Что такое общественное устройство? Как оно учреждается?» может считаться центральной темой социологии Дюркгейма. Основными проблемами этой социологии являются интеграция и организация общества как целого.

б) Дюркгейм вводит категорию функции и понимает под функцией полезность некоего социального факта для сохранения порядка целого, независимо от целей индивидов или групп.

в) Ориентация на порядок порождает базисную оппозицию «структура/отклонение» как пояснительной модели.

Отношение Дюркгейма к действительности как к своего рода социальным фактам и отказ от индивидуальных фактов как основы познания часто критически именовались «социологизмом». Однако следует учесть, что социальная обусловленность мышления и действия в то время отнюдь не считались чем-то само собой разумеющимся. Дюркгейм хотел придать социологии статус самостоятельной науки со своим специфическим объектом, социальными фактами и своим специфическим методом (сравнительным эмпирическим методом). Поэтому социология Дюркгейма отмечает

также интерес и признание науки об обществе как академической дисциплины. «Дисциплина лишь тогда заслуживает наименования науки, когда у нее есть своя отграниченная область исследования. Ибо наука занимается одним предметом, одной реальностью».

Для Дюркгейма речь шла в первую очередь об обосновании и разграничении социологии как науки. Этот интерес в эпоху Дюркгейма обнаруживается почти у всех, кто называет себя «социологами». Но никто из них столь глубоко и систематически не занимался задачей установления предмета и метода социологии.

2. Социология В. Парето и А. Гумпловича

Вильфредо Парето (1848—1923) в 1902 г. опубликовал работу «Социальные системы», в 1916 г. — «Trattato di sociologia generale», в 1920 г. — «Fatti e teorie», а в 1921 г. — «Trasformazione della democrazia». Его социология стояла на службе политэкономии, а проблемы общей социологии вообще являлись для него следствием экономической теории. Но эта экономическая теория носила своеобразный характер: наука о логических экономических действиях и их связях, выраженная системой математических уравнений.

Политическая экономия подобного рода не могла объяснить действительность, а лишь конструировала модель крипто-нормативных рациональных экономических действий. Но большая часть действий человека является иррациональной, нелогичной даже в области экономики. Социология как логическое понимание нелогичных действий должна была дополнить экономическую теорию и превратить политическую экономию в эмпирическую науку. Однако эта социология должна быть логически-экспериментальной наукой, ибо нелогичные действия она должна понять логически.

Логическими действиями Парето считал такие, при которых субъективное соотношение цели и средства совпадает с объективной данностью, установленной логически и экспериментально. При нелогических действиях отсутствует согласование субъективной и объективной реальности. Оно отсутствует, потому что между ними вклиниваются чувства,

мировоззрение, вера и т. п. Парето называет это «осадком». Однако люди неохотно признают, что действуют иррационально, а часто они этого просто не понимают. Поэтому они придумывают рациональные объяснения, словесные оправдания своих действий, которые должны придать им логичный вид. Их Парето назвал «производными» («деривациями»).

Осадки, деривации и их отношение к поведению людей представляют собой основные факты и объект изучения социологии. За этим скрывается точка зрения, что не идеи руководят действиями — они лишь иллюзии, — а чувства, и что в случае так называемых «идей» речь очень часто идет о деривациях, которые служат определенной цели, например, тому, чтобы убедить народ в необходимости, пользе существующего порядка (старая элита) или перемен (новая элита).

Элиты являются подлинными инициаторами дериваций, особенно господствующие элиты, но также и те, которые хотят отнять у них власть. Однако элиты олицетворяют также основополагающие «осадки», особенно «осадки» комбинации, стойкости, соединения. Их можно охарактеризовать как различные типы людей: люди типа «осадков» комбинации являются прогрессивными, хитрыми и не слишком подвержены угрызениям совести. Они избегают явных конфликтов и скорее прибегнут к хитрости, обману, подкупу. Они — «лисы». Им противостоят «львы», которые хотят придерживаться привычного, но не боятся конфликта и силы. Такая типизация в области политики имеет свое соответствие в «спекулянтах», а в области экономики — в «рантье».

Общество Парето — это система уравнений, служащая для того, чтобы найти оптимум, т. е. то состояние равновесия, при котором ни один индивид не сможет получить больше благ, не причинив одновременно вреда другим. В этом смысле Парето говорил о «социальной системе», а его теория общества должна быть, собственно говоря, крипто-нормативной теорией, подобно экономической теории. Вопрос Дюркгейма «Как возможен порядок?» прозвучал бы у него иначе: «Как можно управлять обществом?».

Элементами социальной системы являются осадки, интересы, деривации, социальная неоднородность и циркуляция социальных классов. В этой связи Парето говорил о «со-

циальной физиологии», задачей которой является прежде всего установление распределения богатства и власти в обществе.

Социальная система находится в постоянном движении, поскольку трансформируются элиты: старые элиты приходят в упадок, новые возникают. Он называл это «циркуляцией элит» и считал, что общество — это «кладбище элит». Парето утверждал, что буржуазии, которая некогда вышла из недр Французской революции как новая «аристократия» (= элита), грозит гибель. Революции для Парето — также лишь циркуляция элит; господствующему классу противостоит не народ, а новая элита, которая опирается на народ, но все больше отходит от него по мере приближения к власти.

Однако эти фактические условия и движения перекрываются деривациями, которые, в зависимости от обстоятельств, интерпретируют ситуацию иначе. Народ придерживается определенных жизненных правил с квазирелигиозным упорством, старая элита считает себя стражем порядка и благополучия народа, а новая элита утверждает, что борется за народ, и даже часто сама в это верит. Большое количество рабочих, а тем самым и их политическое значение в условиях современной массовой демократии, придает особый импульс деривациям, они постоянно используются для воздействия на народ и превращаются в демагогию.

Людвиг Гумплович (1838—1909) попытался придать социологии систематическое строение, еще до того как Дюркгейм, которого он знал и ценил, написал свои выдающиеся труды. Большое влияние на Гумпловича оказали Конт и Спенсер, особенно последний, однако в одном пункте он принципиально отличался и от них, и от Дюркгейма — в отрицании понятия общества как «рационалистической историко-философской мистификации».

Его взгляды изложены в появившейся в 1883 г. книге «Расовая борьба» и в «Основах социологии» (1885). Гумплович понимал социологию как преемницу философии истории, причем он отрицал ее «одушевление» у Гегеля. История для него — естественный процесс, что обуславливает два основополагающих представления:

1) несвободу воли;

2) единство природы и духа (монизм).

Другими словами, история разыгрывается не на основании людских целеполаганий, а по социальным естественным законам. Гумплович заимствует у Конта три стадии развития, но называет их по-своему — теистической, рационалистической и натуралистической. Социология как типичная для третьей стадии наука нацелена при этом на естественную историю человечества.

Основополагающим естественным социальным законом является полигенизм, т. е. множество источников этнического происхождения человечества: вначале было много этнических группировок, которые сплывались в более крупные общности. Контакт разнородных элементов является основой естественных процессов, а естественный социальный процесс характеризуется тем, что каждый более сильный этнический или социальный элемент стремится поставить себе на службу находящийся в сфере его власти слабый элемент или искоренить его. В первом случае — если оставить в стороне каннибальское «использование» — из этого получаются отношения господства, что и является основой возникновения государств.

Основой социальных законов, согласно Гумпловичу, не может быть человечество, и нельзя, как это делает Спенсер, объяснять развитие человечества законом эволюции, поскольку при этом слишком мало учитываются реальные процессы. Он предъявляет закону эволюции следующие претензии: «Эту формулу можно применить ко всему, но она ничего не объясняет». Он также против «социально-психологического» истолкования социальной эволюции как процесса развития общественных умонастроений.

Социальные законы касаются отношений групп и сообществ людей друг с другом. Общество же для него — «многообразие сформировавшихся в государстве социальных групп, кругов, классов и сословий в их взаимодействии».

Методом социологии, согласно Гумпловичу, является индукция, т. е. социология является эмпирической наукой, нацеленной на познание законов. Ее эмпирическая основа — это исторические или этнологические факты, она является

естественной наукой сообразно характеру своего толкования, основанного на истории и/или этнологии. Насколько он радовал за научное понимание, основанное на открытии законов как цели процесса исследования, свидетельствует его категорическое суждение: «Без социальных законов нет никакой социологии».

Название книги Гумпловича «Расовая борьба» привело к недоразумению относительно употребления им слова «раса». Под «расой» Гумплович понимает не этнически-биологическую классификацию, а тот характер группы, который складывается на основе этнической, религиозной, политической, социальной и экономической общности. «Расы» в этническо-биологическом смысле были лишь изначальным множеством; «расы» более поздних времен уже являлись продуктами исторического амальгамирования. Они обладают единством языка, религии, обычаев, права и культуры, на основании чего еще употребляется понятие «единство крови». Таким образом, создается впечатление, что Гумплович в этом наименовании воспользовался понятием, которое в его время было у всех на устах и в научных, и в публичных дискуссиях, но вкладывал в него при этом другой смысл.

Расами являются все гетерогенные группы, которые в борьбе друг с другом выступают как носители исторического процесса; они определяются своей ролью в историческом процессе, а не своим конкретным содержанием.

Для конституирования рас важен конфликт. Конфликт между этими группировками ведет к подчинению одной группы другой, к возникновению верхнего и нижнего слоя; таким образом, согласно Гумпловичу, возникло государство. Он предложил социологическую теорию государства, которая у правоведов и представителей общественно-политических наук его времени не нашла сочувствия. Эта теория утверждает, что государство в принципе основывается на силе, что противоречит теории договора. Поскольку организация господства в целях «разделения труда», которая и конституирует государство, должна была проводиться насильственным путем, то расы, с одной стороны, одновременно представляют собой классы, а с другой стороны, классы

ведут себя в отношении друг друга как «расы», т. е. между ними существуют отношения конфликта и господства. Согласно этому не только государство, но и разделение труда не являются результатом мирного развития. Однако с образованием государства время насилия и борьбы отнюдь не заканчивается.

Для Гумпловича поведение групп определялось тремя моментами:

- социально-эгоистической когерентностью (чувством «мы»);
- стремлением к самосохранению;
- постоянными усилиями по улучшению своего положения в жизни.

Это служит постоянным источником конфликтов между группами, которые также меняют свой состав и численность. Таким образом, группы находятся в постоянном процессе изменения. Между социальными кругами осуществляется движение, возникают новые группы. Образуются промежуточные слои. Однако все это движение ведет не к большему равенству, а лишь к постоянному изменению формы и содержания групповых конфликтов.

Своим выделением групп как основных факторов социальной жизни социология Гумпловича перекликается с современностью. Подобный подход к группам практиковал только Георг Зиммель в Германии. Поэтому Гумплович среди всех немецких обществоведов своего времени лишь Георга Зиммеля признавал представителем социологии.

Своей теорией конфликтов Гумплович весьма существенно отличается от Конта, Спенсера и Дюркгейма, которые занимались проблемой порядка и тем самым — общественной интеграции. В настоящее время иногда различают два теоретических аспекта социологии: теорию интеграции и теорию конфликтов. При подобном разделении Гумпловича следует считать основателем теории конфликтов.

Взгляды Гумпловича проникнуты пессимистическим духом, который противостоит оптимизму прогресса и планирования, свойственному Просвещению. Поэтому он отвергает всякие попытки использования своей науки для улучшения или планирования социального устройства.

3. Социология Г. Зиммеля

Георг Зиммель (1858—1918) считал возможным существование социологии как отдельной науки, если можно вычленишь формы социальной жизни из их содержательных отношений и исследовать эти формы сами по себе. «Формы обобществления» — таков подзаголовок книги Зиммеля «Социология» (1908) — являются собственно предметом этой науки. Он не может быть сам по себе изъят из действительности, а «производится» лишь через разделение формы и содержания. При этих предпосылках социология может быть отдельной и даже точной наукой.

Формы обобществления можно определить как структуры, возникающие на основе взаимовлияния индивидов и групп. Общество основывается на взаимовлиянии, на отношении, а конкретные социальные взаимовлияния имеют два аспекта — форму и содержание. Социальное содержание не требует собственной, специфически социологической интерпретации, поскольку оно одновременно является предметом других наук. Поэтому социология должна заниматься формальными аспектами. Абстрагирование от содержания позволяет проецировать «факты, которые мы считаем общественно-исторической реальностью, на плоскость чисто социального». Содержание становится общественным только через формы взаимовлияния или обобществления. Лишь таким путем можно понять, «что в обществе есть действительно “общество”, так же как только геометрия может определить, что в объемных предметах действительно является их объемом».

Указание на «взаимовлияния» как основные факты наблюдения за обществом имеет в американской социологии, на которую Зиммель оказал определенное влияние, свою аналогию в понятии «интеракция», одном из центральных понятий современной американской социологии с ее сильным бихевиористическим уклоном. А разделение формы и содержания оказалось весьма важным в социально-психологических исследованиях. По поводу сильной социально-психологической ориентации американских социологов также возникают интересные параллели с Зиммелем. Когда

Ирвинг Гоффман говорит о «рамочной конструкции» и о многослойной интерпретации действительности, то это перекликается с представлением Зиммеля об игре как метафоре формальной социологии, когда содержательная определенность форм жизни заменяется формальным определением субстанции. Зиммель называет эту «разновидность обобществления» общением; это, так сказать, «чистое» общество, форма, поднявшаяся над любым специфическим содержанием, «игра в общество».

То, что он видел в формах обобществления, во взаимовлияниях основной социальный факт, отражает также малое фактическое смысловое наполнение понятия «общество» в немецкой мысли. Общество суживается и ограничивается формами отношений; наряду с этим такие понятия, как «культура», «жизнь», имеют у Зиммеля не только вполне содержательное значение, но и занимают в его творчестве большое место.

Зиммель предвосхитил ряд существенных положений современной социологии групп. Он особенно подчеркивал значение количества членов группы. Вначале выработка правил и организационных форм, органов и т. п. зависит от количества, т. е. только при некоей определенной величине группы структурируются и образуют органы, основанные на разделении труда. Зиммель считал социалистическое устройство возможным лишь в небольшом объеме, когда обеспечивается справедливость в распределении труда и потребления. Точно так же, согласно Зиммелю, изменился характер христианства с распространением его на целые государства.

Аристократические объединения должны быть небольшими, по крайней мере, по сравнению с числом тех, над кем они властвуют; Зиммель считал, что существует абсолютная граница количества аристократии, которая определяется отчасти внешними, отчасти психологическими обстоятельствами. Все они должны быть лично знакомы друг с другом, родство и свойство должно связывать всю группу. Поэтому ограничительный порядок членства в элитах обусловлен не только эгоистической антипатией к разделению господства или стремлением к исключительности, но и

ощущением исключительности условий жизни аристократии. Зиммель отмечает в малых группах возможный радикализм, который проистекает от сплоченности, исключительности и четкого отграничения малых групп, в то время как радикализм масс вызван внушением и страстью, ослеплением простой идеей.

Вообще «образование больших кругов» является заменой личной и непосредственной спаянности малых кругов: должности и представительства, законы и символы, организации и общие социальные понятия образуют «абстрактную форму группового единства» с надличностным и объективным характером, с которым эти «олицетворения групповых сил» противостоят отдельному человеку.

Нормативная взаимосвязь в малых и больших группах также различна. Зиммель характеризует ее через различие между обычаем и правом. Индивиду соответствует личная мораль, малой группе — обычай, большому кругу — право. То, что для большого круга необходимо строгое и объективное нормирование посредством права, связано с большей свободой, подвижностью, индивидуальностью его элементов. Впрочем, право также ограничено той частью морали и справедливости, которая необходима, чтобы сплотить всю группу в единое целое.

Зиммель говорил о «пересечении социальных кругов», имея в виду тот факт, что некто благодаря своему происхождению становится членом других реальных или воображаемых групп: профессиональной группы, создаваемой семьи, сословия, объединения, государства. Число кругов, к которым принадлежит индивид, дает представление о культурном развитии общества. Каждый индивид находится в системе координат различных групп, и то, что мы называем личностью или индивидуальностью, есть лишь индивидуальное пересечение социальных кругов, есть субъективное как результат синтеза объективного. Здесь уже звучат мотивы будущей теории ролей.

Группа, согласно Зиммелю, является образованием, которое обладает самостоятельной реальностью, существует по своим собственным законам и независимо от индивидуаль-

ных носителей. Она, как и индивид, благодаря особой жизненной силе имеет тенденцию к самосохранению, основы и процесс которого Зиммель и исследовал. Эта способность группы к самосохранению проявляется в продолжении ее существования, несмотря на исключение отдельных членов.

Способность групп к самосохранению становится затруднительнее там, где жизнь группы тесно связана с одной господствующей личностью. Распад возможен из-за властных действий, которые идут вразрез с групповыми интересами, но также и из-за персонализации группы. С другой стороны, вождь может быть объектом идентификации и укреплять единство группы. Это может происходить также посредством вещественных символов, особенно там, где они представляют собой материальное обладание.

Зиммель всегда интересовался проблемами современной культуры. Особое значение имеют его занятия культурной ролью денег, изложенные прежде всего в «Философии денег» (1900).

«Философия денег» Зиммеля находится и «по ту», и «по эту» сторону экономики, поскольку она занимается, с одной стороны, предпосылками, а с другой стороны, воздействием денег на современную культуру, деньгами как культурным явлением. Его основным намерением было изучение экономических факторов как результата психических и метафизических предпосылок. Тем самым он намеренно стал в оппозицию к историческому материализму.

В аналитической части он рассматривает предпосылки такого культурного явления, как деньги, причем вначале идут рассуждения о стоимости. Экономическая стоимость интерпретируется как объективация субъективных стоимостей, которая осуществляется посредством дистанцирования от субъекта и предмета. Хозяйствование он определяет как дистанцирование от объектов наших потребностей путем отказа, усилий, жертвы и преодоления этой дистанции. Обмен — это «чистейшее социальное происшествие», «полное взаимодействие» и условие возникновения экономической стоимости. Деньги в качестве обособленного выражения отношений обмена образуют основу релятивистской теории

стоимости, ибо тем самым предметы обретают свое значение относительно друг друга, в своей взаимности, а не в своей исключительности.

В синтетической части Зиммель вначале обратился к обоснованию индивидуальной свободы вследствие безличности денежных отношений. Индивидуальная свобода, которую обеспечивают деньги, представляется как «выражение Я в вещах», как имущество. Отделение всей личности от отдельных ее проявлений и от ее имущества вызывает обособление индивида от группы, то есть от традиционных социальных группировок, и ведет к новым целенаправленным формам ассоциации. Однако оно ведет также к утрате личностью корней, к развитию негативного смысла свободы и эксплуатации как разнице стоимостей между личным трудом и денежным эквивалентом. Денежное хозяйство изменило стиль жизни, принесло с собой перевес интеллекта над чувствами, «расчетливую сущность нового времени», рост культуры вещей при отставании культуры личностей; оно обусловило специфическое разделение труда, которое является причиной расхождения субъективной и объективной культуры, господства техники, увеличения дистанции между людьми. Деньги для Зиммеля — также самый совершенный представитель современной формы познания науки с ее редукцией качественных определений к количественным.

Использование денег как средства оплаты, обмена и расчетов превращает личные отношения в опосредованные внешностные и частные отношения. Оно увеличивает личную свободу, однако вызывает нивелирование вследствие возможности сопоставления всех мыслимых вещей. Зиммель критиковал ситуацию в современной культуре, когда денежная стоимость заменила другие — более глубокие — значения и тем самым привела к психическому обеднению и опустошению чувств. Интересы владения соответственно устремлены на сами деньги; деньги, которые в силу своей природы могут быть только средством, становятся целью. С другой стороны, использование денег обусловило тенденцию к взвешенности, расчету, математизации повседневной жизни, которая в то же время воздействовала на рационализа-

цию в плане контроля и уменьшения аффектов. Однако деньги являются не только детерминантой нашей культуры. Деньгами Зиммель объяснял поворот мышления к понятиям развития, движения. Выражением этого в науке стала эмпирическая методология, ибо она означает отказ от безусловных истин, обращение к развитию и постоянному изменению.

Что касается принципа конкуренции, то Зиммель считал, что он ни в коем случае не противоречит социальным интересам, а в случае полной конкуренции даже может стать условием высшей степени реализации социальной справедливости. Конкуренция не обязательно связана с индивидуализмом, она противоречит лишь «социалистической» технике организации всех отдельных работ. Характерно, что Зиммель свел социализм к технике организации. В другом месте он указал на невозможность реализации принципов социалистического общества.

Постоянно возвращающейся темой у Зиммеля является человеческая трагедия культуры. В ходе культурного развития вследствие процессов дифференциации и разделения труда произошло расхождение субъективной и объективной культуры. О Гегеле напоминает определение объективной культуры как «объективного духа исторического общества», в то время как группы культурных достижений, знания, открытия и изобретения, стили и формы культуры и т. п. все более накапливаются, развиваются и утончаются, субъективная культура значительно отстает от этого объективного развития. Пропась между ними постоянно расширяется по мере развития объективной культуры. Человек больше не в состоянии усвоить все знания своего времени; формы его жизни совершенно не соответствуют возможностям.

4. Социология М. Вебера

Макс Вебер (1864—1920) сегодня считается выдающимся классиком немецкой социологии. В отличие от своих предшественников, он не считал социологию отдельной самостоятельной наукой. Дюркгейм и Вебер хотя и принадлежали

к одному поколению, но имели совершенно различные взгляды: Дюркгейм выступал за отграничение «социологии» как отдельной от других дисциплин науки с ее собственным объектом познания — социальными фактами, с ее специфическим методом в рамках естественнонаучного, позитивистского понимания науки, а Вебер выступал за «социологическую перспективу», выводимую из других наук, преимущественно из исторической политэкономии, неотделимую от них, которая должна стать своего рода понятийно-логической основой наук о культуре.

Рассмотрение социологии Вебера — весьма нелегкое дело, во-первых, потому что его обширное наследие имеет фрагментарный характер, во-вторых, потому что интерпретаторов Вебера — легион. Как правило, исходят из того, что учение о категориях в работе «Хозяйство и общество» является основным социологическим трудом, который дополняется «Протестантской этикой» и некоторыми методологическими статьями. Мы не можем присоединиться к этому мнению, поскольку влияние Вебера нельзя свести к сухим определениям учения о категориях. Только как цельное творчество может быть воспринята многомерность мысли Вебера, и только в сочетании с другими важными работами отдельные части «Хозяйства и общества» приобретают смысл и убедительность как систематическое изложение концепции.

Известность Веберу принесла работа «Протестантская этика и дух капитализма» (1904).

Основное внимание Вебера в этой и других работах по хозяйственной этике было направлено на изучение культурного значения современного капитализма, т. е. его интересовал капитализм не как экономическая система или результат классовых интересов буржуазии, а как повседневная практика, как методически-рациональное поведение.

Единственным в своем роде признаком современного западного капитализма Вебер считал рациональную организацию формально свободного труда на предприятии. Предпосылками этого стали: рациональное право и рациональное управление, а также интернационализация принципов методически-рационального поведения в рамках практичес-

кого поведения людей. Поэтому он понимал современный капитализм как культуру, крепко укоренившуюся в ценностных представлениях и мотивах действий и во всей жизненной практике людей его эпохи.

В другом месте он подчеркивает: капитализм в самом общем плане существует тогда, когда удовлетворение экономического спроса осуществляет предприниматель; наиболее рационально это происходит на базе расчета капитала. Типичной для современного капитализма является его рациональность, причины которой заключаются, с одной стороны, в социальном устройстве западных обществ с их экономическими классами и, с другой стороны, в рационализации права и управления.

Для Вебера рационализация практического поведения все больше становится основным признаком современного общества и культуры. Рациональность становится синонимом методического порядка образа действий: целесообразно-рациональное действие, тем самым, — типичное действие в современном обществе. Экономическая рационализация предполагает способность и склонность человека к рациональному действию на практике. Вебер понимал капитализм как социоэкономическую систему, которая коренится в общих действиях людей, а не в экономических действиях отдельных личностей (предпринимателей, политиков) или конкретных групп.

Экономическая практика как черта культурной жизни общества свидетельствует и о воздействии религии на его развитие и формирование. Протестантская этика, особенно ее аскетическая разновидность, внесла немалый вклад в культурное осмысление современного капитализма. Особую роль сыграли такие его черты, как идеал профессионального труда и «внутримирской аскетизм» (в противоположность «внемирскому аскетизму», например, буддийских монахов), т. е. предписание скромного образа жизни в сочетании с активной деятельностью в миру и неутомимым трудом.

При этом индивид нес ответственность только за себя и свою веру. Следствием этих свойств аскетического протестантизма или пуританства было то, что на этическом поведении основывалась вся жизнь, а не только ее религиозно-

церковная сфера. Человек становился «доходной машиной Бога», а труд превращался в самоцель.

На основе протестантской этики возникло не только современное предпринимательство с его капиталистическим расчетом, но и эксплуатация рабочих во имя веры и равнодушие к нищете, которая, как считалось, была результатом собственной вины.

Эти стимулы, берущие свое начало в религии, продолжали существовать даже после того, как исчезли собственно религиозные импульсы. Вера исчезла, а методически-рациональная форма поведения осталась. Вебер рассматривал современный ему капитализм отнюдь не как основывающийся на религии, а видел в ней скорее «пустую скорлупу», которая без духовного наполнения была близка к механическому окаменению. Примечательно указание Вебера, что евреи не могли заложить основы той религиозно-культурной позиции, которая стала исходной для современного капитализма, а даже были диаметрально противоположны ей, поскольку в сфере экономики они являют собой тип спекулянта, а не рационального специалиста.

Путешествие в Америку укрепило Вебера в его мнении о значении протестантского внутримирского аскетизма для развития капитализма. В Америке он столкнулся с феноменом сектанства и его значением в деловой жизни. Членство в секте было равнозначно кредитной способности и давало преимущество в конкурентной борьбе, поскольку секта являлась гарантом порядочности своего члена. Аналогичную функцию выполняли позднее также и нерелигиозные объединения типа Ротари-клуба или Лионского клуба, члены которых уже в силу самого членства считались «гарантированными джентльменами». Так же как ранее Токвиль, Вебер понял, что американская демократия основывается не на скоплении индивидов, а на множестве замкнутых, но волюнтаристских объединений.

В «Хозяйственной этике мировых религий» (1915—1917) он исследовал воздействие религий на практическое, прежде всего экономическое поведение; при этом рассматривались также связи между религиозными идеями и социальными слоями. Религиозное было для него «внебудничным»; по

крайней мере, прежние культы и религиозные идеи сознательно и намеренно помещались вне повседневного контекста жизни. Однако если они распространяются и охватывают большое число верующих, становятся церквями или сектами, то им до определенной степени приходится вновь становиться более светскими.

Великие мировые религии, как правило, развивались из магических и ритуальных начал в «рациональные» учения и систему церкви; но иногда процесс протекал наоборот: от спиритуалистически-интеллектуальных идей до массовых магически-ритуальных культов (буддизм). Если иудаизм, ислам (который Вебер не рассматривает), пуританство и конфуцианство могут считаться подходящими для мирской жизни религиями, то для буддизма, джайнизма, ламаизма и раннего христианства типично отрицательное отношение к миру. Но лишь пуританство смогло сломать стереотипы и традиционное отношение, которые были свойственны религиям в их отношении к хозяйственной и практической жизни, и даже воздействовать на них обновляюще.

Вебер исследовал вопрос, в каких слоях общества первоначально зарождались великие мировые религии. Так, крестьяне никогда не были носителями не-магических культов, но предшественники буржуазии, купеческие и торговые слои, всегда имели пристрастие к «посюсторонним» религиям с ярко выраженными магическими чертами. Особым случаем является конфуцианство как «религия чиновников», поскольку чиновники, как правило, не принадлежат к ведущим религиозным группам. Дворянство также редко было носителем религиозных идей, кроме как в связи с образованием общин или в религиозных войнах (ислам, сикхи, буддийские монахи-воины, крестоносцы). Древнее христианство было типичной религией ремесленников и городским явлением, т. е. кровное родство и кланы не играли важной роли. Таким образом, если деревенские ремесленники, оставшиеся в рамках своего рода (например, в Индии) имели склонность к магической и ритуальной религиозности, то городские ремесленники были носителями рациональной религиозности. Разница состоит также в том, что религии верхних слоев в общем и целом легитимировали существо-

ющее устройство жизни, в то время как религии низших слоев обещали лучший жребий в мире ином, спасение, а иногда и отмщение на том свете.

Два аспекта социологии религии Вебера стали основными направлениями всего его творчества: развитие в направлении углубляющейся рациональности и значение внеповседневного.

Предметом «понимающей социологии» Вебера является социальное действие. Он определяет его как

- 1) направленное на действие другого в соответствии с субъективным смыслом действующего;
- 2) определенное в своем характере благодаря этой соотнесенности;
- 3) действие, которое можно объяснить этим субъективным смыслом.)

Выражение «субъективный смысл» сделало Вебера популярным в американской социологии, где его считали предшественником или даже основателем интерпретативной социологии. Эта ошибочная интерпретация основана, с одной стороны, на предпринятом Альфредом Шюцем соединении социологии Вебера с феноменологией Гуссерля, а с другой стороны, на возрождении социальной психологии Мида в рамках символического интеракционизма, которое усилило склонность к субъективистскому толкованию.

Однако взгляд Вебера на «понимание» и понимающую социологию совершенно иной. Он скорее обращается к традиции «понимания», восходящей к Дройзену и Дильтею. Согласно их мнению, социальное действие понятно нам на основании нашего собственного опыта, а не только как наблюдаемое и объясняемое извне. Однако целерациональному действию принадлежит особая роль в истолковании именно эмпирически данного социального действия. Оно по сравнению с идеальным типом целерационального поведения определяется как традиционное, аффективное, рациональное или же целерациональное.

Традиционное по своему субъективному смыслу действие всегда продолжает уже привычное и потому надежное поведение; аффективное действие основывается на душевных побуждениях, вызванных чувствами, а рационально действу-

ет человек, сознательно ориентирующий свое поведение на определенные ценности (например, религиозные), в то время как действующий целерационально рассчитывает цели и средства.

Целерациональность лежит и в основе научного истолкования, но это больше уже не субъективное соотношение цели и средств, а объективированная эмпирическими исследованиями и рациональным анализом «рациональность подлинности».

Познание всегда нацелено на культурное значение действия, а не на понимание индивидуального субъективного смысла или фактического действия как такового. Фактическое действие и обуславливающие его ожидания Вебер также не пытается объяснить исходя из субъективистской ориентации. «Субъективные ожидания» означают у него фактические обстоятельства, которые, как предполагается, обычно складываются на практике. «Объективные возможности» — это возможности определенного действия, которые может предполагать исследователь, учитывая всё известное ему и характер мышления действующих лиц. Причины социального действия, ожидания, мотивы, представления, цели и т. п. нельзя представлять слишком общо, они, со своей стороны, нуждаются в конкретизации.

Вебер считает как понимание, так и объяснение необходимыми методологическими аспектами наук о культуре. Поэтому социология для него — это «наука, задачей которой является понять социальное поведение, объяснив его, и тем самым вскрыть его причины и следствия».

Понятие идеального типа у Вебера имеет важное значение для анализа социальной действительности; Вебер изложил его в работе «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904). При этом он считает социальные науки науками историческими и указывает на то, что формирование понятий в этих науках всегда является формированием типов, т. е. обобщением конкретных исторических явлений. Эти идеальные типы не являются отражением действительности, это нереальные, т. е. мысленные конструкции. Хотя верно то, что эти понятия представляют собой «застывшую историю», поскольку они всегда

имеют своим источником историческую действительность, но, с другой стороны, они могут быть использованы в целях анализа как «типы в чистом виде», т. е. сконструированы как абстрактные понятийные образования, которые служат инструментом познания действительности, однако сами как таковые в действительности не существуют.

Таковыми идеальными типами являются типы социального действия и типы господства Вебера. Идеальные типы в процессе научной аргументации берут на себя роль чисто идеальных конструкций, которые применяются к действительности для выявления ее эмпирического содержания.

ТЕМА 5. СОЦИОЛОГИЯ В XX ВЕКЕ

ЛЕКЦИЯ 1.

1. Микросоциологические теории.
2. Макросоциологические теории. Структурный функционализм Т. Парсонса.
3. Функциональный анализ и теории среднего уровня.

1. Микросоциологические теории

Чарльз Хортон Кули (1864—1929) считается сегодня одним из основателей того теоретического направления, которое впоследствии стало известно как символический интеракционизм. Его важнейшими произведениями являются: «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация» (1909) и «Социальный процесс» (1918).

Как и другие современники, Кули испытал сильное влияние Герберта Спенсера и его теории социальной эволюции; он также понимал социальную эволюцию как органический общественный процесс, при котором в функциональных частных системах происходит все более эффективное приспособление к условиям окружающего мира при одновременной постоянной дифференциации внутренней структуры общества. Однако Кули отвергал индивидуализм Спенсера, который выражался прежде всего в его экономическом либерализме. Он также прекрасно видел сильное социальное и прежде всего экономическое неравенство, существовавшее в американском обществе; он занимал по отношению к нему критическую, но все же оптимистическую позицию. Он различал в принципе два типа социального неравенства; один представлен кастой, принцип которой — наследование социального статуса; второй — это класс, при котором социальный статус достигается благодаря конку-

ренции в получении доходов. Профессия, доход и стиль жизни («культура») являются критериями этой стратификации, которая может изменяться от поколения к поколению и даже в пределах одного поколения.

Существенное значение имеет то, как Кули понимал человеческую природу. Он воспринимает ее не как некое качество, которое является свойством каждого отдельного индивида, а как продукт коммуникации. Человек становится личностью, развивает свое Я посредством процесса интеракции с другими людьми. Поэтому Кули отрицал предположение об автономном, рациональном индивиде и выступал за то, что приобрело величайшую важность для понимания американской социологии прежде всего под впечатлением работ Мида: социальный генезис Я. Это, однако, ни в коем случае не идентично социальной детерминированности Я, тотальному приспособлению индивида к обществу.

Индивид и общество для Кули, как и для всех социальных бихевиористов, дополняют друг друга, но не доминируют друг над другом. Кули был убежден, что каждый индивид — единственный в своем роде. Это можно понять только исходя из психолого-поведенческих основ американской социологии, т. е. социальное существует не как оторванное от индивида коллективное сознание Дюркгейма, а как процесс интеракций, поведения индивидов, направленного друг на друга. Человеческая природа всегда в одно и то же время и индивидуальна, и социальна, это «групповая природа», а каждый индивид есть продукт определенной специфической комбинации отношений интеракции к другим конкретным лицам и группам. Таким образом, подразумевается также динамический аспект Я, который формируется и постоянно изменяется в ходе процессов интеракции; это и есть содержание того, что принято считать социализацией индивида.

В этой концепции уже была заложена возможность сочетания микро- и макроперспективы, которое столь характерно для американской социологии и столь явно наблюдается у Т. Парсонса. Ибо социальный генезис Я обуславливает, что активность индивидов, наряду с индивидуальностью и субъективностью, имеет еще и способность каким-то образом представлять групповые цели и

интересы, т. е. выполнять функции целого, которые отличимы от целенаправленных намерений индивидуального поведения. Подчеркивание творческой силы общества — существенный нюанс американского социологического мышления.

Особый вклад Кули в это развитие заключается в разработке теории «первичных групп» и их роли в процессе социализации, эволюции общества и в выделении символических свойств интеракции.

Первичные группы (primary groups) — это небольшие группы без специализации на основе прямых (face-to-face) отношений, как, например, семья, детская группа при игре, соседи. Они «первичны» постольку, поскольку:

1) они распространены везде, во всех человеческих обществах;

2) они представляют собой естественные образования, т. е. они не планируются и не организуются рационально на основании определенного целеполагания;

3) индивид в них получает самый первый опыт человеческих отношений;

4) в процессе отношений и интеракций в этих группах возникает и развивается то, что представляет собой «человеческую природу».

Поэтому первичные группы играют фундаментальную роль в процессе социального генезиса Я, в плане становления человека. Они являются «колыбелью» человечества и самой ранней формой обобществления. Их значение умалил цивилизационный процесс и органически присущая ему логика рационализации; все большее значение приобретали *вторичные группы*. Это крупные объединения людей, основанные на формализованных, внеличных отношениях, поскольку они сознательно создаются людьми в определенных целях. Каждый индивид участвует в подобных институтах лишь какой-то частью своей личности, а не всей личностью, как в первичных группах. Институты основываются на заранее определенных деловых отношениях; напротив, в первичных группах интеракции возникают на основе эмоциональных личных связей между членами, участие которых в них, как правило, происходит неосознанно и незап-

ланированно. Первичные и вторичные группы представляют и воспроизводят, по крайней мере частично, противоречивые ценностные представления. Кули считал вторичные группы и их принципы потенциальной угрозой миру «первичных отношений» и тем самым — человеческой природе.

Кули считал, что те социальные изменения, которые произвело индустриальное общество в целом, характеризуются двумя факторами: растущим засильем больших вторичных групп над традиционными структурами первичных групп и изменением характера скорости и объема коммуникации, т. е. развитием массовой коммуникации. Кули видел в формализме отличительную черту институтов, а также массово-ориентированной коммуникации, что представляет собой опасность для развития человеческой личности. Вследствие противоречия с ценностями первичных групп, которые считались незыблемыми, возникает дезорганизация общества.

Здесь ясно проявляется влияние различия Тённисом «общины» и «общества» на мышление Кули. Однако он видел задачу будущего в том, чтобы люди осознали ответственность за реорганизацию своего общества, восстановили связи между ценностями первичных и вторичных групп и выработали программу социальных реформ и воспитания, которая позволила бы максимально сблизить отношения, свойственные вторичным группам, с идеалами «первичных отношений».

Однако Кули известен в первую очередь не благодаря этому анализу современного общества, а как один из предшественников символического интеракционизма. В этой связи уместно вспомнить введенное им понятие «Looking-Glass Self» — «зеркального Я».

Коммуникация — это инструмент социализации индивида и механизм, благодаря которому существуют и развиваются человеческие отношения («коммуникация» создает «community» — общность). В процессе коммуникации происходит обмен представлениями, которые сложились у людей друг о друге, познание себя через драматическое восприятие отношения других.

Я или его познание — это нечто, что приобретают в интеракции с другими; оно основывается на организации воспринимаемых представлений в сознании («зеркальное Я»). Для Кули, в отличие от Мида и (позднее) Гофмана, речь идет в первую очередь не об этом процессе организации себя, а о взаимности представлений, которые люди имеют друг о друге. В этих представлениях он видел «упрямые факты», с которыми имеет дело социология. Эти представления являются также связью между «self» (Я) и «society» (общество); они — составные части социоментального процесса; Кули говорит также о «social mind» (социальном разуме). Это понятие весьма напоминает «коллективное сознание» Дюркгейма; однако Кули уделял в этой связи динамическому способу существования «social mind» как содержанию процесса коммуникации значительно больше внимания, чем Дюркгейм, который рассматривал коллективное сознание как вещь, которая оказывает на индивида принудительное воздействие «снаружи». Кули употреблял понятие «social mind» также лишь эпизодически и то лишь как вспомогательное выражение.

Как Я, так и общество имеют у Кули динамический характер, это не «предметы», а процессы коммуникации. И оба понятия имеют символический характер, т. е. и Я, и общество — это представления, сформировавшиеся в интеракциях и постоянно меняющиеся. Особенность Кули, а также Мида, — это сочетание натуралистического понимания социальной эволюции с подчеркиванием аспекта субъективности. Поэтому Кули определял социальную эволюцию как развитие символических способностей индивидов в общественном обмене.

Джордж Герберт Мид (1863—1931) считал действительность, природу, физические предметы, так же как и сознание, личность, организованными социально или, лучше сказать, интерсубъективно. Он отстаивал точку зрения, что общество не состоит из множества независимых индивидов, так же как природа не состоит из множества отдельно существующих друг от друга предметов. Эволюция человеческого общества в гораздо большей степени определяется про-

цессами кооперации и коммуникации людей между собой и между людьми и предметами. В ходе этого процесса эволюции человеческий интеллект, так же как и другие способности, развился до уровня, на котором он сегодня находится. Однако этот процесс продолжается. Каждый индивид принимает в нем участие и лишь в интеракции и коммуникации с другими развивает свое социальное Я. Сознание, мышление, представления возникают и изменяются применительно к практическим действиям, которые индивиды осуществляют в интеракции друг с другом, или с группой, или с обществом.

Этот социальный генезис Я он противопоставлял индивидуалистическим представлениям о человеке как автономном существе. В этом он близок Кули, который, кстати, оказал на него сильное влияние. Однако Мид хотел считать этот социальный генезис сознания объективным процессом. Здесь он ориентировался на прагматизм Уильяма Джемса и прежде всего его друга Джона Дьюи. Прагматизм способствовал развитию в психологии бихевиористского подхода, который не был редуccionистским в духе Уотсона и отличительной чертой которого была преимущественно ориентация на действия.

Такой подход предполагает рассмотрение всякого поведения как результата действия некоей причины, некоего стимула. Однако в отличие от бихевиоризма Джона Б. Уотсона, Мид не исключал внутренний опыт, а объявлял его социально обоснованным и определяемым поведением. Поэтому Мид считал себя социальным бихевиористом. По его мнению, всякая психология должна быть социальной психологией, ибо сознание и дух людей не могут быть объяснены в отрыве от социального поведения.

Дух, речь, мышление, рациональность, интеллект — это социальные явления; их общим источником является «мир рассуждений» (*universe of discourse*), процесс коммуникации. Инструментом его является жест — понятие, которое Мид заимствовал у Вильгельма Вундта. У Вундта жест является выражением эмоций, однако не представляет собой составную часть действий. У Мида жесты в принципе получают свое значение в процессе взаимоотношений индивидов в интерактивной ситуации.

Жест передает «смысл» вначале постольку, поскольку он воздействует в качестве стимула на *alter ego*¹, вызывая действие. Мид называет его «сигнификативным символом». В этом качестве он служит основой для действия, а также для нашего мышления, поскольку мышление для Мида есть внутренняя коммуникация индивида с самим собой посредством сигнификативных символов.

Эти символы могут быть поняты и могут вызвать реакцию лишь тогда, когда их значение одинаково для всех членов коммуникационного сообщества. Однако эти значения, со своей стороны, возникают только в процессе интеракции и постоянно изменяются в ходе нее.

Мид представляет себе процесс интеракции таким образом, что все участники анализируют подготовку к действию других через собственную реакцию на их жесты. Тогда индивиды постоянно меняют свое поведение соответственно «сигнификативным символам» своего партнера. Такое приспособление возможно благодаря способности индивида анализировать свои собственные реакции на поведение партнера. Мы осознаем наши собственные реакции, поскольку они вызывают изменения в поведении других. Это известно нам благодаря нашему социальному опыту, так что мы можем использовать наше поведение «инструментально», чтобы «контролировать» (*to control*) поведение других.

«Я» и другие. Любая опосредованная символом интеракция является в то же время элементом при построении или изменении идентичности «Я». В то время как Кули предполагал, что восприятие представлений других о нас служит мерилom социального «Я», Мид считал, что человек может развивать свое Я лишь тогда, когда он способен познавать себя самого как объект. Он способен на это, поскольку он перенимает отношение других к себе самому, т. е. перенимая перспективу другого. Этим Мид обосновывает социальную природу всего нашего знания о мире.

Возникновение «Я» — это процесс обучения, в ходе которого индивид должен постоянно перенимать установку других. Это объективное познание себя происходит в каждой

¹ Другое «Я».

интерактивной ситуации с другими, но оно ни в коем случае не ограничивается этим, а находит свое продолжение в мышлении индивида, что является для Мида продолжением социальной коммуникации, внутренним диалогом с другими. Этими другими могут быть значимые другие, конкретные лица из нашего непосредственного окружения, или «обобщенные другие» — другие в качестве представителей определенных функций, носители ролей, которые олицетворяют для нас институт, организацию или группу. Итак, согласно Миду, наше самосознание — это драматическая структура, которая включает в себя и прошлое, поскольку мы заимствуем воспоминания и роль других, их отношение к нам и реагируем на это в нашем воображении.

Ребенок лишь постепенно достигает идентичности своего Я. Вначале ребенок воспроизводит в том, что Мид характеризует как «пьеса» (play) реакции окружающих его лиц, причем ребенок берет на себя роли всех актеров мира своих представлений; при этом он еще сильно связан с лицами, с которыми у него тесные эмоциональные отношения. Постепенно он также учится предвосхищать поведение любых лиц и перенимать их точку зрения. В ситуациях, которые Мид называет «игрой» (games), ребенок уже сознательно играет совершенно определенную роль в группе, но это означает также, что он может предвосхищать поведение многих других, которые также представляют совершенно определенные функции, и перенимать эти роли в их совокупности, т. е. перспективу группы. Мид называет это — «обобщенные другие», они «состоят» из правил игры игровой группы, норм и ценностей семьи, группы в детском саду, школьного класса и т. п.

Процесс социализации в нашем современном обществе вызывает необходимость ориентироваться на «обобщенных других», которые становятся все более абстрактными и универсальными. «Я» человека, его идентичность самому себе возникает в этом процессе интеракции с окружающим социальным миром. В каждой ситуации коммуникации, в каждом намерении индивида действовать происходит «объективизация» себя, возникновение «Ме»¹, рефлексивной идентич-

¹ Словом «Я» переводится «I»; «те» мы оставляем без перевода, поскольку нет удовлетворительных русских эквивалентов.

ности «Я», которая обоснована принятием точек зрения или роли другого относительно меня. Однако «Ме» должно быть завершено в «Я» человека другой инстанцией. Мид называет ее «Я» («I»). Различение между «Ме» и «I» не принадлежит самому Миду; он заимствовал его у Уильяма Джемса, но дополнил этой особой интерпретацией.

Уже само восприятие мышления как внутреннего диалога требует разделения «I» надвое. «I» выполняет функцию интеграции в «Я» — принятие перспективы, так что «другое» может стать составной частью личности и человек не будет относиться к себе как к объекту. То новое, другое, чужое, что содержит «Ме», интернализируется и становится частью собственной «Я». Само «I» остается неопределенным и «неощутимым», оно — «собеседник» «Ме», но также и все то, что я уже интернализировал, это исторические «Ме», на основе которых я могу принять на себя новые роли. И все же «I» — это не «субстанция», а функция «Я». Точно так же «Я» мало присущ характер сущности, оно, скорее, процесс, который вследствие осуществленной «I» интернализации представляется постоянно изменяющейся организацией опыта «Ме».

«Я» — это не только организация исторического опыта «Ме», но и интегративная инстанция, которая множество ролей, играемых индивидом в различных групповых отношениях, обобщает в единственную в своем роде комбинацию коммуникативного опыта. «Я» в концепции Мида — это динамический комплексный социальный продукт, а не односторонний процесс приспособления «Я» к представлениям, нормам, принуждениям окружающего его социального мира.

Как для Кули, так и для Мида нет разделения и противопоставления «Я» и общества. Оба они — взаимопроникающие процессы, две стороны одного и того же явления: интересубъективной структуры действительности.

Общество — это коммуникационная общность, существенные социальные признаки которой заключаются в объективировании психического. Она представляет собой организацию многообразных перспектив действительности в «Я», группах, институтах, обществе.

Структура «Я» отражает общественный процесс, и наоборот, организация группы идентична каждому «Я», играющему в ней роль. «Я» трансцендирует группу, поскольку содержит опыт многих «Ме», которые возникают из различных социальных ситуаций, и объединяет индивида с различными группами.

Чикагская школа. Роберт Э. Парк (1864—1944) изучал массовое поведение, массовую коммуникацию. Он стал социологом «коллективного поведения», что типично «вне институционального поведения». Масса (crowd), была для него прототипом социальной группы, а социология — основополагающей наукой о коллективном поведении, базирующейся на каузально-научных основах.

Особенно плодотворным оказалось изучение общин, которому Парк способствовал в Чикаго. Его интерес к географии выразился в убеждении, что культура — это географический феномен. Парк считал, что городскую жизнь можно изучать теми же методами, которые антропологи применяли для изучения первобытных сообществ. Парк разделил территорию города на концентрические круги, которые отражают рост городов: «зона бизнеса» в центре, вокруг нее — «зона трущоб», далее рабочие районы, затем более хорошие жилые районы, «одноэтажные районы» и, наконец, «пригородная зона».

Общество рассматривается с точки зрения человеческой экологии, важных для жизни человеческого сообщества условий окружающей среды. Общество возникает из сообщества, которое определяется одновременно территориальными и функциональными факторами и основывается на коммуникации, согласии и обычаях. Соответственно этому социальные проблемы следует решать не только путем изменения общественных структур как таковых, а путем понимания, приятия и перенимания нового порядка в привычки, традиции и обычаи сообщества.

Значение исследований Парка заключается в первую очередь в их стимулирующем воздействии на фактические исследования, которые сделали Чикагскую школу знаменитой. Он тесно сотрудничал с Эрнестом У. Берджессом (1886—1966),

тогда же работал целый ряд исследователей того же направления. Нельс Андерсон проводил исследования среди бездомных («Бродяги», 1923), Фред М. Трешер — среди молодых преступников («Банда», 1927), Луи Вирт — в гетто (1928), Гарви Зорбо опубликовал работу о центральной части Чикаго, где были ярко выражены социальные и экономические различия («Золотой берег и трущобы», 1929), а Родрик Маккензи углубил экологический подход в работе «Столичная община» (1933).

Работы Чикагской школы, кроме того, дали импульс целому ряду работ по изучению сообществ. Большое значение имели исследования Роберта и Хелен Линд о промышленном городе в штате Индиана («Миддлтаун», 1929), который был взят как отражение американского общества и классовых отношений в нем. После экономического кризиса Линды повторили свои исследования в этом городе, чтобы выяснить, какие изменения вызвали экономические потрясения во взаимоотношениях классов и в жизни города («Миддлтаун в изменении», 1937). Роберт С. Линд (1829—1931) стал профессором в Колумбийском университете и одним из самых известных социологов довоенного периода, который испытывал глубокое недоверие к теоретическим конструкциям, столь характерное и для других социологов того времени.

Наряду с целым рядом исследований, которые проводились в человеческих сообществах в сельской местности или в городе и имели определенное соответствие социографическим исследованиям в Европе, особенно сильный интерес возник к субкультурам — это понятие, которое обязано своим происхождением изучению сообществ с культурно-антропологическим уклоном. Бестселлером в этой области стала работа Уильяма Фута Уайта «Общество на углу улицы» (1934), где участие в процессе социологического наблюдения зашло настолько далеко, что превратилось почти в «репортаж изнутри».

Все эти исследования, характеризующие эпоху 20—40-х гг. и выходящие за пределы так называемой Чикагской школы, отмечены сочетанием точных наблюдений и описаний с репортажной формой отчета. Однако у социологов Чикагской школы все же превалировал практический интерес к реше-

нию проблем, чем претензии на разработку теории. В результате этого публикации были вполне доступны и находили широкую читательскую аудиторию.

Социометрия. Дж. Морено (1892—1974) разрабатывал свои идеи в Австрии отчасти уже в период первой мировой войны, но полностью они сформировались и приобрели известность лишь в Америке, после его эмиграции.

Идеи Морено уходили своими корнями в психотерапию. Согласно Морено, методы психотерапии породили три революции: первая — это гипноз в том виде, как его применял Месмер, вторая — психоанализ Фрейда, третья — психодрама, открытие терапевтического воздействия театральной игры, разработанное Морено. Драматическая структура этой формы терапии делала неизбежным появление социодрамы, в которой происходит раскрытие и представление социальных ролей, играемых людьми. Здесь сочетаются терапевтическое воздействие и анализ социальной действительности, что привело Морено, который в силу своих первоначальных марксистско-социалистических настроений испытывал особый интерес к социальному анализу, к разработке социометрии, которую он считал одновременно и экспериментальным методом, и основой социальной науки. С ней он связывал далеко идущие планы; она должна была «спасти погибающую социологию нашего века».

Морено ясно показал, что он считает свою социометрию не суммой отдельных эмпирико-экспериментальных технических приемов, а генератором идей, образующих отправную точку теоретических концепций и методов; кроме того, она должна была сделать возможным осуществление подлинной демократии.

Социометрия занимается «психологической географией некой общности», так называемыми телеструктурами, потоками чувств, или психической сеткой. Таким образом, общество считается психической реальностью, состоящей из потоков чувств, причем Морено ни в коем случае не останавливается на малых группах, а считает возможным социометрический анализ мирового общества. Отсюда вытекает некоторая амбивалентность, которая отражена в двух раз-

личных определениях: социометрия — это наука, которая занимается математическим изучением психологических свойств населения, экспериментальными методами и результатами, получаемыми от применения количественных принципов; и в то же время это исследование развития и организации группы и положения индивидов в ней, исследование внутренней структуры групповой организации.

Согласно Морено, в обществе существует три измерения.

1. Внешнее общество, т. е. все распознаваемые (макроскопические) группировки.

2. Социометрическая матрица, т. е. все микроскопические структуры, которые выявляются социометрическим методом. Социометрическое соответствие внешней структуры социальной группе Морено обозначал как «социоид».

3. Общество и социологическую матрицу он отличал от социальной действительности как динамического синтеза макро- и микроскопических тезиса и антитезиса.

Социальная действительность неизменно конфликтна из-за несовпадения внешней структуры и эмоциональных отношений, т. е. «социодинамической разницы между официальным обществом и социометрической матрицей». Социометрия имеет дело с диалектической действительностью и, будучи ее частью, вносит свои изменения; она сама диалектична, ибо не довольствуется объективистским определением структур и разницы между ними, а оказывает на них влияние посредством анализа. Упраздняется субъектно-объектное разделение, так же как индифферентность метода относительно объекта. Итак, социометрия — это не только метод анализа «социодинамической разницы», но одновременно и метод ее решения, причем у Морено решение может осуществляться только в направлении приспособления формальных структур к «потокам чувств», но не вмешательством сверху или извне, а благодаря возбуждению социодинамических процессов у соответствующих людей.

Экспериментатор неизбежно вызывает эти процессы, но его особое положение должно быть затушевано тем, что испытуемые сами выступают как «исследователи» планирования и организации замысла исследования. Тот факт, что исследователь при этом не может оставаться объективным,

не является для Морено проблемой, поскольку для него речь идет в первую очередь о социальных изменениях, а не о научной объективности как самоцели.

2. Макросоциологические теории. Структурный функционализм Т. Парсонса

Толкотт Парсонс (1902—1979), сын пастора из Новой Англии, вначале проявлял интерес к биологии, но в дальнейшем обратился к политэкономии и социологии. Во время учебы в Англии, в Лондонской школе экономики, он познакомился с культурно-антропологическим функционализмом Малиновского.

Бронислав Малиновский (1884—1942) был одним из основоположников современной культурной антропологии, его имя связано прежде всего с функциональным анализом первобытных культур. Однако функционализм как основополагающая логико-аналитическая концепция — это гораздо более широкое течение с длительной традицией. Малиновский применил функциональный подход к человеческому обществу и определил культуру как инструментальный аппарат, с помощью которого человек может справиться с конкретными проблемами окружающего его мира. Культура — это система предметов, действий, точек зрения, в которой каждая часть служит средством для какой-либо цели и элементы которой находятся во взаимозависимости. Важными комплексами действий являются такие институты, как семья, род, племя, которые организованы определенным образом и представляют собой основные структуры общества.

Особое значение для развития мышления Парсонса имело то, что уже Малиновский воспринимал культуру как систему действий и старался соотнести отдельные области культуры с потребностями человеческого организма. Функционализм ставит перед собой задачу всестороннего объяснения биологических, физиологических и культурных феноменов и их многосторонних отношений.

Парсонс широко использовал естественнонаучные данные и теории, в отличие от немецких ученых-гуманитариев, отрицавших факт, что естественные науки образуют фунда-

мент гуманитарных. Он выступил против натуралистического позитивизма и тем самым против влияния Герберта Спенсера («Спенсер мертв. Кто убил его?») — это означало не отказ от естественнонаучно ориентированного метода, а, скорее, его углубление и обновление; Парсонс выступал против радикального эмпиризма и стремился к восстановлению ценности теории. В течение всей жизни его внимание было направлено на теорию.

Однако обширное творчество Толкотта Парсонса содержит не только абстрактно-теоретические конструкции, но и свидетельствует о его интересе к социальным проблемам и процессам. Так, он занимался проблемами профессионального самоосознания в здравоохранении, системой воспитания, семьей и социализацией, проблемой власти и влияния, феноменами возраста, болезни, смерти и религии, религиозными организациями, расовыми проблемами и т. п. Нам придется ограничиться лишь наброском теории Парсонса в общих чертах. Сам Парсонс называл ее «синтезом трех направлений» — британской социальной антропологии Малиновского и Радклифф-Брауна, социологии Дюркгейма и теории действия Макса Вебера.

Общая *теория действия* должна служить основой кодификации социально-научных знаний, руководством для исследования и базой для специализации социальных наук. Она должна стать универсальной теорией всех социальных наук.

Общая теория действия представляет собой понятийные рамки (the action frame of reference), связную схему понятий, исходным пунктом которых являются действия людей. Вначале рассмотрим основополагающие понятия этой теории.

Действие = целенаправленное, нормативно регулируемое и мотивированное поведение в ситуациях, которое состоит из окружающего мира (объекты) и ситуации (деятели и объекты).

Организм = биофизические основы поведения как деятельности, которые связаны с предметами вне организма = поведенческий организм.

В социальной интеракции большую роль играют знаки и символы, несущие определенный смысл; они становятся средствами коммуникации между деятелями в определенной ситуации. Опыт социального действия включает, таким образом, и культурный символизм.

Конкретная система социального действия — это интегрированная система элементов действий относительно ситуации, т. е. мотивационные и культурные элементы приводятся в порядок, структура которого образуется системами личности участвующих индивидов, системой культуры, которая пронизывает их действия, и социальной системой интерактивных процессов между деятелями.

В терминологии теории действия личность определяется как организованная система ориентации индивида в своих действиях. Наряду с «мотивированной ориентацией» это «ценностная ориентация», которая возникает посредством интернализации «моделей культуры» и которая имеет прямое отношение к элементам системы культуры.

Парсонс различал пять «типовых переменных действия» (*pattern variables*), т. е. парных понятий, которые определяют полярные типы ориентации в ситуациях; это альтернативы, между которыми должен выбирать деятель. Они являются выражением того, что действие объединяет индивидуальную ориентацию с культурными смысловыми связями. В социальной интерактивной ситуации они представляют собой определения взаимных ролевых ожиданий и служат для описания ценностных ориентации деятелей.

1. **Аффективность—нейтральность** (*affectivity vs. affective neutrality*).

Здесь речь идет о проблеме контроля над аффектами, о дилемме, должен деятель следовать импульсам или нет. Альтернативы формулируются по-разному, в зависимости от того, берется за исходный пункт система культуры, личность или социальная система.

Аффективность/нейтральность в системе культуры указывает на нормативный образец, который предписывает немедленное получение удовольствия или контроль над аффектом. В системе личности это означает предрасположенность индивида в определенной ситуации отдаваться своим чув-

ствам или контролировать их. В социальной системе этим обозначаются соответствующие ролевые ожидания.

2. **Ориентация на себя — ориентация на коллектив** (self-orientation vs. collectivity-orientation).

Так обозначается дилемма между собственными интересами и обязательствами перед группой/обществом, между личными и общественными интересами. Она представляется как норма и как ролевое ожидание в определенных ситуациях.

3. **Универсализм—партикуляризм** (universalism vs. particularism).

Речь идет о проблеме, проявляются ли в определенных ситуациях общепринятые нормы, стандарты потребностей и ролевые ожидания или же рассчитывают на особые отношения между субъектом и объектом.

4. **Достигнутое—приписываемое** (ascription vs. achievement»).

В каждой ситуации существует альтернатива, следует ли придавать качествам объекта или его «достижениям» больше значения, т. е. должно ли быть важно, что он, собственно говоря, *есть* или что он *делает*. Нормы, потребности или ролевые ожидания в зависимости от ситуации могут быть ориентированы на качества или достижения.

5) **Специфичность—диффузность** (specificity vs. diffuseness).

Здесь возникает вопрос, занимается ли в определенной ситуации деятель сразу только специфическими аспектами объекта или же «непредубежденно» предоставляет объекту возможность действовать и в зависимости от необходимости реагирует на это. Нормы, потребности и ролевые ожидания в определенных ситуациях могут сразу же уменьшить важность объекта или ее увеличить.

В каждой ситуации действия содержатся эти пять альтернатив, деятель должен сделать выбор между ними, и его решение ведет к определенной организации этих типовых переменных действия. В качестве примера Парсонсу послужили ориентации действий в медицинских профессиях. Здесь преобладает альтруистический идеал отношения, ориентированный на коллектив, в сочетании с универсалистскими отно-

шениями и ориентацией на достижения, эмоциональный нейтралитет, специфические нормы и ролевые ожидания.

Типовые переменные действия представляют собой систему, которая охватывает все альтернативы действия. В то время как аффективность/нейтральность имеет больше значения для мотивационной ориентации актеров, варианты универсализм/партикуляризм и достигнутое/приписываемое имеют особое значение для ценностной ориентации; напротив, ориентация на себя/ориентация на коллектив имеет равное значение как для мотивационной, так и для ценностной ориентации и особое значение для социальной системы.

Система для Парсонса в общих чертах характеризуется взаимозависимостью частей. На основе упорядоченного характера взаимозависимых вариантов система имеет тенденцию к самосохранению, что обычно именуется равновесием системы, если один элемент не вписывается в этот порядок, то либо происходит исключение элемента, либо другие части системы приспособляются к нему.

Систему личности и социальную систему Парсонс считал эмпирическими системами, которые настолько разнятся друг с другом, что не могут быть сведены друг к другу. Тем не менее между ними существует взаимопроникновение, т. е. невозможно себе представить систему личности, не включенную в социальную систему, и социальную систему, которая не является составной частью системы личности.

Парсонс сформулировал компоненты социального действия как часть системы; они сами также обладают системными свойствами, т. е. личность, культура и интерактивная структура представляют собой не неразделимые единства, а организованные целостности с внутренней структурой, которая, однако, важна лишь до тех пор, пока между ее элементами и частями структуры других систем существуют процессы обмена. Структурные элементы формируются как подсистемы **вышестоящих** систем, т. е. системы личности, системы культуры и социальной системы действий.

Действие складывается из ряда взаимозависимых и взаимосвязанных элементов, однако вовне выступает как целое и как таковое вступает во взаимодействие с окружаю-

ним миром. Поэтому само действие можно считать системой, собственные системные качества которой активизируются в интерактивной системе (социальной системе). Однако последняя представляет собой в то же время подсистему действий, поскольку каждое «отдельное действие» складывается из элементов как системы культуры, так и системы личности, организма и социальной системы. Социальная система возникает через интерактивные процессы, которые, в свою очередь, можно считать взаимозависимостью систем действия.

Социальная система состоит из отношений между деятелями и интеракциями, определяемыми ее структурой. Мельчайшей единицей социальной системы является роль, т. е. тот структурный отрезок из ориентации деятеля, который определяет и конституирует его участие в интерактивном процессе на основании дополнительных ожиданий. Роли определяются общепринятыми ценностными представлениями, они являются частью институтов, где они «осуществляют» распределение власти и престижа; они основываются на процессах дифференцирования и распределения, которые, в свою очередь, делают необходимыми интегративные процессы.

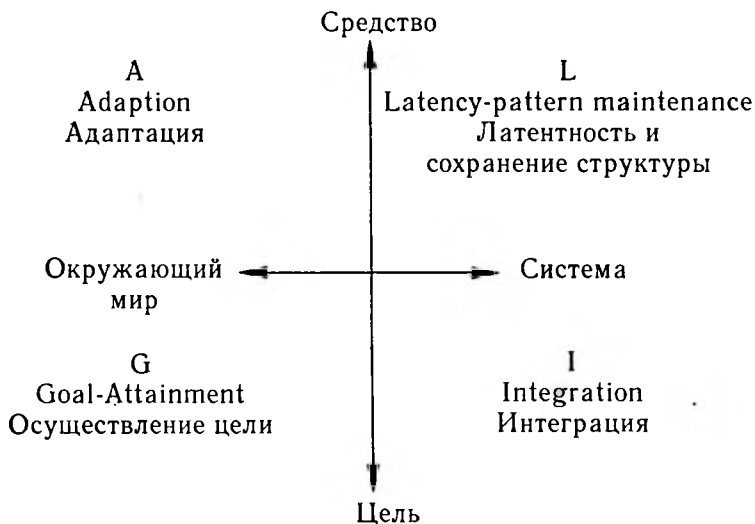
Проблема интеграции касается сохранения и развития коллективности как таковой и определяется переменными ориентация на себя/ориентация на коллектив и их соотношением. При этом речь идет о солидарности группы внутри общества и о солидарности всего общества как такового. Интегративная стратегия социальной системы — это институционализация. Интегративный аспект институтов может проявляться, с одной стороны, в нормах, которые ограничивают частные интересы, а с другой стороны, в позитивном акценте на коллективность.

Парсонс различает *«институты отношений»* (relational institutions), которые касаются дифференциации деятелей и ролей, их распределения в системе; *«регулятивные институты»* (regulative institutions), которые регулируют распределение средств производства и вознаграждений; *«культурные институты»* (cultural institutions), которые охватывают идеологию, религию, символы и т. п. и переводят их в систему культуры, и институты *«интегративной структуры»* (integrative structures), которые не-

посредственно касаются проведения коллективных интересов и выражения социальной системы как коллективности.

В «Working Papers in the Theory of Action», где документирована совместная работа Парсонса с Э.А. Шилзом и Р.Ф. Бейлзом, разработана так называемая четырехфункциональная парадигма, которая стала одним из самых известных разделов теории Парсонса.

Согласно ей, интерактивные системы должны решать четыре функциональные задачи: они должны приспосабливаться к миру в любой ситуации, достигать поставленных перед ними целей, сохранять свою структуру и преодолевать напряженность между своими членами, сплотить группу в единое целое. Итак, они должны выполнять адаптивные, инструментальные, экспрессивные и интегративные функции. Эти четыре функциональные проблемы Парсонс затем проецировал на четырехмерное пространство (action-space) как его четыре измерения. Концепция системы действий была объединена с пространственным представлением, которое позволило перенести физические законы на системы действий. Главным законом является сохранение границ систе-

мы, и отсюда — интеграции системы. Закон инерции обуславливает тенденцию к сохранению структуры (latency-pattern maintenance); принцип действия/противодействия и равновесия сил свидетельствует о присущей элементам системы тенденции к приспособлению (adaptation), а принцип ускорения — о потоке энергии в системе, которая приводит в движение процессы и в системе действий указывает цели и средства для их достижения (goal attainment). Эти четыре аспекта систем представляют собой в то же время фазы в отношении системы и некоей ситуации и являются функциональными требованиями для сохранения границ системы. Тем самым четыре функциональные проблемы, с которыми сталкиваются малые группы, были обобщены и переосмыслены в функциональные предпосылки, имеющие характер законов для существования и изменения систем действий.

Четырехмерное пространство поделено двумя осями, осью ориентации цель—средство и осью отношений система—окружающий мир. Функции структурируют систему на подсистемы.

Подсистема А обеспечивает непрерывное структурное изменение в системе и в отношениях с внешним миром. Подсистема G определяет цели системы и средства для их достижения и применяет их. Подсистема L действует в направлении сохранения структуры системы и преодолевает возникающие противоречия и напряженность. Подсистема I осуществляет интеграцию системообразующих единиц. Таким образом, каждой части структуры соответствует определенная функция, которая должна выполняться системой.

Парсонс определяет общество как социальную систему, которую характеризует высшая степень саморавновесия относительно окружающего ее мира, другими словами, степень открытости социальной системы «общество» мала. Общество — это сложная социальная система как с вертикальным, так и с горизонтальным дифференцированием.

Социальная общность — это стержень общества; его внутрисоциальной средой являются: система ценностей (сохранение институционализированных культурных структур),

политическая общественность (форма правления), характер экономики. Внесоциальной средой являются система культуры, системы личности и формы действия.

Структура системы общества:

Подсистемы	Функции
Социальная общность («societal community»)	Интеграция (I)
Система ценностей	Сохранение структуры и преодоление напряжений (L)
Политическая общественность	Осуществление цели (G)
Экономика	Приспособление (A)

В работе «Социальная структура и личность» (1964) Парсонс рассматривал систему личности; исходя из этого, все остальные подсистемы действия образуют среду системы личности, однако содержатся в ней как элементы структуры. Поэтому социализация и процесс взаимопроникновения между социальной системой и системой личности определяются как усвоение требуемых ориентаций для удовлетворительного функционирования в роли. С точки зрения системы личности социализация есть усвоение системы культурных символов посредством интеракции. Это усвоение культуры происходит путем интеракции с другими людьми, и потому идентификация с их ролью всегда содержит также аффективную ориентацию на другие личности, а также умение их генерализировать и категоризировать в их роли. Условием социализации личности является то, что удовлетворение ее потребностей происходит не просто посредством объектов, а предполагает ценности, нормы и символы, которые усвоены личностью. Это и есть Сверх-Я Фрейда, которое Парсонс

попытался определить по-новому путем различения культуры как объекта и культуры, усвоенной личностью.

Интеграция личности — это функция Я, которое, однако, сталкивается с Оно (организм), внешней ситуацией (социальная система) и усвоенной системой символов культуры (Сверх-Я). Сверх-Я имеет у Парсонса главное значение, оно одновременно часть Я и расширение Я за счет включения усвоенной культуры. Она охватывает когнитивную систему отношений, общие моральные мерки (собственно Сверх-Я) и экспрессивные символы. Сверх-Я как расширение Я за счет элементов культуры возникает посредством социальной системы, т. е. интеракций с другими. Важно при этом помнить, что Парсонс считает социально и культурно обоснованным не только Сверх-Я, но и Я, поскольку Сверх-Я есть часть, а у Парсонса — главная часть Я. Благодаря этому новому определению Сверх-Я Парсонс считал возможной разработку теории личности и теории социальной системы на основе общей понятийной схемы.

В своих поздних работах Парсонс пытался дополнить статический анализ социальных систем анализом протекания процессов. Процессы в социальных системах вначале представляют собой интеракции. Поскольку социальные системы являются системами действия, интеракции происходят с помощью языковых и неязыковых символов, становятся коммуникациями. Эти процессы коммуникации, будучи системными процессами, проявляют кибернетические свойства. Структура как комплекс институционализированных и интернализированных культурных образцов и процесс как целенаправленное действие лиц и групп представляются ему двумя аспектами наук о действии. Понятие функции объединяет структуру и процесс с точки зрения системы.

Общественное развитие рассматривается как процесс функциональной дифференциации в подсистемах и как процесс интеграции в целях сохранения границ социальной системы, а также ее подсистем как функциональной специализации. В таком плане Парсонс анализирует развитие процессов дифференциации в обществе и связанных с ними процессов приспособления, интеграции и обобщения ценностей.

Функции социальных систем не только могут быть привлечены как инструменты для установления структурных элементов, но и сами рассматриваться как процессы: поскольку они в общем формализованы в направлении постоянно растущих дифференциации и специализации, они представляют собой принципы эволюционного развития, которые обычно применяются для объяснения общественного развития (evolutionary universals). В принципе Парсонс исходит из непрерывной эволюции живых организмов вплоть до общественно-культурных форм. Прыжок к социально-культурной эволюции происходит путем замены гена на символ как фундаментальный структурный элемент; таким образом, эволюция стала процессом изменения систем действия. Общественная эволюция интерпретируется Парсонсом как кибернетические коммуникационные процессы между обществами, вызванные ростом способности приспособления. Результатом этого становятся изменения типа общества с точки зрения формы экономики, режима, общественной структуры и системы ценностей. Хотя процессы изменения часто берут свое начало в технико-экономических новациях, Парсонс все же считает, что в основном ход общественной эволюции определяют культурные и интегративные процессы.

Ведущую роль в эволюции общественных систем Парсонс отводит системе культуры, поскольку в кибернетической иерархии она имеет наивысший ранг. Таким образом, он считает культурно-институциональные факторы наиболее самостоятельными и независимыми. В этом отношении он отличался от Уильяма Огборна и его теории «культурного отставания», которая исходила из отставания культурных (нематериальных) аспектов относительно развития технико-материальных систем.

Парсонс считает нормативные элементы более важными для изменения социальных систем, чем материальные интересы. Парсонс придает первостепенное значение «общественному объединению» и исследует реальное общество прежде всего с этой точки зрения. Однако общественное объединение часто подразумевает весьма различные явления: в теоретическом аспекте Парсонс трактует это как нор-

мативно-институциональную систему, в контексте исторического анализа это понятие, однако, в основном имеет значение «народ».

Развитие системы современных обществ шло по пути трех революций: промышленной, демократической и образовательной. Эти революции вызвали прогрессивные изменения в принципиально эволюционном развитии. Промышленная революция последовала за распространением рыночной системы, где деньги были основным контрольным механизмом экономического процесса. Она создала базу для широкого распространения материальных благ и повышения благосостояния широких слоев населения. Она вызвала дифференцирование и специализацию профессиональных ролей, что стало главным аспектом социальной структуры. Демократическая революция, продолжая традиции Французской революции, привела к уменьшению господства человека над человеком, росту личной свободы, контролю народа над избранными лицами, которые приобрели власть и авторитет благодаря своим постам. Предпосылкой демократической революции был новый тип общности, которая отличается от политической общественности, — нация. Образовательная революция последовала за промышленной и демократической революциями и дополнила их. Главным ее аспектом является равенство шансов, которое увязывает успех с гражданскими правами на свободу и равенство. В центре этой революции находится, согласно Парсонсу, университет, причем именно американский университет. Возможность получения образования всеми подразумевает, что общественные различия перестают быть «роковыми» и становятся «сеткой», заполняемой меняющимися фигурами. Поэтому образовательная революция привела к изменению основ общественного расслоения, которое опирается не на власть и богатство как таковые, а является следствием способностей и образования.

Структурный функционализм выдвигает особую концепцию обоснования социального неравенства. Социальная структура является результатом процесса горизонтальной и вертикальной дифференциации в общественных системах в

ходе их эволюционного развития. Она является выражением определенного уровня эволюции, типа общества и его функциональных требований. В современных обществах они исполняются с помощью универалистских критериев достижений, что означает, что иерархия постов и персональный состав не идентичны. Посты занимают согласно способностям и достижениям; более высокая квалификация потому и оплачивается более высоко. Такое специфическое неравенство постов и вознаграждений является в системе современного общества функциональным.

Для теории Парсонса характерны абстракция и формализм. Тем не менее само это Парсонс связывал с развитием современных обществ, особенно с тенденциями американского общества, и считал, что его теоремы могут предложить альтернативную интерпретацию этих явлений. Так, изменения в структуре американских семей не обязательно являются дезорганизацией, а трактуются как процесс дифференциации. Он также объясняет изменение в отношении к религиозным организациям не как секуляризацию и падение религиозности, а как дифференциацию; он также признает за масс-медиа интегративную функцию, в то же время негативно оценивая массовую культуру.

С помощью теории Парсонса возможна альтернативная трактовка и объяснение общественных структур и процессов, которые нельзя вывести из общественных теорий прежних времен, и лишь на основе всеобщего характера теории Парсонса можно дать объяснения, которые соответствуют современному обществу.

После двух десятилетий резкой критики и отрицания в конце 80-х гг. вновь появился интерес к теории Парсонса, отчасти с узкоисторической точки зрения, отчасти с намерением модифицировать и развивать дальше его теоретические выкладки.

В дальнейшем мы обратимся к нескольким основным положениям структурно-функциональной теории помимо «парсоновской конструкции». Существенной проблемой структурно-функциональной теории являются ее отношение к эмпирике; эту проблему должны были устранить «теории среднего уровня» («Middle range Theories»), как их именовал Мертон.

3. Функциональный анализ и теории среднего уровня

Особое влияние на Роберта К. Мертон (р. 1910) оказал Дюркгейм и его понимание теории и практики. Поэтому он постоянно подчеркивал совместимость исследования причин и функционального анализа. Если вопросы о возникновении требуют применения каузального анализа, то на вопросы о следствиях можно ответить с помощью функционального анализа. Он интерпретирует эмпирические данные, перерабатывая их результаты в большие структуры, в которые они включены. В то время как мотив цели относится к намерениям или мотивам отдельного деятеля, понятие функции с них снято и отнесено к последствиям действия для больших связей, которые представляют социальную и институциональную среду деятеля. «Функциональность» феномена следует из рассмотрения общих потребностей социального организма и сопоставления с действием и последствиями поведения или события.

Функциональный анализ осуществляется рядом рабочих шагов. Вначале идут функциональные требования системы, затем следуют описания различных механизмов, которые служат для выполнения этих требований; при возникновении нарушений они должны быть диагностированы и исследованы в целях устранения, однако нарушения могут быть устранены лишь тогда, когда описаны составные части структур, функции которых нарушены, и известны механизмы функций и характер их воздействия.

При этом Мертон ориентировался на методический характер процесса в биологии и физиологии. Функционалистский подход Мертон модифицировал, приняв постулат, что единство, к которому относится функция, по мере надобности должно быть специфицировано. При этом он отказался от концентрации на единстве всей социальной системы в пользу подхода, который соединяет части между собой и интересуется их функциональным отношением. В то время как в просто структурированных обществах, с которыми имеют дело антропологи, можно функционально соотнести каждый феномен с целым, в сложных обществах необходимо по мере

надобности обозначать, в отношении чего данный элемент функционален.

В теории Парсонса речь шла в первую очередь о создании всеобъемлющей, универсальной теории и о кодифицировании в ее рамках понятий этой теории. Напротив, Мертону важно не создать теорию, а соединить структурно-функциональный анализ и эмпирическое социальное исследование. Поэтому «большой» теории он противопоставлял «теории среднего уровня» как альтернативу; они находятся между статистически-эмпирическими рабочими гипотезами и общей всеобъемлющей теорией. Эти теории среднего уровня представляют собой понятийные конструкции, которые еще можно проверить и обосновать эмпирически, но это уже нечто большее, чем просто обобщение эмпирических данных. Основополагающими понятиями теорий среднего уровня являются концепции исходных групп, анонии, бюрократии и т. п.

Склонность Мертона к эмпирике проявилась также в сотрудничестве с Паулем Ф. Лазарсфельдом. Сотрудничество двух ведущих социологов Колумбийского университета позволяло надеяться на то, что теперь и в социологии появится некий единый образец, который соединит теорию и эмпирическое исследование.

Дисфункции и латентные функции. Мертон отверг постулат антропологического функционализма, согласно которому общество представляет собой некое функциональное единство. По Мертону, не все социальные формы имеют обязательно положительные функции; гораздо чаще они обнаруживают остаток функциональных следствий и развиваются и применяются посредством «*struktural strain*» — структурного напряжения между функциональными, дисфункциональными и нефункциональными следствиями. Также не существует неизбежных функциональных предпосылок, а одна и та же функция может в большинстве случаев выполняться альтернативными объектами. Отсюда вывод: функции связаны с переменными структурами; существуют функциональные альтернативы для определенных функций.

Особое внимание Мертон обратил на тот факт, что функции как объективные следствия действий людей отличаются от субъективного целеполагания. Функциональность системы и рациональность действий должны рассматриваться отдельно, хотя между ними существует связь. Мертон различал те функции, у которых совпадают сознательные субъективные намерения и объективные следствия, и именовал их «явными функциями». Латентные функции — это те, у которых объективные последствия отличаются от субъективных диспозиций, т. е. эти следствия не предполагались или вызваны ненамеренно. «Вещь», институт могут иметь как явные, так и латентные функции. Явная функция машины — служить транспортным средством; латентные функции связаны с престижем, который обеспечивает дорогая машина.

Латентные функции конфликтов заключаются в их воздействии на повышение сплоченности группы. Религия имеет явные функции, но также и латентные, не общепризнанные и легитимные следствия для социальной структуры вследствие большого значения, которое она придает традиции. Мертон считал латентные функции не только теоретическим инструментарием сложной и в какой-то степени иррациональной действительности, но и обязательными для социального планирования. «Социальный инженер» (social engineer), чтобы определенным образом изменить организацию, должен учитывать как явные, так и латентные функции институтов, традиций, характера поведения.

Собственная динамика прогнозов. Мертон был согласен с теоремой Томаса («Если люди считают ситуации реальными, то они реальны по своим последствиям») и сформулировал понятие «self-fulfilling prophecy» «самоисполняющийся прогноз». Часто побуждают к действиям не объективные факты, а слухи, предрассудки, переосмысление, сообщения и т. п. Необоснованный слух о предстоящей несостоятельности какого-нибудь банка может побудить его вкладчиков к такому поведению, которое действительно приведет к несостоятельности банка. Студент, внушающий себе, что провалится на экзамене, вводит себя в такое состояние, что действительно проваливается. Таким образом,

«self-fulfilling prophecy» основывается на первоначально неверной оценке ситуации, которая, однако, обуславливает такое поведение, которое делает эту ситуацию реальной. «Self-fulfilling prophecy» также действен как выражение групповой солидарности и дифференциации по отношению к враждебным группам. Собственная группа («in-group»), к которой человек чувствует себя причастным, будь то компания в классе, футбольный клуб, религиозная община, политическая партия, раса, нация и т. д., короче, любая группировка, обозначаемая как «мы», содержит положительную оценку, в то время как «другие» — чужая группа («out-group») — наделяются негативными чертами, которые могут оправдаться из-за вызванного своим поведением враждебного отношения. Даже вполне положительные действительные достижения и успехи out-groups, например, евреев или негров, интерпретируются негативно, и любое поведение членов этой группы воспринимается лишь как еще одно подтверждение «теории» о вредном влиянии евреев, негров, коммунистов и т. п.

Мертон подчеркивал, что подобный «порочный круг» слухов и страхов возможен лишь тогда, когда отсутствует надлежащий институциональный контроль, и выступал за то, чтобы политическими мерами и контролем устранить воздействие «self-fulfilling prophecy». В качестве примера он привел тот факт, что учреждение Федеральной корпорации страхования депозитов при Рузвельте с успехом приостановило крах многих банков. Он отказывался от того, чтобы из-за влияния слухов на человека делать фаталистический вывод, что такова человеческая природа, а отмечал, что в гораздо большей степени это свидетельствует о возможности формирования человека.

Противоположностью «self-fulfilling prophecy» является «self-destroying (suicidal) prophecy» («саморазрушающий прогноз»).

В этом случае верный сам по себе прогноз не подтверждается поведением, которое он вызывает, он разрушает себя сам. Примеры тому можно найти в повседневной жизни (например, объявление о пробке на шоссе побуждает водителей избрать другую дорогу, так что до пробки дело не дохо-

лит). Но сюда же можно отнести и социально-научные высказывания; это указывает на факт рефлексивности социально-научного высказывания, т. е. на то, что объекты социальных наук могут на него реагировать (например, результаты опроса, согласно которому антисемитизм в Австрии распространен, приводит к тому, что опрошенные при следующем опросе становятся осторожнее с антисемитскими высказываниями).

«Саморазрушающийся прогноз» можно считать специфическим свойством социально-научного познания, которое подчеркивает его рефлексивный характер, особенно в реальных исторических условиях современных масс-медиа, и влияние социальных исследований на политические и экономические решения. Результаты опросов перед политическими выборами, которые публикуются, могут так повлиять на избирателей, что они поведут себя совершенно иначе и результаты выборов будут иными. Эффекты, играющие при этом роль, в американских социальных исследованиях были названы «bandwagon-effect» (эффект попутчика), «underdog-effect» (эффект сострадания) и т. п. В основном речь при этом идет об аналитическом учете социально-научной рефлексивности и собственной динамики, не отказываясь при этом от субъектно-объектного разделения.

«Ролевой набор» (role-set) и исходная группа. Люди анализируют свою ситуацию и корректируют свое поведение, сравнивая себя с другими, ограничивая себя, уподобляя себя кому-то; «другие» служат социальным обрамлением для самопознания и поведения индивидов. «Другими» могут при этом быть совершенно различные категории: собственная группа (in-group) или коллектив, чужая группа, от которой хотят отмежеваться (негативная исходная группа), а также группы, к которым человек не принадлежит, но к членству в которых стремится. Может также случиться, что в определенной ситуации на поведение воздействуют несколько исходных групп: например, коллеги, профессора, родители студентов. Таким же образом можно дифференцировать поведенческие ожидания, которые возникают из роли индивида и которые представляют собой ролевой набор (role-set) различных ожиданий многих исходных групп

в одной роли. Между этими ожиданиями или поведенческим ориентированием могут существовать противоречия; тогда индивид оказывается перед ролевым конфликтом, внутри- или межролевым, в зависимости от того, относятся ли противоречивые ожидания к одной или нескольким ролям их носителя.

Мертон использовал теорию исходных групп для иллюстрации своей концепции теорий среднего уровня. С помощью аналитической концепции исходных групп можно объяснять характер поведения в его закономерностях и различиях, а именно — путем взаимодействия теоретической конструкции и эмпирического исследования.

Аномия и отклоняющееся поведение. В своем анализе отклоняющегося поведения Мертон исходил из понятия аномии у Дюркгейма. Дюркгейм понимал аномию как состояние отсутствия норм в обществе. Мертон определял аномию как отсутствие правил (обычаев, нравов, институтов), которые устанавливают, как могут быть достигнуты цели, высоко ценимые с точки зрения культуры.

Согласно Роберту Мертону, аномия возникает вследствие несоответствия заданных культурой целей и институциональных возможностей индивидов в достижении этих целей. Люди пытаются преодолеть эту пропасть между целью и средствами с помощью определенного поведения. Индивиды демонстрируют принципиально различное отношение как к целям, так и к институциональным средствам, которые имеются в их обществе. Эти формы приспособления Мертон дифференцировал следующим образом:

	Цели	Средства
Конформизм	+	+
Инновация	+	-
Ритуализм	-	+
Ретритизм («уход»)	-	-
Бунт	(\mp)	(\mp)

«+» — принятие, «-» — отвержение, « \mp » — отвержение традиционных ценностей и принятие новых.

Преобладание **конформизма** относительно культурных целей и средств характеризует общество как не-аномичное. Напротив, остальные формы — это формы отклоняющегося поведения.

Инновация: акцептирование целей и поиск новых путей их достижения. При этом речь может идти о положительном вкладе, но также и о негативно-девиантном поведении (криминал).

Ритуализм: приверженность обычаям, нравам, нормам не включает акцептирование целей.

Ретритизм: не принимаются ни цели, ни средства («аутсайдер»).

Бунт: в этом случае старые средства и цели заменяются новыми.

Мертон считал постоянный акцент на экономическом и социальном успехе как цели в американском обществе «склонностью», которая может привести к аномии, если эта цель будет сведена просто к сравнению результатов, без учета того, чтобы путь к ней тоже давал удовлетворение.

Джорджа К. Хоманса (р. 1910) и Парсонса объединяют два совместных этапа развития. Оба, хотя и в разное время, принимали участие в семинаре по «Общей социологии» Вильфредо Парето, который он открыл для американской социологии. Кроме того, оба они обратились к психологическому изучению малых групп, причем Хоманс в большей мере, чем Парсонс, и оба сделали в итоге совершенно разные выводы.

Хоманс занимался английской литературой, антропологией и историей. Он отрицательно относился к функциональному мышлению, поскольку оно подразумевало ориентацию на целое, где индивидуальное поведение было лишь вкладом в сохранение целого. Он пришел к выводу, что конечные объяснения в антропологии, истории и социологии следует искать в области психологических гипотез. Так, он определял историю как «изучение изменения человеческого поведения во времени». При этом Хоманс исходил из бихевиористской психологии, а особенно — из экспериментального исследования Б.Ф. Скиннера.

Социологию, которую Хоманс пытался построить на этой основе, можно охарактеризовать как «бихевиоральную социологию». В соответствии с бихевиористским мышлением она основывается на предположении, что объектом социологии является индивидуальное поведение или интеракции между индивидуальными деятелями. Социальные структуры, институты и т. п. есть не что иное, как сочетание индивидуальных характеристик поведения. Поведение является социальным тогда, когда между индивидами происходит процесс действия-реакции. Однако не интерактивная связь как таковая является исходным пунктом научного объяснения, а индивидуальное поведение.

Объяснение социального поведения и социальных структур посредством бихевиористски-психологических гипотез подобно сведению социологии к бихевиористской психологии. В соответствии с этим люди, которых Хоманс вновь возвращает в социологию, являются поведенческими организмами, которые реагируют на воздействие внешних раздражителей.

Объектом его социологии является «элементарное социальное поведение», т. е. повседневное, наблюдаемое поведение индивидуальных деятелей. Оно должно служить основой для создания номологических гипотез, т. е. для открытия законов поведения.

Учитывая индивидуальное поведение, Хоманс различал:

- деятельность, т. е. движения деятелей, которые могут восприниматься третьим лицом и которые можно изучить;
- чувства, т. е. активность (!), в которой проявляются отношения или настроения;
- интеракции — взаимодействие между лицами, которое может быть усилено реакцией возможного другого лица.

Изменяющимися признаками деятельности являются количество, т. е. частота появления некоего действия, и ее качество, т. е. ценность действия относительно состояния организма между лишением и насыщением. Ценность действия можно определить в духе современной неоклассической политэкономии как субъективную пользу, вследствие чего Хоманс говорит также об экономическом объяснении социального поведения или о социальном поведении как обмене.

ЛЕКЦИЯ 2.

1. Конфликтология.
2. Символический интеракционизм.
3. Этнометодология.
4. Теория структурообразования Э. Гидденса

1. Конфликтология

Ч. Райт Миллс (1916—1962) был исключительным явлением среди американских социологов. Он получил образование в Висконсинском университете, где учился у Ханса Герта и Говарда Бекера, в 1956 г. он стал профессором Колумбийского университета, где испытал сильное воздействие Роберта Линда, который был настроен по отношению к американскому обществу весьма критично. Он принадлежал к кружку бывшего троцкиста Дуайта Макдональда, который сделал своей целью бескомпромиссную критику современного индустриального общества. Миллс стремился к разработке постмарксистского анализа общества. При этом он находился под сильным влиянием исторического метода Макса Вебера, что ставило его в позицию аутсайдера в американской социологии с ее преимущественно психологической ориентацией. Его книги «Белые воротнички» (1951), а еще больше «Правящая элита» (1956) натолкнулись на отрицательное и даже возмущенное отношение в социологических кругах и, кроме того, интересующейся политикой интеллигенции. Следствием стала его значительная изоляция в США. Во время поездок в Европу он установил контакты с новыми левыми в Англии, ревизионистами в Польше; он посетил Кубу и выступил в поддержку Кастро и против американского империализма в Латинской Америке.

Его критический анализ американского общества начался с исследования о руководителях профсоюзов, которые не разделяют традиционной американской ориентации на средний класс и не склонны к идеологической терпимости в отличие от большинства членов профсоюзов. Тем самым они становятся определяющим фактором власти при существующем порядке. Американский средний слой для Мил-

лса — это бессильная и продажная масса «людей в бюро» («Белые воротнички», 1951), которые служат большим организациям, находящимся в центре гигантского современного механизма управления людьми. Таким образом, тема Миллса напоминает проблему, рассмотренную Уильямом Ф. Уайтом несколько позже в «Человеке организации» (1956).

Правящая элита из банкиров, политиков, военных представляет собой антидемократический фактор господства, подлинное влияние которого ускользает от всякого демократического контроля. Самым главным следствием из этого был для Миллса тот факт, что правящая элита может воспрепятствовать формированию оппозиционных сил, поскольку она властвует над общественным мнением.

Одной из сквозных тем у Миллса является бессилие и дезориентированность масс в современном индустриальном обществе, несмотря на его демократический строй. Социология — или то, что он именовал «социологическим воображением» — должна была, по Миллсу, помочь правильно использовать избыток информации, разумно следить за мировыми событиями и понимать их значение для индивида. Мыслить социологически значит учиться понимать историю и свой собственный жизненный путь и их отношение к обществу. Это включает также понимание культурного значения социальных наук.

Значение социальных наук для культурных проблем своего времени Миллс рассматривает в работе «Социологическое воображение» (1959). Он пишет: «Понятие социальных наук, как я считаю, находится в явном противоречии с социальной наукой в смысле бюрократических технологий, которые сковывают социальные исследования посредством “методологии” и пичкают его концепциями, которые все лишь затемняют, или сводят его до уровня тривиальных занятий незначительными проблемами, не связанными с настоящим важным общим положением вещей». С подобными взглядами он был довольно одинок в эпоху растущего «онаучивания» и технологизирования социологии.

Миллс критически рассматривал теорию Парсонса, которой он приписывал идеологическое значение в деле легитимации господствующих структур. Он особо ставил в вину современной социологии ее «социально-техниче-

скую» ориентацию на практическую полезность, на то, чтобы стать основой планирования, управления и контроля. Тем самым она превращается в бюрократический инструмент для сохранения и легитимизации власти. Это особенно касается социальных исследований, которые переживали в 40—50-е гг. небывалый подъем и стали дорогостоящим мероприятием, оплачиваемым заказчиками из среды политиков, высшей сферы экономики и военных.

Тем самым Миллс ни в коем случае не отрицал социальных исследований, ориентированных на практику, а выступал лишь против примата метода и использования социальных наук в целях бюрократического управления. Таким образом, Миллс шел вразрез с мощным течением американской социологической традиции, против натуралистически-позитивистской и прагматически ориентированной прикладной социологии. Миллс также резко выступал против изгнания истории из круга социальных наук и указывал на то, что социальные структуры можно понять только изучая историю их возникновения и формирования в течение долгого времени.

Миллс объединял значение социологии с экзистенциальным определением положения в пространстве и во времени, к которому должен стремиться человек, чтобы понять, кто он есть и куда идет. А цель социологии, по мнению Миллса, заключается в том, чтобы дать человеку возможность быть свободным, активно вмешиваться в историю, но в то же время не позволять собой управлять тем, кто стоит у власти, не позволять навязывать себе их мнение. Именно в демократическом массовом обществе с его сверхорганизацией и скрытыми структурами власти Миллс видел необходимость подобной эмансипации мышления.

Миллс с его критикой общества имел мало последователей; следующая волна критики в Америке была связана с идеями Герберта Маркузе и его влиянием в рамках студенческого движения конца 60-х гг. Несмотря на свою революционно-диалектическую критику, они в основном носили характер критики культуры. Общим с идеями Миллса был в них акцент на бессилие масс и манипулирование ими. Но если Миллс старался выявить конкретные властные структуры, то у Маркузе «противник» терялся за общей критикой технократии.

2. Символический интеракционизм

Наименование «символический интеракционизм», введенное Гербертом Блумером (1900—1987), претендует на то, чтобы быть альтернативой как макросоциологическому функционализму, так и индивидуально-психологически обосновываемому интеракционизму Хоманса. Герберт Блумер был преемником Дж.Г.Мида в Чикагском университете и впервые открыл Мида широким кругам социологов. Он опирался на Мида и Чикагскую школу социологии как основу символического интеракционизма.

Ссылки Блумера на Дж.Г. Мида как подлинного основателя символического интеракционизма вызвали критику тех, кто видел принципиальное различие между социальным бихевиоризмом Мида и символическим интеракционизмом. На это Блумер возражал, что между концепциями его и Мида нет существенного различия; обе они продолжают натуралистическую традицию.

Символический интеракционизм в первую очередь интересуется реальное понимание того, что происходит между социально действующими на самом деле. Философский прагматизм представляет собой общую основу, исходя из которой уже со времен Зиммеля прослеживаются связи с традицией понимающей философии жизни. Однако по своей сути символический интеракционизм сохраняет бихевиористскую модель мышления, но в то же время учитывает в анализе как факт взаимной интерпретации, так и социальное возникновение значений в интерактивном процессе. От Мида символических интеракционистов отличает то, что они в большей степени социологи, чем Мид. Если для Мида речь идет об объяснении становления «Я» как социального процесса, то у Блумера в центре стоит он сам, а социальный генезис «Я» — это уже предпосылка.

Символические интеракционисты исходят из того, что социальный процесс сосуществования создает и поддерживает правила, а не наоборот — лишь правила создают и поддерживают интеракции. Уже существующие правила должны в каждой новой ситуации действия заново интерпретироваться участниками действия и адаптироваться к данной конкретной ситуации.

Согласно Блумеру, символический интеракционизм основан на *трех предпосылках*.

1. Люди действуют на основании значений, которое имеют предметы, люди или ситуации для совершающих действие.

2. Значение возникает в процессе социального взаимодействия.

3. Значение применяется и модифицируется в процессе интерпретации, идущем между осуществляющим действие и окружающим миром.

Этот процесс интерпретации происходит в две фазы: вначале имеет место «внутренняя коммуникация» личности с самой собой о «предмете», ситуации и других участвующих лицах, в отношении которых индивид хочет или должен совершать действия. Затем значения проверяются с учетом желаемого управления действием. Значения, возникающие в социальном процессе, действующий не просто воспринимает как нечто предварительно заготовленное, но обдумывает и изменяет в зависимости от ситуации и цели действия.

Понятия служат инструментом, чтобы обеспечить рациональные действия с учетом среды. Поэтому выработка понятий стоит в начале всякого изменения реальных исторических условий, например, путем революционных действий: понятие неравенства должно было прежде пройти длительный и сложный процесс коллективного переосмысления в понятие несправедливости, чтобы стать стимулом к действию.

Понятия — это способ подхода к познаваемому миру, который может изменить этот мир. Поэтому Блумер исследовал социальный интерактивный процесс как процесс, через который определенные факторы приобретают значение и тем самым становятся действенными. Это положение в принципе можно отнести и к самой науке. В намерения Блумера входил пересмотр таких традиционных понятий в социологии, как статус, роль, нормы и т. п. Он считает, что обычное употребление этих понятий в социологии овеществляет реальность посредством наклеивания ярлыков (этих понятий). Научные понятия, так же как и все остальные, приобретают свое значение лишь в процессе социального взаимодей-

ствия. Статус, норма, роль получают свое практическое значение лишь при социальном взаимодействии.

Если социология в традициях Дюркгейма исходит из представления о твердо установленном жизненном порядке (культура, социальный порядок), который заключается в правилах, нормах, ценностях и т. п., то Блумер отвергает этот твердый жизненный порядок и считает, что существует целый ряд неинституционализированных областей и что существующие правила в любой ситуации заново интерпретируются деятелями и потому в определенном смысле должны создаваться заново. Общественные образцы интерпретации правил в каждой отдельной ситуации видоизменяются и интерпретируются заново.

У Дюркгейма социальные факты воспринимаются индивидами как оказывающие внешнее принуждение на их действия. Блумер, напротив, подчеркивает, что социальная действительность непрерывно создается и изменяется индивидами в процессе их взаимодействия. Такие сложные социальные образования как классы, объединения, организации, институты, которые традиционная социология рассматривала как целое с собственной динамикой, являются для символического интеракционизма распоряжениями лиц, действия которых связаны между собой и чье восприятие ситуации совпадает. Они объясняют социальное действие в организациях не принципами организации или системы, а процессами интерпретации, которые являются результатом символических интеракций действующих (деятелей).

Герберт Блумер называет задачей социологии прямую «натуралистическую» проверку эмпирического социального мира. Это мир нашего повседневного опыта, определяющий перспективу, из которой мы видим жизнь свою и чужую. Он входит в науку в качестве предпосылки. Отсюда ученый определяет постановку вопроса и проблему исследования. Оно, в свою очередь, определяет, какие данные следует найти, чтобы на основании плана исследования их сопоставить и интерпретировать.

Блумер различает два метода социальных исследований: эксплорация (исследование) и инспекция. Эксплорацией он считает определение постановки проблемы и разработку

плана. Это столкновение исследователя с «предметами», которые он собирается исследовать. Необходимые для этого методы имеют эвристическое значение и должны обладать большой гибкостью.

Возникшие в процессе научной коммуникации значения, понятия, аналитические категории и т. п. должны быть перепроверены с учетом конкретной проблемы и ее эмпирического содержания. Такие понятия как «интеграция», «мобильность», «харизма» и т. п. должны применяться к конкретному исследовательскому замыслу, их эмпирическая важность должна быть перепроверена. Этот процесс Блумер называет «инспекцией».

По мнению Блумера, процесс исследования поэтому менее важен для объяснения объекта, он сам понимается как интегративный процесс. Наука — это процесс, в котором истолковывается действительность. Она основывается на совокупности уже имеющихся научных образцов, которые в процессе исследования как дискурса между наукой и объективным миром модифицируются, переистолковываются.

Таким образом, объективный мир и наука не подразделяются строго на объект и субъект, а наука тоже становится частью социального процесса. Однако «натуралистическая» позиция Блумера, как и Мида, является отходом как от идеалистической, так и от реалистической точек зрения. Хотя реальный мир постулируется как объект, но он воспринимается не как жестко заданный, а как изменяющийся в зависимости от нашего восприятия. Натуралистически это, соответственно, означает, что, несмотря на подчеркнута субъективную интерпретацию, речь идет о реальном мире повседневной жизни и действий, которые естественно производятся людьми в их обыденном поведении.

Ирвинг Гоффман. Анализ Ирвинга Гоффмана (1922—1982) пронизан многообразием перспектив, которые представляют «социальные миры» для участвующих индивидов. Гоффман, пожалуй, самый известный автор, которого обычно причисляют к символическим интеракционистам. Из-за оригинальности вклада Гоффмана подобное причисление несколько проблематично, хотя он разделяет целый ряд положений интеракционистов. Сам он считал себя скорее оди-

ночкой, чем представителем какого-либо направления; это, впрочем, только самооценка, которая имеет в Америке определенную традицию.

Гоффман занимался ситуативными системами действий, т. е., в отличие от функционалистов, не прочными структурами, а «моментальными снимками» поведения людей, которые что-либо делают вместе. Вместо объяснения «больших структур» он выбирает «атомистические рамки» и задает вопрос, а что же происходит, собственно, в совершенно определенной реальной ситуации. Поэтому человек у Гоффмана определяется и объясняется без ссылок на культуру, историю, общественную структуру: он есть то, что он сейчас делает. Поведение определяет бытие, или «doing is being» («поступок есть бытие»).

В соответствии с этим на первый план у Гоффмана выходит выразительное поведение, т. е., хотя поведение человека определено в содержательном плане, наряду с этим индивид посылает сигналы, делает жесты и т. п., которые выражают это содержание, но могут относиться и к другим вещам. Это вновь напоминает об известной возможности несоответствия между вербальной и невербальной коммуникациями. С помощью выразительного поведения, которое имеет преимущественно невербальный характер, человек сознательно или неосознанно производит определенное впечатление на других. Действительное впечатление у адресата следует при этом отличать от того, какое впечатление намеревается произвести действующий индивид. Выразительное поведение используется для представления себя, для создания впечатления, которое индивид хотел бы произвести на других («impression management»).

Выразительное поведение может также выдать «истинные» или «собственные» мотивы, намерения, установки человека, может дать другим представление о нас, которого мы не имели в виду, может уличить наши слова во лжи. Однако оно может использоваться и намеренно, чтобы создать обманчивое впечатление, чтобы солгать и т. п.

В социальной интеракции индивиды реагируют как на содержание действия, так и на истолкование действия самим действующим, которое он демонстрирует своим осо-

знаваемым выразительным поведением, но также и неконтролируемым выразительным поведением: восприятие этого также определяет их интерпретацию действия. Кроме того, интерактивная ситуация осложняется еще и тем, что участники в зависимости от обстоятельств могут занять в отношении своих собственных действий и поведения различные позиции («честная», «циничная» и т. д.).

Эту многослойность Гоффман пытался охватить с помощью драматического анализа, который переносит принципы театра на социальную интеракцию. Он использует такие структурные элементы театральной ситуации, как отношения актер—публика, личность—роль, сцена—кулисы, чтобы отразить социальные ситуации и интерактивное поведение.

На основе этой теории взгляды Гоффмана можно сформулировать следующим образом:

— люди действуют в ситуациях не независимо друг от друга, а как участники ситуации;

— при этом они ориентируются на образцы поведения, которые они, однако, вызывают к жизни и интерпретируют лишь посредством своего «исполнения»;

— люди действуют не только с учетом какой-то цели, которая представляет содержание действия, и вступают тем самым в контакт с другими, общаются друг с другом и на ином уровне, на котором они производят определенное впечатление о себе и истолковывают выразительное поведение других;

— люди в своей социальной коммуникации не всегда являются тем, чем они кажутся; впечатление, подразумеваемый смысл и содержание действия могут отличаться друг от друга.

Соотношение I—Me, которое в социальной психологии Мида в постоянном внутреннем диалоге конституирует саму личность, Гоффман интерпретирует как расщепление идентичности человека и рассматривает его как основное экзистенциальное условие человеческого бытия. Между патологической картиной раздвоенной личности в психиатрии и нормальной человеческой ситуацией, согласно Гоффману, существуют лишь «постепенные» различия, что приводит к

тому, что поведение душевнобольных в заостренной и крайней форме отражает нормальное поведение. Основной интерес Гоффмана направлен на идентичность человека в обществе; социальная интеракция представляет собой для человека рискованный процесс, признаком которого является неопределенность вследствие ситуативной относительности норм и возможных действий других.

Социальная идентичность важна здесь в двояком смысле: с одной стороны, в смысле социальной категории (*category identity*), с другой стороны — как индивидуальная, личная идентичность. Действующий пытается оправдать ожидания и все-таки настоять на своем определении ситуации. Это предполагает некий рабочий консенсус, нестабильное состояние взаимного признания, временно принятое интерсубъективное определение ситуации. Определенную роль при этом играет также взаимное приписывание признаков («*virtual social identity*») и их отличие от действительных индивидуальных атрибутов («*actual social identity*»). Это различие играет роль при «стигматизации», когда социальная среда индивида использует какое-то свойство индивида, которое она считает негативным, чтобы отвернуться от него и не позволить ему обычного социального общения.

С точки зрения индивида, интерактивный процесс — это своего рода торг, при котором речь идет о сохранении и утверждении собственной идентичности, о «как будто бы действии для идентичности». Такое «вторичное приспособление» посредством стратегического использования действий в целях «*impression management*» — естественный спектакль, который разыгрывается в социальных ситуациях.

Эта концепция Гоффмана оказала значительное влияние на понятие роли. Оно теряет свое значение как структурное понятие и становится понятием ситуационным, т. е. используется на «моментальных снимках» поведения людей во время совместной деятельности *face-to-face* (лицом-к-лицу). Роль рассматривается в первую очередь не как нормативно-структурно обусловленная, а как поведение в какой-то ситуации («*situated role*»). При этом большое значение участвующие индивиды придают дефиниции.

Исходя из этого и из факта восприятия индивидами Гоффман делает вывод, что они противостоят ожиданиям; он

особо выделяет «исполнение» роли в его драматургических аспектах как трансформацию первичных «рамок». Индивид верит, что в различных ситуациях на него возлагается целый ряд ожиданий; с помощью «audience segregation», т. е. дифференциации «публики», он отграничивает друг от друга различные роли («role-segregation»).

Ролевая игра индивида изменяется в зависимости от того, идет ли речь о регулярно повторяющихся социальных ситуациях или разовой ситуации. «Regular performers» (регулярные исполнители) лучше усваивают роль (обязательство); типичны в этом случае профессиональные роли: здесь индивид подвергается особенно сильному давлению ролевых требований. Если индивид до такой степени идентифицирует себя со своей ролью, что находит себя в ней и в соответствии с этим аффективно ориентируется на нее, то Гоффман говорит о «role-attachment» (закреплении роли). Если индивид полностью раскрывается в социальной ситуации и поведение становится бытием, то Гоффман обозначает это как «role-embrace» (принятие роли). Если индивид лишь для вида идентифицирует себя со своей ролью, то налицо «role-simulation», которая становится очевидной в «выходе из роли», когда индивид не чувствует, что за ним наблюдают.

Если имеются явные несоответствия между ролью и выразительным поведением, которые вызваны различной интерпретацией ситуации и совершаются сознательно, то речь идет о ролевых разногласиях (rolen-dissens), или о дистанции от роли, при которой роль хотя и исполняется, но в то же время ясно дается понять, что личное «Я» не подчинено полностью ситуативному «Я» (например, с помощью насмешек, небрежного отношения и т. п.).

Роли сильно отличаются по своим экспрессивным возможностям, т. е. существуют роли, которые «растяжимы», поскольку в них индивид своим выразительным поведением может «выпустить пар», в то время как другие роли этого не позволяют (например, студент и рабочий на конвейере).

Анализ Гоффмана затрагивает отношения между структурами и повседневными действиями, правда, все это рассматривается со стороны последних и с точки зрения уязвимости личной идентичности. Обыденные действия рассматриваются Гоффманом не как следствия или предпосылки

структурного порядка; он рассматривает их как сравнительно автономную сферу, которая своей автономией обязана тому, что контакты людей *face-to-face* (лицом к лицу) имеют определенные воздействия, которые нельзя свести к структурам, но которые оказывают на них влияние.

3. Этнометодология

Гарольд Гарфинкель называет предметом своей этнометодологии рациональные свойства (формальные структуры, методы, отсюда — этнометодология) практических действий, или, иначе — методы, которые используют члены общества, чтобы совершать обыденные действия. Научные методы и теории являются частью «обыденных теорий» и методов обыденного знания, которые люди используют в своих практических действиях. «Заниматься социологией» — это одно из обыденных действий среди многих других.

Под обыденным действием понимается действие в неструктурированных или малоструктурированных и институционально заранее определенных ситуациях. Действие — это создание, а не реакция на раздражение, как у бихевиористов, или на внушенное заранее ожидание, как у ролевых теоретиков; оно целенаправленно обращено на порядок, рациональность и представимость обыденной жизни.

Этнометодологи предполагают, что люди в своих обыденных действиях ведут себя рационально. При этом речь идет о «*procedural rationality*» (процедурной рациональности), т. е. о рациональности процесса проведения, а не о «*substantial rationality*» (субстанциональной рациональности), содержательной рациональности, комбинации цель—средства. Понятие рациональности может быть здесь вполне заменено понятием метода или техники. Согласно Гарфинкелю, обыденное действие обнаруживает целый ряд рациональных приемов: категоризация, сравнение, оценка ошибок, поиск средств и инструментов, анализ альтернатив и их последствий, стратегии, распределение времени, предусмотрительность и т. д. Как и обыденное действие, наука также имеет целый ряд рациональных приемов, как, например, согласование отношения цель—средство с формальной

логикой, семантическая ясность и точность способа выражения.

Этнометодология рассматривает рациональные приемы обыденности, но также и самой науки, не как методологические принципы, а как проблемные эмпирические данные. Сама она, однако, не пускается в дискуссии о своих собственных методах и в этом плане сознательно отказывается от каких-либо доказательств своей научности.

Представители этнометодологии посвящают свой анализ социальной коммуникации при выразительном поведении. Действия интерпретируются участвующими лицами как выражение («документ») некоего лежащего в их основе образца. Подобные образцы возникают в непрерывном процессе интерпретации при коммуникации.

Выражение — это указатель на лежащий в основе действия образец интерпретации («грамматика»), который предполагается и интерпретируется участниками ситуации. «Показательность» речи в ситуации социальной коммуникации свидетельствует об отношении между выражением и лежащим в основе образцом и является одним из основополагающих понятий этнометодологии. Мы общаемся в обыденной коммуникации с помощью «shorthand-code» («стенографических кодов»), «показательных» выражений (например, мы, они, здесь, сейчас, тогда...) и считаем существенные моменты содержания коммуникации просто само собой разумеющимися. Коммуникация — это процесс взаимного кодирования и декодирования, в котором, однако, другим также демонстрируется рациональность собственных действий. Рефлексивность представления заключается в том, что люди некоторые моменты подчеркивают, другие скрывают и подразумевают общеизвестный контекст. С помощью («кризисных») экспериментов можно обнаружить момент чего-то «само собой разумеющегося», объявив в подходящей ситуации эти подразумеваемые образцы недействительными. Испытуемые неуверенно и агрессивно реагируют на то, что подвергает сомнению общность их обыденного мира и выводимого из него обыденного знания, состоящего из невысказываемых образцов. Обыденное знание, «то, что само собой разумеется», практическое знание, знание рецептов

основываются на «правильности», доказанной всеобщим согласием, и на моральной легитимности того, во что все верят («ты же знаешь, что я имею в виду»).

Наряду с показательностью языка, которая связывает используемые в нужной ситуации сокращения посредством их подразумеваемого значения с прежними ситуациями, опытом и их контекстом, предпосылки обыденной коммуникации основаны на взаимных перспективах, т. е. на предположении общего «social setting» (социального окружения), которое устраняет индивидуальные различия, а также на «normal forms» (ориентации на «нормальный» вид) и на принципе «и так далее», привычке не выражать различные намерения, так что другие должны их дополнить без слов.

Арон Сикурел, видный представитель этнометодологии, называет эти принципы «generative principles» (генеративными принципами), поскольку они дают возможность соединить бесчисленное множество значений с возникающими социальными ситуациями. Они «производят» социальные структуры обыденного мира, а владение ими указывает на «interactional competence» (интерактивную компетентность) участников коммуникации. Такие понятия, как структура, компетентность, с точки зрения этнометодологии, имеют другой смысл, поскольку они всегда связаны со значениями, которые зависят от контекста, открыты и потому всегда подвижны.

Семантическое значение понятий, с помощью которых мы осуществляем коммуникацию, создается в интерактивных процессах обыденной жизни. Поэтому язык — это нечто, что в тесной связи с тем, что мы называем «культурой», создает смысловые структуры нашего обыденного мира. Сикурел видит заблуждение традиционной социологии в том, что общая культура и язык воспринимаются как нечто данное и зафиксированное, а не как настоящая проблема, требующая своего прояснения.

Феноменологически-герменевтические элементы изложенного подхода имеют своим истоком не Америку; они ведут свое происхождение от идеалистической традиции Германии, которая породила гуманитарные науки и герменевтическую философию. В американских социальных науках

наибольшее влияние на это направление оказали Витгенштейн, Шюц и Вебер.

Готовность к восприятию подобного мышления и к дискуссии с ним возникла в Америке уже вследствие того, что первые американские социологи так или иначе учились в Европе. Смещение с принципиальной прагматически-бихевиористической ориентацией американского мышления дало очень интересные результаты и обогатило философски-эзотерическую традицию европейской, преимущественно немецкой феноменологии психологически-бихевиористическими и эмпирико-прагматическими импульсами, приблизив ее к реальности.

4. Теория структурообразования Э. Гидденса

Энтони Гидденс, разрабатывая «теорию структуриации», объединил множество импульсов, полученных от философии Хайдеггера и психоанализа, Гоффмана, Шюца, Парсонса, Хабермаса, Фуко. Его концепция науки отмечена влиянием философии практики Маркса, с одной стороны, и герменевтики, с другой. При этом он выступает не только против субъективистской или объективистской концепции, но и против разделения на микро- и макроуровни социологического анализа.

Предмет социологии не может быть односторонне ограничен практикой и действиями индивидов, но в то же время и рассмотрением общества в целом и его структур. Для Гидденса предмет социологии задан социальной практикой, упорядоченной в пространстве и времени. Его теория структурообразования объединяет микро- и макроуровни, субъективистское и объективистское рассмотрение и теорию действия со структурной социологией. Правда, Гидденс признает исходным пунктом герменевтику, поскольку описание действий человека всегда предполагает знакомство с формами жизни действующего.

В то же время социология или, лучше сказать, социальная наука как таковая также составляет часть предмета, который она исследует. Она сама является собранием «социальной практики» во времени и пространстве. Гидденс именуется

это «двойной герменевтикой» социологии; она определяется тем, что всякий научный подход уже сам представляет собой форму жизни, которая порождает определенные интерпретации. Эти интерпретации присоединяются к значениям и интерпретациям, которые уже существуют в «мире объектов» социологии и постоянно воспроизводятся. Социология должна их реинтерпретировать посредством обыденного языка и теоретического языка, что обуславливает большую сложность социологического анализа, поскольку оба уровня взаимно влияют друг на друга. Обыденные значения в качестве предпосылок и, естественно, объектов, входят в социологический анализ, предлагающий интерпретации на языке теории, которые, как правило, входят в повседневный язык.

Марксистская тенденция у Гидденса выражается вовсе не в догматическом использовании марксизма в целях социологического анализа, а скорее, в убеждении, что социология и марксизм образуют единое целое, поскольку люди своим социальным поведением творят свою историю. Такая позиция обуславливает понимание действия как практики, т. е. основополагающей герменевтической исходной ситуации социологии и ее критической направленности. Анализа и объяснения недостаточно; мир нельзя принимать просто как данность, и анализ должен нам тогда дать возможность изменять мир или, по крайней мере, обеспечить его дальнейшее существование. Задачу социологического анализа он считает двоякой: 1) герменевтическое объяснение и опосредование дивергирующих форм жизни на дескриптивных метаязыках социальных наук и 2) объяснение создания и воспроизведения общества как результата действий людей.

Гидденс начинает свое изложение основ теории структуры с анализа действия. При этом следует учесть целый ряд отличительных черт, которые он считает определяющими в действиях людей.

1. Действие — это практическое выражение; поэтому его нельзя объяснить ни одними только индивидуальными мотивами, ни структурным принуждением. Такое понимание действия Гидденс выражает тем, что называет деятеля «агентом».

2. Действие является рекурсивным, т. е. представляет собой воспроизведение, повторение, рутину: «В своей дея-

тельности и через нее агенты воспроизводят условия, которые делают их деятельность возможной» (Antony Giddens. *The Constitution of Society*. Cambridge, 1984. S. 2.).

3. Этот рекурсивный порядок практического социального действия обеспечивает непрерывность и предполагает рефлексивность. Однако Гидденс понимает рефлексивность не только в смысле самосознания, но и как контроль над действием. Тот факт, что социальное действие имеет рефлексивный характер, не столько связывает его с индивидуальными мотивами и намерениями, которых с самого начала может и не быть, сколько позволяет включить действие в пространственно-временной контекст, в котором оно происходит. Действие — это не комбинация отдельных актов, которые можно отделить от материально-пространственного присутствия «агентов» и временной протяженности, действия людей происходят как *durée*¹, как непрерывный поток поведения и мышления.

4. В действии реактивируется прежде всего общее знание, которое, однако, не обязательно должно осознаваться как таковое. Гидденс проводит различие между «дискурсивным сознанием» и «практическим сознанием». Последнее включено в действие, но деятель при этом не ощущает постоянного присутствия такого практического знания в смысле рассудочно сформулированных аргументов. Именно рекурсивное качество социального действия указывает на большую долю этого практического, общего знания, и рефлексивность поэтому может относиться не только к знанию, которое имеется в дискурсивном сознании.

Практическое сознание, как правило, не осознается полностью, тем не менее оно не идентично фрейдовскому «бессознательному», которое Гидденс четко отделяет как нечто, что человек не может контролировать, в то время как практическое сознание позволяет осуществлять полный контроль над собой. Рассудочное и практическое сознание не разграничены; различие основано лишь на том, что говорится или может быть сказано и что просто делается. Практическое, рассудочное сознание и неосознанные мотивы Гидденс ставит на место фрейдовской триады — Я, Сверх-Я, Оно.

¹ Длющиеся (франц.).

5. Особое значение Гидденс придает «неожиданным последствиям действия». В отличие от Мертона, Гидденс считает непредвиденными следствиями сочетания и осуществления действий, которые не обязательно скрыто функциональны для общества, не представляют собой «хитрости разума» (= общества). Для Гидденса это закономерный побочный продукт социального действия, который может в какой-то степени оставаться незамеченным и неосознанным, и тогда он становится «нераспознанным условием действия».

6. Действие содержит в себе власть как логическую предпосылку. Власть не зависит от индивидуальной воли к власти и не является также свойством, которое берет свое начало в обществе как автоматически воспроизводимое распределение ресурсов. Власть — это преобладающая способность, которая связана с действием и связывает индивидуальные намерения и структурные связи автономии и зависимости в «диалектику контроля» власти «сверху» и власти «снизу», т. е. через противоположные тенденции сохранения и нового завоевания власти. Власть как фундаментальная категория действия, дав значения и нормы, всегда связана с действием и представляет собой одно из основных понятий социологии.

Особое значение для теории структурообразования имеет понятие структуры. Здесь Гидденс отмежевывается от структурного и функционального подходов. Структура и действие для него — это два измерения одного и того же дела; поэтому он рассматривает структуру не в отрыве от действия, а также не как бессознательный код. Структура — это «рекурсивно организованные ряды правил и ресурсов», которые, будучи протяженным во времени и пространстве опытом, становятся институтами. «Структура» в этом смысле — это не наглядно представляемый наблюдателем образ социальных отношений; «структура» заложена в самих действующих, она ограничивает их действия, но в то же время и позволяет их. В действии структура воспроизводится и изменяется. Это служит обоснованием дуализма структуры, т. е. разделения единства надвое в отличие от обычного представления о дуализме «индивидов» и «общества», «действия» и «структуры». Структура у Гидденса соотно-

сится как с действием, так и с воспроизводством системы, это общее знание деятелей в их практических действиях, одновременно и средство, и результат опыта.

Значение, нормы и власть связаны друг с другом и определяют действия в интерактивной ситуации. Действующие используют способы структурирования при воспроизводстве интерактивных систем и одновременно реконструируют их структурные признаки.

Значение (signification), господство (domination) и легитимация (legitimation) являются тремя структурными измерениями социальных систем. Структуры значения, символические порядки, формы дискурса связаны со знаками, которые у Гидденса существуют лишь в интерактивной ситуации как средство и одновременно результат процесса коммуникации. Легитимация имеет дело с нормативным регулированием и правовыми институтами; господство — это либо полномочия, либо распределение; оно представляется в форме политических или экономических институтов. Конечно, структурные измерения институционального порядка можно дифференцировать лишь аналитически.

Социальная система для Гидденса — это совокупность действий людей «агентов» в определенных ситуациях, которая воспроизводится во времени и пространстве. Он различает «социальную интеграцию» как взаимность деятелей в ситуации лицом к лицу («со-присутствие») и «системную интеграцию» как взаимность деятелей или коллективов, которая простирается за пределы пространственно-временных ситуаций. При этом лишь часть социальных систем обнаруживает гомеостатические каузальные связи, которые типичны для биологических систем, значительная их часть основывается на рефлексивной саморегуляции. Поэтому Гидденс считает, что социальные системы имеют изменчивый системный характер; он говорит о «степени системности».

Общества — это социальные системы, в которых определенные структурные принципы постоянно осуществляют накопление институтов во времени и пространстве. Общества появляются как системы с определенными границами там, где они совпадают с национальными государствами. Однако это лишь одна из возможных форм, которая в современ-

ном мире уже не является само собой разумеющейся. Общества сегодня не так легко различить и отграничить друг от друга. Гидденс рассматривает их как социальные системы и одновременно как пересечение множественных социальных систем, которые могут ограничиваться обществом или выходить за его пределы.

«Степень системности» высока там, где на исходные условия оказывают обратное воздействие непредусмотренные последствия. Однако во многих социальных ситуациях происходит «фильтрация информации» деятелями, находящимися на стратегических позициях, так что автоматическая «каузальная петля» («causal loop») процесса обратной связи оттесняется на второй план.

Гидденс относит системы к тем сочетаниям интеракций, которые воспроизводятся в пространстве и во времени, т. е. не к ситуативным интерактивным связям среди присутствующих. Это напоминает об одном компоненте теории структуризации, который имеет очень стойкий характер: значение времени и пространства. Гидденс считает время конститутивным элементом социальных действий, причем он имеет в виду не историчность, а временность в понимании Хайдеггера. Время и пространство — это не условия окружающего мира для социальной жизни, а фундаментальные условия социального действия. В различных культурах и формах жизни ко времени относятся по-разному, это известно, но это различное восприятие времени обуславливает также различия в действиях.

«Линейное время» и «обратимое время» — это два восприятия времени, в принципе противоположные друг другу. Обыденный опыт, в котором действия повторяются изо дня в день, формирует представление о длительности (*durée*) и обратимости. Напротив, ход жизни индивида создает представление о времени как о чем-то необратимом, движущемся от начала к концу. «*Longue durée*»¹ (Фернан Бродель) институтов выступает как «обратимое время», поскольку предполагает большую продолжительность и смену поколений. Гидденс различает эти три формы временности, но подчеркивает, что они постоянно перекрещиваются друг с другом; так, жизненный путь индивидов пересекается с ежедневным повторением социальных действий и «*longue durée*» институтов.

Пространство как «место интеракции» всегда обязательно включает время, поэтому Гидденс говорит, как правило, о «времени-пространстве». Он различает также три аспекта пространственного отношения: 1) контекст «со-присутствия» в интерактивной ситуации и расположение деятелей в нем; при этом «regions» (области) можно определить как пространственно-временные зоны социальных действий, ставших рутинными (столовая, лекционный зал...). Эти «regions» могут быть «front regions» (передние области) или «back region» (задние области) в зависимости от того, идет ли речь о более сильно ритуализированных официальных ситуациях или о неформальных частных действиях; 2) пространственные аспекты тела, его движения во времени и пространстве; 3) пространственно-временная данность институтов, условностей.

Все общества состоят из пространственно-временных зон; всякая координация действий в пространстве подразумевает также время, а время обуславливает определенную пространственную организацию; так, например, квантификация времени имела пространственно-временные последствия. Социальная организация в этих условиях представляется организацией времени-пространства посредством социальных систем.

Гидденс ратует за отказ от эволюционных теорий социальных изменений, поскольку для них характерна тенденция однолинейности, они напоминают о сходстве с развитием личности, пробуждают иллюзии нормы и вызывают временные искажения. Воспроизводя социальную практику и принцип трансформации власти, который проявляется в социальном действии, люди как «агенты» своей общественной судьбы «делают» историю, социальная жизнь является эпизодической, а социальные изменения поэтому основаны на совпадении обстоятельств и событий, которые рефлексивно контролируются «агентами».

¹ «Большая длительность» (франц.).

ТЕМА 6. ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА

1. Понятия общества и системы.
2. Общество как система.
3. Типология обществ.

1. Понятия общества и системы

Современный американский социолог Н. Смелзер определяет общество как «объединение людей, имеющее определенные географические границы, общую законодательную систему и определенную национальную (социально-культурную) идентичность».

При всей тесной взаимосвязи таких важнейших и широко употребляемых понятий, как «общество», «страна» и «государство», их необходимо строго разграничивать. Страна — это понятие, отражающее преимущественно географическую характеристику части нашей планеты, определенной границами независимого государства. Государство — понятие, отражающее главное в политической системе страны и поэтому выступающее в качестве важнейшей категории прежде всего политологии. Общество — понятие, непосредственно характеризующее социальную организацию страны и поэтому занимающее центральное место в системе категорий социологии.

Разработка общей теории общества сопровождалась формированием различных концептуальных подходов к определению общества.

Существует, например, «атомистическая» теория, согласно которой общество понимается как совокупность действующих личностей или отношений между ними. «Все общество в конце концов, — считает Дж. Дэвис, — можно представить как легкую паутину межличностных чувств или установок. Каждый данный человек может быть представлен сидящим в центре сотканной им паутины, связанным прямо с

немногими другими и косвенно — со всем миром» (*Девис Д. Социология установки // Американская социология. М., 1972. С. 62*).

Крайним выражением этой концепции была теория Г. Зиммеля, который полагал, что общество вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей. Эротические желания, деловой интерес, религиозные импульсы, защита или нападение, игра или предпринимательство, стремление помочь, научиться, а также множество иных мотивов побуждают человека к деятельности для другого, с другим, против другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний, т. е. к оказыванию воздействий и, в свою очередь, к их восприимчивости. Эти взаимные воздействия означают, что из индивидуальных носителей побудительных импульсов и целей образуется единство, «общество». (См.: *Зиммель Г. Общение: Пример чистой или формальной социологии // Социол. исслед., 1984. № 2. С. 170—171.*)

В современной социологии эта концепция известна как «сетевая» теория (*Network theory*), основные принципы которой были сформулированы Р. Бертом (*Burt R. Toward a Structural Theory of Action. N.Y., 1982*). Главный акцент эта теория делает на действующих индивидах, принимающих социально значимые решения изолированно друг от друга. Или в более общей форме: эта теория и ее разновидности в центр внимания объяснительной концепции общества ставят личностные атрибуты действующих индивидов.

В теориях «социальных групп» (*Social Group Theory*) общество интерпретировалось как совокупность различных пересекающихся групп людей, которые являются разновидностями одной доминирующей группы. В этом смысле, следуя концепции Ф. Знанецкого, можно говорить о народном обществе, что обозначает всевозможные группы и совокупности, существующие в пределах одного народа или католической общественности, подразумевая под этим разнообразные совокупности и группы, существующие в рамках католической церкви (*Znaniecki F. Social actions. N.Y., 1936*).

Если в «атомистической», или «сетевой», концепции существенным компонентом в определении общества является тип отношений, то в «групповых» теориях — человеческие группы. Рассматривая общество как наиболее общую совокупность людей, авторы этой концепции, по существу, отождествляют понятие «общество» с понятием «человечество».

Существует группа дефиниций категории «общество», согласно которым оно представляет собой систему социальных институтов и организаций. Общество — большая совокупность людей, совместно осуществляющих социальную жизнь в пределах целого ряда институтов и организаций.

Согласно этой концепции, системное изложение которой дано в трудах Т. Боттомора (*Bottomore T. Structure and History // Approaches to the Study of Social Structure / Ed. P. Blau. N.Y., 1975*). и С. Липсета (*Lipset S.M. Social Structure and Social Change // Approaches to the Study of Social Structure / Ed. P. Blau. N.Y., 1975*), именно социальные институты и организации гарантируют устойчивость, постоянство отношений между людьми, устанавливают устойчивую структуру всевозможных форм коллективной жизни, и без них невозможно было бы обеспечение потребностей, гарантирование организованного процесса коллективной деятельности, регулирование конфликтов, развитие культуры и т. д. Определения этого рода можно назвать институциональными, поскольку в факте существования социальных институтов они видят характерные черты общества. Такое понимание общества часто встречается в работах этнологов.

Функциональная концепция трактует общество как группу человеческих существ, представляющую собой самообеспечивающуюся систему действия (a self-sufficient system of action) (*Aberle D.E. The Functional Prerequisites of a Society // Systems, Change and Conflict / Ed. H. Demerach, R. Peterson. N.Y., 1980*).

На основе различных концептуальных определений в социологии сложилась еще одна (аналитическая) дефиниция — общество как относительно самостоятельное или самообеспечивающееся население, характеризующееся «внут-

ренной организацией, территориальностью, культурными различиями и естественным воспроизводством» (Personality and Society / Ed. N. Smelser, D. Snicker. N.Y., 1964. P. 577). В зависимости от того, какое содержание вкладывается в понятия «самообеспечение», «организация», «культура» и др. и какое место отводится этим понятиям в той или иной теории, эта дефиниция приобретает различный характер.

Социологические категории (более низкого порядка, чем категория «общество», такие как «группа», «объединение»), которые включаются представителями различных социологических школ как в аналитическую, так и концептуальную дефиниции общества, имеют существенное значение для понимания его природы и характера.

Понятие «общество» применимо к любой исторической эпохе, к любому по численности объединению (группе) людей, если это объединение отвечает следующим признакам (по Э. Шилзу):

- 1) объединение не является частью какой-либо более крупной системы (общества);
- 2) браки заключаются между представителями данного объединения;
- 3) оно пополняется преимущественно за счет детей тех людей, которые уже являются его признанными представителями;
- 4) объединение имеет территорию, которую считает своей собственной;
- 5) у него есть собственное название и своя история;
- 6) оно обладает собственной системой управления;
- 7) объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида;
- 8) его объединяет общая система ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой.

Нетрудно догадаться, что подобным критериям соответствуют и современные державы, насчитывающие сотни миллионов граждан, и древние племена, умещавшиеся на территории нынешнего городского микрорайона. У тех и других имеются кровно-родственные системы (заключение браков и рекрутирование новых членов), свои территория,

название, культура, история, управление, а самое главное — они не являются частью другого целого.

Марш (1967) также пытался определить условия, при которых социальное объединение следует считать обществом:

1) *постоянная территория* — например, Франция в своих государственных границах;

2) *пополнение общества главным образом благодаря деторождению*, хотя иммиграция также играет некоторую роль в этом;

3) *развитая культура* — модели культуры могут быть достаточно многообразными, чтобы удовлетворить все потребности общественной жизни;

4) *политическая независимость* — общество не является субсистемой (элементом) какой-то другой системы, это допустимо лишь в очень небольшой мере. (В соответствии с данным критерием такие колониальные общества, как бельгийское Конго, до получения независимости нельзя считать таковыми.) Как отмечал Марш, даже такое обстоятельное определение общества кажется несколько спорным.

В общем и целом признавая, что общество есть продукт взаимодействия людей, социологи как в прошлом, так и сегодня нередко по-разному отвечали на вопрос о том, что конкретно служит первоосновой объединения людей в общество. Так, Э. Дюркгейм видел ее в надындивидуальной общности коллективных представлений, чувств, верований, в солидарности как «коллективном сознании», противостоящем природному эгоизму; М. Вебер — в ориентированных на других (т. е. социальных) действиях; Т. Парсонс и Р. Мертон — в общности тех фундаментальных норм и ценностей, которыми руководствуются люди в своей жизнедеятельности; Э. Шилз — в общности центральной власти, территориальной целостности и согласии центра и периферии.

Очевидно, что во всех этих определениях в той или иной степени выражен подход к обществу как к целостной системе элементов, находящихся в состоянии тесной взаимосвязи. Такой подход к обществу называется системным. Основная задача системного подхода в исследовании общества состоит в объединении различных знаний по поводу общества в целостную систему, которая могла бы стать единой теорией общества.

2. Общество как система

Согласно общей теории систем, все во Вселенной организовано в системы, состоящие из взаимосвязанных элементов, которые являются подсистемами более обширных систем. Атом как система, образуемая связанными между собой частицами — это всего лишь один из элементов, из которых построена молекула, а она, в свою очередь, взаимодействуя с другими молекулами, участвует в организации клетки как системы. Специфические клетки образуют системы тканей и органов, которые, координируя свои функции, обеспечивают существование организма как системы, обладающей устойчивостью и равновесием. Сосуществование живых систем поддерживает биосферное равновесие. Человек представляет собой звено этого континуума, и выживание его возможно только в группе, принадлежащей к человеческому обществу, которое, в свою очередь, существует в системе биосферы Земли. Поведение человека не может быть понято в отрыве от других членов группы, к которой он принадлежит, от всего общества или даже вида *Homo sapiens* в целом.

Задача социологии состоит в том, чтобы исследовать общество как систему, его структуру, функции, подсистемы и элементы. Социология исходит из понимания общества как сложноорганизованного системного объекта, используя при этом общенаучную методологию общей теории систем. «Общая теория систем, — утверждает Л. фон Берталанфи, — дает нам угол зрения, позволяющий увидеть предметы, которые раньше не замечались или обходились, и в этом состоит ее методологическое значение». Общая теория систем представляет собой своего рода «организмический» подход, в котором основное внимание уделяется проблемам целостности, организации и направленности развития сложных систем. Однако развитие исследований в этом направлении показало, что совокупность проблем методологии системного исследования существенно превосходит рамки задач общей теории систем. Для обозначения этой более широкой сферы методологических проблем и применяют термин «системный подход». В философском аспекте системный подход

означает формирование системного взгляда на мир, базирующегося на идее целостности, сложной организации и самодвижения исследуемых систем.

Чтобы разъяснить суть системного подхода к обществу, мы должны прежде всего уточнить значение термина «система».

Система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, находящихся в функциональных отношениях и связях друг с другом. Существует целая *иерархия систем*: одна система может быть элементом системы более высокого порядка; элементы любой системы, в свою очередь, выступают как системы более низкого порядка. Система обладает особыми системными качествами: порядок, организация системы как целого выше, чем ее отдельных элементов. Любая система — от атома до общества — всегда представляет собой нечто большее, чем простая сумма составляющих ее элементов и подсистем. Подобная взаимозависимость частей и целого проявляется в интегральных свойствах системы: механические часы или телевизор, к примеру, обладают особыми свойствами, которые отсутствуют у частей (деталей, из которых они состоят). Каждый системный элемент, свойство и отношение зависят от места внутри целого. Важными системными принципами также являются структурность — возможность описания системы через установление ее структуры, т. е. сети связей и отношений системы, обусловленность функционирования элементов системы свойствами ее структуры. Существует взаимозависимость системы и среды (система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой).

Всем этим признакам отвечает человеческое общество, представляющее собой сложноорганизованную систему высшего «органического» типа, суперсистему, или *социетальную систему*, включающую в себя все виды социальных систем и характеризующуюся структурно-функциональной целостностью, устойчивостью, равновесием, открытостью, динамизмом, самоорганизацией, самовоспроизводством, эволюцией.

В качестве социетальной системы общество обладает структурно-функциональной целостностью, которая реали-

уется через ряд дифференцированных функций. Дифференциация общественных функций сопровождается созданием социальных структур (экономических, политических, религиозных и др. институтов), которые заполняются людьми, обладающими необходимыми качествами. Общество включает в себя все многообразие социальных связей и структур, т.е. оно шире рамок любого института, регулирующего отдельные виды взаимодействий.

Общество обладает высоким уровнем внутренней саморегуляции, обеспечивающим поддержку и постоянное воспроизводство сложной системы социальных отношений. Общество постоянно воспроизводит социальное качество своих структур и соответственно социальные качества индивидов и групп индивидов, включенных в их функционирование. Способность к воспроизводству социальных взаимодействий характерна и для каждого института, организации, общности в отдельности.

Общество обладает внутренними механизмами включения в сложившуюся систему взаимосвязей социальных новообразований. Оно подчиняет своей логике вновь возникающие институты, организации, общности, заставляет их действовать в соответствии со сложившимися социальными нормами и правилами. Таким образом, идет процесс адаптации структурных элементов к формам и способам функционирования социетальной системы.

Общество представляет собой системную организацию социального взаимодействия и социальных связей, обеспечивающую удовлетворение всех основных потребностей людей, стабильную, саморегулирующуюся и самовоспроизводящуюся.

Социальная система — это упорядоченное целое, включающее отдельных индивидов, группы, организации, институты, общности и сообщества, объединенные социальными связями и отношениями. Основными элементами социальной системы являются люди, а также их нормы, связи, отношения, взаимодействия. Общество как суперсистема предстает как совокупность систем (социальная группа, социальный институт, личность). Социальные системы выступают в качестве структурных элементов общества. На сво-

ем уровне каждая социальная система в той или иной мере детерминирует действия входящих в нее индивидов и групп и в определенных ситуациях выступает как единое целое.

Итак, общество можно представить в виде многоуровневой системы. Первый уровень — это социальные роли, задающие структуру социальных взаимодействий. Социальные роли организованы в различные институты и общности, которые составляют второй уровень общества. Каждый институт и общность могут быть представлены в виде сложной системной организации, устойчивой и самовоспроизводящейся. Различия выполняемых функций, противостояние целей социальных групп требуют такого системного уровня организации, который поддерживал бы в обществе единый нормативный порядок. Он реализуется в системе культуры и политической власти. Культура задает образцы человеческой деятельности, поддерживает и воспроизводит нормы, апробированные опытом многих поколений, а политическая система законодательными и правовыми актами регулирует и укрепляет связи между социальными системами.

Социальная система может рассматриваться в четырех аспектах: 1) как взаимодействие индивидов; 2) как групповое взаимодействие; 3) как иерархия социальных статусов (институциональных ролей); 4) как совокупность социальных норм и ценностей, определяющих поведение индивидов.

Функционирование общества — это его постоянное самовоспроизводство, устойчивый процесс воссоздания структур, функциональных связей, составляющих организацию социальной системы. Общество утверждает себя как целостность в постоянном противостоянии окружающей среде. Самосохранение, функционирование общества есть не что иное, как его способность противостоять деструктивному влиянию извне. Функционировать — значит поддерживать равновесие системы с окружающей средой. *Стабильность* — состояние системы, при котором она способна функционировать и изменяться, сохраняя устойчивость своей структуры и функций к сильным воздействиям извне. Одной из системных характеристик устойчивости является эквilibrium — способность сохранять структурно-функциональную организацию при

самых резких колебаниях внешней среды. В рыночной экономике спонтанный порядок выражается в установлении равновесия между спросом и предложением товаров, а в живых системах — в поддержании равновесия всех жизненно важных функций организма. Всякий раз когда система отклоняется от положенного равновесия, механизмы ее управления, получив информацию об этом, корректируют поведение системы и возвращают ее в прежнее положение.

В основе социальной системы лежит деятельность, направленная на воспроизводство самой системы. Для поддержания устойчивости социальных систем в меняющихся условиях внешней среды необходимо внутреннее регулирование самых различных процессов, которое приводит к взаимной подстройке этих процессов и их подчинению единому порядку. Все социальные системы способны к саморегуляции и являются самоорганизующимися системами высокой функциональной сложности.

Динамика социальных систем. Описание статичного состояния системы не дает полного представления о ее подлинной природе. Исследование ее динамики касается модуса, направления и интенсивности изменения ее специфических признаков, а также соответствующих тенденций развития. Предметом исследования системной динамики является также вопрос о многообразии систем, линейных и нелинейных динамических системах, диссипативных структурах, флуктуациях и бифуркациях, аттракторах, источниках и движущих силах развития.

В естествознании под динамической системой понимается любой объект или процесс, для которого возможно определить понятие состояния как некоторого мгновенного описания этой системы, известного в любой момент времени. Состояние системы дает представление о ней в целом в конкретный момент времени. Смена состояний выражает изменение системы во времени и определяется как внешними воздействиями, так и самой системой. Из множества состояний системы наиболее важным является стационарное состояние. Из-за флуктуации система никогда не может находиться точно в состоянии равновесия.

Различают *линейные* и *нелинейные* динамические системы. Поведение линейной динамической системы (как, напри-

мер, свободное колебание маятника) происходит вблизи одного стационарного состояния, не зависящего от времени. Подсистемы линейной системы слабо взаимодействуют между собой и существуют в системе практически независимо друг от друга. Изменения ответа линейной системы на внешнее воздействие почти пропорциональны этому воздействию. Линейные системы обладают свойством аддитивности, при котором целая система сводима к сумме составляющих ее частей.

Однако в большинстве случаев условия линейности не выполняются и появляется необходимость изучать общие принципы возникновения и развития сложных динамических систем, используя нелинейные модели. Система нелинейна, если в разное время, при разных внешних воздействиях ее поведение определяется различными законами.

Нелинейная система имеет устойчивые и неустойчивые стационарные состояния. Причем одно и то же стационарное состояние такой системы при одних условиях может быть устойчивым, а при других — неустойчивым. Устойчивые стационарные состояния более присущи самой системе, а неустойчивые характеризуют моменты изменений в ней. Изменяющиеся нелинейные системы отличают множественность стационарных состояний, единство их устойчивости и неустойчивости. Это создает феномен сложного и поливариантного поведения, не укладывающегося в единственную теоретическую схему, и может быть непредсказуемым в определенные периоды времени.

Понятие нелинейности включает в себя многовариантность, альтернативность выбора путей эволюции и ее необратимость. Нелинейные системы испытывают влияние случайных, незначительных воздействий, порождаемых неравновесностью, нестабильностью, выражающихся в накоплениях флуктуаций, бифуркациях (разветвлениях путей эволюции), фазовых и самопроизвольных переходах. В таких системах возникают и поддерживаются локализованные процессы (структуры), в которых имеют место интеграция, системное объединение структур, а также вероятностный (хаотический) распад этих структур на этапе нарастания их сложности. Нелинейные процессы невозможно надежно прогнозировать, ибо развитие совершается через случайность

выбора пути в момент бифуркации, а само случайное событие не повторяется вновь.

Открытые нелинейные неравновесные системы называются *диссипативными*. Они описаны в термодинамике открытых нелинейных систем. «Для обозначения открытых систем, в которых при большом отклонении от равновесия возникают упорядоченные состояния, был введен термин *диссипативные структуры*» (система поддерживается в устойчивом состоянии благодаря диссипации энергии). Существуют аналогичные модели для социальных систем.

Совокупность большого числа нелинейных элементов (осцилляторов), образующих систему, способна породить особые структуры — *аттракторы*, выступающие как «цели эволюции». Они могут быть как правильными, просто описываемыми структурами, так и хаотичными состояниями. В первом случае аттракторы характеризуются либо одним конечным состоянием (например, точкой равновесия маятника), либо циклически повторяющимся процессом (циклическое перераспределение напряжения в электронной трубке). В системах детерминированного хаоса аттракторы приобретают более сложную структуру и становятся «странными аттракторами». Они представляют собой уже не точку и не предельный цикл, а сложно описываемую область, по которой происходят случайные блуждания. Геометрически это множество точек, к которому приближается траектория после затухания переходных процессов, т. е. области притяжения к себе соседних точек.

В теории диссипативных систем аттракторам уделяется особое внимание. Язык аттракторов позволяет осмыслить стохастические процессы, предсказуемые и принципиально непредсказуемые явления как в природных, так и в социальных системах.

Функционируя, общество непрерывно изменяется, возникают новые виды взаимодействий, социальные институты и нормы. Социальные процессы есть последовательная смена состояний, движение элементов социальной системы или ее подсистем. Социальную систему можно представить себе как скоррелированную систему структур, участвующих в процессе либо во множестве процессов, в которые вовлече-

ны структуры. Структура и процесс (бесструктурность) — это два взаимно дополняющих аспекта единого социального организма, поэтому социальный порядок можно определить как двойственный порядок структур и процессов. Главным субъектом социальных изменений является человек — существо, одновременно создающее социальную структуру и ее разрушающее. Люди постоянно создают новые виды взаимодействий, преобразуют институциональную ткань социальной жизни, меняют ценностно-нормативный (культурно-религиозный) порядок. Благодаря тому, что действия человека мотивируются сложной комбинацией социальных и психических факторов, возникает постоянный диссонанс между обществом как системой и личностью. Поведение индивидов оказывается сложнее и многообразнее существующей структуры статусно-ролевых отношений. Наибольшей дестабилизирующей силой обладает стремление не улучшить условия жизни, не покончить с эксплуатацией и т. п., а освободиться от всех системно-структурных ограничений. Импульсы революционной и инновационной энергии беспрерывно нарушают равновесие системы. Но система способна воспроизводить свое качество и поддерживать свою целостность. Общество гасит колебания системы, чтобы сразу же пережить новую флуктуацию. «Флуктуации обладают свойством саморегуляции; чем больше отклонение в одном направлении, тем больше вероятность его обращения, т. е. восстановления равновесия».

Динамика статусно-ролевой системы отношений является следствием нелинейного взаимодействия индивидуальных ролей миллионов людей. Можно сказать, что роль каждого индивида «функционирует» по принципу нелинейного осциллятора, образуя особые структуры — аттракторы — ансамбли ролей, которые интегрируются в социальный порядок. Так, образуются новые социальные и политические группы, организации, появляются новые виды профессиональной деятельности, находят взаимопонимание конфликтующие группировки и т. д. Теорию аттракторов правомерно использовать для описания функционирования общественного сознания. Показательным здесь является процесс формирования коллективных предпочтений в мнениях избирателей

на выборах. Часто возникают нестабильные, неустойчивые процессы, приводящие к тому, что задуманное и спланированное развивается совершенно иначе, подчиняясь каким-то своим самоорганизационным началам.

В современной синергетике подчеркивается стохастический (случайный) характер процессов, вызывающих флуктуации и установление новой структуры. Переход «порядок—беспорядок» представляет собой спонтанное коллективное явление, вызванное взаимодействием между элементами, образующими социальную систему. Вынужденная эволюция социальной системы от одной новой структуры к другой — это, во-первых, исторический процесс, так как он определяется предшествующей ситуацией, а во-вторых — это «недетерминированный» процесс, ибо он сопровождается рядом флуктуаций. Всякий раз перед социальной системой имеется несколько альтернативных возможностей эволюции. Их выбор непредсказуем, поскольку то, в каком направлении пойдет эволюция после флуктуации, определяется случайно в момент неустойчивости.

Система, лишенная возможности восстановить свое равновесие привычными механизмами, т. е. в рамках сложившегося ранее структурно-функционального порядка, утрачивает определенность и предсказуемость своего развития. Общество может изменяться самым неожиданным образом, ибо регуляторы нормативно-ценностного порядка и воспроизводства институциональных связей не срабатывают в силу разбалансированности внутренних механизмов системы. В таком случае оно переживает *бифуркацию*, т. е. разветвление путей выбора своего качественно нового состояния. Бифуркация — это всегда непредсказуемость, появление неожиданных видов взаимодействий и структур. Бифуркацию невозможно описать, исходя из логики предыдущего развития, ибо она является нарушением этой логики. Общество, находящееся на изломе, представляет собой хаотическую систему, в которой невозможно уловить причинно-следственные связи и отношения.

Главным источником развития общества является инновационная энергия, воплощенная в поведении людей, не укладываемая в рамки статусно-ролевых предписаний.

Она провоцирует изменения в институциональной и культурной системах общества, которые осуществляются благодаря механизмам внутренней саморегуляции и контроля. Диссипативные процессы, затухание действуют на всех уровнях социетальной системы, но если импульс инновационной энергии оказывается достаточно сильным, то механизмы социализации, институализации и легитимации не успевают ее преобразовать в новые структуры, возникает бифуркация. Она характеризуется возможным переходом общества в качественно иное состояние, многие параметры которого непредсказуемы.

Куда идут эволюционные процессы в открытых нелинейных системах? Они идут к созданию все более сложных организаций и структур путем интеграции различных, развивающихся в разном темпе структур в эволюционные целостности.

Сложность структуры связана с *когерентностью*. Под когерентностью понимается согласование темпов жизни структур посредством диссипативных процессов, являющихся макроскопическим проявлением хаоса. Для построения сложной организации необходимо когерентно соединить подструктуры внутри нее, синхронизировать темп их эволюции.

Фактором объединения сложных социальных структур и систем является некий аналог хаоса. *Хаос* (т. е. обменные процессы разного рода) играет конструктивную роль не только в процессах выбора пути развития, но и в процессах построения сложного эволюционного целого. Эффективность самоорганизации в условиях рынка вполне очевидна. Рыночный механизм осуществляет обмен товарами именно с помощью процесса самоорганизации производителей и покупателей, каждый из которых стремится к реализации собственных целей.

Социетальная система как сложная структура является метастабильно устойчивой. Чтобы поддерживать свою целостность, периодически преодолевать стадию неустойчивости, она должна существовать в колебательном режиме, позволяющем замедлять процессы и восстанавливать общий темп развития подструктур.

Фундаментальный принцип поведения сложных систем — это периодическое чередование стадий эволюции и

инволюции, развертывания и свертывания, взрыва активности, интеграции и дезинтеграции. И здесь можно провести глубокие аналогии с историческими свидетельствами о циклах процветания и гибели древних цивилизаций, с циклами Н.Д. Кондратьева, ритмами этногенеза Л.Н. Гумилева. Динамика развития сложных социетальных систем и организаций связана с периодическим чередованием режимов ускорения протекания процессов и их замедления, частичного распада структур. Возвратное движение во времени, частичный возврат к старому, к культурным традициям является, вероятно, необходимым условием существования сложной социетальной системы.

Изучение двадцать одной цивилизации, существовавшей за последние три тысячи лет, проведенное А. Тойнби, дало возможность установить периодические переходы от среднего прогрессивного к среднему регрессивному развитию, циклы «ухода-и-возврата». «На большом количестве эмпирического материала мы убедились, что распад цивилизации, как и рост ее, есть процесс непрерывный и кумулятивный; что у этого процесса есть повторяющийся ритм; что за каждым музыкальным тактом идет следующий такт и что основой предыдущего ритма является Вызов-и-Ответ».

Сегодня возник целый комплекс глобальных проблем — экологических, технологических, демографических. В глобальной системе есть проблемы региональные, отраслевые, связанные с различными секторами сельского хозяйства, массовыми коммуникациями. Так определяются проблемы глобального развития, становящиеся объектом социологического анализа.

3. Типология обществ

Все многообразие обществ, существовавших прежде и существующих сейчас, социологи разделяют на определенные типы. Несколько типов общества, объединенных сходными признаками или критериями, составляют типологию. Существует множество способов классификации обществ. Согласно марксистской традиции, тип общества определяется способом производства, т. е. тем, как используются и контроли-

руются экономические ресурсы, которыми оно владеет. (В связи с этим различаются, например, феодальное, капиталистическое, социалистическое и коммунистическое общества.)

Если в качестве главного признака выбирается наличие *письменности*, то все общества делятся на *бесписьменные*, или *дописьменные*, т. е. обладающие языком, но не имеющие письменности, и *письменные*, владеющие алфавитом и фиксирующие слова в материальных знаках и носителях: клинописных таблицах, бумаге, книгах и т. д. Классификация обществ может быть составлена также на основе господствующих в них *религий* (например, мусульманское общество) или *языка* (франкоязычное общество). Г. Ленски и Дж. Ленски (1970) классифицировали общества в соответствии с основными характерными для них *способами получения средств к существованию*, но в то же время выявили и другие важные их черты.

1. *Общества, живущие охотой и собирательством.* Большинство таких обществ, например, бушмены юго-западной Африки и аборигены центральной Австралии, обычно ведут кочевой образ жизни, занимаются охотой, сбором ягод, корней и другой съедобной растительной пищи. Охотники и собиратели имеют самые примитивные орудия труда: каменные топоры, копья, ножи; их имущество ограничено самыми необходимыми предметами, которые они носят с собой, кочуя с места на место. Их социальная жизнь организуется на основе родственных связей; известно, что в обществе охотников и собирателей растений каждый знает, кто кому приходится близким или дальним родственником. Политической структуры в этом обществе почти не существует; во главе его обычно стоят старейшина или вождь, другие властные структуры в нем не сложились.

2. *Садоводческие общества* впервые возникли на Ближнем Востоке примерно за четыре тысячи лет до нашей эры; в дальнейшем они получили распространение от Китая до Европы; в настоящее время они сохранились главным образом в Африке, на юге Сахары. В самых примитивных садоводческих обществах при возделывании садов не применяются металлические орудия или плуги. В более разви-

тых садоводческих обществах имеются металлические орудия и оружие, но не используются плуги. Так же как и общества охотников и собирателей растений, садоводческие общества не производят прибавочного продукта; люди, которые трудятся, используя лишь мотыгу, не в состоянии создать высокопродуктивную систему сельского хозяйства. Политические структуры простых садоводческих обществ имеют до двух социальных слоев, но в более развитых обществах этого типа их насчитывается четыре и более. Система родственных связей также является основой социальной структуры этих социумов, но здесь она значительно усложняется; иногда общества состоят из многих кланов, отличающихся сложными взаимосвязями, включая правила, регулирующие брачные отношения между представителями различных родов.

3. *Аграрные общества* впервые возникли в Древнем Египте, чему способствовало прежде всего усовершенствование плуга и использование животных в качестве рабочей силы. Благодаря возросшей продуктивности сельского хозяйства эти общества могли производить больше продуктов, чем требовалось для обеспечения сельского населения. Появление прибавочного сельскохозяйственного продукта создало почву для возникновения городов, развития ремесел и торговли. На основе аграрных обществ возникло государство (которое сформировало ограниченный бюрократический аппарат и армию), была изобретена письменность, появились первые денежные системы и расширилась торговля. Стали складываться более сложные формы политической организации, поэтому система родственных связей перестала быть основой социальной структуры общества. Тем не менее родственные связи продолжали играть важную роль в политической жизни: крупные гражданские и военные должности переходили от отца к сыну, большинство коммерческих предприятий были семейными. В земледельческом обществе семья по-прежнему оставалась основной производственной единицей.

4. *Промышленные (индустриальные) общества* возникли лишь в современную эпоху, в конце XVIII в., под влиянием индустриализации Великобритании. Самые передовые

современные промышленные общества сложились в Северной Америке, Европе (включая Восточную Европу), в Восточной Азии (Япония, Тайвань, Гонконг и Южная Корея); во многих других странах, например, в Индии, Мексике, Бразилии и некоторых странах Африки, также произошла значительная индустриализация. Как и при переходе от садоводческих обществ к аграрным, совершенствование технологий и использование новых источников энергии сыграли основную роль в развитии промышленных обществ. Промышленное производство связано с применением научных знаний, необходимых для управления производственным процессом; мускульная сила человека и животных уступает место использованию тепловой энергии (получаемой путем сжигания каменного угля), а также электрической и в дальнейшем атомной энергии.

Общество также делят на *доиндустриальное*, или традиционное, *индустриальное* и *постиндустриальное*, или современное. В доиндустриальном обществе определяющим фактором развития выступало сельское хозяйство, в индустриальном обществе — промышленность, а в постиндустриальном — информация (теоретическое знание). Одно из наиболее важных исследований противоположности между доиндустриальным и современным обществами было проведено немецким социологом Фердинандом Тённисом (1855—1936). Он ввел термины «*гемайншафт*» (*Gemeinschaft*) и «*гезельшафт*» (*Gesellschaft*) (они переводятся как «община» и «общество»), выражающие различия между традиционным и современным обществами. Точнее, термин «гемайншафт» относится к сельской общине, а термин «гезельшафт» — к городскому индустриальному обществу. Каковы основные различия между «гемайншафт» и «гезельшафт»? Н. Смелзер описывает их следующим образом.

1. Если говорить об индивидуальной мотивации, «гемайншафт» стимулирует стремление людей жить в соответствии с общинными принципами, например крестьянские семьи в период сбора урожая бесплатно помогают друг другу. Общество типа «гезельшафт» основано на рациональном осуществлении личных интересов; индивиды взаимодействуют в деловой обезличенной обстановке и расплачиваются деньгами за определенные товары и услуги.

2. В сфере социального контроля общество типа «гемайншафт» придает решающее значение традиционным обычаям, верованиям и неписаным законам, в то время как «гезельшафт» есть общество, основанное на формальном праве.

3. В области разделения труда общество типа «гемайншафт» отличается ограниченной специализацией, складывающейся главным образом на основе родственных связей — обычно мужа, жены и дети выполняют определенные обязанности в хозяйстве. Для общества типа «гезельшафт» характерны специализация профессиональных ролей и отделение последних от семейных ролей.

4. В обществе типа «гемайншафт» культура формируется на основе религиозных ценностей, а в «гезельшафт» — на светских.

5. Главными социальными институтами в «гемайншафт» являются семья, соседи и община; в «гезельшафт» складываются крупные объединения и ассоциации (деловые круги, правительство, политические партии, добровольные ассоциации).

Э. Дюркгейм также разделяет общую для социологии XIX в. идею двух типов общества: традиционного и современного. Он выделяет *два типа* социальной солидарности. Во-первых, *механическую солидарность*, присущую традиционному, архаическому обществу и основанную на неразвитости и сходстве составляющих общество людей. Индивид в таком обществе не принадлежит сам себе, а коллективное сознание почти целиком покрывает индивидуальные особенности, то есть нивелируется индивидуальное «Я»: «Я — это только МЫ». Индивиды мало отличаются друг от друга, они испытывают одинаковые чувства, привержены одинаковым ценностям, признают одно и то же священным. Общество сплочено, потому что индивиды еще не дифференцированы. Как известно, социальное принуждение выражалось здесь в строгих репрессивных законах, карающих за малейшее отклонение от норм коллективного поведения.

Во-вторых, *органическую солидарность*, которая порождается разделением общественного труда и которая основана не на сходстве, а на различии индивидов. И если механи-

	Механическая солидарность	Органическая солидарность
Морфологическая основа	Основана на сходстве	Основана на разделении
	Сегментарный тип (вначале на клановой, а затем на территориальной основе)	Организованный тип (слияние рынков и рост городов)
	Слабая взаимосвязь (относительно слабые социальные связи)	Большая взаимозависимость (относительно сильные социальные связи)
	Относительно малый объем населения	Относительно большой объем населения
	Относительно низкая материальная и моральная плотность	Относительно высокая материальная и моральная плотность
Типы норм	Правила с репрессивными санкциями	Правила с реститутивными санкциями
	Преобладание уголовного права	Преобладание гражданского, коммерческого, процессуального, административного и конституционного права
Формальные признаки коллективного сознания	Большой объем	Малый объем
	Высокая интенсивность	Низкая интенсивность
	Высокая определенность	Низкая определенность
	Власть группы абсолютна	Большой простор для индивидуальной инициативы и рефлексии
Содержание коллективного сознания	Высокая степень религиозности	Возрастающая секуляризация
	Трансцендентность (превосходство над интересами отдельного человека)	Ориентированность на человека (связь с интересами человека)
	Приписывание высшей ценности обществу (сакрализация общества)	Приписывание высшей ценности достоинству индивида, равенству возможностей, трудовой этике и социальной справедливости
	Конкретность	Абстрактность

ческая солидарность предполагает поглощение индивида коллективом, то органическая солидарность, напротив, предполагает развитие личности. Солидарность, основанную на дифференциации индивидов, Дюркгейм называет органической по аналогии с органами живого существа, каждый из которых выполняет свои функции и не походит на другие органы. Именно благодаря разделению труда индивид осознает свою зависимость от общества, которая раньше поддерживалась репрессивными мерами. Как подчеркивал Э. Дюркгейм, «так как разделение труда становится важным источником социальной солидарности, то оно (разделение труда) вместе с этим становится основанием морального порядка». Здесь наблюдается сокращение сферы бытия, покрываемой коллективным сознанием, ослабление коллективных реакций на нарушение запретов и расширение зоны индивидуальной интерпретации социальных императивов. Поэтому переход от механической солидарности к органической он считает не только историческим законом, но и главным показателем прогресса.

Для наглядного понимания можно воспользоваться общей схемой дюркгеймовского описания механической и органической солидарности в соответствии с определенными типами обществ.

Дихотомия Тённиса (как и Дюркгейма) подверглась критике за чрезмерное упрощение. Во-первых, общества типа «гемайншафт» тоже отличаются друг от друга; японский феодализм отличается от германского, и они оба отличаются от других доиндустриальных обществ. Кроме того, в каждом современном обществе смешаны элементы «гезельшафт» и «гемайншафт», т. е. последнее никуда не исчезают.

Во-вторых, такие дихотомии рассматривают общество как устойчивое единое целое, не учитывая вероятности противоречий, дезорганизации и конфликтов, в какой-то мере присущих любому обществу.

ТЕМА 7. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

1. Циклический паттерн развития.
2. Линейный паттерн развития.

При размышлении над историческим процессом возникают такие вопросы: является история прогрессом и совершенствованием или же регрессом и упадком? Или, быть может, она представляет собой периодический или даже беспорядочно колеблющийся циклический процесс, в котором эпохи расцвета и упадка сменяют друг друга порой почти регулярно, порой же совершенно бессистемно? Или же она — результат наложения всех этих составных частей, так что на некую однозначную тенденцию накладываются периодические или беспорядочные колебания?

И можно ли линию исторического процесса охарактеризовать с помощью понятий «восходящая», «нисходящая» и «осциллирующая»?

Обо всем этом люди думали и писали уже в течение тысячелетий, не достигнув какого-либо единства во взглядах.

1. Циклический паттерн развития

Подход теории циклов к историческому процессу отличается от эволюционистского. Согласно этому подходу, история периодически исчерпывает свой потенциал и временно возвращается к началу процесса, т. е. она обратима, повторяема. Социальное и историческое развитие идет не по прямой, а, скорее, по кругу.

Как и все исторические концепции, циклическая теория также опирается на аналогии или метафоры, базирующиеся на здравом смысле. Она обращается к широко известным явлениям повседневной жизни. П. Штомпка приводит следующие примеры.

1. Существуют очевидные астрономические циклы: день и ночь (работа и сон), фазы луны (приливы), времена года

(периоды вегетации, ритм сельскохозяйственных работ, дни отдыха в современном обществе).

2. Существуют биологические циклы, имеющие важные последствия для социальной жизни: рождение, детство, юношество, зрелость, старость, смерть (возникновение и затухание активного участия в социальной жизни, отмеченного такими датами, как поступление в школу, получение первой работы, основание семьи, рождение детей, уход на пенсию).

3. Существуют отчетливо воспринимаемые политические, экономические и социальные циклы на макрошкале: правительства приходят и уходят, за упадком следует подъем, периоды процветания сменяются временами кризиса, международная напряженность чередуется с периодами разрядки и *ослабления напряженности*, социальные беспорядки переходят в периоды долгой стабильности.

4. Существуют отчетливые циклы на макрошкале повседневной жизни: ежедневный ритм семейных событий, недельный ритм рабочих и выходных дней, годовой ритм праздников и дней отдыха. Словом, если прибегнуть к поэтической идиоме Питирима Сорокина, «великая симфония социальной жизни «исчисляется» множеством отдельных процессов, каждый из которых течет волнообразно, сменяется в пространстве и времени и происходит одновременно в пространстве и времени, периодически и непериодически, после длительных или коротких интервалов».

Попробуем более четко объяснить саму концепцию цикла. *Если в направленном процессе каждая последующая фаза отличается от любой другой, предшествующей ей во времени, то в циклическом процессе состояние изменяющейся системы в некоторое более позднее время будет таким же, каким оно было в некоторое более раннее время. Эта общая характеристика относится к разнообразным циклическим процессам, каждый из которых обладает более конкретными чертами: диапазоном сходства между повторяющимися состояниями систем; временем, которое разделяет повторяющиеся события; количеством повторений в полном цикле.*

Процесс может протекать циклически, последовательно проходя через такие состояния системы, которые в точности

повторяют, совпадают с прежними (например, заход солнца). Или процесс может идти по спирали, когда последовательные состояния хотя в основе своей схожи, но не идентичны (утренние заторы на дорогах, возрастающие год от года). Восходящая спираль означает повторение процесса на относительно более высоком уровне (циклический прогресс), *нисходящая* — повторение на относительно более низком уровне (циклический регресс).

Продолжительность цикла может быть *короткой* или *длинной*, и измеряется она не абсолютно, а лишь в зависимости от типа рассматриваемых процессов. В биологии жизненный цикл бабочки может считаться коротким по сравнению с циклом кита. В социологии дневной цикл семьи — короткий, а цикл жизненной карьеры — длинный. В экономике производственный цикл автомобиля короткий, а корабля — длинный; цикл инвестиций и получения прибыли в торговле потребительскими товарами короткий, а в тяжелой индустрии — гораздо длиннее. В политике цикл парламентских сессий (парламентский календарь) короткий, цикл (срок) переизбрания — длинный.

Важно учитывать также, *ритмичен* или *неритмичен* цикл. В первом случае интервалы между фазами цикла равны; во втором — неравны. Если он подчиняется чистой случайности, то речь идет о *случайном цикле*. Но в основе неритмичного цикла может лежать и некоторая регулярность. Если интервалы становятся существенно короче, то можно говорить об *ускоряющемся* (убыстряющемся) *цикле* (например, научные открытия или технологические инновации в современную эпоху), если же интервалы значительно удлиняются, то имеет место замедление цикла (*самозамедляющийся цикл*).

Наконец, *циклы могут различаться по количеству фаз*. Если в цикле лишь две фазы, то это — *дихотомический цикл* (например, день и ночь, работа и отдых, война и мир, бум и упадок), если три — *триадический цикл* (например, возникновение — зрелость — упадок, первородный грех — отпущение — спасение), если больше, то можно говорить о *множественном цикле* (например, детство — зрелость — старость — смерть в цикле индивидуального жизненного пути,

мобилизация — рекрутирование — формирование лидерства — бюрократизация — демобилизация — распад в «карьере» социального продвижения).

Развитие циклических представлений. В библейской книге Екклесиаста сказано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

В философии циклический паттерн восходит к Древней Греции. В записях Геродота (V в. до н. э.) дана первая полная схема приложения цикла к политическим режимам: монархия — тирания — олигархия — демократия — охлократия. В работах Полибия (200—118 до н. э.) проводится сходная мысль, а именно, что все государства (политии) проходят неизбежные циклы роста, зенита и упадка.

В средние века аналогичные идеи возникали у такого внимательного наблюдателя общественной жизни, как Ибн Хальдун (1332—1406), который тоже был убежден в том, что «нет ничего нового под солнцем». Он сравнивал циклы цивилизации с жизненными циклами живых организмов: рост — зрелость — старость. Цикл политических режимов длится примерно 100 лет, что равнозначно жизни трех поколений. Цикл изменяющихся социальных связей, или солидарностей, типичных для повседневного существования человеческих групп, проходит через три стадии: (1) вначале доминирует сильно развитое чувство солидарности, вызываемое трудными условиями кочевой жизни в пустыне; (2) затем, с появлением оседлости, когда культуры локализуются и возникает достаток, солидарность ослабевает, это приводит (3) к полному разрыву социальных связей и распылению групп, за которыми вновь следует их кристаллизация на основе новых социальных уз.

В эпоху Просвещения Джованни Баттиста Вико распространил идею циклизма на всю человеческую историю. Он был, пожалуй, первым, кто предположил (в своей знаменитой «*Новой науке*», 1725), что социальная жизнь и история могут изучаться наукой и что можно открыть их закономерности. История и общество — это результат человеческих действий, их конечный продукт, и потому они должны быть

доступны человеческому познанию, т. е. в принципе познаваемыми. В своем поиске такой исторической регулярности Вико подошел к образу восходящей спирали. Типичный (однотипный) процесс, имеющий место и на всеобщем, самом широком уровне человечества, и на конкретных уровнях частных цивилизаций, культур или обществ, принимает форму повторяемости, хотя не абсолютно точное повторение (*corsi* и *ricorsi*). Циклы повторяются на все более высоких уровнях с некоторой модификацией. На каждом повороте цикла возникает новый феномен.

Типичный исторический цикл проходит три стадии: (1) анархия и дикость; (2) порядок и цивилизация, сопровождаемые верховенством разума и мирной индустрии; (3) упадок цивилизации и возврат к новому варварству. Эти стадии связаны с различными аспектами социальной жизни и формами правления (теократией, аристократией, республикой или монархией), типом законов, характеристиками языка (иероглифического, символического, местного). Прослеживается также определенная корреляция с доминирующим типом человеческого характера: грубый, суровый, благодущный, деликатный, распущенный. Вико полагал, что до него человечество прошло два цикла: один — в античности, завершившийся падением Рима, и другой — начавшийся с возрождением варварства в средние века и достигший своей финальной фазы в современную ему эпоху. Вико нарисовал мрачную картину коррумпированных городских масс, эдаких эгоистичных бестий, разделенных на фракции и ведущих гражданские войны. «Города начинают превращаться в леса, а леса — в логова и пещеры для людей». Но Вико внес и оптимистическую ноту — постепенно начнется новый цикл, и человечество возродится. Видимо, Вико полагал, что причинный механизм этого регулярного цикла — психологический и связан с доминирующими мотивациями и отношениями, закодированными в человеческой природе. «Люди сперва чувствуют необходимость, затем ищут пользы, потом обращаются к удобствам, еще позднее развлекают себя удовольствиями, после чего разлагаются в роскоши и наконец сходят с ума и утрачивают свою сущность».

2. Линейный паттерн развития

Августина (354–430 гг.) считают первым философом истории, так как он впервые рассмотрел всю историю человечества как единый направленный процесс, встроенный в процесс эволюции мира в целом.

Основанием его теории стала библейская историософия, вера в то, что предреченное пророками за много столетий сбывается в установленные сроки, что история, даже при уникальности всех ее событий, принципиально предсказуема, следовательно, наполнена смыслом. Библия давала ответ и относительно основания осмысленности истории: это основание — божественная опека человечества, божественный промысел, провидение. Но божественная опека и провидение означают в то же время предопределение (ср. Рим. 9, 11–24), а предопределение есть всегда предопределение к чему-то. Отсюда вытекало, что история человечества имеет какую-то цель, а каждая историческая эпоха имеет свое назначение в рамках осуществления этой цели. История земного человечества заключена, согласно Августину, между двумя катастрофическими событиями: грехопадением Адама и Евы и Страшным судом. Все, что должно произойти за это время, служит реализации изначального божественного плана: наказанию людей за первородный грех; испытанию их способности сопротивления размножающемуся вместе с греховным человечеством злу и испытанию их воли к добру; искуплению первородного греха; призванию лучшей части человечества к построению священного сообщества праведников; отделению праведников от грешников («пшеницы от плевел») и окончательному воздаянию каждому по его заслугам. В соответствии с задачами этого плана *история делится на шесть периодов* (эонов), символизируемых шестью днями творения: первый — от Адама до потопа; второй — от потопа до Авраама; третий — от Авраама до Давида; четвертый — от Давида до Вавилонского пленения; пятый — от Вавилонского пленения до рождения Христа; шестой — от Христа до Страшного суда (*De civ. Dei* XII 30). Устанавливая данную периодизацию, Августин

ссылался на Евангелие от Матфея, где исчисляется число поколений, предшествовавших рождению Христа (ibid.).

Мистическая диалектика всемирной истории представляется в «De civitate Dei» противоборством двух диаметрально противоположных по своим интересам и судьбам человеческих сообществ: «сообщества земного» (civitas terrestris) и «сообщества небесного» (civitas coelestis). «Мы делим человечество,— пишет Августин, — на два рода людей (genera hominum): первый род состоит из тех, кто живет по человеческим стандартам; другой — из тех, кто живет согласно божественной воле. Символически (mystice) мы также называем эти два рода двумя государствами, т. е. двумя сообществами человеческих существ, одному из которых предназначено царствовать в вечности с богом, а другому — подвергнуться вечному наказанию вместе с дьяволом» (De civ. Dei XV 1).

Иоахим Флорский (1132—1202) выдвинул свое истолкование человеческой истории как процесса прогрессивного развития от рабства к свободе, проходящего через три «состояния мира» (status mundi), соответствующие трем лицам христианской Троицы, и ведущего к осуществлению идеальной «эры Святого Духа» — «царства мира и правды на земле». Оно осуществляется через все большее раскрытие божественного откровения и возможно только в результате грандиозной вселенской катастрофы, которую Иоахим Флорский ожидал в 1260 г. Тогда «нечестивые будут стерты с лица земли», «будет уничтожена несправедливость и установлена вечная справедливость». Каждый новый, более совершенный статус мира зарождается в недрах старого, затем наступает период борьбы, в итоге которой праведники торжествуют, а грешники наказываются, и утверждается новое состояние мира. Первая эра — от Адама до Христа — *эра Ветхого Завета (Бога Отца)*. В те времена люди жили, руководствуясь плотскими влечениями, грешили и покорялись Богу только из чувства страха, как раб покоряется своему господину. Вторая эра — от Христа до 1260 г. — *эра Нового Завета (Бога Сына)*. Жизнь людей проходит между плотью и духом. Люди покоряются Богу из чувства сыновней любви. Третья эра — от 1260 г. до конца мира — *эра Святого Духа и вечного Евангелия*. В это время люди

будут созерцать Бога непосредственно, свободно избирать и любить Его.

Таким образом, согласно Иоахиму Флорскому, исторический процесс имеет строгую направленность и предопределен. Смена стадий мира — это раскрытие заранее предначертанного божественного плана.

Линейный паттерн развития, сформировавшись в рамках иудео-христианской традиции, был воспринят секулярной философией и наукой, превратившись в идею прогресса.

Социальный эволюционизм представляет собой попытку научно-философского осмысления исторического процесса как части общего, бесконечно разнообразного и линейного процесса эволюции Космоса, планетной системы, Земли, культуры. Наиболее ярко социальный эволюционизм представлен в системе английского социолога Г. Спенсера. Он разработал наиболее полную схему эволюционного процесса, которая включает в себя несколько принципиальных моментов. Ядро этой схемы составляет дифференциация, которая неизбежна, поскольку всякие конечные однородные системы неустойчивы в силу разных условий для их отдельных частей и неодинакового воздействия разнообразных внешних сил на их различные элементы. По мере возрастания сложности и разнородности в системах ускоряется темп дифференциации, так как каждая дифференцированная часть является не только результатом дифференциации, но и дальнейшим источником ее. Дифференциация, по Спенсеру, предполагает специализацию, разделение функций между частями и отбор наиболее устойчивых структурных соотношений. Эволюционные изменения происходят в направлении повышения гармонизации, структурного и функционального соответствия всех составляющих целого. Следовательно, дифференциация всегда сопровождается интеграцией. Естественным пределом всех эволюционных процессов в этом случае оказывается состояние динамического равновесия, обладающего инерцией самосохранения и способностью адаптации к новым условиям. Эволюция любой системы состоит в повышении и усложнении ее организации. Однако накопление несоответствий и дисгармоний в ходе

эволюции может привести к распаду ее собственных произведений.

Социальная эволюция, по мнению Спенсера, составляет часть универсальной эволюции. Она состоит в усложнении форм общественной жизни, их дифференциации и интеграции на новом уровне организации. В социологии Г. Спенсера реализована основная идея социального эволюционизма XIX в. — идея существования исторических стадий человеческого общества, развивающихся от простого к дифференцированному, от традиционного к рациональному, от непросвещенного к просвещенному, от общества с ручной технологией к обществу с машинной технологией, использующего искусственно созданную силу, от нечетко интегрированного общества к строго интегрированному.

Находясь во власти таких линейных представлений, большинство социологов и ученых-мыслителей XIX в. стремились к выявлению и определению различных линейных тенденций, последовательных стадий развития и законов эволюции исследуемых явлений. В результате большинство открываемых ими «единообразий изменения» приобретало линейный характер. Вот лишь несколько тому примеров. Теория Фердинанда Тённиса, согласно которой человечество со временем переходит от объединений типа *Gemeinschaft* к объединениям типа *Gesellschaft*, является линейной теорией. Теория постепенной эволюции от общества, основанного на «механической» солидарности, к обществу, основанному на «органической» солидарности, сопровождающейся заменой «репрессивного» права «реститутивным», — тоже линейная теория. К разряду линейных относится и теория Л.Т. Хобхауза (общество, основанное на родстве, общество, основанное на власти, и конечная стадия — общество, основанное на гражданстве); и теория К. Маркса, постулировавшего одно-единственное эсхатологическое направление истории к коммунизму как конечной стадии социального развития человечества; и исторический «закон технологической эволюции» с его стадиями — палеолит, неолит, медный, бронзовый, железный и машинный век; и множество других. Итак, социологии, другим общественным, философским и даже естественным наукам XIX в. центральная проблема

физической, биологической и социокультурной динамики казалась очень простой — следовало лишь отыскать и описать линейные тенденции, которые разворачиваются во времени. В области социокультурных изменений задача упростилась невероятно: все было сведено к построению главной линии развития — прямой, волнообразной, ветвящейся или спиралеобразной, ведущей от «первобытного» человека, общества, культуры к современным. Вся история, пишет Н.А. Сорокин, была расписана как школьная программа, по которой «первобытный» человек или общество — первоклассник — заканчивает начальную школу, затем среднюю (или проходит другие ступени, если их в классификации больше четырех) и, наконец, оказывается в выпускном классе, который называется «позитивизм», или «свобода для всех», или еще как-нибудь в зависимости от фантазии и вкусов автора.

В русле социального эволюционизма на основе противопоставления традиционного и современного общества сформировалась теория индустриального общества. Она была сформулирована в двух вариантах французским социологом Р. Ароном в лекциях, прочитанных в Сорбонне в 1956 — 1959 гг., и американским экономистом и политологом У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста» (1960 г.) Теория «индустриального общества» описывает поступательное развитие общества как переход от отсталого аграрного «традиционного» общества, в котором господствуют натуральное хозяйство и сословная иерархия, к передовому, промышленно развитому, «индустриальному» обществу. Для индустриального общества характерны: 1) развитая и сложная система разделения труда в обществе в целом, при сильной его специализации в конкретных сферах производства и управления; 2) массовое производство товаров на широкий рынок; 3) механизация и автоматизация производства и управления; 4) научно-техническая революция. Следствием этих процессов является высокая развитость средств транспорта и коммуникаций, высокая степень мобильности и урбанизации, качественные сдвиги в структурах национального потребления. С точки зрения данной теории, основные характеристики крупной промышленности — индуст-

стрии — обуславливают форму поведения не только в сфере организации и управления производством, но во всех других сферах общественной жизни.

Популярная в 60-х гг. XX в. теория индустриального общества в 70-х гг. получает свое развитие в теории «постиндустриального общества». Наиболее видные ее представители — американские социологи и политологи Д. Белл, З. Бжезинский, А. Тоффлер и французские социологи и политологи А. Турен и Ж. Фурастье. Согласно данной теории, общество в своем *поступательном* развитии, как уже говорилось выше, проходит три основные стадии: 1) доиндустриальную (аграрную), 2) индустриальную и 3) постиндустриальную.

Теории индустриального и постиндустриального общества находятся в рамках социального эволюционизма, поскольку они предполагают прохождение обществом определенных стадий на основе технических и технологических нововведений в сочетании с различными психологическими мотивами деятельности: национализмом, духом предпринимательства, конкуренции, протестантской этикой, личными амбициями предпринимателей и политических деятелей и т. д. Технологические перевороты влекут за собой перевороты в других сферах общественной жизни, однако они не сопровождаются социальными конфликтами, социальными революциями.

Концепция социального эволюционизма занимает доминирующее положение в социологии при истолковании социальных изменений. Однако наряду с ней довольно широкое распространение имела теория революционного преобразования общества, основоположником которой были К. Маркс и Ф. Энгельс. Марксистская концепция общественного развития базируется на формационном подходе к интерпретации истории. Согласно этому подходу человечество в своем развитии проходит пять основных стадий: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Переход от одной общественно-экономической формации к другой осуществляется на основе социальной революции. Социальная революция — это коренной качественный переворот по всей системе обще-

ственной жизни. Экономической основой социальной революции является углубляющийся конфликт между ростом производительных сил общества и устаревшей, консервативной системой производственных отношений, который проявляется в усилении социальных антагонизмов.

В XX в. стала расширяться критика положений линейной теории социокультурного изменения и линейных законов развития общества. Критиковавшие логику линейных теорий показали, что, во-первых, линейный тип изменения лишь один из многих возможных; во-вторых, для того чтобы линейное движение или изменение было возможно, изменяющийся объект должен либо находиться в абсолютном вакууме и не испытывать воздействия внешних сил, либо действие этих сил на протяжении всего процесса изменения должно быть скомпенсировано, т. е. эти силы должны находиться в таком «замечательном равновесии», чтобы они могли нейтрализовать друг друга в каждый момент времени и таким образом позволить изменяющемуся объекту двигаться в одном направлении, будь это движение прямолинейным, спиралеобразным или колебательным.

Факты явно противоречат утверждениям о существовании каких-либо универсальных и вечных линейных тенденций или каких-либо универсальных стадий эволюции, относящихся ко всему человечеству, к любым группам и индивидам. Социология, другие общественные и естественные науки все больше внимания стали уделять изучению постоянно повторяющихся ритмов, осцилляций, флуктуаций, циклов и периодичностей в ходе социокультурного процесса.

ТЕМА 8. КУЛЬТУРА

1. Понятие и компоненты культуры.
2. Динамика социокультурных изменений.

1. Понятие и компоненты культуры

Культура может быть определена как поведение, специфическое для Homo sapiens, и как совокупность материальных объектов, используемых в качестве неотъемлемой части этого поведения. В частности, культура состоит из языка, идей, верований, традиций, кодексов, институтов, орудий, технологий, произведений искусства, ритуалов, церемоний и т. д. Развитие культуры зависит от способности к научению и передаче знаний следующим поколениям.

Существование и использование культуры основано на способности, которой обладает только человек. Эту способность — способность к рациональному или абстрактному мышлению — понимали по-разному, но открытие рационального поведения среди высших животных показало недостаточность этого понимания. Термин «обозначение» был предложен как более адекватное понятие для определения уникальной умственной способности человека, состоящей в наделении вещей и событий определенными значениями, которые не могут быть схвачены одними чувствами. Членораздельная речь — язык — является хорошим примером. Значение слова «собака» не в самих по себе звуках; оно приписывается людьми звукам свободно и произвольно. Обозначение — это вид объективно определяемого поведения, и его не следует путать с символизацией, которая имеет совершенно другой смысл.

Социологи и антропологи предложили множество определений человеческой культуры, отражающих различные направления мысли. Э. Тайлор в своей «Первобытной культуре» (1871) дал классическое определение, согласно которому культура включает в себя все способности и привычки,

приобретенные человеком как членом общества. Клайд Клакхон (1967) считает: «Понятие культуры вызвано к жизни самой пластичностью человеческого существа. Новорожденных в различных группах населения приучают выполнять “одни и те же” действия, причем почти бесконечным множеством способов... Даже такие явно биологические процессы, как чихание, ходьба, сон и половой акт, всегда несут печать человеческой индивидуальности. Если людей, несмотря на все их отличия друг от друга, можно научить думать, чувствовать, верить и действовать определенным образом, примерно одинаковым для целых групп... если целые группы или общества научаются делать определенные вещи более или менее однотипно, мы можем сделать некоторое обобщение относительно их поведения. Такое поведение, особенности которого усвоены всей группой, которое передается от старших поколений потомкам или в какой-то мере воспринимается от другой группы, называется “культурой”». Короче говоря, культура организует человеческую жизнь. В жизни людей культура в значительной мере осуществляет ту же функцию, которую в жизни животных выполняет генетически запрограммированное поведение.

А. Кребер и К. Клакхон писали: «Культура состоит из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов, она возникает в результате деятельности групп людей, включая ее воплощение в средствах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи, в первую очередь — те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой — как ее регуляторы» (*Kroeber A.L., Klukhohn C. A Critical Concepts and Definitions // Papers of Prabody Museum of American Archeology and Ethnology, 1959*).

Л. Уайт определял культуру следующим образом: «Культура представляет собой организацию явлений, видов и норм активности, предметов (средств, вещей, созданных с помощью орудий), идей (веры, знания) и чувств (установок, отношений, ценностей), выраженных в символической фор-

ме» (*White L. A. Culturological and Psychological Interpretation of Human Behavior // American Sociological Review, 1947. Dec.*). Американский культурный антрополог У. Гуденау полагал, что «культура общества состоит из того, что необходимо знать и во что необходимо верить его членам, чтобы действовать взаимоприемлемым способом и исполнять любые значимые для них роли» (*Goodenough W. Cultural Anthropological and Linguistics Language in Culture and Society, A Reader in Linguistics and Anthropology. N.Y., 1964. P. 36*).

Культура создается людьми, культуре обучаются, поскольку она не передается генетически, каждое поколение воспроизводит ее и передает следующему поколению. Этот процесс является основой социализации. В результате усвоения ценностей, верований, норм, правил и идеалов происходят формирование личности ребенка и регулирование его поведения. Если бы процесс социализации прекратился в массовом масштабе, это привело бы к гибели культуры.

Культура формирует личности членов общества, тем самым она в значительной степени регулирует их поведение. Клиффорд Гиртц (1973) называет культуру «системой регулирующих механизмов, включающей планы, рецепты, правила, инструкции... которые служат для управления поведением». Он считает, что без культуры люди были бы полностью дезориентированы: «Не обусловленное моделями культуры (системами значимых символов) поведение человека стало бы практически неуправляемым, оно сводилось бы к спонтанным бессмысленным поступкам и безудержным эмоциям, у человека практически не мог бы сформироваться опыт». Решительно порвав с функционализмом, Гиртц заявил, что такие институты культуры, как ритуал, миф и искусство, должны рассматриваться не как отображение социальной структуры, но как отдельные символические системы. Он подходит к культуре как к системе символов, и потому исследование феноменов культуры приобретает характер поиска интерпретации этих символов. «Разделяя мнение М. Вебера, что человек есть животное, вплетенное в сеть значений, которую он сам и прядет, я рассматриваю культуру как такую сеть, и потому анализ ее

должен представлять собой не экспериментальную науку, отыскивающую закон, а интерпретацию, отыскивающую значение», — пишет Гиртц.

Какие элементы культуры дают исследователю возможность проникнуть в ее целостность? Гиртц считает, что в каждой культуре имеются ключевые слова-символы, значение которых открывает доступ к интерпретации целого.

Каждое человеческое общество имеет собственную специфическую культуру, или социокультурную систему, которая в некоторой степени совпадает с другими системами. Различие среди социокультурных систем связано с физическими условиями и ресурсами, диапазоном возможностей, свойственных различным областям деятельности, типу языка, ритуалов и традиций, изготовления и использования инструментов, степенью социального развития. На отношения, ценности, идеалы и верования индивида очень влияет культура, в которой он живет, и, конечно, индивид может жить или перемещаться в рамках нескольких различных культур.

Этноцентризм — это тенденция интерпретировать или оценивать другие культуры в терминах собственной. *Культурный релятивизм*, с другой стороны, является сравнительным подходом, который исходит из понимания и оценки культур, отличных от собственной. Изменения внутри каждой отдельной культуры и между культурами происходят под влиянием экологических изменений и изменений окружающей среды, посредством распространения удобных культурных черт среди обществ, находящихся приблизительно на одинаковых стадиях культурного развития, через аккультурацию, или усвоение чужеродной культуры, людьми, находящимися в зависимости, или через развитие культурных элементов в течение определенного периода времени.

Культура может рассматриваться в терминах составляющих ее *образцов* (культурные черты, культурные области и культурные типы) и в терминах *институциональной структуры и функций* (социальная организация, экономические системы, образование, религия и вера, традиция и закон). Культура может также быть разделена для изучения на *негородскую культуру*, в отличие от современной

городской культуры, и на сельские, или племенные, общества, в отличие от современного индустриального общества.

Культурные универсалии. Культура рассматривается в социологии как сложное динамичное образование, имеющее социальную природу и выражающееся в социальных отношениях, направленных на создание, усвоение, сохранение и распространение предметов, идей, ценностных представлений, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях. Объектом социологического исследования являются конкретное распределение существующих в данном обществе форм и способов освоения, создания и передачи объектов культуры, устойчивые и изменчивые процессы в культурной жизни, а также обуславливающие их социальные факторы и механизмы. В этом контексте социология изучает широко распространенные, устойчивые и повторяющиеся во времени многообразные формы отношений членов социальных общностей, групп и общества в целом с природным и социальным окружением, динамику развития культуры, которая позволяет определить уровень развития культуры сообществ и, следовательно, говорить об их культурном прогрессе или регрессе.

Каждое конкретное сообщество (цивилизация, государство, народность и т. д.) создает на протяжении многих веков свою собственную культуру, которая сопровождает индивида на протяжении всей его жизни и передается из поколения в поколение. В результате возникает множество культур. Перед социологами встает проблема — определить, существует ли что-то общее в человеческой культуре или, выражаясь научным языком, существуют ли культурные универсалии.

Культурные универсалии — это такие нормы, ценности, правила, традиции и свойства, которые присущи всем культурам независимо от географического расположения, исторического времени и социального устройства общества.

В 1959 г. американский социолог и этнограф Джордж Мердок выделил более 70 универсалий — общих для всех культур элементов: возрастная градация, спорт, нательные украшения, календарь, соблюдение чистоты, общинная

организация, приготовление пищи, кооперация труда, космология, ухаживание, танцы, декоративное искусство, гадание, толкование снов, разделение труда, образование, эсхатология, этика, этноботаника, этикет, вера в чудесные исцеления, семья, празднества, добывание огня, фольклор, табу на пищу, похоронные ритуалы, игры, жестикулирование, обычай дарить подарки, правительство, приветствие, искусство укладывания волос, гостеприимство, домохозяйство, гигиена, запрет кровосмешения, право наследования, шутки, родственные группы, номенклатура родственников, язык, закон, суеверие, магия, брак, время принятия пищи (завтрак, обед, ужин), медицина, благопристойность в отправлении естественных надобностей, траур, музыка, мифология, число, акушерство, карательные санкции, личное имя, полиция, послеродовой уход, обращение с беременными, право собственности, умиловивление сверхъестественных сил, обычаи, связанные с наступлением половой зрелости, религиозные ритуалы, поселенческие правила, сексуальные ограничения, учение о душе, статусная дифференциация, изготовление орудий труда, торговля, хождение в гости, отучение ребенка от груди, наблюдение за погодой.

Культурные универсалии возникают потому, что все люди, в какой бы части света они ни жили, физически устроены одинаково, они имеют одни и те же биологические потребности и сталкиваются с общими проблемами, которые ставит перед человечеством окружающая среда. Люди рождаются и умирают, поэтому у всех народов существуют обычаи, связанные с рождением и смертью. Поскольку они живут совместной жизнью, у них появляются разделение труда, танцы, игры, приветствия и т. п.

Определения культуры. Американские антропологи А. Кребер и К. Клакхон проанализировали более 150 определений культуры и разделили их на шесть основных типов от А до F.

А. Описательные определения, в которых упор делается на перечисление всего того, что охватывает понятие культуры. Родоначальником такого типа определения культуры является знаменитый антрополог Э. Тайлор. Согласно Тайлору, «культура, или цивилизация, в широком этнографиче-

ческом смысле слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества».

В. Исторические определения, в которых акцентируются процессы социального наследования, традиции. Примером здесь может служить определение, данное известным лингвистом Э. Сепиром: культура — это «социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни». Недостаток определений этого типа связан с предположением о стабильности и неизменности, в результате чего из виду упускается активность человека в развитии и изменении культуры.

С. Нормативные определения. Эти определения делятся на две группы. Первая из них — определения, ориентирующиеся на идею образа жизни. По определению, данному антропологом К. Уислером, «образ жизни, которому следует община или племя, считается культурой... Культура племени есть совокупность стандартизованных верований и практик, которым следует племя». Вторая группа — определения, ориентирующиеся на представления об идеалах и ценностях. Здесь можно процитировать два определения: 1) данное философом Т. Карвером: «культура — это выход избыточной человеческой энергии в постоянной реализации высших способностей человека»; 2) предложенное социологом У. Томасом: «культура — это материальные и социальные ценности любой группы людей (институты, обычаи, установки, поведенческие реакции) независимо от того, идет ли речь о дикарях или цивилизованных людях».

Д. Психологические определения, в которых упор делается либо на процесс адаптации к среде (D-I), либо на процесс научения (D-II), либо на формирование привычек (D-III). Индексом D-IV Кребер и Клакхон обозначают «чисто психологические определения». Ниже приведены определения, наиболее характерные для каждой из этих четырех групп.

D-I. «Совокупность приспособлений человека к его жизненным условиям и есть культура, или цивилизация... Эти приспособления обеспечиваются путем сочетания таких

приемов, как варьирование, селекция и передача по наследству» (социологи У. Самнер и А. Келлер).

D-II. «Культура — это социологическое обозначение для наученного поведения, то есть поведения, которое не дано человеку от рождения, не предопределено в его зародышевых клетках, как у ос или “социальных муравьев”, а должно усваиваться каждым новым поколением заново путем обучения у взрослых людей» (антрополог Р. Бенедикт).

D-III. «Культура — это формы привычного поведения, общие для группы, общности или общества. Она состоит из материальных и нематериальных элементов» (социолог К. Янг).

D-IV. «Под культурой мы будем понимать совокупность всех сублимаций, всех подстановок или результирующих реакций, короче, все в обществе, что подавляет импульсы или создает возможность их извращенной реализации» (психоаналитик Г. Рохайм).

Е. Структурные определения, в которых внимание акцентируется на структурной организации культуры. Здесь характерны определения, данные антропологом Р. Линтоном: «а) ... Культура — это в конечном счете не более чем организованные повторяющиеся реакции членов общества. б) Культура — это сочетание наученного поведения и поведенческих результатов, компоненты которых разделяются и передаются по наследству членами данного общества».

Г. Генетические определения, в которых культура определяется с позиции ее происхождения. Эти определения подразделяются на четыре группы: F-I, в которых культура рассматривается как продукт или артефакт; F-II, в которых упор делается на идеи; F-III, в которых подчеркивается роль символов; F-IV, в которых культура определяется как нечто, происходящее из того, что не есть культура. Ниже приведены определения, наиболее характерные для каждой группы.

F-I. «В самом широком смысле слова культура обозначает совокупность всего, что создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или воздействующих на поведение друг друга» (социолог П. Сорокин).

Г-II. «Культура — это относительно постоянное нематериальное содержание, передаваемое в обществе посредством процессов обобществления» (социолог Г. Беккер).

Г-III. «Культура — это понятие для особого порядка или класса феноменов, а именно — таких вещей и явлений, которые зависят от реализации умственной способности, специфичной для человеческого рода, которую мы называем “символизацией”. Говоря точнее, культура состоит из материальных объектов — орудий, приспособлений, орнаментов, амулетов и т. д., а также действий, верований и установок, функционирующих в контекстах символизирования. Это тонкий механизм, организация экзосоматических путей и средств, используемых животным особым рода, то есть человеком, для борьбы за существование или выживание» (социолог Л. Уайт).

Г-IV. «То, что отличает человека от животных, мы называем культурой» (философ В. Оствальд).

(Цит. по: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 44—47.)

Основные элементы культуры

1. Знаки и символы. Они представлены главным образом в языке. Благодаря им становится возможным упорядочить опыт и поведение человека. Язык — это объективная форма аккумуляции, хранения и передачи человеческого опыта. Термин «язык», имеет по крайней мере два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, т. н. этнический язык — конкретная реально существующая знаковая система, используемая в конкретном социуме, в конкретное время и в конкретном пространстве.

Язык возникает на определенной стадии развития общества для удовлетворения многих потребностей. Поэтому язык является полифункциональной системой. Основные его функции — создание, хранение и передача информации. Выступая средством человеческого общения (коммуникативная функция), язык обеспечивает социальное поведение человека.

Одним из признаков примитивного языка является *относительная многозначность*. На языке бушменов «г'онс»

означает «солнце», «жара», «жажда» или все это вместе (обращает на себя внимание включенность значения слова в определенную ситуацию); «нени» означает «глаз», «видеть», «здесь». В языке жителей Тробрианских островов (к востоку от Новой Гвинеи) одно слово обозначает шесть различных родственников: отца, брата отца, сына сестры отца, сына сестры матери отца, сына дочери сестры отца, сына сына брата отца отца и сына сына сестры отца отца.

Одно и то же слово часто выполняет несколько различных функций. Например, у бушменов «на» означает «давать». Одновременно «н'а» является частицей, указывающей на дательный падеж. В языке эве дательный падеж также строится с помощью глагола «на» («давать»).

Мало слов, обозначающих родовые понятия. У бушменов есть много слов для называния различных плодов, но нет слова для соответствующего общего понятия.

Слова насыщены наглядными аналогиями. По-бушменски выражение «к'а-та» — это «палец», но при буквальном переводе оно означает «голова руки». «Голод» переводится как «живот убивает человека»; «слон» — «зверь ломает деревья» и т. д. Действительный элемент включен здесь в само название объекта или состояния.

Какие же признаки характеризуют основные тенденции развития языка к более совершенным формам? Прежде всего происходит замена грубых, трудно различимых звуковых комплексов более дробными единицами с четкими дискретными смыслоразличительными признаками. Таковыми единицами являются наши *фонемы*. Благодаря обеспечению лучшего распознавания речевых сообщений резко снижаются энергетические затраты участников процесса речевой коммуникации. Исчезает и повышенная эмоциональная экспрессивность, заменяясь относительно нейтральной формой выражения. Наконец, значительное развитие претерпевает синтаксическая сторона речи. Из сочетания фонем образуются слова устной речи.

«Гипотеза языковой относительности», или гипотеза Сепира-Уорфа. Связана с идеей В. Гумбольдта (1767—1835) о том, что каждый язык есть своеобразное мировоззрение. Особенность гипотезы Сепира-Уорфа состоит в том, что она

была построена на обширном этно-лингвистическом материале. Согласно этой гипотезе, естественный язык всегда накладывает свою печать на мышление и формы культуры. «Картина мира» в значительной степени бессознательно строится на основе языка. Таким образом, язык неосознанно для его носителей формирует их представления об объективном мире вплоть до основных категорий времени и пространства; так что, например, эйнштейновская картина мира была бы иной, если она создавалась на основе, скажем, языка индейцев хопи. Это осуществляется благодаря грамматической структуре языков, которая включает в себя не только способы построения предложений, но и систему анализа окружающего мира.

Сторонники невозможности культурного диалога ссылаются прежде всего на слова Б. Уорфа о том, что человек живет в своего рода «интеллектуальной тюрьме», стены которой возведены структурными правилами языка. И многие люди даже не подозревают о факте своего «заключения».

2. Отношения. Культуры не только выделяют те или иные части мира с помощью понятий, но также выявляют, как эти составные части связаны между собой — в пространстве и времени, по значению (например, черное противоположно белому), на основе причинной обусловленности. Мы уверены, что земля вращается вокруг солнца, но когда-то люди верили, что дело обстоит наоборот. Культуры часто по-разному истолковывают взаимосвязи. Индеец пуэбло в своей беседе с К.-Г. Юнгом говорил: «Ведь мы — тот народ, — сказал он, — который живет на крыше мира, мы — дети солнца, и, совершая свои обряды, мы помогаем нашему отцу проходить по небу. Если мы перестанем это делать, то через десять лет солнце перестанет вставать. И тогда наступит вечная ночь».

«И в этот момент я понял, откуда происходит достоинство и невозмутимое спокойствие этого человека. Он — сын солнца, и его жизнь полна космологического смысла — он помогает своему отцу, творцу и хранителю всей жизни, — он помогает ему совершать это ежедневное восхождение.»

Каждая культура формирует определенные представления о взаимосвязях между понятиями, относящимися к сфе-

ре реального мира и к сфере сверхъестественного. Например, согласно христианской космологии, мир создан Богом из ничего, и имеется немало заповедей об отношении Бога к людям.

3. Ценности. Ценности — это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов. В христианской морали, например, десять заповедей, помимо других требований, предусматривают сохранение человеческой жизни («не убий»), супружескую верность («не прелюбодействуй») и уважение к родителям («чти отца своего и мать свою»).

Разные культуры могут отдавать предпочтение разным ценностям (героизму на поле боя, художественному творчеству, аскетизму), и каждый общественный строй устанавливает, что является ценностью, а что не является.

4. Правила. Эти элементы (в том числе и социальные нормы) регулируют поведение людей в соответствии с ценностями определенной культуры. Гуденау объединил все эти элементы следующим образом: «Культура содержит образцы, помогающие решить, что существует (представления и понятия об окружающем мире), что может быть (взаимосвязи), как относиться к тому, что есть и что может быть (ценности), что с этим делать и как это делать (нормы)». Названные элементы культуры связаны между собой. Например, законодательная система включает множество законов, запрещающих убивать, ранить других людей или угрожать им. У нас существуют десятки законов, запрещающих присвоение чужого имущества, порчу собственности и пр. В них отражено наше стремление к защите личной собственности.

Социальные нормы могут представлять собой стандарты поведения. Социальные наказания или поощрения, способствующие соблюдению норм, называются *санкциями*. Наказания, сдерживающие людей от определенных поступков, называются *негативными санкциями*. К ним относятся штраф, тюремное заключение, выговор и др. *Позитивными санкциями* (например, денежное вознаграждение, наделение властью, высокий престиж) называются поощрения за соблюдение норм. Санкции обретают законность на основе норм.

Привычки возникают на основе навыков и закрепляются в результате многократного повторения. *Привычки* — это установившиеся схемы (стереотип) поведения в определенных ситуациях. Большинство привычек не встречают со стороны окружающих ни одобрения, ни осуждения. Но есть так называемые вредные привычки (громко разговаривать, читать за обедом, грызть ногти), которые свидетельствуют о плохих манерах.

Манеры — внешние формы поведения человека, получающие положительную или отрицательную оценку окружающих. Они основаны на привычках. Манеры отличают воспитанных от невоспитанных, аристократов и светских людей от простолюдинов. Если привычки приобретаются стихийно, то хорошие манеры надо воспитывать.

Манеры чрезвычайно разнообразны, одни относятся к светским, другие — к повседневным. Ходить опрятно одетым, не чавкать за едой, не читать газету за обедом — повседневные манеры воспитанного человека. Целовать руку даме, говорить ей изысканные комплименты или здороваться, приподнимая шляпу — светские манеры, присущие небольшой группе людей.

По отдельности манеры составляют элементы, или черты, культуры, а вместе — особый культурный комплекс, называемый *этикетом*. *Этикет* — принятая в особых социальных кругах система правил поведения, составляющих единое целое. Особый этикет существовал при королевских дворах, в светских салонах, дипломатических кругах. Этикет включает особые манеры, нормы, церемонии и ритуалы. Он характеризует высшие слои общества и относится к области элитарной культуры.

В отличие от манер, *обычаи* присущи широким массам людей. *Обычай* — традиционно установившийся порядок поведения. Он также основан на привычке, но относится не к индивидуальным, а к коллективным привычкам. Обычай — воспринятая из прошлого форма социальной регуляции деятельности и отношений людей, которая воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычной для его членов. Обычай состоит в неуклонном следовании воспринятым из прошлого предписаниям. В

роли обычая могут выступать различные обряды, праздники, производственные навыки и т. д. Обычаи — неписанные правила поведения.

Если привычки и обычаи переходят от одного поколения к другому, они превращаются в *традиции*. *Традиции* — элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющиеся в определенном сообществе, социальной группе в течение длительного времени. Традиции функционируют во всех социальных системах и являются необходимым условием их жизнедеятельности. Пренебрежительное отношение к традиции приводит к нарушению преемственности в развитии общества и культуры, к утрате ценных достижений человечества. Слепое же преклонение перед традицией порождает консерватизм и застой в общественной жизни. *Традиция* — все то, что унаследовано от предшественников. Первоначально это слово обозначало «предание». В качестве традиции выступают также ценности, нормы, образцы поведения, идеи, общественные установления, вкусы, взгляды. Традиционными могут стать встречи бывших одноклассников, однополчан, подъем национального или корабельного флага. Одни традиции выполняются в обыденной, а другие — в праздничной, приподнятой обстановке. Они относятся к культурному наследию, окружены почетом и уважением, служат объединяющим началом. *Традиционная культура* — это прежде всего культура, основанная на священном тексте. Механизм ее воспроизводства и трансляции состоит в почитании и рецитации (повторении) священного текста. Разновидностью традиции является ритуал.

Ритуал — это совокупность символических стереотипных коллективных действий, воплощающих в себе те или иные социальные идеи, представления, нормы и ценности и вызывающих определенные коллективные чувства. В них выражаются какие-то религиозные представления или бытовые традиции. Ритуалы не ограничиваются одной социальной группой, а относятся ко всем слоям населения. Ритуалы сопровождают важные моменты человеческой жизни. Сила ритуала — в его эмоционально-психологическом воздействии на людей. В ритуале происходит не только рациональное

усвоение тех или иных норм, ценностей и идеалов, но и сопереживание их участниками ритуального действия.

Выполнение ритуалов, или церемониальных актов, предписываемых религиозной традицией, составляет специфический тип поведения, который можно проследить в любом известном науке обществе. Поэтому ритуал можно рассматривать как информацию, позволяющую дать определение и описание человеческой реальности.

Иногда человека представляют и описывают как существо преимущественно рациональное, экономическое, политическое или играющее. Но можно интерпретировать его и как существо ритуальное и проследить четкую параллель между его ритуальным и вербальным поведением. Точно так же как язык является символической системой, построенной по определенным правилам, так и ритуал представляет собой систему символических актов, которая тоже строится на основе определенных правил.

Сложный, но явный параллелизм между ритуалом и языком можно увидеть, рассматривая исторические попытки объяснения ритуального поведения. В большинстве таких объяснений язык выступает как важнейший фактор, связанный с сущностью ритуала. Имеется в виду прежде всего конкретная форма языка — язык мифа.

Миф присутствует во всех обществах, в том числе и в современном. Миф — это не просто древняя форма выражения человеческого сознания, но и универсальная структурная форма сознания как такового. Хотя его наиболее полное выражение мы находим в культурах прошлого, миф продолжает фрагментарное существование и в современных обществах. Несмотря на то что важнейшие теоретические и практические формы деятельности современного общества связаны с немифологическим, рациональным, техническим языком, миф существует как скрытое, глубинное поле значений.

Формы культуры

Элитарная, или высокая, культура создается привилегированной частью общества либо по ее заказу профессиональными творцами. Она включает изящное искусство, классическую музыку и литературу. В отличие от элитар-

ной *народная культура* создается анонимными творцами. Народная культура включает мифы, легенды, сказания, эпос, сказки, песни и танцы.

Массовая, или общедоступная, культура не выражает изысканных вкусов аристократии или духовных поисков народа. Время ее появления — середина XX в., когда средства массовой информации (радио, печать, телевидение, грамзаписи и магнитофоны) проникли в большинство стран мира и стали доступны представителям всех социальных слоев. Массовая культура может быть интернациональной и национальной. Популярная и эстрадная музыка — яркий пример массовой культуры. Она понятна и доступна всем возрастам, всем слоям населения независимо от уровня образования.

Массовая культура, как правило, обладает меньшей художественной ценностью, чем элитарная или народная культура. Но у нее самая широкая аудитория, и она является авторской.

Культура функционирует в общественных взаимосвязях на различных уровнях в определенных конкретных формах. Для отражения этой конкретной формы бытия культуры в социологии используется понятие субкультуры. *Субкультура* — это набор символов, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих то или иное сообщество или какую-либо социальную группу. Каждое сообщество создает свою субкультуру. Субкультура не отрицает общечеловеческой культуры, но в то же время она имеет свои специфические отличия. Эти отличия связаны с особенностями жизнедеятельности тех или иных сообществ.

Можно выделить западные, восточные, национальные, конфессиональные, профессиональные субкультуры, субкультуры организаций, социальных групп и т. д. Термин «национальная культура» применяется для определения символов, верований, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют человеческое сообщество в той или иной стране, государстве. В государстве, однородном в лингвистическом и этническом отношении, может быть одна национальная культура. Однако в большинстве стран земно-

го шара имеется несколько различных национальных культур. Другой важнейшей формой является конфессиональная субкультура. Конфессиональная культура складывается на основе общности вероисповедания, принадлежности к той или иной церкви. На базе этой общности формируется общность символов, ценностей, идеалов и образцов поведения. Например, можно говорить о христианской, мусульманской, буддийской культурах в целом. Отдельные ветви, направления в мировых религиях создают свои субкультуры: например, православную, католическую, протестантскую. В свою очередь, в этих субкультурах возможны свои субкультуры.

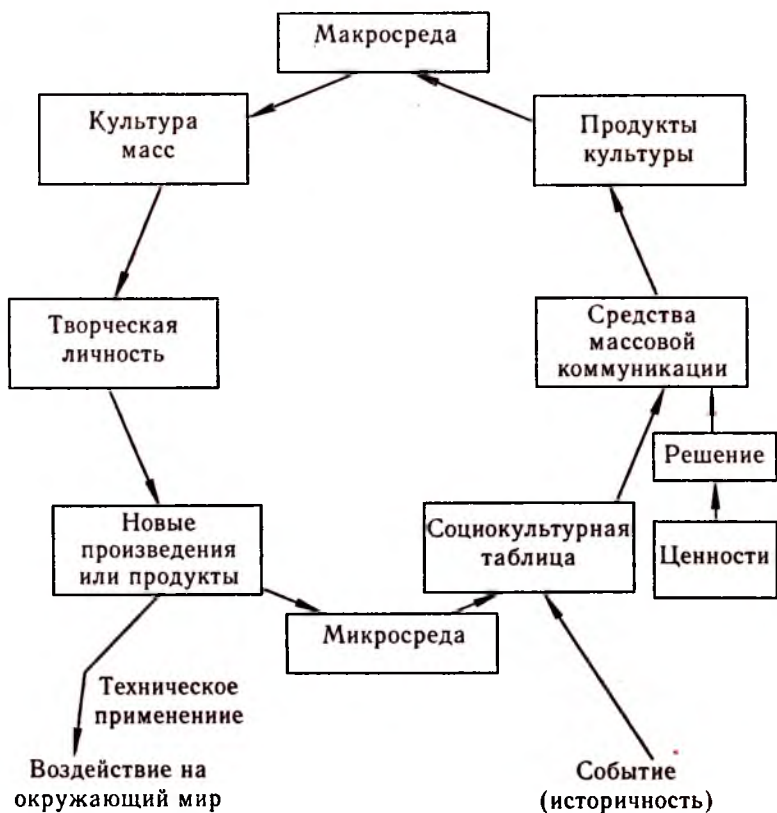
Профессиональная субкультура образуется на основе общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых той или иной профессиональной группой. Она тесно связана с содержанием работы и ролью, которую в обществе играют ее представители.

Культурный конфликт. Термин «аномия», обозначающий нарушение единства культуры в связи с отсутствием ясно сформулированных социальных норм, был впервые введен Э. Дюркгеймом еще в 90-е г. прошлого столетия. В то время аномия была вызвана ослаблением влияния религии и политики и повышением роли торгово-промышленных кругов. Эти перемены повлекли за собой распад системы нравственных ценностей, которая в прошлом отличалась устойчивостью. С тех пор обществоведы неоднократно отмечали, что рост преступности, увеличение числа разводов и неразборчивость в сексуальных связях происходили в результате нарушения единства культуры, особенно в связи с неустойчивостью религиозных и семейных ценностей.

Проявлением культурного конфликта являются также различные натовистические и мессианские движения, вызванные господством чуждой культуры в первобытных обществах, которые подверглись колонизации со стороны европейских народов. Все эти движения ожидают спасения от возвращения национальных ценностей и обычаев и отказа от всего чуждого.

2. Динамика социокультурных изменений

Культурная динамика описывает изменения или модификацию черт культуры во времени и пространстве. Что служит основой изменения культуры и каковы механизмы такого изменения?

Цикл социодинамики культуры (А. Моль)

Ими являются открытия и изобретения. Открытие снабжает человечество новыми знаниями, которые соединяются с известными знаниями и порождают новые элементы.

Изобретение — это создание новых элементов культуры. Они подразделяются на материальные и духовные. Открытие и изобретение являются разновидностями инноваций. Это — создание или признание новых элементов в культуре. Инновации зависят от накопленных знаний, которые заново интерпретируются, оцениваются и применяются на практике.

Художник, как и ученый, творит в одиночестве, но под влиянием усвоенных им элементов культуры. Идеи и готовые произведения сначала распространяются в микросреде: «закрытые» просмотры, публикации малыми тиражами и т. п. Определенная часть элементов культуры черпается из микросреды «полуслучайным» образом средствами массовой коммуникации (такими как радио, телевидение, массовая печать, кино и т. д.), которые руководствуются присущими им внутренним запросами и критериями доступности для массовой аудитории. Через некоторое время отобранные произведения распространяются среди широкого круга средствами массового тиражирования. Практически эта широкая публика приемлет не все, а часть распространяемых произведений; получившие популярность произведения на более или менее равных основаниях *оседают* в памяти общества и образуют *массовую культуру*. Однако и сам творец-художник живет в этом «массовом обществе». Он читает газеты, смотрит телевизор, ходит в кино и при этом собирает тот самый материал, который в дальнейшем входит в состав его личного культурного багажа. На этой основе он создает свои новые произведения, и так продолжается цикл культуры. Происходит круговорот элементов культуры — морфем и семантем, которые можно назвать *культурами*, или фрагментами культуры. Скорость обращения цикла и его структуру можно точно определить в количественных терминах, исследуя эти процессы для различных конкретных случаев, например, для области зрительных искусств.

Культурный лаг. Уильям Огборн (1922) ввел понятие культурного лага (запаздывания). Огборн выделял в культуре два аспекта — материальный и нематериальный. *Материальная культура* включает изготовленные товары, фабрики, жилые дома, автомобили, короче, все материаль-

ные предметы, а также изобретения и технологические новшества. *Нематериальная культура*, которую Огборн называл *адаптивной*, включает социальные институты, например, семью, церковь, школу, системы ценностей (законы, религии, обычаи, нравы и представления) и политические институты (правительства, лобби, политические клубы).

Главная идея Огборна: *адаптивная культура обычно изменяется медленнее, чем материальная*. Культурное запаздывание наблюдается, когда перемены в материальной жизни общества опережают трансформацию нематериальной культуры (обычаи, убеждения, философские системы, законы и формы правления). Как считает Огборн, это приводит к постоянному несоответствию между развитием материальной и нематериальной культуры, и в результате возникает множество нерешенных социальных проблем.

Теории культурно-исторических типов. В них делается акцент на цикличность и многолинейность развития общества и культуры, вычленяются определенные типы социальной и культурной систем, подчеркивается их своеобразие, а в некоторых случаях и выдвигается идея замкнутости, локальности культур и цивилизаций. Теория культурно-исторических типов сформировалась как антитеза линейной европоцентристской теории общественного развития, согласно которой все историческое развитие осуществляется в рамках единой и неделимой цивилизации и представляет однонаправленный, закономерный процесс прогрессивного развития, перехода от низших ступеней к высшим. Моделью исторического развития в этой концепции выступало развитие Западной Европы, которая якобы после длительного периода становления и борьбы достигла, наконец, своего предназначения — мирового господства.

Линейная, европоцентристская концепция исторического развития не давала удовлетворительного объяснения развития Востока, России и других регионов, находившихся в стороне от развитой западноевропейской цивилизации. Теория культурно-исторических типов пытается дать на эти проблемы удовлетворительный ответ.

Основоположником теории культурно-исторических типов является русский социолог Н.Я. Данилевский (1822—1885).

В книге «Россия и Европа» он представлял человеческую историю разделенной на отдельные и обширные единицы — «историко-культурные типы», или цивилизации. Западная, или, иными словами, германо-романская цивилизация — лишь одна из многих, процветавших в истории. Он видел ошибку историков в том, что они рассматривали современный им Запад в качестве высшей, кульминационной стадии и конструировали линейную хронологию эпох (древняя — средневековая — современная) как приближающуюся к этой своей кульминации. В реальности общей хронологии для различных цивилизаций не существует: нет единого события, которое могло бы разумно разделить судьбу всего человечества на периоды, которое означало бы одно и то же для всех и было бы одинаково важным для всего мира. Ни одна цивилизация не является лучшей или более совершенной, каждая имеет свою внутреннюю логику развития и проходит различные стадии в только ей свойственной последовательности. «Каждая цивилизация возникает, развивает собственную морфологическую форму, собственные ценности, обогащая тем самым общую сокровищницу человеческих культурных достижений, и затем уходит, не получая продолжения в своей специфической и сущностной форме».

Историю творят люди, но их исторические роли различны. Соответственно существуют три типа исторических действующих лиц (агентов): (1) позитивные действующие лица истории, т. е. те общества (племена, люди), которые создали великие цивилизации (отдельные историко-культурные типы) — египетскую, ассиро-вавилонскую, китайскую, индийскую, персидскую, еврейскую, греческую, римскую, арабскую и германо-романскую (европейскую); (2) негативные действующие лица истории, которые играли деструктивную роль и способствовали окончательному крушению разлагавшихся, приходивших в упадок цивилизаций (например, гунны, монголы, турки); (3) с другой стороны, есть люди и племена, у которых отсутствует творческое начало. Они представляют лишь «этнографический материал», используемый творческими обществами для построения собственных цивилизаций. Иногда после распада великих цивилизаций составляющие их племена возвращаются на уровень

«этнографического материала» — пассивной, распыленной популяции.

Цивилизации проявляют свою творческую сущность лишь в избранных областях, т. е. они концентрируются на каких-то индивидуальных, характерных только для них областях и темах: для греческой цивилизации — красота, для семитской — религия, для римской — закон и администрация, для китайской — практика и польза, для индийской — воображение, фантазия и мистицизм, для германо-романской — наука и технология.

Существует типичный цикл развития, наблюдаемый в судьбе каждой великой цивилизации. Первый период, иногда весьма продолжительный — это период возникновения и кристаллизации, когда цивилизация зарождается, принимает различные форму и образ, утверждает свою культурную и политическую автономность и общий язык. Затем наступает фаза процветания, когда цивилизация полностью развивается и раскрывается ее творческий потенциал. Этот период обычно относительно короток (Данилевский оценивал его в 400—600 лет) и заканчивается, когда запас творческих сил исчерпывается. Недостаток творческих сил, застой и постепенный распад цивилизации означает конечную фазу цикла. Как полагал Данилевский, европейская (германо-романская) цивилизация вошла в фазу вырождения, что выразилось в нескольких симптомах: растущем цинизме, секуляризации, ослаблении инновационного потенциала, ненасытной жажде власти и доминирования над миром. В будущем предстоит расцвет русско-славянской цивилизации. Таков финал несколько этноцентричной историософии Данилевского.

Еще одна заслуживающая внимания теория истории человечества принадлежит Освальду Шпенглеру (1880—1936). Его наиболее известная работа «Закат Европы» вышла в свет в 1918 г. С точки зрения Шпенглера, в истории нет линейного процесса, есть, скорее, ряд отдельных, уникальных «высших культур», «процветающих на фоне определенного ландшафта, к которому они привязаны как растения». Реализовав «всю сумму возможностей в форме людей, языков, догм, искусств, государств, наук, они умирают». История является «коллективной биографией таких культур».

Каждая отдельная культура переживает циклы детства, юношества, зрелости и старости: она возникает, растет и, выполнив свое предназначение, умирает. Фаза упадка именуется «цивилизацией». Агонизируя, культура проявляет определенные характерные качества: космополитизм вместо местной перспективы, городские связи вместо кровных уз, научный и абстрактный подход вместо естественной религиозной чувственности, массовые ценности вместо народных, деньги вместо истинных ценностей, секс вместо материнства, политика грубой силы вместо консенсуса. Такое состояние упадка или агонии может длиться долго, но когда-то культура все же обрекается на распад и исчезает.

Шпенглер выделил *восемь* «высших культур»: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую), арабскую, мексиканскую и западную (возникшую примерно в 1000 г. н. э.). Каждая из них имела свою доминантную тему, или «первичный символ», который воплощался во всех ее компонентах, придавая специфический оттенок образу мышления и действий, определяя характер науки, искусства, обычаев, привычек и т. д. Например, «первичный символ» греко-римской культуры — культ чувственного, тема Аполлона. В китайской культуре — это «дао», неопределенный, блуждающий, многолинейный «путь» жизни. Для западной культуры «первичным символом» является «безграничное пространство» и концепция времени, простирающегося в бесконечность, как предназначение, «Фаустовская тема». Очевидно, что Шпенглер ищет «дух» культуры для данного периода. Естественно, каждый дух проникает во все ее сферы. Поскольку он оживляет все компоненты культуры, постольку любой факт и событие служат символом ее духа. Таков был культурный релятивизм *по преимуществу*. «Истины истинны лишь по отношению к конкретному человечеству».

Жизненный путь «высших культур» нельзя объяснить с точки зрения причинности. Скорее, это «предопределенный цикл», проявление внутренней необходимости, или судьбы, которую можно лишь угадать интуитивно. «Быстрые и глубокие изменения в истории великих культур происходят без каких-либо значительных причин, воздействий или целей».

Точно так же не существует причины, по которой культуры рождаются. Возникая по вердикту судьбы, они избирают те или иные общества в качестве своих носителей, или агентов.

Диагноз и предсказания Шпенглера относительно будущего западной культуры, которая уже вошла в стадию разложения, были весьма мрачны. Он считал, что основу современного ему общества составляет «мегаполис», мировой город, окруженный провинциями. «Внутри этого мира-города проживают новые кочевники, паразитирующие городские жители, без корней, без традиций, без прошлого. Городская популяция — это масса, а не люди или раса». Не удивительно, что в ближайшее время этот мир «будет лежать в обломках, наши железные дороги и пароходы будут мертвы, как римские дороги и Китайская стена, наши гигантские города и небоскребы окажутся в руинах, как древний Мемфис и Вавилон. История созданного технологией мегаполиса быстро движется к неизбежному концу».

Наиболее обстоятельная и исторически обоснованная теория цивилизаций и их жизненных циклов представлена Арнольдом Тойнби (1889—1975). В 20-томном труде «Постижение истории», публиковавшемся в течение 27 лет (1934—1961), он предпринял попытку обобщить весьма обширный материал, охватывающий всю писаную историю.

По мнению Тойнби, подходящей для исторического изучения единицей является не человечество в целом и не национальные государства, а промежуточные образования, которые имеют большее пространственное и временное протяжение, чем отдельные общества, и меньшее, чем все человечество. Это цивилизации, таковых в истории можно выделить двадцать одну. Список Тойнби перекликается со списком, представленным Данилевским или Шпенглером, хотя и более внушительен. Тем не менее, идея специфической, доминирующей темы в каждой цивилизации появляется вновь. Например, в цивилизации эллинов — это эстетика, у индусов — религия, в западной цивилизации — наука и механическая технология.

Цивилизации возникают благодаря сочетанию двух факторов: присутствия творческого меньшинства и окружающих условий, которые и не слишком благоприятны, и не слиш-

ком неблагоприятны. Механизм рождения, равно как и дальнейшей динамики цивилизаций, воплощен в идее «вызов — ответ». Окружение (первоначально природное, а затем и социальное) постоянно бросает вызов обществу, которое усилиями творческого меньшинства изыскивает средства справиться с ним. Как только найден ответ, следует новый вызов, а на него, в свою очередь, дается новый ответ. На стадии роста цивилизации ответы успешны, так как люди предпринимают беспрецедентные усилия, чтобы решать градиозные задачи, и таким образом сотрясают «привычные устои». Однако в фазе дезинтеграции и распада творчество иссякает. Цивилизации разваливаются изнутри. «Упадок цивилизаций происходит по причине совокупного действия трех обстоятельств: недостатка творческой мощи у меньшинства, ответного ослабления подражательного инстинкта у части большинства (которое отказывается слепо копировать преуспевающую элиту) и вытекающего отсюда ослабления и утраты социального единства в обществе как целом». Дополнительный фактор — восстание «внешнего пролетариата», т. е. варваров. Как только цивилизация начинает рассыпаться, они поднимают бунт, не желая и дальше быть в подчинении. Судьба большинства цивилизаций — это всегда окончательный распад, даже если они и способны протянуть в застывшем состоянии в течение продолжительного периода времени. Не менее шестнадцати великих цивилизаций уже «мертвы и похоронены».

В завершение своего анализа, не оставляя идею циклов внутри каждой цивилизации, Тойнби утверждает, что существует общая единая логика, которая проявляется на длительном отрезке времени и охватывает все их вместе взятые, — это прогресс духовности и религии. Цивилизации есть «дело рук религии». «Историческая функция цивилизации состоит в том, чтобы способствовать прогрессивному процессу все более глубокого религиозного прозрения и действовать в соответствии с этим прозрением».

Социокультурные суперсистемы. В работе «Социальная и культурная динамика», тщательно проанализировав различные аспекты человеческой культуры — искусство, обра-

зование, этику, законодательство, военное дело — Сорокин предложил разделить ее на два противоположных, взаимно несовместимых типа.

«Каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность; собственную систему знаний, философию и мировоззрение; свою религию и стандарты “святости”; собственные представления о том, что правильно и неправильно; форму искусства и литературы; собственные мораль, законы, нормы поведения; доминирующие формы социальных отношений; собственную экономическую и политическую организацию, и, наконец, свой собственный тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением».

Два противоположных культурных типа — «умозрительный» и «чувственный». Это идеальные типы, которых не найти в чистом виде ни в одну эпоху. Промежуточная форма между первым и вторым обозначается как «идеалистическая».

Умозрительная культура характеризуется следующими признаками: 1) реальность по своей природе духовна, нематериальна, скрыта за чувственными проявлениями (например, Бог, нирвана, дао, Брахма); она вечна и неизменна; 2) потребности и цели людей в основном духовны (спасение души, служение Господу, исполнение священного долга, моральные обязанности); 3) для удовлетворения этих целей предпринимаются усилия по освобождению личности от чувственных соблазнов, повседневных земных забот. Отсюда вытекают, по меньшей мере, два вывода: истина постигается лишь посредством внутреннего опыта (откровения, медитации, экстаза, божественного вдохновения), и потому она абсолютна и вечна; идея добра коренится в нематериальном, внутреннем, духовном, в сверхчувственных ценностях (вечная жизнь, Град Господень, слияние с Брахмой).

Посылки второго типа (*чувственной культуры*) прямо противоположны: 1) реальность по своей природе материальна, доступна чувствам, она перемещается и постоянно изменяется: «Становление, процесс, изменение, поток, эволюция, прогресс, трансформация»; 2) потребности и цели людей чисто плотские, или чувственные (голод и жажда,

секс, убежище, комфорт); 3) для удовлетворения этих целей необходимо использовать внешнее окружение. Отсюда также вытекают два вывода: истина может быть найдена лишь в чувственном опыте, и потому она имеет временный и относительный характер. Добро коренится в чувственных, эмпирических, материальных ценностях (удовольствие, наслаждение, счастье, полезность), и потому моральные принципы гибки, относительны и зависят от обстоятельств.

Промежуточная, *идеалистическая культура* представляет собой сбалансированное сочетание умозрительных и чувственных элементов. Она признает, что реальность и материальна, и сверхъестественна; потребности и цели людей и телесны, и духовны; удовлетворение целей требует как улучшения самого себя, так и трансформации окружения. Короче, «признавая идеальный мир высшим, она не объявляет чувственный мир простой иллюзией или негативной ценностью; напротив, поскольку чувства находятся в гармонии с идеальным, они обладают позитивной ценностью».

На основе этой типологии Сорокин осуществляет периодизацию исторического процесса. Принципом периодизации является смена доминирующих типов культурного менталитета и культурных систем: повторяющаяся последовательность умозрительной, идеалистической и чувственной культур.

Периодизация истории по Сорокину

Греция, VIII—VI в. до н. э. — умозрительная;

Греция, V в. до н. э. — идеалистическая;

Рим, IV в. до н. э. — IV в. н. э. — чувственная;

Европа, IV—VI в. н. э. — идеалистическая;

Европа, VI—XII в. н. э. — умозрительная;

Европа, XII—XIV в. н. э. — идеалистическая;

Европа, с XIV в. н. э. по настоящее время — чувственная.

ТЕМА 9. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

1. Понятие и теории личности.
2. Социализация.

1. Понятие и теории личности

В повседневном и научном языке очень часто встречаются термины: «человек», «индивид», «индивидуальность», «личность». Обозначают ли они один и тот же феномен, или между ними есть какие-то различия? Чаше всего эти слова употребляются как синонимы, но если подходить к определению этих понятий строго, то можно обнаружить существенные смысловые оттенки. *Человек* — понятие самое общее, родовое. *Индивид* понимается как отдельный, конкретный человек, как единичный представитель человеческого рода и его «первокирпичик» (от лат. *individ* — неделимый, конечный). *Индивидуальность* можно определить как совокупность черт, отличающих одного индивида от другого, причем различия проводятся на самых разных уровнях — биохимическом, нейрофизиологическом, психологическом, социальном и др. Понятие *личность* вводится для выделения, подчеркивания неприродной («надприродной», социальной) сущности человека и индивида, т. е. акцент делается на социальном начале.

В социологии личность определяется как:

- 1) системное качество индивида, определяемое его включенностью в общественные отношения и проявляющееся в совместной деятельности и общении;
- 2) субъект социальных отношений и сознательной деятельности.

В момент рождения ребенок еще не является личностью. Он всего лишь индивид. Индивидом называется человек как представитель вида, продукт филогенетического и онтогенетического развития. Чтобы сделаться личностью, человек должен пройти определенный путь развития. Непременным

условием этого развития являются: 1) биологические, генетически заданные предпосылки, 2) наличие социальной среды, мира человеческой культуры, с которым ребенок взаимодействует.

Каждая личность обладает совокупностью внутренних качеств, свойств, которые составляют ее структуру.

Подойти к задаче характеристики личности можно двояким образом:

- с точки зрения ее структуры;
- с точки зрения ее взаимодействия с окружающими, общения с другими людьми.

Иерархическая структура личности
(по К.К. Платонову):

Краткое название подструктуры	К данной структуре относятся	Соотношение биологического и социального
Подструктура направленности	Убеждения, мировоззрения, личностные смыслы, интересы	Социальный уровень (биологического почти нет)
Подструктура опыта	Умения, знания, навыки, привычки	Социально-биологический уровень (значительно больше социального, чем биологического)
Подструктура форм отражения	Особенности познавательных процессов (мышления, памяти, восприятия, ощущения, внимания); особенности эмоциональных процессов (эмоции, чувства)	Биосоциальный уровень (биологического больше, чем социального)
Подструктура биологических конституциональных свойств	Скорость протекания нервных процессов, баланс процессов возбуждения и торможения и т.п.; половые, возрастные свойства	Биологический уровень (социальное практически отсутствует)

В данной схеме особенности личности сгруппированы в иерархически расположенные подструктуры по степени влияния на их формирование биологических (генетических) и социальных (приобретенных в культуре) качеств.

Многомерная, сложноорганизованная природа человека, широта и многообразие его социальных связей и отношений определяют множество теоретических подходов и позиций в понимании этого феномена, множество различных моделей, образов человека в современной социологии. Один из них — образ человека как совокупности социальных ролей.

Ролевая концепция личности. Каждый человек, живущий в обществе, включен во множество различных социальных групп (семья, учебная группа, дружеская компания и т. д.).

В каждой из этих групп он занимает определенное положение, обладает неким статусом, к нему предъявляются определенные ожидания. Таким образом, один и тот же человек должен вести себя в одной ситуации как отец, в другой — как друг, в третьей — как начальник, т. е. выступать в разных ролях.

Социальная роль — соответствующий принятым нормам способ поведения людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений.

Освоение социальных ролей — часть процесса социализации личности, непременное условие «врастания» человека в общество себе подобных. Социализацией называется процесс и результат усвоения и активного воспроизведения индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности.

Примерами социальных ролей являются также половые роли (мужское или женское поведение), профессиональные роли. Усваивая социальные роли, человек усваивает социальные стандарты поведения, учится оценивать себя со стороны и осуществлять самоконтроль. Однако, поскольку в реальной жизни человек включен во многие виды деятельности и отношения, вынужден исполнять разные роли, требования к которым могут быть противоречивыми, возникает необходимость в некотором механизме, который позволил бы человеку сохранить целостность своего Я в условиях множе-

ственных связей с миром (т. е. оставаться самим собой, исполняя различные роли). Личность (а точнее, сформированная подструктура направленности) как раз и является тем механизмом, функциональным органом, который позволяет интегрировать свое Я и собственную жизнедеятельность, осуществлять нравственную оценку своих поступков, находить свое место не только в отдельной социальной группе, но и в жизни в целом, вырабатывать смысл своего существования, отказываться от одного в пользу другого.

Таким образом, развитая личность может использовать ролевое поведение как инструмент адаптации к определенным социальным ситуациям, в то же время не сливаясь, не идентифицируясь с ролью.

Основные компоненты социальной роли составляют иерархическую систему, в которой можно выделить три уровня. Первый — это периферийные атрибуты, т. е. такие, наличие или отсутствие которых не влияет ни на восприятие роли окружением, ни на ее эффективность (например, гражданское состояние поэта или врача). Второй уровень предполагает такие атрибуты роли, которые влияют как на восприятие, так и на ее эффективность (например, длинные волосы у хиппи или слабое здоровье у спортсмена). На вершине трехуровневой градации — атрибуты роли, которые являются решающими для формирования идентичности личности.

Ролевая концепция личности возникла в американской социальной психологии в 30-е гг. XX в. (Ч. Кули, Дж. Мид) и получила распространение в различных социологических течениях, прежде всего в структурно-функциональном анализе. Т. Парсонс и его последователи рассматривают личность как функцию от того множества социальных ролей, которые присущи любому индивиду в том или ином обществе.

Чарлз Кули считал, что личность формируется на основе множества взаимодействий людей с окружающим миром. В процессе этих интеракций люди создают свое «зеркальное Я». «Зеркальное Я» состоит из трех элементов:

- 1) того, как, по нашему мнению, нас воспринимают другие («Я уверена, что люди обращают внимание на мою новую прическу»);

2) того, как, по нашему мнению, они реагируют на то, что видят («Я уверена, что им нравится моя новая прическа»);

3) того, как мы отвечаем на воспринятую нами реакцию других («Видимо, я буду всегда так причесываться»).

Эта теория придает важное значение нашей интерпретации мыслей и чувств других людей. Американский психолог Джордж Герберт Мид пошел дальше в своем анализе процесса развития нашего Я. Как и Кули, он считал, что «Я» — продукт социальный, формирующийся на основе взаимоотношений с другими людьми. В начале жизни, будучи маленькими детьми, мы не способны объяснять себе мотивы поведения других. Научившись осмысливать свое поведение, дети делают тем самым первый шаг в жизнь. Научившись думать о себе, они могут думать и о других; ребенок начинает приобретать чувство своего Я.

По мнению Мида, процесс формирования личности включает три различные стадии. Первая — *имитация*. На этой стадии дети копируют поведение взрослых, не понимая его. Маленький мальчик может «помогать» родителям вычистить пол, таская по комнате свой игрушечный пылесос или даже палку. Затем следует *игровая стадия*, когда дети понимают поведение как исполнение определенных ролей: врача, пожарного, автогонщика и т. д.; в процессе игры они воспроизводят эти роли. Играя в куклы, маленькие дети обычно говорят с ними то ласково, то сердито, как родители, и отвечают вместо кукол так, как мальчик или девочка отвечают родителям. Переход от одной роли к другой развивает у детей способность придавать своим мыслям и действиям такой смысл, какой придают им другие члены общества, — это следующий важный шаг в процессе создания своего Я.

Мид считает, что человеческое «Я» состоит из двух частей: «Я — сам» и «Я — меня». «Я — сам» — это реакция личности на воздействие других людей и общества в целом. «Я — меня» — это осознание человеком себя с точки зрения других значимых для него людей (родственников, друзей). «Я — сам» реагирует на воздействие «Я — меня» — осознание своего воздействия на других людей. Например, «Я — сам» реагирую на критику, старательно обдумываю ее

суть; иногда под влиянием критики мое поведение меняется, иногда нет; это зависит от того, считаю ли я эту критику обоснованной. «Я — сам» знаю, что люди считают «Я — меня» справедливым человеком, всегда готовым прислушаться к мнению других. Обмениваясь ролями в процессе игры, дети постепенно вырабатывают свое «Я — меня». Каждый раз, глядя на себя с точки зрения кого-то другого, они учатся воспринимать впечатления о себе.

Третий этап, по Миду — *стадия коллективных игр*, когда дети учатся осознавать ожидания не только одного человека, но и всей группы. Например, каждый игрок бейсбольной команды придерживается правил и игровых идей, общих для всей команды и всех игроков в бейсбол. Эти установки и ожидания создают образ некоего «другого» — безликого «человека со стороны», олицетворяющего общественное мнение. Дети оценивают свое поведение по стандартам, установленным «другими со стороны», например, следование правилам игры в бейсбол подготавливает детей к усвоению правил поведения в обществе, выраженных в законах и нормах. На этой стадии приобретает чувство социальной идентичности.

Ролевая теория личности описывает ее социальное поведение двумя основными понятиями: «социальный статус» и «социальная роль». Разберем, что означают эти понятия. Каждый человек в социальной системе занимает несколько позиций. Каждая из этих позиций, предполагающая определенные права и обязанности, называется статусом. Человек может иметь несколько статусов. Но чаще всего только один определяет его положение в обществе. Этот статус называется главным, или интегральным. Часто бывает так, что главный (или интегральный) статус обусловлен его должностью (например, директор, профессор). Социальный статус отражается как во внешнем поведении и облике (одежде, жаргоне и иных знаках социальной и профессиональной принадлежности), так и во внутренней позиции (в установках, ценностных ориентациях, мотивациях и т. д.).

Социологи отличают предписанные и приобретенные статусы. *Предписанный* — это значит навязанный обществом вне зависимости от усилий и заслуг личности. Он обуслов-

ливается этническим происхождением, местом рождения, семьей и т. д. *Приобретенный* (достигнутый) статус определяется усилиями самого человека (например, писатель, ученый, директор и т. д.). Выделяются также естественный и профессионально-должностной статусы. *Естественный* статус личности предполагает существенные и относительно устойчивые характеристики человека (мужчины и женщины, детство, юность, зрелость, старость и т. д.). *Профессионально-должностной* — это базисный статус личности, для взрослого человека чаще всего являющийся основой интегрального статуса. В нем фиксируется социальное, экономическое и производственно-техническое положение (банкир, инженер, адвокат и т. д.).

Социальный статус обозначает конкретное место, которое занимает индивид в данной социальной системе. Совокупность требований, предъявляемых индивиду обществом, образует содержание социальной роли. *Социальная роль* — это совокупность действий, которые должен выполнить человек, занимающий данный статус в социальной системе. Каждый статус обычно включает ряд ролей. Совокупность ролей, вытекающих из данного статуса, называется ролевым набором.

Социальная роль распадается на *ролевые ожидания* — то, чего согласно «правилам игры» ждут от той или иной роли, и на *ролевое поведение* — то, что человек реально выполняет в рамках своей роли. Всякий раз, беря на себя ту или иную роль, человек более или менее четко представляет связанные с ней права и обязанности, приблизительно знает схему и последовательность действий и строит свое поведение в соответствии с ожиданиями окружающих. Общество при этом следит, чтобы все делалось «как надо». Для этого существует целая система социального контроля — от общественного мнения до правоохранительных органов — и соответствующая ей система социальных санкций — от порицания, осуждения до насильственного пресечения.

Социальные роли попытался систематизировать Толкотт Парсонс. Он считал, что любая роль может быть описана с помощью пяти основных характеристик:

1. *Эмоциональность*. Некоторые роли (например, медицинской сестры, врача или полицейского) требуют эмоцио-

нальной сдержанности в ситуациях, обычно сопровождающихся бурным проявлением чувств (речь идет о болезни, страдании, смерти). От членов семьи и друзей ожидается менее сдержанное выражение чувств.

2. *Способ получения.* Некоторые роли обусловлены предписанными статусами — например, ребенка, юноши или взрослого гражданина; они определяются возрастом человека, исполняющего роль. Другие роли завоевываются; когда мы говорим о профессоре, мы имеем в виду такую роль, которая достигается не автоматически, а в результате усилий личности.

3. *Масштаб.* Некоторые роли ограничены строго определенными аспектами взаимодействия людей. Например, роли врача и пациента ограничены вопросами, которые непосредственно относятся к здоровью пациента. Между маленьким ребенком и его матерью или отцом устанавливаются отношения более широкого плана; каждого из родителей волнуют многие стороны жизни малыша.

4. *Формализация.* Некоторые роли предусматривают взаимодействие с людьми в соответствии с установленными правилами. Например, библиотекарь обязан выдать книги на определенный срок и потребовать штраф за каждый просроченный день с тех, кто задерживает книги. При исполнении других ролей допускается особое обращение с теми, с кем у вас сложились личные отношения. Например, мы не ожидаем, что брат или сестра заплатят нам за оказанную им услугу, хотя мы могли бы взять плату у незнакомого человека.

5. *Мотивация.* Разные роли обусловлены различными мотивами. Ожидается, скажем, что предприимчивый человек поглощен собственными интересами — его поступки определяются стремлением получить максимальную прибыль. Но предполагается, что священник трудится главным образом ради общественного блага, а не личной выгоды. Как считает Парсонс, любая роль включает некоторое сочетание этих характеристик.

Нам также предстоит выяснить: 1) насколько общество или группа влияет на личность, ее поведение, ценностные ориентации, нормы и как влияет; 2) насколько автономна,

независима личность от конкретных социальных условий и в чем это конкретно проявляется.

Попробуем ответить на эти вопросы, проведя анализ взаимодействия личности и ролевых стандартов, образцов поведения.

Расскажем о замеченом в социологии и социальной психологии «Тюремном эксперименте» Филиппа Зимбардо, известного американского исследователя. Однажды в газете города Стэнфорда, где расположен один из лучших университетов, появилось объявление: «Для психологического исследования тюремной жизни требуются мужчины-студенты. Продолжительность работы — 1—2 недели, плата — 15 долларов в день». С помощью тестов были отобраны 24 студента, здоровые, интеллектуально развитые, не имевшие в прошлом ни опыта преступности, ни психологических отклонений, не употреблявшие наркотики.

С помощью жребия их поделили на «заклученных» и «тюремщиков». Стэнфордская полиция, согласившаяся помочь ученым, арестовала «заклученных» и доставила их в наручниках в «тюрьму», оборудованную в одном из помещений университета. «Тюремщики» раздели их догола, подвергли унижительной процедуре обыска, выдали тюремную одежду и разместили по «камерам». «Тюремщики» не получали подобных инструкций, им было лишь сказано, что они должны относиться к делу серьезно, поддерживать порядок и добиваться послушания «заклученных».

В первый день опыта атмосфера была сравнительно веселая и дружеская, молодые люди только входили в свои роли и не принимали их всерьез. Но уже на второй день обстановка изменилась. «Заклученные» предприняли попытку бунта: сорвав с себя тюремные колпаки, они забаррикадировали двери и стали оскорблять охрану. «Тюремщики» в ответ применили силу, зачинщики были брошены в карцер. Это разобщило «заклученных» и сплотило «тюремщиков». Роли стали исполняться (точнее выполняться) всерьез. «Заклученные» почувствовали себя одинокими, угнетенными, подавленными. Некоторые «тюремщики» начали не только наслаждаться властью, но и злоупотребляли ею. Их обращение с «заклученными» стало грубым, вызы-

вающим. Один из «тюремщиков» день ото дня «свирепел». На пятый день эксперимента он швырнул тарелку с сосисками в лицо «заключенному», отказавшемуся есть. «Я ненавижу себя за то, что заставляю его есть, но еще больше я ненавижу его за то, что он не ест», — сказал он позднее. На шестые сутки эксперимент был прекращен. Все были травмированы. Выступая перед законодателями штата Калифорния, Ф. Зимбардо, обобщая свои эксперименты, заявил, что индивидуальное поведение гораздо больше зависит от внешних социальных условий и сил, чем от таких расплывчатых понятий, как «Я», «черты личности», сила воли.

В этом эксперименте хороших и простых парней удалось быстро превратить в озлобленную массу, конфликтующую по всем законам традиционной тюрьмы. Функциональная целесообразность (необходимость поддерживать порядок, добиваться послушания подчиненных) плюс социокультурные традиции, как следует вести себя тюремщику и заключенному, иначе говоря, ролевые стандарты и ожидания обусловили вполне типичное и легко узнаваемое поведение сторон. Хорошие, добрые ребята оказались в тисках социальных ролей.

Теория ролей хорошо описывает адаптационную сторону процесса социализации личности. Но эту схему нельзя принять за единственную и исчерпывающую, поскольку она оставляет в тени активное, творческое личностное начало.

Концепция личности З. Фрейда. Другой образ личности возник под влиянием идей З. Фрейда, рассматривавшего человека как стремящегося к удовольствию, а общество — как систему запретов, табу. *Бессознательные* (в первую очередь, сексуальные) стремления личности образуют ее потенциал и основной источник активности, задают мотивацию ее действий. В силу невозможности удовлетворения инстинктивных потребностей в их естественно-природной форме из-за социальных нормативных ограничений человек вынужден постоянно искать компромисс между глубинным влечением и общественно приемлемой формой его реализации. Модель личности, созданная Фрейдом, представляет собой трехуровневое образование: низший слой (Оно, или Ид), представленный бессознательными импульсами и «ро-

довыми воспоминаниями», средний слой (Я, или Эго) и верхний слой (Сверх-Я, или Супер-Эго) — нормы общества, принятые человеком. Наиболее жесткие, агрессивные и виновные слои — Оно и Сверх-Я. Они с обеих сторон «атакуют» психику человека, порождая невротический тип поведения. Это модель личности, постоянно обороняющейся от общественного давления и находящейся в конфликте с социальным окружением. Поскольку по мере развития общества верхний слой (Супер-Эго) неизбежно увеличивается, становится более массивным и тяжелым, то и вся человеческая история рассматривается Фрейдом как история нарастающего психоза.

Поведенческая концепция рассматривает личность как систему реакций на различные стимулы (Б. Скиннер, Дж. Хоманс и др.). Отдельную линию в развитии бихевиоризма представляет система взглядов *Б. Скиннера*. Скиннер выдвинул теорию оперантного бихевиоризма. Его механистическая концепция подведения и разработанная на ее основе технология поведения, используемая в качестве орудия управления поведением людей, получили широкое распространение в США и оказывают влияние и в других странах, в частности, в странах Латинской Америки — как инструмент идеологии и политики.

В соответствии с концепцией классического бихевиоризма Уотсона Скиннер исследует поведение организма. Сохраняя двучленную схему анализа поведения, он изучает только его двигательную сторону. Основываясь на экспериментальных исследованиях и теоретическом анализе поведения животных, Скиннер формулирует положение о *трех видах* поведения: *безусловнорефлекторном, условнорефлекторном и оперантном*. Последнее и составляет специфику учения Б. Скиннера.

Безусловнорефлекторный и условнорефлекторный виды поведения вызываются стимулами (*S*) и называются рефлексивным, отвечающим поведением. Это реакция типа *S*. Они составляют определенную часть репертуара поведения, но только ими не обеспечивается адаптация к реальной среде обитания. Реально процесс приспособления строится на основе активных проб — воздействий животного на окру-

жающий мир. Некоторые из них случайно могут приводить к полезному результату, который в силу этого закрепляется. Такие реакции (R), которые не вызываются стимулом, а выделяются («испускаются») организмом, некоторые из которых оказываются правильными и подкрепляются, Скиннер назвал *оперантными*, это реакции типа R . По Скиннеру, именно эти реакции являются преобладающими в адаптивном поведении животного: они являются формой произвольного поведения.

На основе анализа поведения Скиннер формулирует свою теорию научения. Главным средством формирования нового поведения выступает подкрепление. Вся процедура научения у животных получила название «последовательного наведения на нужную реакцию».

Данные, полученные при изучении поведения животных, Скиннер переносит на человеческое поведение, что *приводит к крайне биологизаторской трактовке человека*. Так, на основе результатов научения у животных возник скиннеровский вариант программированного обучения. Его принципиальная ограниченность состоит в сведении обучения к набору внешних актов поведения и подкреплению правильных из них. При этом игнорируется внутренняя познавательная деятельность учащихся, и как следствие этого обучение как сознательный процесс исчезает. Следуя установке уотсоновского бихевиоризма, Скиннер исключает внутренний мир человека, его сознание из поведения и производит бихевиоризацию его психики. Мышление, память, мотивы и т. п. психические процессы он описывает в терминах реакции и подкрепления, а человека — как реактивное существо, подвергающееся воздействиям внешних обстоятельств. Например, интерес соответствует вероятности, являющейся результатом последствий поведения «проявления интереса». Поведение, которое ассоциируется с дружбой с каким-либо человеком, изменяется, поскольку этот человек изменяет предоставляемые им подкрепления. Биологизаторский подход к человеку, характерный для бихевиоризма в целом, где нет принципиального различия между человеком и животным, достигает у Скиннера своих пределов. *Вся культура — литература, живопись, эстрада — оказываются в его трак-*

товке «хитроумно придуманными подкреплениями». Доведенная до крайности бихевиоризация человека, культуры и общества приводит к абсурду, что особенно выразительно проявилось в печально известной книге «По ту сторону свободы и достоинства» (1971). Трансформация Скиннером понятий свободы, ответственности, достоинства фактически означает их исключение из реальной жизнедеятельности человека.

Для разрешения социальных проблем современного общества Б. Скиннер выдвигает задачу создания *технологии поведения*. Технология поведения призвана осуществлять контроль одних людей над другими. Поскольку намерения, желания, самосознание человека не принимаются во внимание в бихевиоризме, средством управления поведением не является обращение к сознанию людей. Таким средством выступает контроль за режимом подкреплений, позволяющий манипулировать людьми.

Современный социолог Р. Дарендорф разработал свою типологию личности. Подчеркивая, что личность есть продукт развития культуры, социальных условий, он пользуется термином *homo sociologicus*, выделяя его типические виды:

- *homo faber* — в традиционном обществе «человек трудящийся»: крестьянин, воин, политик — личность, несущая бремя (наделенная важной общественной функцией);
- *homo consumer* — современный потребитель, личность, сформированная массовым обществом;
- *homo universalis* — человек, способный заниматься разными видами деятельности, в концепции К. Маркса — меняющий всевозможные занятия;
- *homo soveticus* — человек, зависящий от государства.

Г. Маркузе разработал в 60-е гг. концепцию «одномерного человека». Под влиянием пропаганды, впитывая информационные социальные стереотипы, человек формирует упрощенные схемы черно-белого видения проблем (з России это, например, «простые люди» и «новые русские», «коммунисты» и «демократы»). Современное общество делает людей как бы одномерными, воспринимающими происходящее в плоскости примитивных альтернатив и противостоя-

ний, т. е. личностями с упрощенным социальным восприятием и грубым аппаратом интерпретации. Справедливости ради, надо сказать, что это свойственно многим обществам.

Такие исследователи, как Т. Адорно, К. Хорни и другие неомарксисты и неопрейдисты, в своих работах обосновали парадоксальный вывод: «нормальная» личность современного общества — это невротик. Давно распались системы общностей, где были общепринятые устойчивые ценности, и сейчас каждая социальная роль человека заставляет его «играть» в новой системе ценностей, предпочтений и стереотипов (выходя из дома, попадая в транспорт, на работу, забегая в клуб, в кафе, путешествуя по магазинам, все время меняя амплу и социальные «маски»). При этом его Super Ego (Сверх-Я, нормативная структура личности, совесть, мораль, значимая традиция, представления о должном) становится как бы «размазанным», неопределенно-множественным, плюралистичным.

2. Социализация

Социализация — начинающийся во младенчестве и заканчивающийся в глубокой старости процесс усвоения социальных ролей и культурных норм. Невозможно обучиться социальной роли по книжкам или методом деловой игры, хотя усовершенствовать себя в ней таким образом можно. Вождь или король воспитывает себе преемника многие годы; исполнителя этой роли воспитывает окружение, практика принятия управленческих решений, которую приходится осваивать, реально став королем или вождем. Каждая социальная роль включает множество культурных норм, правил и стереотипов поведения, незримыми социальными нитями — правами, обязанностями, отношениями — она связана с другими ролями. И все это надо осваивать. Вот почему к социализации применим термин не «обучение», а «освоение». Он шире по содержанию и включает в себя обучение как одну из частей.

Поскольку на протяжении жизни нам приходится осваивать не одну, а целое множество социальных ролей, продвигаясь по возрастной и служебной лестнице, процесс соци-

ализации продолжается всю жизнь. До глубокой старости человек меняет взгляды на жизнь, привычки, вкусы, правила поведения, роли и т. п. Понятие «социализация» объясняет то, каким образом человек из существа биологического превращается в существо социальное. Ведь человек, взрослея, в свернутом виде проходит те же самые этапы, какие прошло общество за 40 тысяч лет своей культурной эволюции и какие прошел человеческий род за 2 миллиона лет своей биологической эволюции. Ни один биологический вид не научился «свертывать» этапы своего развития. Благодаря социализации слабому человеческому детенышу не надо полностью проходить весь этот бесконечно долгий путь развития.

Развитие человека нельзя понять в отрыве от семьи, социальной группы и культуры, к которым он принадлежит. С первых же часов жизни человека начинается процесс его социализации, в основе которого лежат связи между индивидуумами и освоение социальных навыков. Отчасти этот процесс зависит от врожденных механизмов и созревания нервной системы, однако прежде всего он определяется тем опытом, который человек получает на протяжении жизни.

Этапы социализации. Принято выделять первичную социализацию, охватывающую период детства, и вторичную социализацию, занимающую более длительный временной промежуток и включающую в себя также зрелый и преклонный возраст.

Первое детство. Наибольшее значение для образования связи между ребенком и каждым из его родителей имеют первые мгновения его жизни. В основе формирования этой связи лежат взгляды, движения и особенно улыбки ребенка. Известно также, что со второй недели жизни новорожденный не только начинает обнаруживать большой интерес к человеческому лицу, но и способен отличить лицо своей матери от лица чужого.

Между 8-м и 12-м месяцами жизни начинают четко проявляться привязанности ребенка. Он раздражается криком и плачем, когда его забирают от матери (или человека, обычно ухаживающего за ним), чтобы передать в чужие руки. Такая реакция ребенка отражает не столько страх перед

назнакомым человеком, сколько неузнавание в нем знакомых черт материнского лица. Этот этап тесно связан с развитием представления о постоянстве (перманентности) предметов когнитивного процесса, который был изучен Пиаже и состоит в том, что с 8-го месяца жизни ребенок начинает активно искать исчезнувший внезапно предмет. Представление о постоянстве, вначале связанное у ребенка с матерью, распространяется затем и на другие объекты, в особенности на другие «социальные объекты». Кроме того, постоянное присутствие социального партнера приводит к формированию у ребенка на 8-м или 9-м месяце жизни представления о собственной перманентности.

Было показано также большое значение надежной социальной привязанности как для освоения ребенком незнакомых мест, которое значительно облегчается в присутствии матери, так и для налаживания ранних социальных контактов с другими детьми.

Детство и отрочество. Группы сверстников играют в детстве и отрочестве очень важную роль, особенно для развития идентификаций и формирования установок. Согласно Соренсену (1973), подростки гораздо легче идентифицируют себя с другими подростками, чем со старшими, даже если последние относятся к тому же полу, расе, религии и общине, что и они сами. Дружба и сексуальность в отрочестве тесно связаны. Даже если «хороших друзей» у подростка меньше, чем в каком-либо ином возрасте (обычно не больше пяти), среди них в это время больше доля представителей другого пола.

Зрелость. Обычно больше всего друзей у молодых людей, состоящих в браке. В среднем их число составляет семь человек; они подбираются по сходству вкусов, интересов и склада личности, по взаимности в помощи и обмене открытостями, по совестимости на основе того удовольствия, которое они находят в обществе друг друга, по удобству общения в географическом отношении и по взаимному уважению.

В расцвете зрелости деятельность, направленная на достижение поставленных жизненных целей, не позволяет уделять слишком много времени дружбе. Поддерживаются

лишь самые прочные связи. Число друзей снижается до 5 и меньше.

С приходом *старости* и в связи с драматическими событиями, которые в это время переворачивают жизнь человека, многие теряют своих спутников жизни и рискуют остаться в стороне от круга друзей. Дружеские связи, однако, укрепляются, когда друзья в свою очередь тоже оказываются в сходной ситуации (среднее число друзей у человека, вышедшего на пенсию, составляет приблизительно 6 человек).

Процесс социализации никогда не кончается. Наиболее интенсивно социализация осуществляется в детстве и юности, но развитие личности продолжается и в среднем и пожилом возрасте. Д-р Орвиль Г. Брим (1966) утверждал, что существуют следующие различия между социализацией детей и взрослых.

1. *Социализация взрослых выражается главным образом в изменении их внешнего поведения, в то время как детская социализация корректирует базовые ценностные ориентации.*

2. *Взрослые могут оценивать нормы; дети способны только усваивать их.*

3. *Социализация взрослых часто предполагает понимание того, что между черным и белым существует множество «оттенков серого цвета».*

Социализация в детстве строится на полном повиновении взрослым в выполнении определенных правил. А взрослые вынуждены приспособливаться к требованиям различных ролей на работе, дома, на общественных мероприятиях и т. д. Они вынуждены устанавливать приоритеты в сложных условиях, требующих использования таких категорий, как «более хорошо» или «менее плохо». Взрослые не всегда соглашались с родителями; детям же не дано обсуждать действия отца и матери.

4. *Социализация взрослых направлена на то, чтобы помочь человеку овладеть определенными навыками; социализация детей формирует главным образом мотивацию их поведения.*

Психолог Р. Гоулд (1978) предложил теорию, которая значительно отличается от рассмотренной нами. Он счита-

ет, что социализация взрослых не является продолжением социализации детей, она представляет собой процесс преодоления психологических тенденций, сложившихся в детстве. Хотя Гоулд разделяет точку зрения Фрейда о том, что травмы, перенесенные в детстве, оказывают решающее влияние на формирование личности, он считает, что возможно их частичное преодоление. Гоулд утверждает, что успешная социализация взрослых связана с постепенным преодолением детской уверенности во всемогуществе авторитетных лиц и в том, что другие обязаны заботиться о твоих нуждах. В результате формируются более реалистические убеждения с разумной мерой недоверия к авторитетам и пониманием, что люди сочетают в себе как достоинства, так и недостатки. Избавившись от детских мифов, люди становятся терпимее, щедрее и добрее. В конечном итоге личность обретает значительно большую свободу.

Ресоциализация. Принцип, согласно которому развитие личности в течение всей жизни идет по восходящей и строится на основе закрепления пройденного, является непреложным. Но свойства личности, сформировавшиеся ранее, не являются незыблемыми. *Ресоциализацией* называется усвоение новых ценностей, ролей, навыков вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших. Ресоциализация охватывает многие виды деятельности — от занятий по исправлению навыков чтения до профессиональной переподготовки рабочих. Психотерапия также является одной из форм ресоциализации. Под ее воздействием люди пытаются разобраться в своих конфликтах и изменить свое поведение на основе этого понимания.

Жизненные кризисы. Опираясь на представления Фрейда о психосексуальном развитии человека, Эриксон (1950) разработал теорию, в которой акцентируются социальные аспекты этого развития. Оно рассматривается как процесс интеграции индивидуальных биологических факторов с факторами воспитания и социокультурного окружения.

По мнению Эриксона, человек на протяжении жизни переживает восемь *психосоциальных кризисов*, специфических для каждого возраста, благоприятный или неблагоприятный исход которых определяет возможность последующего расцвета личности.

Первый кризис человек переживает на первом году жизни. Он связан с тем, удовлетворяются или нет основные физиологические потребности ребенка ухаживающим за ним человеком. В первом случае у ребенка развивается чувство глубокого *доверия* к окружающему его миру, а во втором, наоборот, — *недоверие* к нему.

Второй кризис связан с первым опытом обучения, особенно с приучением ребенка к чистоплотности. Если родители понимают ребенка и помогают ему контролировать естественные отправления, ребенок получает опыт *автономии*. Напротив, слишком строгий или слишком непослуживательный внешний контроль приводит к развитию у ребенка *стыда* или *сомнений*, связанных главным образом со страхом потерять контроль над собственным организмом.

Третий кризис соответствует второму детству. В этом возрасте происходит самоутверждение ребенка. Планы, которые он постоянно строит и которые ему позволяют осуществить, способствуют развитию у него чувства *инициативы*. Наоборот, переживание повторных неудач и безответственности могут привести его к покорности и чувству *вины*.

Четвертый кризис происходит в школьном возрасте. В школе ребенок учится работать, готовясь к выполнению будущих задач. В зависимости от царящей в школе атмосферы и принятых методов воспитания у ребенка развивается *вкус к работе* или же, напротив, чувство *неполноценности* как в плане использования средств и возможностей, так и в плане собственного статуса среди товарищей.

Пятый кризис переживают подростки обоего пола в поисках *идентификации* (усвоения образцов поведения значимых для подростка других людей). Этот процесс предполагает объединение прошлого опыта подростка, его потенциальных возможностей и выборов, который он должен сделать. Неспособность подростка к идентификации или связанные с ней трудности могут привести к ее «распылению» или же к путанице ролей, которые подросток играет или будет играть в аффективной, социальной и профессиональной сферах.

Шестой кризис свойствен молодым взрослым людям. Он связан с поиском *близости* с любимым человеком, вместе с которым ему предстоит совершать цикл «работа — рожде-

ние детей — отдых», чтобы обеспечить своим детям надлежащее развитие. Отсутствие подобного опыта приводит к *изоляции* человека и его замыканию на самом себе.

Седьмой кризис переживается человеком в сорокалетнем возрасте. Он характеризуется развитием чувства сохранения рода (*генеративности*), выражающегося главным образом в «интересе к следующему поколению и его воспитанию». Этот период жизни отличается высокой продуктивностью и созидательностью в самых разных областях. Если, напротив, эволюция супружеской жизни идет иным путем, она может застыть в состоянии псевдоблизости (стагнация), что обрекает супругов на существование лишь для самих себя с риском оскудения межличностных отношений.

Восьмой кризис переживается во время старения. Он знаменует собой завершение предшествующего жизненного пути, а разрешение зависит от того, как этот путь был пройден. Достижение человеком *цельности* основывается на подведении им итогов своей прошлой жизни и осознании ее как единого целого, в котором уже ничего нельзя изменить. Если человек не может свести свои прошлые поступки в единое целое, он завершает свою жизнь в страхе перед смертью и в отчаянии от невозможности начать жизнь заново.

Ритуалы перехода. В традиционных обществах ритуалы перехода — это специальные ритуалы, знаменующие собой переход из одного социального или религиозного статуса в другой. Подобные ритуалы есть во всех известных истории обществах. Большинство наиболее важных и распространенных ритуалов перехода связаны с биологическими жизненными кризисами — рождением, половым созреванием, воспроизводством рода и смертью. Каждый из этих кризисов приносит с собой изменения в социальном статусе. Другие ритуалы сопровождают изменения, всецело относящиеся к культурной, а не биологической, жизни, такие, как, к примеру, посвящение в члены обществ и братства объединенных особыми интересами.

Первая попытка дать научную интерпретацию ритуальной практики такого характера была предпринята в 1909 г. французским антропологом Арнольдом ван Геннепом. Ван Геннеп рассматривал ритуалы как средство, облегчающее

индивиду сложности неизбежного перехода от одной социальной роли к другой. На основе проведенных им эмпирических исследований ван Геннеп пришел к выводу, что все ритуалы перехода имеют одну и ту же *трехчленную структуру*, включающую в себя *отделение, переход и воссоединение* (иначе, долиминальная, лиминальная и постлиминальная стадии). Центральный участник (или участники) ритуала вначале символически отделяется от своего прежнего статуса, затем претерпевает изменения, готовясь к жизни в новом статусе, и наконец включается в общество в своем новом социальном статусе. Хотя большинство наблюдавшихся ритуалов было связано с кризисами жизненного цикла, ван Геннеп считал, что по своему смыслу они являются социальными и культурными церемониями и знаменуют события скорее социокультурные, нежели биологические.

Современные социологи, как правило, придерживаются взглядов ван Геннепа в том, что касается социального значения и психологической значимости ритуалов перехода. Они считают, что ритуалы перехода обладают позитивной ценностью с точки зрения индивидуальной психологии, поскольку они ослабляют стресс в моменты серьезных жизненных перемен — взросления, вступления в брак, рождения детей, смерти близких — и облегчают трудности адаптации к новой социальной роли. Кроме того, ритуалы перехода способствуют укреплению общества. Ослабляя психологический стресс у индивидов, они предохраняют общество от раскола; снабжая каждого человека ясной инструкцией о том, как ему вести себя в новых условиях, они обеспечивают единство и нормальное функционирование всего социального организма.

На протяжении почти всей истории человечества ритуалы перехода всегда были религиозными церемониями; они совершались в религиозном обрамлении, рассматривались как религиозные акты и потому наделялись особой сакральной значимостью. Однако с точки зрения современной социологии они обычно расцениваются как абсолютно секулярные по своей природе. Возникшая в последние десятилетия тенденция к секуляризации представлений о ритуалах перехода влечет за собой понимание природы таких ритуалов скорее как социальной, чем чисто религиозной.

Одной из важнейших функций ритуалов перехода, которая часто упускается из виду интерпретаторами, является обеспечение массовых зрелищ. Ритуалы перехода и другие религиозные действия были в прошлом важнейшим средством вовлечения масс в эстетическую деятельность, и религия служила двигателем развития изобразительного искусства, музыки, пения, танца и других эстетических форм самовыражения.

С самого начала исследование ритуалов как особого класса феноменов было связано с попытками выявить сходные черты и различия в ритуальной практике конкретных исторических обществ. Черты сходства, несомненно, отражают единство человеческого мышления. Однако современные исследователи обычно уделяют мало внимания природе врожденных психологических факторов, обуславливающих генезис ритуалов. Обычно ритуалам перехода дается лишь социокультурная интерпретация, представляющая их как социальный феномен, созданную человеком интегральную часть человеческой жизни. Соответственно, большинство современных исследователей интерпретируют сходства и различия ритуалов перехода на основе социокультурального контекста. К примеру, пытаясь понять, почему в одних обществах ритуал бракосочетания в высшей степени сложен, а в других — крайне прост, они обращаются к анализу социального строя и господствующего способа обеспечения средств к существованию, чтобы оценить значимость стабильных супружеских союзов. Придерживаясь точки зрения, что культура и социальное устройство образуют единую внутренне согласованную систему, современные ученые обыкновенно интерпретируют ритуалы перехода с точки зрения их *функционального назначения* в этой системе.

Представления самих участников ритуалов перехода о смысле и целях совершаемых ими действий рассматриваются в таком контексте как совершенно неадекватные, ничего не дающие для понимания функционального значения ритуалов. Очень часто утверждается, что цель ритуалов перехода состоит в оказании помощи душе умершего, переходящей в иной мир, в защите новорожденного, инициированного или новобрачных от враждебных влияний. Часто эк-

сплицитные цели ритуалов оказываются забытыми, и они продолжают практиковаться только по традиции, и тогда средства как бы становятся целью. Обычно исследователи делают упор на выявление функциональных значений совершаемых действий, которые неизвестны самим участникам ритуалов. Тем самым они расширяют поле своих исследований, включая в него практически все действия, совершаемые во время ритуальных актов, социокультурный контекст, социальный статус участников, их взаимоотношения друг с другом и с обществом в целом.

Ритуалы перехода обычно очень насыщены символикой, отражающей состояния отделенности, перехода, и в особенности — связанной с новым статусом. Чаще всего вступление в новый статус символизируют изменения и украшения видимых или скрываемых частей тела, разнообразные татуировки и знаки, соответствующие новому социальному положению. Особенно значимыми в этом плане символами являются специальные прически, одежда и орнаменты, стачивание, окраска и удаление зубов; ношение особых украшений в проколотых ушах, носу или губах, обрезание или другие операции на гениталиях.

Сходные мотивы и темы можно часто встретить в ритуальной символике народов, далеко отстоящих друг от друга в культурном и географическом отношении. Одна из таких тем — тема смерти и возрождения в новом статусе. Инициированный может быть подвергнут символическому убийству; затем ритуал предписывает ему вести себя подобно младенцу, символизируя этим возрождение. Другой наиболее общей символической формой в ритуалах перехода является использование дверей или дверных проемов, арок, ворот, обозначающих вход в новую социальную сферу. Ритуальные испытания обычно выступают общей составляющей церемоний совершеннолетия как для мужчин, так и для женщин; кроме того, они используются в ритуалах инициации в различные мужские общества. Обычно иницируемый успешно проходит испытания, и это должно означать, что он соответствует своей новой социальной роли.

Для всех ритуалов перехода характерно предписывание субъекту определенных форм повседневного поведения. Об-

щим правилом является половое воздержание, так же как и временный запрет выполнять обычную работу, например, заниматься сельским хозяйством, охотой или рыбной ловлей. Многие ритуалы либо налагают запрет на определенное поведение, либо предписывают изменение обычного поведения. К примеру, у индейских племен запада Соединенных Штатов существует запрет расчесывать тело пальцами во время ритуального периода. В других обществах правила ритуального поведения предписывают субъекту ритуала садиться в особой позе, надевать одежду наизнанку или задом наперед, носить одежду противоположного пола. Подобные требования можно рассматривать как преднамеренную драматизацию — при помощи контрастов — происходящих событий, чтобы сделать их более запоминающимися.

Большинство современных интерпретаций ритуалов перехода касаются их связи с социальной системой и фокусируются на функциональном значении ритуала как средства сохранения общества. Эксплицитно или имплицитно в этой линии рассуждения присутствует представление о равновесии, лежащее в основе всякой научной теории систем. Для того чтобы система работала эффективно, ее элементы должны взаимно поддерживать друг друга и соответствовать друг другу. В таком случае о системе можно сказать, что она находится в состоянии равновесия.

Социальные системы охватывают определенное число людей и включают в себя определенное число ролей. Если происходит изменение количества людей или пропорции ролей и статусов, социальное равновесие нарушается. С рождением ребенка общество пополняется новым членом, меняется социальное поведение и статус его родителей; и эта переменная, в свою очередь, оказывает влияние на других членов общества. Иные социальные изменения, знаменуемые ритуалами перехода, подобным же образом нарушают состояние равновесия в обществе. Ритуалы перехода, с точки зрения теории систем, способствуют установлению нового состояния социального равновесия применительно к прошедшим изменениям, на которых они фокусируются. При помощи ритуалов члены общества получают информацию о новых социальных обстоятельствах и одновременно инструк-

тируются о том, как к ним относиться и приспособиться. Индивиды, находящиеся в фокусе ритуала, обретают уверенность в том, что они успешно овладеют своей новой социальной ролью. Ритуальное действие содержит символические инструкции участникам ритуала и всем членам общества о том, как вернуться к нормальному социальному поведению, получив новый и утратив или изменив старый личностный и социальный статус.

Этот же функциональный подход применяется и к различным другим религиозным церемониям. Антропологи Э. Чеппл и К. Кун интерпретируют все ритуалы перехода и другие групповые церемонии как «ритуалы интенсификации». Обращая особое внимание на отображение в ритуале привычных отношений, Чеппл и Кун утверждают, что такое ритуальное поведение «обладает эффектом усиления, или интенсифицирования, привычных отношений и потому служит укреплению обусловленных реакций». В техническом (физиологическом) смысле выполнение подобных ритуалов предохраняет от размывания привычный образ жизни, к которому приучен индивид.

С функцией восстановления социального равновесия в этой интерпретации тесно связана группа дополнительных эффектов, или функций. Некоторые из этих функций связаны в первую очередь с теми индивидами, чей статус меняется, а через их поведение — с социальной группой. Другие функциональные эффекты сказываются непосредственно на обществе в целом. Благодаря тому, что успокаивается тревога людей, находящихся в процессе изменения статуса, общество избегает расшатывания. Обычно ритуалы перехода дают уверенность в посильности новых ролей и часто включают в себя инструкции индивиду в ситуации смены роли. В большинстве обществ, где существуют явные разграничения статусов и ролей по половому признаку, ритуалы символически подчеркивают эти различия, тем самым инструктируя иницилируемых и оказывая им помощь в половой самоидентификации.

Стресс и угроза возникновения социального дисбаланса, вызванные смертью и горем близких, удерживаются под контролем аналогичным образом. Обычно погребальные

ритуалы делают горе явным и затем жестко инструктируют близких о необходимости придерживаться нормального поведения, не являющегося деструктивным для всех остальных. В целом ритуальные акты, выражающие содержащиеся в них моральные и социальные ценности, могут рассматриваться как действия, непосредственно обеспечивающие поддержание групповой солидарности, утверждающие и подтверждающие идеалы и правила, которые способствуют сохранению социальной гармонии.

Но можно интерпретировать ритуалы перехода и все другие групповые ритуалы по-другому. Обычно всякий ритуал и представляет собой санкционированное и ставшее священным драматизированное воспроизведение — полное или частичное — сложившегося социального порядка. Родственники здесь выполняют особые роли, соответствующие их положению в обыденной общественной жизни, и вся действующая социальная иерархия может быть представлена в разыгрываемых ритуальных ролях. Статус царской власти, кастовый статус, социальное неравенство и социальная иерархия укрепляются посредством драматизированного представления.

Соглашаясь с подобными интерпретациями социального значения ритуалов перехода, антропологи пытаются также понять, почему степень разработанности ритуалов перехода в различных обществах неодинакова. Бытует общепринятое представление о том, что чем значительнее то или иное социальное изменение, тем большее внимание уделяется ему в ритуале. Рождение, вступление в брак и смерть правителя, например, имеют большее значение для всего общества, чем аналогичные события в жизни рядового обывателя. Однако значимость подобных событий не всегда очевидна, и ее бывает трудно оценить при сравнении различных обществ.

К примеру, ритуалы бракосочетания в обществах с относительно сходным уровнем экономического и культурного развития могут быть как детально разработанными, так и очень простыми. Такие различия можно объяснить, обратившись к изучению социального уклада этих обществ. Например, в обществах с матриархальным укладом, которые

организируются в подгруппы по принципу родства по материнской линии, ритуалы бракосочетания обычно просты, равно как и ритуалы расторжения брака. В обществах, основанных на патриархальной организации, где родство прослеживается по отцовской линии, ритуалы бракосочетания обычно сложны и тщательно разработаны, а расторжение брака по инициативе женщины весьма затруднено.

Ядро обществ с матриархальным укладом составляют объединенные по материнской линии группы родственников мужского и женского пола, которые экономически самостоятельны и самодостаточны. Там, где материнский принцип организации силен, отец и муж, принадлежащий по материнской линии не к той группе, что его жена, не берет на себя функцию экономического обеспечения жены и детей. Однако он оказывает экономическую поддержку своей сестре и ее детям, а его контакт с женой может ограничиваться тем, что он проводит с ней ночи. Братья или другие родственники мужского пола по материнской линии не только материально обеспечивают детей своей сестры или родственницы, но также фактически берут на себя ту роль в их социализации, которую в патриархальных обществах выполняет отец. В подобных социальных структурах с материнской организацией стабильности брачных союзов не придается большого значения. Если брак расторгается, то общество осуществляет социальную идентификацию, экономическое обеспечение и эмоциональную поддержку детей и их матери. Но в патриархальных обществах роль матери, которая, в сущности, является в группе аутсайдером, сводится к рождению и воспитанию детей; она и ее дети зависят от экономической поддержки мужа и отца. В таких обществах существуют строгие санкции, направленные на сохранение стабильных брачных союзов. Соответственно, и брачный церемониал здесь тщательно разработан, часто включает в себя переход собственности, которая должна быть возвращена, если брак расторгнут.

В обществах господствующего в современной Европе и США типа значимой единицей родственных отношений является, как правило, нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей. Социальные связи не зависят от происхожде-

ния по линии отца или матери от тех или иных предков. Однако стабильность брачных союзов и здесь играет важную роль. Соблюдение при заключении брака ритуалов перехода традиционно остается требованием и закона и церкви. Существует и множество других социальных санкций, направленных на сохранение брака, которые предусмотрены в законах, касающихся разводов, совместной собственности и воспитания детей.

ТЕМА 10. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

1. Понятие социальной структуры.
2. Социальная группа.
3. Социальный институт.

1. Понятие социальной структуры

Понятие «структура» восходит к латинскому слову «struere», которое означает «строить» или «соединять». Поначалу это слово использовалось преимущественно в архитектуре, но начиная с XVII столетия оно получает более широкое и обобщенное применение и начинает встречаться также в анатомии и грамматике. В XVIII веке понятие структуры стало сравнительно обычным в разных естественнонаучных дисциплинах, прежде всего в биологии. Под «структурой» биологи понимали относительно стабильные отношения, которые господствуют между организмом как целым и его частями. Характер взаимодействия различных частей жизнедеятельности организма называли его «функциями». Английский социолог Г. Спенсер (1820—1903), как и многие другие мыслители-обществоведы того времени, интересовался естественными науками, и в немалой степени — развитием биологии. Он ввел понятия «структура» и «функция» в свою социологическую теорию и подробно их рассмотрел в рамках своего большого труда «Принципы социологии».

Однако структурную общественную перспективу в том смысле, что общество рассматривается как целое, где части идентифицируются и получают значение через свои отношения с целым, Спенсер не изобрел. Такой взгляд представлен, например, у Огюста Конта (1798—1857) и Карла Маркса (1818—1883), да и вообще структурная перспектива с самого начала доминировала в социологической традиции. Вся история становления науки социологии связана с

формированием взгляда на общество как на надындивидуальную структуру. Именно представление, что социальные единицы являют собой нечто большее, чем *сумму* индивидов, и что общество живет и движется по *своим* законам, а не по желаниям отдельных своих членов, было фундаментальной основой для притязаний социологии на собственную область познания. В границах этой доминирующей традиции базовыми терминами для понятийного аппарата являются «структура» и «функция».

Один из авторитетных источников определений — «Словарь социальных наук», в котором Э.В. Эйстер рассматривает несколько основных формулировок этого понятия. Спенсер и многие современные социологи считают социальную структуру «более или менее отчетливой расстановкой (расстановки могут быть разных типов) специализированных и взаимозависимых институтов и институционально организованных позиций и/или предполагаемых ими деятелей, которые всегда возникают в естественном течении событий, когда группы человеческих существ с теми или иными нуждами и возможностями взаимодействуют друг с другом (в различных типах и способах взаимодействия) и пытаются совладать с окружающей средой». Более аналитическое определение Рэймонда Ферса гласит:

«В обществах, обычно изучаемых антропологами, социальная структура может включать решающие или основополагающие отношения, которые возникают сходным образом из классовой системы, основанной на отношениях с землей. Другие аспекты социальной структуры возникают из участия в других видах устойчивых групп, таких как кланы, касты, возрастные группы или тайные общества. Другие существенные отношения опять-таки связаны с положением в системе родства». Большинство дефиниций содержат понятие расстановки положений или статусов. Большинство включает институционализацию и устойчивость групп и отношений.

Наиболее общим образом социальная структура может быть определена как черты социального целого (общества или группы в пределах общества), которые имеют определенное постоянство во времени, взаимосвязаны и определя-

ют или обуславливают в значительной степени функционирование этой целостности как таковой и деятельность ее членов.

Из этого определения можно вывести несколько идей, содержащихся в понятии социальной структуры. Понятие социальной структуры выражает идею, что люди формируют социальные отношения, которые не произвольны и случайны, но обладают некоторой регулярностью и постоянством. Понятие также относится к наблюдению, что социальная жизнь не аморфна, но дифференцирована на социальные группы, позиции и институты, которые являются взаимозависимыми или функционально взаимосвязанными. Эти дифференцированные и взаимосвязанные характеристики человеческих групп, хотя и образуются социальными действиями индивидуумов, не являются прямым следствием их желаний и намерений; напротив, индивидуальные предпочтения формируются и ограничиваются социальной средой. Другими словами, понятие социальной структуры подразумевает, что люди не полностью свободны и автономны в выборе своих действий, но ограничены социальным миром, в котором они живут, и социальными отношениями, в которые они вступают друг с другом.

Социальная структура иногда просто определяется как устоявшиеся социальные отношения — регулярные и повторяющиеся аспекты взаимодействий между членами данного социального целого. Даже на этом описательном уровне понятие социальной структуры является предельно абстрактным: в него входят только определенные элементы текущих социальных действий.

В самом простом определении «социальная структура» — это модель повторяющегося (устойчивого) поведения. Несомненно, гораздо более общепринятым является определение, идущее от социологов XIX в., сравнивавших общество с машиной или биологическим организмом: социальная структура понимается как устойчивые, упорядоченные отношения между элементами (частями) общества. Здесь возникают разногласия в понимании того, что же такое «элемент». Одни ученые считали элементами группы людей, другие — социальные роли, чаще всего — социальные инсти-

туты как организующие, упорядочивающие модели социального поведения. Функционалисты уточняли, что социальные структуры — это функциональные отношения между социальными институтами, которые являются функционально базовыми предпосылками существования общества.

Исходя из сказанного можно попытаться интегрировать суждения различных авторов следующим образом. Социальная структура охватывает размещение всех отношений, зависимостей, взаимодействий между отдельными элементами в социальных системах разного ранга. В качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и общности разных типов; базовыми единицами социальной структуры являются нормы и ценности.

Социальная структура есть качественная определенность общества, поэтому изменение первой выражает коренной, качественный сдвиг во втором. Структура социального объекта обеспечивает необходимую устойчивость в функционировании взаимосвязанных социальных элементов (т. е. групп и институтов), позволяющих накапливать количественные изменения вплоть до того момента, когда наступает историческая необходимость структурных сдвигов в обществе. Относительный консерватизм социальной структуры выступает как момент динамизма общественных процессов в целом.

Необходимо учитывать особенности складывания и развития социальных структур конкретных обществ как неких целостностей, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. В этом смысле данные целостности называются «социальными организмами», поскольку их основной функцией является обеспечение вступающим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства.

В число таких условий входят: единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего, наряду с другими, средством общения), единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать, и т. д. Подобными социальными организмами в современном об-

шествие следует, видимо, признать национально-государственные общности. В отличие от других социальных совокупностей, они охватывают взаимоотношения и взаимосвязи классов и иных социальных групп, выявляют в них общее, а не особенное. Их важнейшей функцией и является объединение социальных групп в некую целостность, в рамках которой могут осуществляться социальные взаимодействия, происходить социальные процессы.

2. Социальная группа

Остановимся на двух ключевых элементах социальной структуры — группах и социальных институтах. Р. Мертон понимает под *группой* совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других. Такие характеристики свойственны множеству групп, однако далеко не всем. Скорее это черты так называемых первичных и лишь в определенной мере вторичных групп.

Первичная группа состоит из небольшого числа людей, между которыми устанавливаются прямые контакты, отражающие многие аспекты их личностей, т. е. действуют непосредственные, личные связи (семья, группа друзей, исследовательская группа и т. д.). *Вторичная группа* образуется из людей, между которыми почти отсутствуют эмоциональные связи, их взаимодействие обусловлено стремлением к достижению определенных целей. В таких группах основное значение придается не личностным качествам людей, а их умению выполнять определенные функции. Именно так формируются и действуют социальные организации предприятий со своими подразделениями и должностными иерархиями. Личность каждого из людей почти ничего не значит для организации. Поскольку роли во вторичной группе четко определены, часто ее члены очень мало знают друг о друге. В социальной организации предприятия не только роли, но и способы коммуникации четко определены. Но и в этих обезличенных вторичных группах образуются на основе неформальных отношений новые первичные группы.

Однако далее речь пойдет о других социальных группах, которые вернее было бы назвать *социальными общностями*. В отечественной традиции социальными группами называют социальные классы, слои и другие крупные единицы макросоциальной структуры всего общества, а также единицы мезосоциальной структуры территориальных общностей (города, агломерации и т. д.). По отношению ко всем им «социальная группа» — родовое, собирательное понятие. В контексте социологии неравенства именно эти группы имеют определяющее значение.

Социальные группы макро- и мезоуровня объединены общностью устойчивых и воспроизводящихся свойств и совпадающими интересами своих членов. Они выполняют (в силу присущих им свойств) определенные функции, без которых данные группы не могут существовать (воспроизводиться). Социальные группы как элементы социальной структуры в каждый данный момент развития общества имеются в определенном и обозримом количестве, но бесконечно множество их связей, их взаимоотношений и т. д., т. е. все то, что делает социальную структуру сущностной характеристикой конкретно-исторического социального организма. А определяющим в социальной структуре является характер взаимосвязи элементов.

Социальные общности (группы) можно разделить на *статистические* и *реальные*. Практикующие социологи чаще имеют дело со статистическими группами, т. е. выделенными по какой-либо поддающейся измерению характеристике. (Например, горожане — это люди, живущие в поселениях, формально зарегистрированных как города.) Реальная же группа обладает, как правило, набором характеристик, за которыми скрывается имманентная данному социальному субъекту сущность. (Горожанами считаются люди, живущие в городе и ведущие городской образ жизни с высокой степенью разнообразия трудовой и досуговой деятельности, преимущественно индустриальным и информационным трудом, высокой профессиональной и социальной мобильностью, высокой плотностью человеческих контактов при анонимности и формализованности общения и т. д.). Ясно, что при этом статистическая группа «горожане» лишь

какой-то своей частью отвечает критерию урбанизированности, т. е. не все живущие в городе относимы к реальной группе «горожан».

Реальные группы выступают субъектами и объектами реальных отношений (власти, эксплуатации и т. д.). Они обладают интересами, которые можно измерить; взаимной идентификацией; общими чертами ментальности; сходной мотивацией; символами; стилем жизни; для них характерны самовоспроизводство, отличная от других групп система социальных связей.

Термин «группа» обычно применяют к таким совокупностям людей, члены которых чаще взаимодействуют друг с другом, чем с людьми извне, но это не означает, что все они находятся в прямом контакте, как члены первичных групп. И отечественные, и зарубежные исследования подтверждают, что, скажем, ролевые отношения между руководителями и подчиненными отличаются от отношений между подчиненными, что различия в социально-экономическом статусе препятствуют дружеским отношениям и складыванию брачных связей. Дружеские отношения преобладают между членами одной и той же группы (этноса, класса, слоя).

Особое место занимают *социальные нормы* как средства социальной регуляции поведения индивидов, объединяющие их в группы (общности). Эти нормы обеспечивают воспроизводство групп в их социальных позициях, обеспечивают поддержание процессов функционирования общества как системы взаимодействия групп. С их помощью группы с различными (в том числе антагонистическими) интересами интегрируются в стабильное общество. Запросы социальной общности ограничиваются в пределах определенной доли ресурсов, переводятся в эталоны, модели, стандарты должного поведения представителей (членов) общности. Усвоение и использование социальных норм является условием формирования индивида как представителя той или иной социальной общности (группы). •

В свою очередь, реальная группа также имеет внутреннюю структуру: «ядро» (а в некоторых случаях — «ядра»), периферию с постепенным ослаблением по мере удаления

от ядра сущностных свойств, по которым атрибутируется данная группа и по которым она отделяется от других групп, выделяемых по тому же критерию. Зоны трансгрессии постепенно переходят в зоны притяжения других «ядер».

Конкретные представители той или иной группы могут и не обладать всеми сущностными чертами субъектов данной общности, но ядро любой группы состоит из индивидов — носителей этих сущностных черт. Другими словами, «ядро группы» — это совокупность типических индивидов, наиболее полно сочетающих присущие данной группе характер деятельности, структуру потребностей, ценности, нормы, установки и мотивации. Поэтому ядро является концентрированным выразителем всех социальных свойств группы (общности), определяющих ее качественное отличие от всех иных. Нет такого ядра — нет и самой группы (общности).

Ядро группы представляет собой одновременно и исторически подвижное, и относительно устойчивое во времени социальное образование. Оно может либо исчезнуть вообще (в том случае, когда исчезает данный вид деятельности или данная разновидность ценностных представлений), либо приобрести новое качество под влиянием имманентных изменений в содержании деятельности или (и) ценностных представлений. Однако вследствие того, что обычно темп этих изменений аналогичен (или сопоставим) с темпами изменений других социальных групп, сохраняются и качественное отличие этой группы людей от других, и «социальная дистанция», и характер межгрупповых отношений.

Социальная группа не совпадает с суммой индивидов, обладающих сходными функциями и свойствами. Еще меньше оснований ставить знак равенства между нею и людьми со сходным (или одним и тем же) статусом. Как научная абстракция и реальность, социальная группа является носителем системных качеств, не сводимых к характеристикам индивидов, входящих в ее состав. Эти качества выводятся из анализа всей общественно-исторической практики развития и функционирования конкретного общества. Они раскрывают место группы в системе отношений в обществе, ее функции в экономике, культуре, политике, идеологии, а также тенденции ее развития, ее прошлое и будущее.

Системное качество групп проявляется в непересекаемости их ядер. На эмпирическом уровне это обнаруживается в формах и интенсивности действий людей, актах реального поведения, типических для представителей данной и только данной группы. Системные качества группы требуют длительного времени для приобретения свойств, присущих индивидам, входящим в ядро общности. Эта длительность не может быть определена априорно, ее можно установить лишь в результате исследования.

Таким образом, реальная группа, в противоположность статистической совокупности людей, выделенных по какому-то отдельно взятому признаку, есть социальная целостность, характеризующая общностью условий существования, причинно взаимоувязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, единством норм, ценностей, черт образа жизни.

3. Социальный институт

Перейдем от рассмотрения общности (группы) к анализу второго ключевого элемента социальной структуры — «социального института». *Институт* (от лат. *institutum* — установление) — понятие, используемое в большинстве социологических теорий для обозначения устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов. Мы пользуемся понятием «социальный институт» в том случае, если рассматриваем крупные группировки формальных ролей. Так, понятие «институт материального производства» подразумевает не конкретную социальную организацию одного из предприятий, а комплекс норм, реализующихся во множестве социальных организаций, предприятий, выпускающих материальную продукцию.

Среди социологов широко распространена точка зрения, что «институт» — одна из базисных дефиниций, выражающих самую сущность упорядоченной социальной жизни. Традиция такого подхода идет еще от Г. Спенсера, считавшего, что изучение институтов есть изучение строения и

развития общества, анализ возникновения, роста, изменений, сломов, а следовательно, оно и составляет сущность социологии как науки. Институционалисты (в частности, Т. Веблен) выдвинули исследование институтов в качестве главной задачи всех общественных наук. Разрабатывая понятие института, представители этого направления трактовали его как группу людей, объединенных какими-либо идеями для выполнения каких-либо функций, а в формализованном, категориальном виде — как систему социальных ролей, организующую систему поведения и социальных отношений. Как и многие другие базовые научные понятия, «институт» трактуется в литературе широко и неопределенно. Тем не менее, в качестве определяющей черты институционального взаимодействия можно отметить организованность, а важнейшими элементами институциональной структуры считать социальные нормы, роли, ожидания.

Существенное значение в понимании института и его функционирования имеет категория «социальный обмен». Институционализацию можно рассматривать как обмен между различными индивидами, группами, организациями и сферами внутри общества. Здесь возникают три вопроса: кто обменивается с кем, что на что обменивается и каковы образцы, механизмы и условия этого обмена (обменов). Институциональное взаимодействие и обмен происходят между людьми, которые вовсе не рассыпаны в обществе в случайном порядке. Напротив, обмен происходит между людьми, находящимися в различных структурных позициях (т. е. культурных, политических, экономических, семейных), которые сами по себе могут быть последствиями прежних процессов институционального обмена.

Истинные стремления и цели этих людей в значительной степени зависят от их структурных позиций и соответствующих приоритетных установок. Подобным же образом ресурсы, которыми они располагают (власть, деньги, знания, престиж и т. д.) зависят от их институциональных позиций и варьируют в соответствии со спецификой различных институциональных сфер. Эти ресурсы служат средством осуществления различных индивидуальных целей и сами по себе могут быть целями или объектами для индивидов.

Институционализированный обмен имеет особый характер. Он отличен от индивидуального обмена между людьми, поскольку «очищен» от личностного момента. Анализ механизма социального обмена показывает, что индивид выступает в социальном институте в специфической и ограниченной роли функционера. Например, у учителя или врача институционализированным «товаром» является их профессиональное мастерство, а их личное отношение к тому или иному контрагенту («покупателю») здесь не имеет значения. Необходимым условием деятельности института и является выполнение индивидами своих социальных ролей, основанное на осуществлении ожидаемых действий и соблюдении образцов (норм) поведения. Нормы — это одновременно и условия выбора ролевого поведения, и средство его «измерения». Они упорядочивают, регулируют, формализуют деятельность и взаимодействие индивидов в рамках института. Каждый институт характеризуется определенным набором норм, которые объективируются чаще всего в знаковых формах (регламентирующих документах).

По мере развития (и усложнения) общества умножается, дифференцируется система социальных институтов. Мы живем ныне в высокоинституционализированном обществе. Институты семьи, образования, охраны здоровья, материального и духовного производства, досуга и отдыха, обеспечения безопасности членов общества и многие другие образуют систему, обуславливающую функционирование социального организма.

В социальном институте весьма сложным образом переплетаются экономические, политические, правовые, нравственные и иные отношения. Благодаря социальному институту обеспечивается преемственность в использовании культурных ценностей, передаче навыков и норм социального поведения, осуществляется социализация индивидов.

Зрелый, «ставший» институт организационно оформлен; он упорядочивается, организуется системой управленческих отношений. Внешний аспект его предстает в соответствующих системах учреждений. Становящиеся же социальные институты не обязательно организационно оформлены.

В периоды «нормального» развития общества институты остаются достаточно стабильными и устойчивыми. Неэф-

фективность их, рассогласованность действий, неспособность организовать общественные интересы, наладить функционирование социальных связей, минимизировать конфликты и предупредить катастрофы — признак кризиса институциональной системы, т. е. базовой системы любого общества.

Развитие социальной системы, можно считать, сводимо к эволюции институтов. Источники такой эволюции — люди как деятели и воздействие со стороны культуры. Последнее связано с накоплением людьми новых знаний, а также с изменениями в ценностных ориентациях.

Пожалуй, определяющим условием появления института служит соответствующая *социальная потребность*. В самом широком смысле потребность можно характеризовать как нужду субъекта в чем-либо, для удовлетворения которой необходимы та или иная форма активности, тот или иной предмет. Эта нужда отражает связи субъекта со средой его существования. Можно сказать, что потребность есть нужда в поддержании равновесного состояния системы «субъект — среда». Критериями выделения потребностей (необходимое поддержание равновесного отношения между субъектом и средой его существования) являются основные цели деятельности субъекта, выполнение им функций в системах более высокого ранга, в которые субъект включен как элемент или подсистема.

Сущностные потребности социальных групп (общностей) могут быть объяснены лишь в связи с их позициями в социально-экономической структуре общества и тенденциями развития последней. Для выполнения функций в этих позициях люди должны определенным образом воспроизводить себя, потребляя продукты питания, одежду, знания и т. д. Разные трудовые функции требуют разных объемов затрат на подготовку работников, на их воспроизводство, т. е. разной продолжительности обучения, разных объемов и состава благ и услуг. А отсюда следует, что социально-экономическая неоднородность труда приводит и к неоднородности потребностей.

Размер этих потребностей ограничен масштабами общественного производства, характером производственных отношений, уровнем культуры страны, историческими тради-

циями. Потребности людей, социальной группы (общности) есть объективная необходимость воспроизводства данной общности людей в ее специфически конкретной общественной позиции. Потребности социальных групп характеризуются: массовостью проявления, устойчивостью во времени и пространстве, инвариантностью в специфических условиях жизнедеятельности представителей социальной группы. Важное свойство потребностей — их взаимосопряженность. Сопряженность потребностей состоит в том, что возникновение и удовлетворение одной потребности влечет за собой целый комплекс других потребностей. Сопряженные потребности образуют длиннейшие цепи, переходящие одна в другую.

Целесообразно учитывать следующие важнейшие роды потребностей, удовлетворение которых обеспечивает нормальные условия воспроизводства социальных групп (общностей):

- 1) в производстве и распределении товаров, услуг и информации, требуемых для выживания членов общества;
- 2) в нормальном (соответствующем существующим социальным нормам) психофизиологическом жизнеобеспечении;
- 3) в познании и саморазвитии;
- 4) в коммуникации между членами общества;
- 5) в простом (или расширенном) демографическом воспроизводстве;
- 6) в воспитании и обучении детей;
- 7) в контроле за поведением членов общества;
- 8) в обеспечении их безопасности во всех аспектах.

Социальные потребности удовлетворяются не автоматически, а только организованными усилиями членов общества, представляющие собой социальные институты.

Так выглядит институциональный срез социальной структуры, взаимодействующий с ее социально-групповым срезом.

Ресурсы и институты. Институты служат не только организации совместной деятельности людей ради удовлетворения их социальных потребностей. Они также регулируют использование ресурсов, которыми располагает общество. Рассмотрим, например, экономические институты, свя-

занные с производственной деятельностью коммерческих фирм, производственных предприятий, семейных ферм и других организаций. Экономисты считают, что для производства товаров и услуг все они должны иметь в своем распоряжении четыре вида ресурсов:

1) *землю*, или всю совокупность природных ресурсов и технических знаний;

2) *труд*, или мотивацию и навыки людей;

3) *капитал*, или богатство, вкладываемое в средства производства;

4) *организацию*, или способ сочетания и координации первых трех видов ресурсов.

Для деятельности других институтов также необходимы ресурсы. Семья, к примеру, не может существовать при отсутствии некоторых необходимых условий: зарплаты, обеспечивающей удовлетворение материальных потребностей, любви и чувства долга между родителями и детьми, а также разумного использования власти (одного или обоих родителей) для преодоления внутрисемейных конфликтов. Учебным институтам требуются оборудование для занятий физкультурой, преподаватели, обладающие соответствующим уровнем знаний и эрудицией, и хотя бы минимальное желание учащихся получать знания и социализироваться.

Следовательно, институты представляют собой социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в формах интеракции ради удовлетворения той или иной социальной потребности. Одной из важных функций институтов является стабилизация деятельности людей путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей.

ТЕМА 11. СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ИНДИВИДАМИ И ГРУППАМИ¹

1. Социальные связи и отношения.
2. Теории межличностного взаимодействия.
Конфликты.
3. Взаимодействия в социальной группе: типы, виды, характер.
4. Неорганизованные группы.
5. Формирование и развитие социального движения.

1. Социальные связи и отношения

Анализ социальных взаимоотношений имеет два аспекта: психологический и логико-смысловой. Поскольку любое социальное взаимодействие может быть рассмотрено с этих двух точек зрения, целесообразно начать с анализа самых общих и фундаментальных форм социального взаимоотношения, переходя к более специфичным — экономическим, политическим и другим формам социального взаимодействия. Существуют два основных уровня социологического исследования социального взаимодействия: микроуровень и макроуровень. Взаимодействие людей друг с другом — в парах, в малых группах или межличностная интеракция — изучается на микроуровне.

Макроуровень социального взаимодействия включает крупные общественные структуры, основные институты общества: религию, семью, экономику.

Социальная жизнь возникает и развивается ввиду наличия зависимости между людьми, что создает предпосылки взаимодействия людей друг с другом. Люди вступают во взаимодействие, так как зависят друг от друга.

¹ Написано совместно с Л.Д. Столяренко.

Социальная связь — это зависимость людей, реализованная через социальное действие, осуществляемое с ориентацией на других людей, с ожиданием соответствующего ответного действия партнера. В социальной связи можно выделить:

— субъекты связи (их может быть двое или тысячи людей);

— предмет связи (по поводу чего осуществляется связь);

— механизм регулирования взаимоотношений.

Прекращение связи может происходить при изменении или утрате предмета связи — или если участники связи не согласны с принципами ее регулирования.

Социальная связь может выступать в виде **социального контакта** (связь между людьми поверхностна, мимолетна, партнер по контакту может быть легко заменен другим человеком) и в виде **социального взаимодействия** (систематические, регулярные социальные действия партнеров, направленные друг на друга, имеющие цель вызвать вполне определенную ответную реакцию со стороны партнера, причем ответная реакция порождает новую реакцию воздействующего). Социальные взаимодействия выступают в следующих вариантах: социальные отношения, социальные институты, социальные общности.

Социальные отношения — это устойчивая система взаимодействия между партнерами, имеющая самовозобновляющийся характер.

Вначале рассмотрим взаимодействие на микроуровне между двумя лицами, затем перейдем к анализу взаимодействия внутри групп.

П. Сорокин подчеркивал, что «психическое и социальное взаимодействие (обмен представлениями, чувствами, желаниями, переживаниями) возможно:

— при наличии психики, органов чувств (чтобы узнать переживания и мысли другого человека, мы должны видеть выражение его лица, глаз, слышать его голос, смех, слова);

— если взаимодействующие люди одинаковым образом выражают одни и те же психические переживания, одинаково понимают сами символы, объективирующие душевные состояния».

Ситуация контакта двух и более людей может принимать различные формы:

1) простое сопresутствие; 2) обмен информацией; 3) совместная деятельность; 4) равная обоюдная или асимметричная активность, причем активность может быть разного типа: социальное влияние, сотрудничество, соперничество, манипуляция, конфликт и др.

Берн утверждал: «Люди, находясь вместе в одной группе, неизбежно заговорят друг с другом или покажут свою осведомленность о присутствии друг друга. Человек, к которому обращен транзакционный стимул, в ответ что-то скажет или сделает. Мы называем этот ответ транзакционной реакцией. Транзакция считается дополнительной, если стимул влечет ожидаемую реакцию». **Социальное влияние** имеет место в том случае, если в результате взаимодействия повторный ответ человека на некую проблему более сближается с ответом другого человека, чем с собственным первоначальным ответом, т. е. поведение одного человека становится подобно поведению других людей.

В связи с проблемой социального влияния следует различать конформность и внушаемость.

Конформность — подверженность человека групповому давлению, изменение своего поведения под влиянием других лиц, сознательная уступчивость человека мнению большинства группы во избежание конфликта с ней.

Внушаемость, или суггестия, — произвольная податливость человека мнению других лиц или группы (человек и сам не заметил, как изменились его взгляды, поведение, это происходит само собой, искренне).

2. Теории межличностного взаимодействия.

Конфликты

Что определяет, вступят люди в контакт друг с другом или нет, продолжат его или прервут?

Существует несколько теорий межличностного взаимодействия: теория обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), теория символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер), теория

управления впечатлениями (Э. Гофман), психоаналитическая теория (З. Фрейд) и др.

Теория обмена рассматривает социальное поведение как взаимодействие людей, находящихся в непрерывных процессах материального и нематериального обмена друг с другом, которые могут быть объяснены положениями, основанными на психологическом бихевиоризме. Согласно бихевиоризму, поведение человека подчинено основному правилу: чем чаще социальное действие личности вознаграждается, тем чаще он стремится производить это действие. Если человек ожидает положительного, нужного для него результата от взаимодействия с другим человеком, если собеседник может дать и дает ожидаемое, то контакт продолжается.

Если человек понимает, что не получит ожидаемого, то контакт прекращается. Контакт — это благо, но он сопровождается определенными издержками — сколько сил надо потратить, какой урон можно понести. Отношения только тогда стабильны, если у человека есть уверенность, что объем положительного от контакта выше, чем те издержки, которые он может понести. То есть человек руководствуется «максимализацией выигрыша» (Тиббо, Кейли). Причем человеку желательно быть убежденным, что «другой человек из пользы, которую он приносит вам, не извлечет выгоды больше, чем ваша» (М. Дойч).

Следующее положение бихевиористов — **положение ценности** — определяет, что чем более ценно для личности достижение определенного результата, тем больше он будет стремиться произвести действие, направленное на его достижение.

Положение «насыщения—голодания» определяет, что чем чаще в прошлом человек получал некое вознаграждение, тем менее ценным будет для него повторение подобной награды. Положение «агрессии—одобрения» определяет, что если человек не получает вознаграждения, на которое он рассчитывал, или получает наказание, которого он не предполагал, то он стремится продемонстрировать агрессивное поведение, и результаты такого поведения становятся для него более ценными.

Эти положения, как считал Дж. Хоманс, объясняют, почему человек действует так или иначе в любой ситуации, а также могут объяснить все социальные процессы. Таким образом, социальная связь устанавливается и поддерживается: 1) если она соответствует личностной целесообразности и плата не превышает вознаграждения; 2) если достигнуты взаимная согласованность и единство критериев платы и вознаграждения всех участников социального взаимодействия, если достигнуты равновесие вознаграждений, взаимная эффективность связи. Если одна из сторон ущемлена, она будет стремиться пересмотреть эти связи, по-новому их отрегулировать — возникает основа для конфликта.

Но указанные положения хорошо объясняют поведение людей (социальный обмен) только тогда, когда взаимодействие их оказывается взаимовыгодным и симметричным, и этой теорией трудно было объяснить феномены власти, насилия, социального неравенства. Для объяснения несимметричных отношений Хоманс выдвигает принцип **наименьшего интереса**, состоящий в том, что лицо, имеющее наименьшую заинтересованность в продолжении социальной ситуации обмена, обладает большей способностью диктовать условия обмена другим участникам ситуации. Результатом этого становится появление власти, поскольку «один человек имеет большую способность вознаградить других в обмене, чем другие могут вознаградить его». Поэтому любые властные отношения, даже насильственные, являются, по мнению Хоманса, случаями несимметричного обмена. Для объяснения социальной стратификации Хоманс использует принцип **дистрибутивной справедливости**, согласно которому любое отношение обмена стремится к тому, чтобы награды участников были пропорциональны их затратам, что неизбежно порождает дифференциацию людей, следовательно, социальное неравенство естественно, справедливо, закономерно, поскольку отражает пропорции личных вкладов людей в общественное целое.

Социолог Питер Блау подчеркивал, что положения бихевиоризма способны хорошо объяснять лишь микроструктурный уровень взаимодействия людей, особенно те социальные

отношения, которые ориентированы на достижение целей, реализация которых возможна только в процессе взаимодействия с другими людьми и для достижения которых необходимы средства, доступные и другим людям. А властные отношения возникают как частные случаи социального обмена, когда один из участников процесса обмена обладает монопольным правом на некое вознаграждение (материальное или нематериальное), которое остальные участники стремятся заполучить. В этом случае он будет стараться как можно выгоднее обменять имеющуюся у него награду, навязывая свою волю другим участникам, что в конце концов приводит к образованию системы рангов, социальных статусов, социальной стратификации. Но чтобы утвердиться, власть должна быть санкционирована остальными участниками обмена, легитимирована на основе норм и ценностей, основанных на определенной системе культуры, причем эта система культуры не связана с процессами обмена (таким образом, П. Блау переходит к структурно-функциональному описанию социального взаимодействия на макроуровне).

Конфликты — одна из распространенных форм социальных действий. В основе конфликтов лежит отсутствие согласия людей, наличие противоречий, наличие противоборствующих сторон со своими взаимонесовместимыми потребностями, интересами, целями, когда достижение целей одного препятствует достижению целей другим, т. е. конкуренция, соперничество выступают как составляющие конфликтной ситуации. **Типы конфликтов** различны: когнитивный конфликт (борьба точек зрения людей) может перерасти в борьбу личностей (межличностный конфликт), в конфликт между личностью и группой, затем в межгрупповой конфликт и далее в социальный конфликт — столкновение различных социальных общностей: классов, наций, государств, социальных институтов.

Л. Козер выделяет реалистические и нереалистические (беспредметные) конфликты. **Реалистические конфликты** направлены на достижение конкретного результата, они вызваны неудовлетворением определенных требований участников или несправедливым распределением между ними каких-либо преимуществ и ограниченных ресурсов (власти, богатства, территории).

Нереалистические конфликты имеют своей целью выражение накопившихся отрицательных эмоций, обид, враждебности, т. е. острое конфликтное взаимодействие становится здесь не средством достижения конкретного результата, а самоцелью.

Конфликты могут быть *деструктивными* (т. е. они нарушают эффективное взаимодействие и приносят вред обеим сторонам) и *конструктивными* (способствуют выявлению и разрешению противоречий, способствуют движению вперед, развитию, коррекции взаимодействия). Л. Козер подчеркивает, что конфликт не может иметь односторонних последствий: только позитивных или только негативных. Конфликт одновременно продуцирует и те, и другие. Конфликт как форма социального взаимодействия может быть инструментом формирования, стандартизации и поддержания социальной структуры.

В произведениях Аристотеля, Гоббса, Гегеля, Маркса, Вебера, Дарендорфа, Рекса конфликты рассматриваются не как отклонение от нормы, а как нормы социальных отношений, нормальное состояние общества.

Теория конфликта рассматривает конфликт как источник общественного развития, а социальный мир предстает как поле битвы: множество групп, борющихся между собой, возникающих, исчезающих, создающих и разрушающих альянсы.

Обладающие властью заинтересованы в сохранении порядка, а не обладающие властью стремятся к ее перераспределению, к изменению существующего положения, к конфликту. Р. Дарендорф подчеркивает, что ролевая структура порождает одновременно и солидарные, и конфликтные интересы. Социолог Джон Рекс приходит к выводу, что социальный порядок есть сознательный результат защиты собственной власти отдельной группой, устанавливающей контроль над распределением.

Всякая социальная система сталкивается с фактом ограничения ресурсов и имеет механизмы их распределения:

- экономическое распределение;
- властные отношения, чтобы предупредить любое нарушение системы экономического распределения;
- ценности, защищающие легитимность распределения власти;

— религиозные ритуалы и верования, выступающие продуктом строгого соблюдения ценностных предписаний.

Интеграция и социальный порядок являются результатом распределительных процессов.

Согласно Рексу, конфликт занимает центральное место в жизни каждого общества, а порядок лишь носит черты «перемирия», являющегося следствием победы одной из сторон. Общество же состоит из конкретных групп и конкретных действий «реальных индивидов, действующих независимым путем».

Социолог Парк в своей концепции социальной эволюции движущей силой развития взаимодействия людей считал конкуренцию, которая может принимать различные формы: начиная от соревнования как человеческой формы борьбы за выживание (например, экономическое соревнование), затем соревнование может принять форму конфликта, в результате чего люди и группы вынуждены внутренне приспособляться к ситуациям, вызванным соревнованием и конфликтом; когда это происходит, конфликт угасает.

Ассимиляция завершает этот процесс благодаря глубокой трансформации личностей под влиянием тесных контактов. То есть прослеживается цепочка: конкуренция, соревнование — конфликт — приспособление — ассимиляция.

3. Взаимодействия в социальной группе: типы, виды, характер

Одной из общих форм социального взаимодействия выступает социальная группа, в которой поведение и социальный статус каждого члена в ощутимой степени обусловлены деятельностью и существованием других членов.

«Совокупность индивидов, находящихся в психическом взаимодействии, составляет социальную группу, и это взаимодействие сводится к обмену различными представлениями, чувствами, хотениями, психическими переживаниями» (П. Сорокин).

Взаимозависимость сторон в процессе взаимодействия может быть равной, или одна из сторон может сильнее влиять на другую, следовательно, можно выделить одно- и

двустороннюю интеракцию. Интеракция может охватывать как все сферы человеческой жизнедеятельности (тотальная интеракция), так и только какую-то одну специфическую форму, или «сектор» деятельности. В независимых секторах люди могут не оказывать никакого влияния друг на друга.

Сорокин выделяет понятие «*экстенсивность интеракции*» — соотношение активности и психологического опыта человека, вовлеченного во взаимодействие, с общей суммой деятельности и психологического опыта, составляющих весь жизненный процесс человека.

Интенсивность взаимодействия характеризует степень зависимости жизнедеятельности от взаимоотношений: она может колебаться от максимальной до минимальной величины. Чем больше экстенсивны или интенсивны секторы интеракции, тем больше зависимы жизнь, поведение, психология взаимодействующих сторон.

Началом любой интеракции является возникновение влияния одной стороны на поведение и психологию другой. Интеракция продолжается до тех пор, пока это влияние существует, при этом неважно — встречаются индивиды или нет. Только когда сама память или мысль о существовании одной стороны перестает оказывать влияние на поведение или психологию другой, только тогда процесс можно считать законченным.

Весь социальный порядок является системой, которая делает непрерывными огромное число интеракционных реакций после того, как они завершили видимое существование.

Направление взаимоотношений может быть солидарным, антагонистичным или смешанным. При солидарной интеракции стремления и усилия сторон совпадают. Если желания и усилия сторон находятся в конфликте, то это — антагонистическая форма интеракции, если они совпадают только отчасти — это смешанный тип направления взаимодействия.

Можно выделить организованные и неорганизованные взаимодействия: интеракция организована, если отношения сторон, их действия сложились в определенную структуру прав, обязанностей, функций и опираются на некую систему ценностей.

Неорганизованные интеракции — когда отношения и ценности находятся в аморфном состоянии, поэтому права, обязанности, функции, социальные позиции не определены.

Сорокин, комбинируя различные интеракции, выделяет следующие типы социального взаимодействия;

— **организованно-антагонистическая** система интеракции, основанная на принуждении;

— **организованно-солидарная** система интеракции, основанная на добровольном членстве;

— **организованно-смешанная, солидарно-антагонистическая** система, которая частично управляется принуждением, а частично — добровольной поддержкой устоявшейся системы взаимоотношений и ценностей. Большинство организованных социально-интерактивных систем — от семьи до церкви и государства, как отмечает Сорокин — принадлежит к типу организованно-смешанных. А также могут быть неорганизованно-антагонистический, неорганизованно-солидарный, неорганизованно-смешанный типы интеракций.

В длительно существующих организованных группах Сорокин выделял три типа взаимоотношений: **семейный тип** (интеракции тотальны, экстенсивны, интенсивны, солидарны по направлению и продолжительны, внутреннее единство членов группы); **договорный тип** (ограниченность времени действия сторон, взаимодействующих в рамках **договорного сектора**, солидарность отношений эгоистична и направлена на получение взаимной выгоды, удовольствия или даже на получение «как можно большего за меньшее», при этом другая сторона рассматривается не как союзник, а как некий «инструмент», который может оказать услугу, принести прибыль и т. п.); **принудительный тип** (антагонизм отношений, различные формы принуждения: психологическое, экономическое, физическое, идеологическое, военное).

Переход от одного типа к другому может происходить плавно или непредсказуемо. Часто наблюдаются смешанные типы социальных взаимодействий.

Сорокин подчеркивает, что социальные взаимодействия выступают как **социокультурные**: одновременно протекают три процесса — взаимодействие норм, ценностей, стандартов, содержащихся в сознании человека и группы; взаимо-

действие конкретных людей и групп; взаимодействие материализованных ценностей общественной жизни.

В зависимости от объединяющих ценностей можно выделить группы:

— «односторонние», построенные на одном ряде основных ценностей (биосоциальные группы: расовые, половые, возрастные; социокультурные группы: род, языковая группа, религиозная группа, профессиональный, политический или научный союз);

— «многосторонние», построенные вокруг комбинации нескольких рядов ценностей: семья, община, нация, социальный класс.

В группах протекают динамические процессы:

- давление на членов группы, способствующее их конформизму и внушаемости;
- формирование социальных ролей, распределение групповых ролей;
- изменение активности членов: возможны феномены *фацилитации* — усиление энергии человека в присутствии других людей; феномены *ингибиции* — затормаживание поведения и деятельности под влиянием других людей, ухудшение самочувствия и результатов деятельности человека в ситуации, когда за ним наблюдают другие люди;
- изменение мнений, оценок, норм поведения членов группы: феномен *«групповой нормализации»* — формирование усредненного группового стандарта — нормы; феномен *«групповой поляризации, экстремизации»* — приближение общегруппового мнения к какому-то полюсу континуума всех групповых мнений, часто «сдвиг к риску», когда групповое решение является более рискованным, чем решение, принимаемое индивидуально; феномен *«подчинения авторитету»*, в сочетании с феноменом *«атрибуции ответственности»*, когда человек приписывает ответственность за все происходящее другим лицам, лидеру, начальству, а не себе.

Социальная фацилитация проявляется в том, что присутствие других возбуждает, и это социальное возбуждение усиливает доминирующую реакцию человека, в результате чего

он лучше выполняет простые и хорошо знакомые действия в присутствии других людей, например, велогонщики показывают лучшее время, когда соревнуются друг с другом, а не с секундомером. В сложных задачах, где правильный ответ не напрашивается сам собой, присутствие людей и возникшее в связи с этим возбуждение приводит к неправильной реакции, к ухудшению результатов деятельности, к ингибции. Н. Кострелл предположил, что обеспокоенность человека тем, как его оценивают другие люди, «боязнь оценки» вызывает эффекты фацилитации и ингибции. Боязнь оценки помогает также объяснить, почему люди лучше работают, если их содеятели чуть-чуть опережают их, почему эффект социальной фацилитации проявляется ярче всего, когда наблюдатели нам не знакомы и за ними трудно уследить. Соревнование как разновидность социального взаимодействия — яркий пример социальной фацилитации, улучшения результатов деятельности людей в присутствии и в сравнении друг с другом. Но социальная фацилитация проявляется тогда, когда личные усилия каждого человека могут быть оценены индивидуально. Но если люди объединяют свои усилия для достижения общей цели, и при этом каждый не отвечает за совместный результат, результаты работы не оцениваются индивидуально, то в этом случае люди склонны прилагать меньше усилий, проявляя *социальную лень*. В результате коллективная работоспособность группы часто не превышает половины от общей работоспособности ее членов. Групповая ситуация деятельности уменьшает боязнь оценки, дает возможность «спрятаться за чужие спины», переложить ответственность «на всех», снижает возбуждение и активность членов группы. Возможно выделить своеобразный тип людей-«зайцев», людей, получающих какую-либо выгоду от группы, но мало дающих взамен. Когда вознаграждение делится поровну, независимо от личного вклада, каждый из участников получает большее вознаграждение на единицу своих усилий, если он паразитирует, проявляет социальную лень. Люди в группе меньше бездельничают, если групповая задача вызывающе трудна, притягательна, увлекательна, если члены группы — друзья, а не чужие друг другу люди, если возможен учет

личного вклада и человек воспринимает свой вклад как незаменимый.

Социальная фасилитация показывает, что группа может возбуждать людей, а социальная лень демонстрирует, что ответственность в группе может размываться, а когда возбуждение и размывание ответственности комбинируются, то нормативное сдерживание значительно ослабевает, и вместе люди начинают делать то, что они не стали бы делать в одиночку, вплоть до преступных действий: происходит феномен деиндивидуализации — потери самоосознания и чувства личной ответственности людей в ситуациях, которые обеспечивают анонимность и не концентрируют внимание на отдельном человеке.

Группа людей вынуждена искать согласие между членами, чтобы обеспечить взаимодействие людей и функционирование группы. **Групповая активность** означает, что люди действуют вместе определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения. В группе постепенно складываются групповые настроения, мнения, цели, нормы поведения, ритуалы. Эти феномены взаимодействия объединяют людей, как бы уподобляя их друг другу.

Ритуальное взаимодействие — одна из распространенных форм взаимодействия, которое строится по определенным правилам, символически выражая реальные социальные отношения и статус человека в группе и обществе. Ритуал выступает как специальная форма взаимодействия, придуманная людьми для удовлетворения потребности в признании. Ритуал обнаруживает ценности группы, люди выражают ритуалом то, что более всего трогает их, что составляет их социальные ценностные ориентации.

Английский ученый Виктор Тэрнер, рассматривая ритуалы и обряды, понимает их как предписанное формальное поведение, как «систему верований и действий, исполняемых особой культовой ассоциацией». Ритуальные действия важны для осуществления преемственности между различными поколениями в той или иной организации, для поддержания традиций и передачи накопленного опыта через

символы. Ритуальное взаимодействие — это и своеобразный праздник, оказывающий глубокое эмоциональное воздействие на людей, и мощное средство поддержания стабильности, прочности, преемственности социальных связей, и механизм сплочения людей, повышения их солидарности. Ритуалы, обряды, обычаи способны запечатлеваться на подсознательном уровне людей, обеспечивая глубокое проникновение определенных ценностей в групповое и индивидуальное сознание, в родовую и личную память.

Человечество на протяжении своей истории выработало огромное количество разнообразных ритуалов: религиозные обряды, дворцовые церемонии, дипломатические рауты, военные ритуалы, светские обряды, включая праздники и похороны. К ритуалам относятся многочисленные нормы поведения: прием гостей, приветствие знакомых, обращение к незнакомым и пр. Ритуал — это жестко фиксированная последовательность транзакций, причем транзакции производятся с Родительской позиции и обращены к Родительской позиции, позволяя людям почувствовать себя признанными. Если потребность человека в признании не реализуется, то начинает развиваться агрессивное поведение. Ритуал как раз и призван снять эту агрессию, удовлетворить потребность в признании хотя бы на минимальном уровне.

В структуре взаимодействия людей Э. Берн выделяет позиции *«Родитель»*, *«Взрослый»*, *«Дитя»*, на основе которых строится реальный процесс взаимодействия. Взаимодействие с позиции Родителя предполагает склонность к доминированию, к конкуренции, к проявлению власти и чувства высокой самооценности, к поучению других, к критическому осуждению других людей, правительства и пр. Взаимодействие с позиции Взрослого предполагает склонность к равноправному сотрудничеству, к признанию за собой и другими равных прав и ответственности за исход взаимодействия. Взаимодействие с позиции Дитя предполагает склонность к подчинению, к поиску поддержки и защиты («послушное дитя»), либо к эмоциональному импульсивному протесту, бунту, непредсказуемым капризам («бунтующее дитя»).

В отличие от ритуального взаимодействия, где транзакция идет с позиции *«Родитель — Родитель»*, в следующем

виде взаимодействий — операциях — транзакция осуществляется с позиции «Взрослый — Взрослый». С *операциями* мы встречаемся ежедневно: это прежде всего взаимодействия на работе, в учебе, а также приготовление пищи, ремонт квартиры и пр. Успешно проведя операцию, человек подтверждает свою компетентность и получает уважение окружающих. Трудовое взаимодействие, распределение и выполнение профессиональных, семейных функций, умелое и эффективное осуществление этих обязанностей — вот те операции, которые заполняют жизнь людей.

Соревнование — форма социального взаимодействия, при которой имеется четко определенная цель, которая должна быть достигнута, все действия различных людей соотнесены друг с другом с учетом этой цели таким образом, что они не вступают в конфликт, при этом и сам человек не вступает в конфликт с самим собой, придерживаясь установки другого игрока команды. Поскольку человек принимает установки других людей и позволяет этой установке других определять, что он совершит в следующий момент с учетом какой-то общей цели, постольку он становится органическим членом своей группы, общества, принимая мораль этого общества и становясь его значимым членом.

В ряде случаев человек, находясь с другими людьми в одном помещении и выполняя вроде бы совместную деятельность, мысленно пребывает в совершенно ином месте, мысленно беседует с воображаемыми собеседниками, мечтает о своем — такое специфическое взаимодействие называют *уходом*. **Уход** — довольно обычная и естественная форма взаимодействия, но все же чаще к ней прибегают люди с проблемами в области межличностных отношений. Если у человека не остается других форм взаимодействия, кроме ухода, то это уже патология — психоз.

Следующий тип одобряемых фиксированных взаимодействий — *времяпрепровождение*, которое обеспечивает хотя бы минимум приятных ощущений, знаков внимания, «поглаживания» между взаимодействующими людьми. **Времяпрепровождение** — фиксированная форма транзакций, призванная удовлетворять потребность людей в признании. Самые распространенные разновидности времяпрепровождения с позиции «Родитель — Родитель»: обсуждается и

осуждается все отклоняющееся от нормы — дети, женщины, мужчины, власть, телевидение и пр., или времяпрепровождение на тему «Вещи» (сравнение имеющихся во владении автомашин, телевизоров и пр.). «Кто вчера выиграл» (футбольные и другие спортивные результаты) — это мужское времяпрепровождение; «Кухня», «Магазин», «Платье», «Дети», «Сколько стоит?», «Вы знаете, что она...» — преимущественно женское времяпрепровождение. Во время подобных разговоров происходит оценивание партнеров и перспектив развития отношений с ними.

Устойчивое взаимодействие людей может быть обусловлено появлением взаимной симпатии, *аттракции*. Факторы, которые способствуют формированию аттракции: частота взаимных социальных контактов, физическая привлекательность, приписывание положительных личностных качеств друг другу, сходство социального происхождения, сходство интересов, взглядов — все это важно для установления отношений, а для их продолжения необходимы взаимодополнение, компетентность в области, близкой к обоим интересам.

Если двух и более людей многое связывает — формируется фактор близости; если их связи улучшаются, они делают друг для друга приятное — формируется симпатия; если они видят друг в друге достоинства, признают за собой и другим право и быть такими, какие они есть — формируется фактор уважения. Такие формы взаимодействия, как *дружба и любовь*, удовлетворяют потребность людей в приятии. Дружба и любовь внешне похожи на времяпрепровождение, однако здесь всегда четко фиксированный партнер, по отношению к которому испытывается симпатия. Дружба включает фактор симпатии и уважения, любовь отличается от дружбы усиленным сексуальным компонентом, т. е. *любовь = сексуальное влечение + симпатия + уважение*, в случае влюбленности имеется лишь сочетание сексуального влечения и симпатии. Эти формы взаимодействия отличаются от всех остальных тем, что в них обязательно присутствуют скрытые трансакции «Дитя — Дитя», выражающие взаимное признание и симпатию. Люди могут обсуждать какие угодно проблемы, даже на вполне взрослом и серьез-

ном уровне, тем не менее в каждом их слове и жесте будет проглядываться: «Ты мне нравишься».

Эрик Берн исследовал такой тип взаимодействия между людьми, как *игра, манипуляция*. Игра — это искаженный способ взаимодействия, потому что все межличностные потребности человека преобразуются в одну — потребность контроля, и тогда человек прибегает к силе, если хочет признания, прибегает к силе, если хочет приятия. Независимо от вида потребности и жизненной ситуации, игра предлагает только силовой вариант решения. Игры (или английское слово «геймы») — это стереотипизированная серия взаимодействий, приводящих к заранее предсказуемому, предопределенному результату, это серия манипуляций, которые призваны изменить поведение другого человека в нужную для инициатора транзакций сторону без учета желаний этого другого. Геймы в отличие от всех других видов взаимодействий: ритуалов, времяпрепровождений, операций, дружбы, любви — нечестные взаимодействия, поскольку включают ловушки, расплаты. Игры отличаются от других способов структурирования времени двумя параметрами: 1) скрытыми мотивами, 2) наличием выигрыша. Каждый участник гейма, даже потерпевший поражение, получает выигрыш, но крайне специфический — в форме негативных чувств обиды, страха, вины, ненависти, подозрения, унижения, презрения, высокомерия, что служит своеобразным подтверждением правоты жизненной позиции этих людей, согласно которой «люди — плохие, я — плохой, жизнь — плохая».

Берн отмечал, что многие люди играют в эти бессознательные игры, получая специфические негативные выигрыши, поскольку эти игры являются важной частью неосознаваемого плана жизни, или сценария, человека. Каждый гейм начинается с приманки, которую активный участник, инициатор, предлагает пассивному участнику с учетом особенностей характера его, с учетом его «слабинки». Затем следует серия двойных транзакций, которые неизменно приводят к заранее запланированному результату. Начав гейм, практически невозможно из него выйти, особенно если вы пассивный участник, в результате чего наступает расплата или выигрыш.

Чтобы выйти из гейма и не стать жертвой чужих манипуляций, важно постараться заменить скрытые транзакции на открытые, прямые, поскольку гейм возможен лишь при наличии скрытого подтекста в словах, транзакциях.

4. Неорганизованные группы

Взаимодействие людей в неорганизованных группах, в толпе — резкая противоположность предписанным ритуалам. Природа коллективного поведения предполагает рассмотрение таких явлений, как толпы, сборища, массовая паника, мании, танцевальные помешательства, стихийные массовые движения, массовое поведение, массовые увлечения, социальные движения, революции.

Элементарные формы коллективного поведения людей в толпе — относительно стихийное, порой непредсказуемое взаимодействие людей в ситуации неопределенности или угрозы. Ключ к пониманию природы коллективного поведения дает такая форма социального взаимодействия, как **круговая реакция**, когда взаимное возбуждение людей приобретает круговую форму, при которой люди отражают настроения, эмоции друг друга и таким образом интенсифицируют их. **Социальное беспокойство** — внутреннее напряжение многих людей при отсутствии способов его снятия, выражаемое в форме беспорядочной и неkoordinированной деятельности, причем чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию и становится «инфекционным», происходит «эмоциональное заражение» людей. Социальное беспокойство присутствует там, где люди обладают повышенной чувствительностью по отношению друг к другу, а также там, где они вместе переносят разрушение своего заведенного жизненного уклада. Эти условия встречаются в таких случаях социального беспокойства, как революционные волнения, женский протест, религиозные волнения, трудовые конфликты.

Черты социального беспокойства:

— беспорядочный характер поведения, когда люди находятся в состоянии напряжения и чувствуют сильный позыв

к действию, но не имеют четкого представления и понимания своих целей;

— возбужденные чувства тревоги, страхов, неуверенности, агрессивности, склонность к распространению слухов и преувеличений;

— наличие повышенной раздражимости и внушаемости людей, психологической неустойчивости, податливости влиянию лидеров, новых стимулов и идей.

Там, где коллективное возбуждение интенсивно и широко распространено, есть вероятность возникновения социальной **инфекции** — сравнительно быстрого, бессознательного и нерационального распространения каких-либо настроений, порывов или форм поведения (например, разгул биржевой спекуляции, финансовой паники или волны патриотической истерии).

Можно выделить четыре типа элементарных коллективных групп (Г. Блумер): действующая толпа (агрессивная толпа), экспрессивная толпа (например, танцующая толпа в религиозных сектах), масса (люди, участвующие в массовом поведении, но не имеющие никакой социальной организации, люди отделены и неизвестны друг другу, как например, при золотой и земельной лихорадке) и общественность (группы людей, которые сталкиваются с какой-то проблемой, имеют разные мнения относительно подхода к решению проблемы и дискутируют о ее решении). Эти социальные группировки возникают спонтанно, и их действие не направляется и не определяется существующими культурными моделями и нормами. Общество в целом действует, следуя предписанным правилам: толпа — путем установления контакта (повышенная восприимчивость людей друг к другу, бессознательная откликаемость на настроения, спонтанная готовность к совместным действиям), масса — путем совпадения индивидуальных выборов, в соответствии с чем общественность приобретает свой особый тип единства и возможность действовать благодаря достижению какого-то коллективного решения или выработке какого-то общественного мнения. Будучи коллективным продуктом, общественное мнение представляет всю общественность в ее готовности к действию по решению проблемы и делает возможным согласованное действие как таковое.

- Формирование общественного мнения происходит:
- через открытие и принятие дискуссии, когда заинтересованные группы (имеющие частную озабоченность поиском способа решения проблемы) стремятся оформить и установить мнение остальных, относительно незаинтересованных людей;
 - через пропаганду — умышленно направляемая кампания с целью заставить людей принять данную точку зрения, настроение или ценность.

5. Формирование и развитие социального движения

Появление вышеупомянутых элементарных коллективных группировок указывает на происходящий процесс социального изменения. Они играют важную роль в развитии нового коллективного поведения и новых форм социальной жизни, в формировании нового социального порядка, служат основой для формирования социальных движений, благодаря которым новые типы коллективного поведения выстраиваются в фиксированные социальные формы. В своем начале социальное движение аморфно, плохо организовано, т. е. коллективное поведение находится на примитивном уровне. По мере того как социальное движение развивается, оно приобретает организацию, набор обычаев и традиций, упрочившееся руководство, социальные правила и социальные ценности, способность создать новое устройство жизни. Социальное движение может вырастать и организовываться с помощью следующих механизмов (агитация возбуждает людей и таким образом делает из них возможных сторонников движения; для этого агитация должна привлечь внимание людей, взволновать их, пробудить их эмоции, дать этим эмоциям какое-то направление посредством идей, критики, внушения и обещаний):

- процесс организации чувства сопринадлежности и солидарности людей друг с другом, формирование взаимной симпатии между сторонниками данного социального движения, что способствует согласованному поведению;

- развитие внутригруппового/внешнегруппового отношения: вера членов движения, что их группа справедлива и права, а другие группы беспринципны и злонамеренны, служит сплочению этих членов вокруг своих целей и ценностей; наличие врага в этом смысле очень важно для придания движению целостности и сплоченности;
- использование церемониального поведения и ритуалов: массовые митинги, демонстрации, парады, юбилейные церемонии, ритуальная атрибутика (лозунги), песни, стихи, флаги, униформа и пр. способствуют развитию и закреплению социального движения, а у каждого индивидуального участника этих ритуалов возрастает самооценка, в результате чего он ощущает себя важной персоной, и это чувство личной значительности оказывается отождествленным с социальным движением как таковым;
- формирование групповой морали, дающей движению постоянство и определенность: убежденность в правильности и праведности цели движения, вера в конечное достижение к своей цели, вера в то, что на движение возложена некая священная миссия; создание своих «священных книг» (например, «Капитал» Маркса для коммунистического движения);
- развитие групповой идеологии — свода учений, в которых формулируются цели и назначение движения, содержится критика существующей системы, намечаются планы политики, тактики и практической деятельности движения.

Успешное развитие социального движения зависит от указанных механизмов, а социальные последствия зависят от характера социального движения (реформистское или революционное движение).

Таким образом, были проанализированы социальные взаимодействия на микроуровне (между двумя, несколькими людьми, в малых группах, в больших группах, как в неорганизованных, так и организованных социальных движениях).

ТЕМА 12. СОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Понятие организации.
2. Типология организаций.
3. Строение организаций.
4. Функционирование организаций.
5. Развитие менеджмента в современной России.

1. Понятие организации

Термин «организация» (от франц. *organisation*, позднелат. *organiso* — сообщаю, стройный вид, устраиваю) используется в нескольких значениях: 1) как элемент социальной структуры общества; 2) как вид деятельности какой-либо группы; 3) как степень внутренней упорядоченности, согласованности функционирования элементов системы. В социологии ключевым понятием является *элемент социальной структуры*. В этом плане социальная организация понимается как система отношений, объединяющих какое-то число индивидов (групп) для достижения определенной цели.

Понятие «организация» употребляют в экономике, биологии, кибернетике, многих других науках и сферах деятельности, т. е. везде, где действуют социальные группы и упорядочивается их деятельность. Реальность существования социальных групп проявляется в их деятельности, которая возможна в рамках социальной организации (в форме производственных, религиозных, национальных, научных организаций, политических партий, профессиональных союзов и т. д.). Социальная организация оформляет социальные группы в *коллектив*. А.И. Пригожин определяет ее как группу людей, совместно и координированно реализующую общую цель.

Группа людей в форме социальной организации получает институциональное оформление социальных различий,

сформировавшихся в разных сферах жизнедеятельности людей. Каждый член группы имеет свою собственную позицию, отражающую его положение в системе разделения общественного труда. Например, организация предприятия включает представителей рабочих, инженерно-технических работников разных профессий и возрастов. Она выполняет интегративную функцию со стороны социальной системы.

В принципе организация представляет собой высший уровень развития социальных систем. Но применительно к социальным объектам термин «организация» употребляется в трех смыслах.

1. Организацией может называться искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения более или менее ясно очерченной функции. В этом смысле организация выступает как социальный институт с известным статусом и рассматривается как автономный объект. В таком значении словом «организация» можно назвать, например, предприятие, орган власти, добровольный союз и т. д.

2. Термин «организация» может обозначать определенную деятельность по организации, включающую в себя распределение функций, налаживание устойчивых связей, координацию и т. д. Здесь организация выступает как процесс, связанный с целенаправленным воздействием на объект и, значит, с присутствием фигуры организатора и контингента организуемых. В этом смысле понятие «организация» совпадает с понятием «управление», хотя и не исчерпывает его.

3. Под «организацией» может мыслиться характеристика степени упорядоченности какого-то объекта. Тогда этим термином обозначают определенную структуру, строение и тип связей, выступающих как способ соединения частей в целое, специфический для каждого рода объектов. В этом смысле организация объекта — это свойство, атрибут последнего. С таким содержанием термин употребляется, например, когда речь идет об организованных и неорганизованных системах, политической организации общества, эффективной и неэффективной организации и т. д. Именно это значение подразумевается в понятиях «формальная» и «неформальная» организация.

В каких случаях возникает организация как социальный объект? Есть два механизма образования организаций как форм социальной общности.

Чаще всего они возникают тогда, когда достижение каких-либо общих целей признается возможным только через достижение индивидуальных целей, или когда достижение индивидуальных целей оказывается возможным только через *выдвижение и достижение* общих целей. В первом случае создаются трудовые организации (предприятия и учреждения), во втором — акционерные общества и так называемые массовые союзные организации. Таким образом, определяющим признаком социальной организации выступает целевая общность. Именно коллективное целедостижение вызывает необходимость вводить *иерархию и управление*.

Социальные организации имеют ряд основных черт.

В о - п е р в ы х, они обладают целевой природой, так как создаются для реализации определенных целей, стремятся как можно быстрее и эффективнее достичь этой цели. Организации представляют собой одновременно средство и инструмент обеспечения функции объединения людей, регулирования их деятельности для достижения цели, которой нельзя достичь в одиночку.

В о - в т о р ы х, члены организации распределяются по иерархической лестнице соответственно ролям и статусам. Таким образом, социальная организация — это сложная система связанных между собой социальных позиций и ролей входящих в нее членов. Она дает возможность индивиду реализовать свои потребности, интересы в тех границах, которые устанавливаются социальным статусом человека, нормами и ценностями, принятыми в конкретной социальной организации.

В - т р е т ь и х, характерная черта организации, как считает А.И. Пригожин, возникает на основе разделения труда, его специализации по функциональному признаку. Организации строятся по вертикали и по горизонтали. В вертикальных структурах всегда имеются управляющая и управляемые подсистемы. Управляющая система координирует функционирование горизонтальных структур. Построение организации по вертикали обеспечивает достижение

единства целей, придает организации эффективность и стабильность функционирования.

В - ч е т в е р т ы х, характерная черта организации: управляющие подсистемы формируют свои механизмы и средства регулирования и контроля за деятельностью различных элементов организации. В числе важнейших средств значительную роль играют институциональные, или внутри-организационные, нормы, которые создаются деятельностью институтов, обладающих особыми полномочиями. Эти институты проводят, реализуют нормативные требования в жизнь и для этого применяют свои санкции. Названные четыре фактора, по мнению А.И. Пригожина, детерминируют организационный порядок. Эффективность организационных форм объясняется возникновением эффекта *синергии* (греч. *synergia* — сотрудничество, содружество). Именно синергия является тем соблазном, ради которого возникают организации. Это тот эффект, который возникает в сообществе людей от такого сложения сил, когда $2 \times 2 = 5$ (или 6, 7...). А это зависит именно от способа организации людей, от того или иного сочетания их усилий.

Проявление синергии в социальных организациях означает прирост дополнительной энергии, превышающий сумму индивидуальных усилий их участников. Причем в организациях это явление оказывается управляемым, его можно усиливать, видоизменять, если понимать источники появления организационного эффекта, а именно: возрастание совокупной энергии в зависимости от типа внутриколлективной связи.

Можно выделить несколько стадий процесса возрастания энергии социальной организации.

Ощутимый эффект дает уже простая массовость, т. е. одновременность, однонаправленность многих усилий. Одно и то же бревно одни и те же люди не могут поднять по очереди, но вполне способны сделать это совместно. К тому же здесь возникает так называемый вторичный эффект объединения — психологическое взаимодействие участников, чувство «мы», взаимное сравнение, состязательность, групповой контроль.

Введение даже простейших форм расчленения общей работы, распределение участников по отношению друг к дру-

гу в последовательную зависимость еще больше усиливает совокупный эффект: например, передавать арбузы с берега на баржу из рук в руки по цепочке эффективнее, чем каждому носить от начала до конца свою ношу. Но тут, как и в предыдущем случае, сохраняется однородность операций у всех работников.

Новый уровень эффективности задает разделение труда по специальностям, т. е. специализация, когда работник добивается наиболее высоких результатов благодаря совершенствованию навыков в выполнении какой-либо одной производственной операции. Но при этом появляется новый социальный продукт специализации — частичный работник. Разделение труда превращается в его дробление, процесс достигает верхнего предела: на производстве иголок, например, проволока проходит через руки десятков отдельных рабочих. Преодолевается эта «частичность» работника-виртуоза тем, что его опыт позволяет формализовать выполняемые им и доведенные до автоматизма операции и на этой основе создать технические орудия труда, — на них теперь и переносится специализация. Однако в то же время упрощаются функции работника-оператора этих машин; его специализация снова становится все более и более узкой, привязывая работника к «должности одного движения» (чаще всего — нажатия кнопки на пульте управления сложнейшими современными машинами и механизмами). Таким образом, достигнув верхней точки, процесс завершается появлением машин, которые обеспечивают техническое и технологическое единство надежнее и дешевле. На этом линия «выжимания» указанного эффекта исчерпывается. Но закладываются новые линии, и они проявляются вплоть до наших дней (тейлоризм, мейоизм и т. д.). Таким образом, тайна организационного эффекта коренится в принципах объединения индивидуальных и групповых усилий: единство цели, разделение труда, согласование и проч.; способы осуществления последних весьма разнообразны.

2. Типология организаций

Наряду с выделением характерных черт организации социологи предлагают определенную их типологию. Наиболее

часто различаются *формальные* и *неформальные* организации. *Критерием этого разграничения*, как следует из названных типов организации, *служит степень формализации* существующих в них связей, взаимодействий и отношений. А.И. Пригожин характеризует формальную организацию как способ организационного построения на основе социальной формализации связей, статусов и норм. *В основе формальной организации лежит разделение труда, возникающее как результат необходимой специализации.* Разделение труда выступает в виде системы статусов — должностей, каждая из которых наделена специфическими функциями таким образом, что все функциональные задачи оказываются распределенными между членами организации. Должностные статусы упорядочиваются в иерархическую структуру по сходству функциональных задач, в различные организационные подразделения по принципу руководящие—подчиненные, в лестницу зависимостей между низшими (подчиненными) и высшими (руководящими).

Формальная организация обеспечивает прохождение деловой информации, необходимой для функционального взаимодействия. Она включает в себя различные регуляторы, нормирующие и планирующие деятельность данной социальной организации: нормы и образцы служебного поведения, программы деятельности, принципы и нормы вознаграждения. Формальная организация рациональна, то есть в ее основе лежит принцип целесообразности, сознательного движения к известной цели. Она принципиально безлична, то есть рассчитана на абстрактных индивидов, между которыми не предусмотрено никаких отношений, кроме служебных, проходящих по определенной программе.

Формальная организация имеет сильную тенденцию превращаться в бюрократическую систему. Вебер считал формирование бюрократии (управленческого аппарата) главным аспектом процесса рационализации. Для описания характерных особенностей бюрократии он использовал ее *идеальный тип*, или модель. Модель никогда не соответствует в точности специфической ситуации реального мира. Однако она может служить для обобщения социальных явлений.

Вебер выделил *семь основных характерных черт идеального типа бюрократии*.

1. *Разделение труда*, обусловленное определенными правилами или законами. В современной коммерческой фирме имеется описание обязанностей директора, управляющего делами, продавцов и т. д.

2. *Порядок подчиненности* представляет собой иерархию выше- и нижестоящих должностных лиц, которые, в свою очередь, являются начальниками других сотрудников. В современных коммерческих фирмах существует система вертикальной зависимости (сверху вниз): совет директоров, главные руководители предприятий, руководители среднего уровня и нижестоящие начальники, осуществляющие контроль за деятельностью рядовых служащих.

3. *Публичный офис* (канцелярия или «бюро») — основа бюрократии, где собраны письменные документы и, вероятно, справочник, в котором регистрируются и сохраняются сведения о деятельности учреждения.

4. *Официальная процедура подготовки должностных лиц* в организации. Требования к рядовому делопроизводителю сравнительно просты, но некоторые программы подготовки руководящих работников длинны и сложны.

5. *Штатные сотрудники*, посвятившие все свои силы деятельности организации — для них это главное занятие.

6. *Правила*, достаточно общие, более или менее устойчивые, регулирующие режим работы. Их нетрудно усвоить и выполнять. Зачастую они весьма детальны; например, на некоторых предприятиях время и продолжительность перерывов, когда работники могут выпить кофе, строго регламентированы.

7. *Лояльность* каждого работника по отношению к организации, стремление следовать установленным правилам. Это не обязательно означает преданность лишь руководителю организации или любому другому ее сотруднику.

Все это, вместе взятое, делает поведение сотрудников организации предсказуемым, помогает руководству координировать деятельность работников. В свою очередь, предсказуемость и координация — основные факторы, способствующие повышению эффективности и производительности

труда. С их помощью можно понять, когда работники намерены создавать лишь видимость работы или замышляют прекратить ее, какие механизмы они собираются при этом использовать и т. д. И хотя сочетание перечисленных выше элементов придает довольно обезличенный характер конечным результатам деятельности, для бюрократии это в большинстве случаев предпочтительнее, чем дезорганизация, неповиновение, неэффективность.

Главное достоинство бюрократии, по Веберу, — это высокая хозяйственно-экономическая эффективность: точность, быстрота, знание, постоянство управленческого процесса, служебная тайна, единоначалие, субординация, сведение к минимуму конфликтов и экономичность. Таковы основные достоинства бюрократического управления организацией. Главный же недостаток — игнорирование специфики конфликтных ситуаций, действия по шаблону, отсутствие необходимой гибкости. М. Вебер считал, что можно выработать определенные гарантии от бюрократических недостатков и злоупотреблений властью.

Веберовская теория бюрократии подвергается критике в современной социологии организаций с разных позиций. Т. Парсонс, А. Гоулднер и др. считают, что два типа власти — на основе положения в иерархии и профессионального знания — противоречат друг другу. Власть бюрократа базируется на праве приказа, и поэтому подчинение ему не является добровольным. Подчинение специалисту связано с признанием его социального и профессионального статуса и поэтому добровольно. Противоречие между этими двумя основаниями власти может быть основой постоянных конфликтов. Главной практической проблемой современных организаций является определение степени самостоятельности специалистов в сфере оперативной формулировки целей деятельности, типа решаемых задач, способа использования знания и контроля исполнения.

Большое место в социологии организаций отводится исследованию противоречия между бюрократической организацией управления и творческой деятельностью, восприимчивостью организаций к нововведениям. Французский социолог М. Крозье убедительно показал, что способность

организаций к нововведениям зависит от существования таких норм, которые поощряют конструктивную и творческую деятельность. Между тем, сама логика деятельности бюрократических организаций, характер сложившихся в ней связей и зависимостей препятствуют инновационной деятельности: бюрократия координирует деятельность низших звеньев с опорой на сложившуюся иерархию служебных зависимостей. Действия подчиненных истолковываются как правильные, если они соответствуют уставам и приказам начальства. Однако знания и способность к творчеству не могут передаваться в приказном порядке. Система поощрения в бюрократических организациях также способствует конформизму поведения и мышления, а не самостоятельности и творчеству. Вывод следует однозначный: бюрократия не в состоянии управлять творческим процессом.

Тормозящее влияние бюрократии на нововведения проявляется и при противоречии между централизованным управлением и профессионализмом. Бюрократия стремится к однородности в организационных системах. Чрезмерная разнородность задач, функций и звеньев организации затрудняет руководство, хотя и создает большие возможности для нововведений. Американские социологи Блау и Скотт на основе эмпирических исследований доказали, что группы, выполнявшие простые задачи, решают их лучше, если существует иерархическая структура управления. А группы, решающие сложные, комплексные и неопределенные проблемы, дают лучшие результаты, если организационные отношения исключают иерархическую систему власти.

Бюрократия как идеально-типическая система организационных отношений предусматривает преобразование единичных и особых интересов во всеобщие интересы организации и, следовательно, исключает наличие собственного интереса у управляющих структур и лиц: канцелярии и учреждения создаются для реализации целей организации. Но внутри канцелярий и учреждений действуют конкретные индивиды, материальные и иные интересы которых больше связаны не столько с целями организации вообще, сколько с фактами существования учреждений и формами регламентации управляющей деятельности. Тем самым устойчивость

данных учреждений и форм управления становится главной целью людей, занятых в управлении. Уже К. Маркс отмечал существование особого корпоративного интереса бюрократии в государстве. В результате цели организаций преобразуются в средства поддержания устойчивости учреждений, форм регламентации деятельности и материальных интересов особых групп людей — правящей элиты.

Формы организации. В обществе образуются следующие организационные формы:

1. Деловые организации — фирмы и учреждения, которые либо возникают сами для коммерческих целей, либо создаются более широкими организационными системами для решения отдельных задач. Цели наемных работников не всегда связаны с целями владельцев или государства. Членство в них обеспечивает работников средствами к существованию. Основа внутреннего регулирования — административный распорядок, принципы единоначалия, назначения, коммерческой целесообразности.

2. Общественные союзы, массовые организации, цели которых вырабатываются «изнутри» и представляют собой обобщение индивидуальных целей участников. Регулирование обеспечивается совместно принятым уставом, принципом выборности, т. е. зависимостью руководства от руководимых. Членство в них дает удовлетворение политических, социальных, экономических, любительских потребностей.

3. Существуют промежуточные формы организаций, например кооперативные (сельскохозяйственные, рыболовецкие колхозы, старательские артели), которые соединяют в себе основные признаки союзов, но выполняют предпринимательские функции. Их следует отличать от потребительских кооперативных организаций (потребсоюзы, жилищкооперативы и т. д.).

В обществе возникают организационные образования и другого рода, которые не являются собственно организациями, но имеют некоторые признаки последних.

4. Еще одну организационную форму представляют собой ассоциативные организации — семья, научная школа, неформальная группа. В них заметны некоторая автономия от среды, относительная стабильность состава, иерархия

(главенство, лидерство), сравнительно устойчивое распределение участников (по ролям, престижу), принятие общих решений. Регулятивные функции осуществляют спонтанно складывающиеся в них коллективные нормы и ценности. Однако степень их формализации незначительна.

Но более важное их отличие от организаций первых двух типов заключается в особенностях целевых свойств: они строятся на взаимном удовлетворении интересов, когда не общая цель является фактором объединения, а цели друг друга, т. е. цель одного участника служит средством достижения цели другого. Конечное, целое и здесь не тождественно его составляющим, но общие цели суть совпадающие индивидуальные.

5. Сходными организационными признаками обладает и такой тип общности, как поселение. Первоначально люди селятся вместе, чтобы через соседские связи использовать деятельностные способности друг друга, подчиняясь при этом какой-то целесообразности целого (соблюдая планировку улиц, формы и размеры жилища, структуру специализации и т. д.), которая каждому в отдельности не нужна. По мере урбанизации фактор целостности возрастает, обезличивается и обособляется еще больше. Очевидно, что все указанные организационные формы взаимосвязаны и пересекаются между собой.

3. Строение организаций

Иерархия. Для организации коллективных действий, направленных на реализацию общих целей, люди не могут избежать иерархического построения. Во-первых, социальная иерархия — универсальная форма построения социальных систем (государство, организация, поселение, семья) на основе соподчинения, когда «нижние» уровни контролируются «верхними». При этом, чем «выше» уровень, тем уже его социальный состав, отчего иерархическая структура принимает вид пирамиды. Во-вторых, в иерархии проявляется централизация управления, единоначалие, лидерство. Эта функция иерархии возникает вследствие невозможности (за некоторым пределом) непосредственного взаимодействия

какого-то количества людей и естественной необходимости выделения посредника — должности, функции, органа.

Иерархия, во-первых, выступает как обобщенная функция совместной деятельности в виде координации, начала общего процесса, интеграции индивидуальных действий в целое. В таком смысле она представляет собой разделение труда не только по «горизонтали», но и по «вертикали» на более общие и более частные функции, на решение и исполнение. Как и всякое разделение труда, иерархия вводится для эффективности, чтобы использовать выгоды централизации.

Во-вторых, иерархия выступает как односторонняя личная зависимость одного индивида от другого. Это значит, что один из работников может воздействовать на положение и поведение другого без того, чтобы тот другой тоже мог воздействовать на первого. Такая зависимость в иерархических отношениях закрепляется в статусах и составляет одну из сторон социального неравенства. Суть этой стороны (представляющей собой одновременно и сторону иерархических отношений) состоит в том, что связь по субординации не может регламентироваться полностью; в должностном поведении работника «верхнего» уровня остается диапазон выбора характера и способов воздействия на работника нижнего уровня, когда решение ряда вопросов представляется «на личное усмотрение» работника управления, руководителя. Отсюда возникает так называемый личный режим в организации, т. е. законное проявление субъективных качеств одного работника по отношению к другому по линии их субординации.

В-третьих, иерархия функционирует как власть, т. е. подчинение членов данной организационной системы правилам и указаниям. Специфика этой стороны иерархических отношений состоит в контроле безличных требований над волей работника, в необходимости приспособления его индивидуальности к организационным функциям. Власть достигается посредством ограничения свободы поведения индивида, предписания ему требований поведенческого и деятельностного характера. Поэтому власть предполагает принуждение, поскольку подобные требования могут идти вразрез с

некоторыми собственными намерениями и интересами работника, отчего возникает обязательный атрибут власти — санкции за отклонение.

Формы иерархии бывают не только линейными и вертикальными. Так, существует феномен влияния в виде экспертности и другие варианты «боковой» иерархии. Например, элементы системной субординации заложены в организациях между контролирующими, санкционирующими службами (бухгалтерия, отдел кадров, охрана) и другими подразделениями. Подобные отношения распространяются и на межорганизационный уровень: организации потребителей организуют контроль за качеством продукции у производителей, контролирующие функции по горизонтали имеют санитарную, пожарную и другие инспекции. Проводятся эксперименты типа «пирамиды с меняющейся геометрией», когда вводится, например, выборность руководителей при сохранении единоначалия.

4. Функционирование организаций

Управление в организациях. Разумеется, центральной осью функционирования трудовых организаций является управление. Сущность социологического подхода к управлению состоит в выделении трех его компонентов. Первый из них — *целенаправленное управляющее воздействие*, включающее целеполагание и целеосуществление, составляет ядро управления. Такое воздействие бывает внешним (когда орган управления находится за рамками самих объектов), а также самоуправлением (когда воздействие осуществляется подразделением или субъектом, входящим в состав самого объекта). Второй компонент управления — *социальная самоорганизация*, т. е. спонтанные процессы внутриколлективного регулирования (лидерство, «шкала престижа», неформальное группообразование, социальные нормы). Оба названных компонента образуют третий — *организационный порядок*, включающий в себя как продукты «прошлого» управленческого труда (решения, объективированные в стабильной должностной структуре, админис-

тративном распорядке), так и систему стихийно сложившихся правил и норм отношений в коллективе.

Оптимальное соотношение данных элементов предполагает их интеграцию на основе использования возможностей и учета границ каждого из них, снятия возможных противоречий. Так, руководитель заинтересован как можно больший объем решений (приказов, заданий) перевести из формы разовых воздействий в форму долговременного порядка или «подключить» спонтанные регуляторы к целям, поставленным перед организацией.

Методы управления — это комплекс социальных методов целенаправленного воздействия на работников, группы и коллективы. На каждом указанном уровне управление сталкивается со специфическими проблемами, а значит и вырабатывает соответствующие методы, одни из них применимы в каждом из трех случаев, применение других ограничено каким-либо одним случаем. По отношению к *отдельному работнику* предприятия можно выделить разные виды воздействия (методы социального управления) на его поведение:

- а) прямое (приказ, задание);
- б) через мотивы и потребности (стимулирование);
- в) через систему ценностей (воспитание, образование и т. д.);
- г) через окружающую социальную среду (изменение условий труда, статуса в административной и неформальной организации и др.).

Применительно к *группе*, входящей в производственный коллектив предприятия, методы социального управления распределяются следующим образом:

- а) целенаправленное формирование состава группы (по квалификационным, демографическим, психологическим признакам, количеству, размещению рабочих мест и т. д.);
- б) сплочение группы (посредством организации соревнования, совершенствования стиля руководства, использования социально-психологических факторов и иные способы).

На уровне же *социальной организации* предприятия используются методы:

а) согласование формальной и неформальной структуры (преодоление противоречий между запланированными и действительными связями и нормами);

б) демократизация управления (посредством повышения роли общественных организаций, широкого привлечения работников к выработке общих решений, выборности некоторых руководителей производства, развития трудовой активности и т. д.);

в) социальное планирование (повышение квалификации работников, совершенствование социальной структуры коллектива, улучшение благосостояния и другие мероприятия).

Отношения «руководство—подчинение». Понятие «руководство» близко к понятию «управление» и используется для выделения особого типа организационных отношений, а именно работы руководителя с подчиненными в непосредственном контакте по решению служебных задач.

Исходя из этого, социологический подход предполагает анализ руководства как особого, триединого отношения между людьми в организации. Во-первых, руководство — это отношение между разными статусами, уровнями административной структуры, имеющее под собой правовую основу и проявляющееся в виде односторонней зависимости одного работника (должности) от другого. Во-вторых, руководство — это и отношение между отдельными рабочими функциями общего трудового процесса: одной — более «общей», другой — более «частной». В нем (трудоом процессе) связываются, с одной стороны, функция организации, с другой стороны — исполнения. Наконец, в-третьих, руководство — это также отношение между личностями, специфический тип общения. В последнем случае рассматривается его социально-психологическое содержание — взаимное признание, влияние, стиль, интересы.

Перечисленные стороны отношения «руководство—подчинение» не могут существовать в отрыве друг от друга, они переплетены, хотя и имеют относительную самостоятельность. Социология исследует отношение «руководство—подчинение» как проявление на межличностном уровне более общих отношений по управлению. Воздействие руководства на подчиненных имеет цель побуждать их к определенному

трудовому поведению как в соответствии с требованиями организации, так и согласно собственным представлениям.

Возможны два способа воздействия: прямой (приказ, задание) и опосредованный, мотивирующий (через стимулы). В первом случае руководство направлено непосредственно на деятельность подчиненных и необходимость соответствующего поведения подкрепляется санкциями за отклонение от него. Результат достигается за счет того, что для работника «потери» от возможных санкций за невыполнение требуемого превышают его «затраты» на выполнение. В своей крайней форме такое отношение «руководство—подчинение» выступает как принуждение, т. е. цели руководства не связываются с интересами исполнителя, противостоят им. Второй способ предполагает воздействие на мотивы и потребности работника. Побуждение к труду происходит через удовлетворение потребности личности, что выступает как компенсация за трудовой вклад. При прямом воздействии такой компенсацией служит отсутствие негативных санкций. Эффект здесь достигается за счет «самоусиления» воздействия соответствующей мотивацией индивида. В процессе руководства проявляются личные особенности руководителя, поэтому складываются разные стили руководства. Стиль руководства можно обозначить как систематическое проявление каких-либо личных качеств руководителя в его отношениях с подчиненными, в способах решения деловых проблем. Рамки формальной организации оставляют некоторый диапазон для выбора руководителем той или иной линии служебного поведения по отношению к подчиненным ему работникам и служебным задачам. Сознательный выбор или спонтанные колебания в этих рамках неизбежны и зависят от индивидуальности руководителя — его культуры, установок, характера, опыта, знаний, т. е. детерминируются психологическими и социокультурными факторами, присущими как руководителю, так и коллективу, профессии, региону, социальной категории. Различают следующие основные разновидности стиля руководства: *авторитарный* — руководитель не считается с мнением подчиненных, навязывает им свою волю; *демократический* — подчиненные привлекаются к выработке общих решений; *слабый* — руководи-

тель самоустраняется от руководства, его влияние в коллективе незначительно, слабо выражено. Стиль руководства тесно связан с культурой управления.

Стиль руководства проявляется в стимулировании труда. **Стимулирование** — метод опосредованного воздействия на трудовое поведение работника, его мотивацию через удовлетворение потребностей личности, что выступает как компенсация за трудовое усилие. Ориентация на получение удовлетворения в целом сильнее побуждает человека к определенному поведению, чем прямое управленческое воздействие на него посредством приказа. Однако организация стимулирования сложнее прямого воздействия. Системе стимулов противостоит система мотивов и потребностей. Стимулирование эффективно в той степени, в какой эти две системы органично сочетаются.

Деление стимулов на «материальные» и «моральные» условно. Так, премия — не только денежное вознаграждение, но и свидетельство признания, уважения. В задачи эффективного управления входит расширение системы стимулов, применяемых в социальном управлении. Стимулами могут быть условия труда, гибкие системы рабочего времени, отношения в коллективе и т. д., но главным стимулом остается материальная заинтересованность, более полное осуществление принципа оплаты по труду, его результатам. В связи с особенностями современного производства, прежде всего его сложностью, вследствие чего вклад отдельного работника в конечный продукт неочевиден, особое значение приобретают коллективные формы оплаты труда и стимулирования (бригадные методы, коллективный подряд и т. д.).

Управленческие решения. Каков же главный продукт управления? Это, несомненно, производимые им решения. Управленческое решение есть формально зафиксированный проект какого-либо изменения в организации. На этой основе выделяются следующие разновидности управленческих решений:

1. Жестко детерминированные решения, на содержании которых индивидуальные особенности руководителя не сказываются совершенно или сказываются незначительно. В этом случае личность субъекта решения как бы «не втяги-

вается» в процесс его принятия, поскольку содержание решения предопределено организационными условиями (законом, инструкцией, распоряжением вышестоящей инстанции и т. д.). Такие решения, в свою очередь, могут быть двоякого рода: а) стандартизированные, рутинные (например, решения о выдаче очередной заработной платы, увольнении работника после подачи им заявления, выплате пособий по профзаболеваниям и т. п.) и б) производные, вторичные решения, т. е. принятые во исполнение, в развитие других решений и неизбежно вытекающие из них (ранее принятых, «спущенных» извне и т. д.).

2. «Инициативные» решения (т. е. не жестко детерминированные), содержание которых предполагает индивидуальный вклад субъекта решения. Диапазон колебаний при этом может быть значительным, что для организации имеет важные последствия. Здесь также можно выделить две разновидности: а) решения ситуационные, имеющие преимущественно эпизодический или локальный характер (поощрения, наказания, отдельные назначения и проч.), б) реорганизационные, т. е. направленные на изменение какого-либо элемента организации (перераспределение ресурсов, разработка новых задач, изменение административной структуры и т. д.).

Самоорганизация. Деятельность по управлению включает в себя не только вертикальные отношения руководства—подчинения. Организациям присуще также и самоуправление. Понятие «самоуправление» обычно имеет два смысла: широкий и узкий. В широком смысле «самоуправление» означает автономное функционирование какой-либо организационной системы (подсистемы), правомочное принятие ею решений по внутренним проблемам. В этой смысле та или иная степень самоуправления свойственна любым предприятиям, учреждениям, поселениям и т. п. Но с социологической точки зрения, т. е. в узком смысле слова, самоуправление выступает как коллективное управление, как участие всех членов организации, населения в работе соответствующего органа управления включение исполнителей в процессы выработки общих решений.

Самоорганизация есть продукт социального взаимодействия в массовом, коллективном или групповом масштабах.

Использование самоорганизации в управлении существенно повышает эффективность последнего и составляет важный фактор развития в трудовых организациях. Процессы самоорганизации могут играть как конструктивную, так и деструктивную роль, т. е. проявляться как дезорганизация.

И последнее понятие управленческого цикла — *«социальное регулирование»*. Оно означает целенаправленное управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте и развитие его посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей). Социальное регулирование представляет собой *«косвенное»* управление и осуществляется (наряду с *«прямым»*) через задание объекту требуемого результата и путей его достижения. Посредством социального регулирования создаются возможности и ограничения деятельности, которые должны вызвать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемые с точки зрения субъекта управления.

5. Развитие менеджмента в современной России

Развитие современного общества характеризуется глубокими динамичными переменами системного характера. Меняются государственные, политические и экономические формы, внедряются новые социальные и производственные технологии. Все эти процессы существенно повышают значимость управления в сложно организованных социальных системах.

В мире произошли значительные изменения качества рабочей силы и структуры совокупного труда. Теперь управленцы сталкиваются не с малообразованными послушными исполнителями, а преимущественно со специалистами. Современное производство по своему технологическому строю предполагает широкое использование квалифицированного профессионального труда, поэтому современные менеджеры руководят работниками, которые способны оценивать и творчески влиять на реализацию управленческих решений. Изменился и состав работников: если раньше преобладали крестьяне, рабочие и сервисные служащие, то в современ-

ной экономике основными профессиональными группами становятся «управляющие и специалисты», противоречия между которыми и определяют динамику практически любой организации.

Иными словами, большие перемены в социальном объекте управления предполагают необходимость изменения типа и характера современного производственного менеджмента. А это процесс сложный, и его особенности недостаточно изучены.

Производственный менеджмент приобретает особую роль в период преобразования принципов организации национальной экономики и проведения рыночных реформ в обществе. Изменение структуры производства, характера экономических связей, макроэкономические дисфункции и общий финансовый дисбаланс, революция собственности и системы потребления создают мощный фон неопределенности и дезорганизации в развитии российских предприятий. Разрушение системы государственных гарантий и выполнения взаимных обязательств приводит к дроблению общего экономического пространства, когда каждый регион и каждый производитель выпущены использовать собственные антикризисные управленческие стратегии.

Таким образом, коренная трансформация социально-экономической системы требует специального научно-управленческого обеспечения российских реформ и глубокой теоретической разработки:

- проблем управляемости процесса реформирования и оптимизации социальной цены реформ;
- вопросов формирования «маркетингового» качества управления, т. е. изменения культуры и технологических приемов менеджмента;
- задач внедрения управленческих нововведений с целью радикально повлиять на качество производства.

Существенные особенности развития современного производства привели к изменению всей философии управления и практической переориентации менеджмента. Анализируя эти процессы, Ю.Г. Волков и И.В. Мостовая выделяют четыре важнейших особенности новых подходов к организации производства:

1) информатизация современного менеджмента как реакция на сложные технологические, экономические, потребительские и социально-конъюнктурные изменения;

2) социализация систем производственного управления на основе широкого внедрения принципов корпоративности и клиентальности;

3) инноватизация менеджмента с учетом развития эвристики, психологии нововведений, прогностики;

4) экологизация управления производством в направлении использования антикризисных стратегий регулирования, перехода от технократического к социократическому управленческому мышлению, учета влияния культурных составляющих среды¹.

На многих предприятиях сегодня появляются специальные отделы по связям с общественностью, поскольку производственная и маркетинговая политика отдельных фирм, конечный успех их деятельности в значительной мере обусловлены характером общественного мнения относительно продукции и самого производства.

Иными словами, процессы развития современного менеджмента по своему содержанию таковы, что не могут не заинтересовать социолога или социального философа: администрирование и руководство превращаются в подлинный процесс управления людьми, а не «ресурсами», и должно быть осмыслено с позиций соответствия групповых ценностей, потребностей и возможности реализации сотрудничества (ассоциации).

В связи с этим специалисты особое внимание уделяют изучению вопроса о том, что собой представляют организационные формы управления современным производством. Однако наиболее актуальной является проблема исследования управленческих технологий и организационных принципов внедрения инноваций, построенных на новом типе социального взаимодействия. Она имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, в частности для современного российского развития.

¹ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: Учебник для вузов. М., 1998. С. 252

Качество социального управления «человеческим капиталом» как основным национальным ресурсом может стать важнейшим фактором успешных рыночных изменений и обеспечения эффективности (конкурентоспособности) современного российского производства.

Основные принципы инновационного менеджмента в производственной сфере могут быть логически разделены на четыре группы, имеющие 1) валеологический (превентивный, антикризисный, социально экологичный), 2) коммуникативный (информационный, культуральный, социально-реактивный), 3) синергетический (инновационный, эвристичный, поисковый, вероятностный), 4) социократический (человекоцентрированный, клиентальный, солидарностный) характер. Инновационный производственный менеджмент сегодня реализуется в противоречивой системе взаимодействия с традиционным и бюрократическим управлением, что характеризует переход от модели «руководства» к модели «координации» и от «технократического» стиля мышления к современному «социократическому» управленческому.

Потребность в антикризисной управленческой инноватике особенно остра в российском производстве, где происходят застойные и деграционные процессы изменения социальной организации: снижаются статусы кадровых профессиональных групп внутри трудового коллектива, рабочая сила перераспределяется из основного производства в непроизводственную сферу, уменьшается доля квалифицированного труда, развивается скрытая безработица. Это может быть преодолено только посредством реализации нетривиальных социально-управленческих стратегий.

Изменения в современном труде и производстве носят качественный характер. Они заметны на отдельных предприятиях и отражаются даже на расстановке экономических сил в мире. Так, если в начале XX в. развивающиеся страны были сырьевым придатком индустрии Запада, сегодня высокоразвитые державы вполне могут обойтись без этих ресурсов, исключая нефть, поскольку выпускают избыток продовольствия и 3/4 мировых товаров и услуг. В связи с этим у многих крупных стран, таких, как Китай, Индия, а сейчас и Россия, возникают специфические проблемы экономичес-

кого развития, поскольку в условиях жесточайшей конкуренции со стороны лидеров мирового производства нет шансов повысить свою экономическую мощь, не проводя структурной перестройки национального производства и не внедряя прогрессивные технологии социального управления.

Реализация новой философии менеджмента означает прежде всего развитие и совершенствование производственной демократии, децентрализацию управления и формирование системы эффективного сотрудничества работников и менеджеров. Ведь труд для современных людей превращается из средства выживания в способ саморазвития и самоутверждения.

ТЕМА 13. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ¹

1. Понятие социальной стратификации.
2. Типы стратификационных систем.
3. Совокупный социально-экономический статус.
4. Социальная стратификация российского общества.

1. Понятие социальной стратификации

Разнообразие отношений, ролей, позиций приводит к различиям между людьми в каждом конкретном обществе. Проблема сводится к тому, чтобы каким-то образом упорядочить эти отношения между категориями людей, различающимися во многих аспектах.

Так, в большинстве стран феодальной Европы главной характеристикой была принадлежность к определенному сословию: господа-феодалы, свободные горожане или зависимые крестьяне, «свои» и «чужие»; отделялись по цивилизационному признаку принадлежности к той или иной конфессии. В эпоху складывания национальных рынков и становления капитализма этническая принадлежность из горизонтального деления, не ставившего человека в более высокое или низкое положение, стала превращаться в вертикальное. Знатность происхождения и власть над зависимыми людьми вооруженных сеньоров уступает место маркировке людей по признаку богатства и наличия собственности. В современных информационных обществах исследователи отмечают сосуществование и переплетение нескольких, если и неравнозначных, то относительно автономных систем неравенства (или иерархий): власти, собственности, престижа.

Для описания системы неравенства между группами (общностями) людей в социологии широко применяют понятие

¹ Написано совместно с Г.О. Перовым.

«социальная стратификация». Само слово «стратификация» заимствовано у геологов. Оно латинского происхождения (первоначально *stratum* означало «покрывало», «постель»). В английском языке его стали понимать как пласт, формацию (в геологии), слой общества (в обществознании); множественное число — *strata, stratification* (стратификация) — деление на общественные слои («пласты»).

Стратификация подразумевает, что определенные социальные различия между людьми приобретают характер иерархического ранжирования. Что это за различия? Очевидно, что люди различаются во многих отношениях, и далеко не все эти различия приводят к неравенству между членами общества. В самом общем виде неравенство означает, что люди живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления.

Дальнейшее изложение требует раскрытия нескольких важных понятий, которые органично входят в систему знания о социальной стратификации.

Осмысление реалий социальной стратификации проще всего начать с места отдельного человека среди других людей. Любой человек занимает в обществе много позиций. Эти позиции далеко не всегда можно ранжировать по их значимости. Например, возьмем любого из студентов: студент, молодой мужчина, сын, муж, спортсмен. Каждая из этих позиций может иметь для самого человека большее или меньшее значение. Да и окружающие могут оценивать их применительно к конкретному индивиду по-разному. Например, хороший спортсмен социально будет определяться окружающими именно в этой его позиции (то, что данный человек еще и студент, сын и т. д., — не воспринимается окружающими его людьми как значимые характеристики).

Для обозначения всей гаммы различий между людьми существует особое понятие, по отношению к которому «социальная стратификация» является частным случаем, видовым понятием по отношению к родовому. Это — **«социальная дифференциация»**, объемлющая различия между макро- и микрогруппами, а также индивидами, как по объективным характеристикам (экономическим, професси-

ональным, образовательным, демографическим и т. д.), так и по субъективным (ценностные ориентации, стиль поведения и т. д.). Данное понятие, и именно в этом ключе, было использовано Г. Спенсером при описании универсального для эволюции общества процесса появления функционально специализированных институтов и разделения труда. Со времен Г. Спенсера социальная дифференциация рассматривается как важное понятие в анализе социальных изменений и при сравнении индустриальных и постиндустриальных обществ.

Термин «дифференциация», применяемый как синоним слова «различие», употребляется для классификации статусов, ролей, социальных институтов и организаций. Именно социальная дифференциация вызывает имущественное, властное и статусное неравенство. Но, кроме того, дифференциация подразумевает и такие социальные различия, которые никак не связаны с социальным неравенством, не являются свидетельством положения в иерархии социальных статусов и социального расслоения.

Как мы видим, в теории стратификации постоянно обсуждается проблема равенства—неравенства. При этом под равенством понимают: 1) равенство личностное; 2) равенство возможностей достигнуть желаемых целей (равенство шансов); 3) равенство условий жизни (благополучие, образование и т. д.); 4) равенство результатов. Неравенство, как очевидно, предполагает те же четыре типа взаимоотношений людей, но с противоположным знаком. В реальной практике изучения социальной жизни социологи особое внимание уделяют распределению дохода и благополучия, различиям в продолжительности и качестве образования, участию в политической жизни во властных структурах, владению собственностью, уровню престижа.

Рассмотрим теперь основные компоненты неравенства. Начнем с понятия «*власть*» (power). Этот термин не следует смешивать с термином «управление», который относится к другой области социологического знания. Власть как социальный феномен многообразна, поэтому естественно, что столь же многообразны ее дефиниции. Можно дать следующее определение. Власть — это способность социального

субъекта в своих интересах определять цели и направленность деятельности других социальных субъектов (безотносительно к их интересам), распоряжаться материальными, информационными и статусными ресурсами общества, формировать и навязывать правила и нормы поведения (установление запретов и предписаний), предоставлять полномочия, услуги, привилегии.

Властные отношения означают, что между социальными субъектами существуют такие взаимосвязи, при которых один субъект выступает как объект действия другого субъекта, точнее, превращает (навязывает) другой субъект в объект своего действия. В структуре властных отношений ключевое значение принадлежит распоряжению ресурсами, что позволяет властвующему субъекту подчинять себе других людей.

Собственность, по широко распространенному определению, это основное экономическое отношение между индивидуальными и групповыми участниками процесса производства, опосредованное их отношениями к средствам производства, один из важнейших социальных институтов. Собственность может быть частной, групповой, общественной, формы ее весьма многообразны. Собственность реально раскрывается как процесс распоряжения, владения и присвоения. Это означает, что собственность есть властные отношения, форма экономической власти. т. е. власть владельца предмета над теми, кто им не владеет, но в то же время в нем нуждается. Отношения собственности делят людей на хозяев средств производства (собственников, владельцев) — как использующих наемный труд, так и не использующих его, и на людей, не имеющих средств производства. Богатство и бедность задают многомерную стратификационную иерархию. Как правило, наряду с властью и собственностью третьим неизменным компонентом измерения неравенства выступает *социальный престиж*.

2. Типы стратификационных систем

Когда заходит речь об основных типах стратификационных систем, обычно дается описание кастовой, рабовладель-

ческой, сословной и классовой дифференциации. При этом принято отождествлять их с историческими типами общественного устройства, наблюдаемыми в современном мире или уже безвозвратно ушедшими в прошлое. Другой подход предполагает, что любое конкретное общество состоит из комбинаций различных стратификационных систем и множества их переходных форм. Можно выделить *девять типов стратификационных систем*, которые могут быть использованы для описания любого социального организма, а именно:

- физико-генетическая;
- социально-профессиональная;
- рабовладельческая;
- классовая;
- кастовая;
- культурно-символическая;
- сословная;
- культурно-нормативная;
- этакратическая.

В основе первого типа — *физико-генетической стратификационной системы* — лежит дифференциация социальных групп по «естественным» социально-демографическим признакам. Здесь отношение к человеку или группе определяется полом, возрастом и наличием определенных физических качеств — силы, красоты, ловкости. Соответственно, более слабые, обладающие физическими недостатками считаются ущербными и занимают приниженное общественное положение. Неравенство утверждается в данном случае существованием угрозы физического насилия или его фактическим применением, а затем оно закрепляется в обычаях и ритуалах.

Эта «естественная» стратификационная система господствовала в первобытной общине, но продолжает воспроизводиться и по сей день. Особенно сильно она проявляется в сообществах, борющихся за физическое выживание или расширение своего жизненного пространства. Наибольшим престижем здесь обладает тот, кто способен осуществлять насилие над природой и людьми или противостоять такому насилию: здоровый молодой мужчина-кормилец в крестьян-

ской общине, живущей плодами примитивного ручного труда; мужественный воин Спартанского государства; истинный ариец национал-социалистического воинства, способный к производству здорового потомства. Система, ранжирующая людей по способности к физическому насилию — во многом продукт милитаризма древних и современных обществ. В настоящее время, хотя и лишенная былого значения, она все же поддерживается военной, спортивной и сексуально-эротической пропагандой.

Вторая стратификационная система — *рабовладельческая* — также основана на прямом насилии. Но неравенство здесь детерминируется не физическим, а военно-юридическим принуждением. Социальные группы различаются по наличию или отсутствию гражданских прав и прав собственности. Определенные социальные группы этих прав лишены совершенно и, более того, наравне с вещами, превращены в объект частной собственности. Причем положение это чаще всего передается по наследству и таким образом закрепляется в поколениях.

Примеры рабовладельческих систем весьма разнообразны. Это и античное рабство, где число рабов порою превышало число свободных граждан, и холопство на Руси времен «Русской правды», это и плантационное рабство на юге Североамериканских штатов до гражданской войны 1861—1865 гг., это, наконец, работа военнопленных и депортированных лиц на немецких частных фермах в период второй мировой войны.

Способы воспроизведения рабовладельческой системы тоже характеризуются значительным разнообразием. Античное рабство держалось в основном за счет завоеваний. Для раннефеодальной Руси более характерно было долговое, кабальное рабство. Практика продажи в рабство собственных детей при отсутствии возможности их прокормить существовала, например, в средневековом Китае. Там же обращали в рабов и разного рода преступников (в том числе и политических). Эта практика была воспроизведена много позднее в советском ГУЛАГе (хотя рабовладение осуществлялось здесь разве что в скрытых внеюридических формах).

Третий тип стратификационной системы — *кастовая*. В ее основе лежат этнические различия, которые, в свою очередь, закрепляются религиозным порядком и религиозными ритуалами. Каждая каста представляет собой замкнутую, насколько это возможно, эндогамную группу, которой отводится строго определенное место в общественной иерархии. Это место появляется в результате обособления функций каждой касты в системе разделения труда. Существует четкий перечень занятий, которыми члены этой касты могут заниматься: жреческие, воинские, земледельческие. Поскольку положение в кастовой системе передается по наследству, возможности социальной мобильности здесь крайне ограничены. И чем сильнее выражена кастовость, тем более закрытым оказывается данное общество.

Классическим примером общества с господством кастовой системы по праву считается Индия (юридически эта система была отменена здесь лишь в 1950 г.). Сегодня, хотя и в более сглаженном виде, кастовая система воспроизводится не только в Индии, но, например, в клановом строе среднеазиатских государств. Явные черты кастовости утверждались в середине двадцатого столетия политикой фашистских государств (арийцам отводилось положение высшей этнической касты, призванной к господству над славянами, евреями и пр.). Роль скрепляющих теологических доктрин в данном случае брала на себя националистическая идеология.

Четвертый тип представлен *сословной* стратификационной системой. В этой системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей. Причем последние подразумевают обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Одни сословия обязаны нести ратную или чиновничью службу, другие — «тягло» в виде податей или трудовых повинностей.

Примеры развитых сословных систем являли феодальные западно-европейские общества или феодальная Россия. Вот как определял понятие «сословия» В.О. Ключевский в своей «Истории сословий в России»: «Сословием мы называем классы («классы» для него просто синоним понятия

“групп” — авт.), на которые делятся общества по правам и обязанностям учрежденным верховной властью». — «Сословное деление — существенно юридическое, устанавливается Законом в отличие от других общественных делений». Итак, это, в первую очередь, юридическое, а не, скажем, этническо-религиозное или экономическое деление. Важно также и то, что принадлежность к сословию передается по наследству, способствуя относительной закрытости данной системы.

Некоторое сходство с сословной системой наблюдается в представляющей пятый тип *этакратической* системе (от французского и греческого — «государственная власть»). В ней дифференциация между группами происходит, в первую очередь, по их положению во властно-государственных иерархиях (политических, военных, хозяйственных), по возможностям мобилизации и распределения ресурсов, а также по тем привилегиям, которые эти группы способны извлекать из своих властных позиций. Степень материального благополучия, стиль жизни социальных групп, как и ощущаемый ими престиж, связаны здесь с формальными рангами, которые эти группы занимают в соответствующих властных иерархиях. Все прочие различия — демографические и религиозно-этнические, экономические и культурные — играют производную роль.

Масштабы и характер дифференциации (объемы властных полномочий) в *этакратической* системе находятся под контролем государственной бюрократии. При этом иерархии могут закрепляться формально-юридически — посредством чиновничьих табелей о рангах, военных уставов, присвоения категорий государственным учреждениям, — а могут оставаться и вне сферы государственного законодательства (наглядным примером может служить система советской партноменклатуры, принципы которой не прописаны ни в каких законах). Формальная свобода членов общества (за исключением зависимости от государства), отсутствие автоматического наследования властных позиций также отличают *этакратическую* систему от системы сословий.

Этакратическая система обнаруживается с тем большей силой, чем более авторитарный характер принимает госу-

дарственное правление. В древности яркие образцы этакратической системы наблюдались в обществах азиатского деспотизма (Китай, Индия, Камбоджа), расположенных, впрочем, отнюдь не только в Азии (а например, и в Перу, Египте). В двадцатом столетии она активно утверждается в так называемых «социалистических обществах» и, возможно, даже играет в них определяющую роль. Нужно сказать, что выделение особой этакратической системы пока не традиционно для работ по стратификационным типологиям.

Далее следует шестая — *социально-профессиональная* стратификационная система. Здесь группы делятся по содержанию и условиям своего труда. Особую роль выполняют квалификационные требования, предъявляемые к той или иной профессиональной роли — обладание соответствующим опытом, умениями и навыками. Утверждение и поддержание иерархических порядков в данной системе осуществляется при помощи сертификатов (дипломов, присвоения разрядов, лицензий, патентов), фиксирующих уровень квалификации и способность выполнять определенные виды деятельности. Действенность квалификационных сертификатов поддерживается силой государства или какой-то другой достаточно мощной корпорации (профессионального цеха). Причем сертификаты эти чаще всего по наследству не передаются, хотя исключения в истории встречаются.

Социально-профессиональное деление является одной из базовых стратификационных систем, разнообразные примеры которой можно найти во всяком обществе с более-менее развитым разделением труда. Это строй ремесленных цехов средневекового города и разрядная сетка в современной государственной промышленности, система аттестатов и дипломов о полученном образовании, система научных степеней и званий, открывающих дорогу к более престижным рабочим местам.

Седьмой тип представлен наиболее популярной *классовой* системой. Классовый подход нередко противопоставляют стратификационному. Но классовое членение есть лишь частный случай социальной стратификации. Из множества трактовок понятия «класса» мы остановимся в данном случае на наиболее традиционной — социально-экономической.

В данной трактовке классы представляют собой социальные группы свободных в политическом и правовом отношении граждан. Различия между этими группами заключены в характере и размерах собственности на средства производства и производимый продукт, а также в уровне получаемых доходов и личного материального благосостояния. В отличие от многих предыдущих типов, принадлежность к классам — буржуа, пролетариев, самостоятельных фермеров и т. п. — не регламентируется высшими властями, не устанавливается законодательно и не передается по наследству (передаются имущество и капитал, но не сам статус). В чистом виде классовая система вообще не содержит никаких внутренних формальных перегородок (экономическое преуспевание автоматически переводит вас в более высокую группу).

Экономически эгалитарные сообщества, где совершенно отсутствует классовая дифференциация — явление довольно редкое и неустойчивое. Но на протяжении большей части человеческой истории классовые членения все же носят подчиненный характер. На передний план они выходят, пожалуй, только в буржуазных западных обществах.

Осталось рассмотреть еще две стратификационные системы. Одну из них можно условно назвать *культурно-символической*. Дифференциация возникает здесь из различий доступа к социально значимой информации, неравных возможностей фильтровать и интерпретировать эту информацию, способностей быть носителем сакрального знания (мистического или научного). В древности эта роль отводилась жрецам, магам и шаманам, в средневековье — служителям церкви, толкователям священных текстов, составляющим основную массу грамотного населения, в Новое время — ученым, технократам и партийным идеологам. Претензии на общение с божественными силами, на обладание истиной, на выражение государственного интереса существовали всегда и везде. И более высокое положение в данном отношении занимают те, кто имеет лучшие возможности для манипулирования сознанием и действиями прочих членов общества, кто лучше других может доказать свои права на истинное понимание, владеет лучшим символическим капиталом.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что для доиндустриальных обществ более характерно теократическое манипулирование, для индустриальных — партократическое, а для постиндустриальных — технократическое манипулирование.

Наконец, последний, девятый тип стратификационной системы следует назвать *культурно-нормативным*. Здесь дифференциация построена на различиях уважения и престижа, возникающих из сравнения образов жизни и норм поведения, которым следует данный человек или группа. Отношение к физическому и умственному труду, потребительские вкусы и привычки, манеры общения и этикет, особый язык (профессиональная терминология, местный диалект, уголовный жаргон) — все это ложится в основу социального деления. Причем происходит не только разграничение «своих» и «чужих», но и ранжирование групп («благородные — неблагородные», «порядочные — непорядочные», «элита — обычные люди — дно»).

Благородные манеры джентльмена, праздное времяпрепровождение аристократа, самоотверженный аскетизм религиозного подвижника, ораторское искусство идейного вождя — не только знаки высокого общественного положения. Они зачастую превращаются в нормативные ориентиры, образцы социального действия и начинают выполнять функции морального регулирования, которое и детерминирует данный тип стратификационных отношений.

И это касается не только обособления элиты, но и дифференциации всех средних и низших слоев. В крестьянской общине, где формально все равны между собой, существуют «исправные хозяева», живущие «по обычаю», «по совести», и лодыри, отщепенцы, «перекати-поле». Своя нормативная культура, свои образцы поведения и своя «аристократия» есть и на самом «дне», внутри преступного мира. Появление контркультур и так называемого «антиобщественного поведения», кстати, тоже во многом продукт морального регулирования и идеологического контроля, осуществляемых в данном обществе.

Список стратификационных систем полностью не исчерпывается указанными девятью типами. Можно, например,

ставить вопрос об особом социально-территориальном типе, где группы дифференцируются местом своего жительства и типом поселений, а различия детерминируются системой гражданства, паспортным режимом, жилищной политикой и т. п. Наш подход дает достаточный простор для творчества.

Одним из главных водоразделов между стратификационными системами является наследуемость или ненаследуемость соответствующих позиций в иерархии. Рабовладельческая, сословная и кастовая системы включают в себя элементы пожизненного и формально-юридического наследования. Прочие же системы, по крайней мере, ни формально пожизненного характера статусов, ни их наследования не предусматривают.

Однако указанный водораздел подвижен. С одной стороны, существуют пределы жесткости формально-юридических стратификационных границ. Так, рабы могут отпускаться или выкупаться на свободу. Представители купеческого сословия, разоряясь, опускаются в более низкое мещанское сословие (для России XIX в. — это обычный случай). И напротив, при определенных условиях можно заслужить (а иногда и купить), почетный наследственный титул. И даже при наиболее ригидном кастовом строе сохраняются возможности для вертикальной социальной мобильности.

С другой стороны, высшие группы во всех стратификационных системах стремятся закрепить свое положение, сделать его не только монопольным, но и передаваемым по наследству. В классовой системе подобное наследование обеспечивается принципом майората (передачи основного имущества старшему наследнику), характерным, скажем, для древней Индии, западной Европы XI—XIII вв. или России вплоть до 1917 г. (Остальные родственники в этом случае фактически опускаются вниз по классовой лестнице.) В этакратической системе чиновник формально не имеет права передать свое кресло и полномочия собственным детям, но он в состоянии путем протектирования обеспечить им столь же завидное место в учреждении аналогичного ранга. Положение же в социально-профессиональных, культурно-символических и культурно-нормативных стратах зачастую передается реаль-

но через образование и воспитание, передачу опыта и секретов мастерства, санкционирование определенных кодексов поведения (профессиональные династии — не единственный, но яркий пример). Что же касается физико-генетической системы, то она стоит несколько особняком, ибо наследование здесь происходит часто, но не в результате каких-то социальных механизмов, а чисто биологически.

Еще раз подчеркнем, что все девять типов стратификационных систем — не более чем «идеальные типы». Любое реальное общество является их сложным смешением, комбинацией. В реальности стратификационные типы переплетаются, дополняют друг друга.

3. Совокупный социально-экономический статус

Социальная стратификация описывает социальное неравенство в обществе, деление социальных слоев по уровню доходов и образу жизни, по наличию или отсутствию привилегий. В первобытном обществе неравенство было незначительным, поэтому стратификация там почти отсутствовала. В сложных обществах неравенство очень сильное, оно поделило людей по уровню доходов, образования, власти. Возникли касты, затем сословия, а позже — классы. В одних обществах переход из одного социального слоя (страты) в другой запрещен; есть общества, где такой переход ограничен, и есть общества, где он полностью разрешен. Свобода социальных перемещений (мобильность) определяет то, каким является общество — закрытым или открытым.

Доход — количество денежных поступлений индивида или семьи за определенный период времени (месяц, год). Доходом называют сумму денег, полученную в виде зарплаты, пенсий, пособий, алиментов, гонораров, отчислений от прибыли. Доходы чаще всего тратятся на поддержание жизни, но если они очень высоки, то накапливаются и превращаются в богатство.

Богатство — накопленные доходы, т. е. количество наличных или овеществленных денег. Во втором случае они называются движимым (автомобиль, яхта, ценные бумаги и т. п.) и недвижимым (дом, произведения искусства, сокро-

вища) имуществом. Обычно богатство передается по наследству. Наследство могут получать как работающие, так и неработающие, а доход — только работающие. Главное достояние высшего класса — не доход, а накопленное имущество. Доля зарплаты невелика. У среднего и низшего классов главным источником существования выступает доход.

Суть власти — в способности навязывать свою волю вопреки желанию других людей. В сложном обществе власть институционализована, т. е. охраняется законами и традицией, окружена привилегиями и широким доступом к социальным благам, позволяет принимать жизненно важные для общества решения, в том числе законы, как правило, выгодные высшему классу. Во всех обществах люди, обладающие тем или иным видом власти — политической, экономической или религиозной, — составляют институционализированную *элиту*. Она определяет внутреннюю и внешнюю политику государства.

Престиж — уважение, каким в общественном мнении пользуются та или иная профессия, должность, род занятия.

Доход, власть, престиж и образование определяют *совокупный социально-экономический статус*, т. е. положение и место человека в обществе. В таком случае статус выступает обобщенным показателем стратификации. Приписываемый статус характеризует жестко закрепленную систему стратификации, т. е. *закрытое общество*, в котором переход из одной страты в другую практически запрещен. К таким системам относят рабство и кастовый строй. Достижимый статус характеризует подвижную систему стратификации, или *открытое общество*, где допускаются свободные переходы людей вниз и вверх по социальной лестнице. К такой системе относят классы (капиталистическое общество). Наконец, феодальное общество с присущим ему сословным устройством следует причислить к *промежуточному типу*, т. е. к относительно закрытой системе. Здесь переходы юридически запрещены, но на практике они не исключаются. Таковы исторические типы стратификации.

Средний класс

Средний класс — совокупность социальных слоев, занимающих промежуточное положение между основными

классами в системе социальной стратификации. Характеризуется неоднородностью положения, противоречивостью интересов, сознания и политического поведения. Это дает право многим авторам исследований говорить о нем во множественном числе: «средние классы», «средние слои». Различают средний класс (средние и мелкие собственники) и новый средний класс, включающий управляющих, профессиональных работников умственного труда («белые воротнички», или менеджеры).

Старые средние слои — мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники, представители свободных профессий, мелкое и среднее крестьянство, мелкие собственники товарного производства — подвержены разорению. Стремительный рост технологий и науки, всплеск сферы услуг, а также всеохватывающая деятельность современного государства способствовали появлению на современной арене армии служащих, техников, интеллигенции, не владеющих средствами производства и живущих за счет продажи собственной рабочей силы.

Практически во всех развитых странах доля среднего класса составляет 55—60%.

Средние классы выражают тенденцию к уменьшению противоречий между содержанием труда различных профессий, городским и сельским образом жизни, являются проводниками ценностей традиционной семьи, что сочетается с ориентацией на равенство возможностей для мужчин и женщин в образовательном, профессиональном, культурном отношении. Эти классы представляют собой оплот ценностей современного общества, они — основные носители традиций, норм и знаний. Для средних слоев характерен незначительный разброс вокруг центра политического спектра, что делает их и здесь оплотом стабильности, залогом эволюционности общественного развития, формирования и функционирования гражданского общества.

В современном российском обществе средний класс находится в зародышевом состоянии. Продолжает развиваться социальная поляризация, расслоение на бедных и богатых.

Маргинальность

Маргинальность — это специальный социологический термин для обозначения пограничного, переходного, струк-

турно неопределенного социального состояния субъекта. Люди, по разным причинам выпадающие из привычной социальной среды и неспособные примкнуть к новым общностям (зачастую по причинам культурного несоответствия), испытывают большое психологическое напряжение и переживают своеобразный кризис самосознания.

Теория маргиналов и маргинальных общностей была выдвинута в первой четверти XX в. одним из основателей Чикагской социологической школы (США) Р.Э. Парком, а ее социально-психологические аспекты развиты в 30—40-х гг. Э. Стоунквистом. Но еще К. Маркс рассматривал проблемы социального деклассирования и его последствий, а М. Вебер прямо сделал вывод о том, что движение общества начинается тогда, когда маргинальные слои организуются в некую социальную силу (общность) и дают толчок социальным изменениям — революциям или реформам.

С именем Вебера связана более глубокая трактовка маргинальности, которая позволила объяснить формирование новых профессиональных, статусных, религиозных и подобных им сообществ, которые, конечно же, не во всех случаях могли возникать из «социальных отбросов» — индивидов, насильственно выбитых из своих общностей (безработных, беженцев, мигрантов и др.) или асоциальных по выбранному стилю жизни (бродяг, наркоманов и т. п.). С одной стороны, социологи всегда признавали безусловную связь между возникновением массы людей, исключенных из системы привычных (нормальных, т. е. принятых в обществе) социальных связей и процессом формирования новых общностей: негэнтропийные тенденции и в человеческих сообществах действуют по принципу «хаос должен быть как-то упорядочен». (Именно такого рода процессы происходят в современном российском обществе.)

С другой стороны, возникновение новых классов, слоев и групп на практике почти никогда не связано с организованной активностью попрошайек и бомжей, скорее, оно может рассматриваться как строительство «параллельных социальных структур» людьми, чья общественная жизнь до последнего момента «перехода» (который часто выглядит как «прыжок» на новую, заранее подготовленную структурную позицию) была вполне упорядоченной.

Под *маргиналами* понимаются индивиды, их группы и общности, формирующиеся на границах социальных слоев и структур и в рамках процессов перехода от одного типа социальности к другому или в пределах одного типа социальности при его серьезных деформациях.

Среди маргиналов могут быть *этномаргиналы*, сформированные миграциями в чужую среду или выросшие в результате смешанных браков; *биомаргиналы*, чье здоровье перестает быть предметом заботы социума; *социомаргиналы*, как, например, группы находящихся в процессе незавершенного социального перемещения; *возрастные маргиналы*, формирующиеся при разрыве связей между поколениями; *политические маргиналы*: их не устраивают легальные возможности и легитимные правила общественно-политической борьбы; *экономические маргиналы* традиционного (безработные) и нового типа — так называемые «новые бедные»; *религиозные маргиналы* — стоящие вне конфессий или не решающиеся осуществить выбор между ними; и, наконец, *криминальные маргиналы*; а возможно, еще и просто те, чей статус в социальной структуре не определен.

4. Социальная стратификация российского общества

Основные изменения в социальной стратификации российского общества в XX в. До революции 1917 г. в России официальным было сословное, а не классовое деление населения страны. Оно подразделялось на два основных сословия — податных (крестьяне, мещане) и неподатных (дворянство, духовенство). Внутри каждого сословия были более мелкие сословия и слои. Государство предоставляло им определенные права, закрепленные законодательством. Сами права гарантировались сословиям лишь постольку, поскольку они выполняли определенные повинности в пользу государства. Государственный аппарат, чиновники регулировали отношения между сословиями.

Согласно переписи 1897 г., все население страны, а это 125 миллионов россиян, распределялось на следующие со-

словия: дворяне — 1,5% от всего населения, духовенство — 0,5%, купцы — 0,3%, мещане — 10,6%, крестьяне — 77,1%, казаки — 2,3%. Первым привилегированным сословием в России считалось дворянство, вторым — духовенство. Остальные сословия не являлись привилегированными. Те дворяне, которые были землевладельцами, составляли особую группу — класс помещиков.

Постепенно классы появляются внутри других сословий. Некогда единое крестьянство на рубеже веков расслоилось на бедняков (34,7%), середняков (15%), зажиточных (12,9%), кулаков (1,4%), а также мало- и безземельных крестьян, вместе составлявших одну треть. Неоднородным образованием были мещане — средние городские слои, включавшие мелких служащих, ремесленников, кустарей, студентов и т. д. Из их среды и из крестьянства выходили русские промышленники, мелкая, средняя и крупная буржуазия. Казачество представляло собой привилегированное военное сословие, несшее службу на границе.

К 1917 г. процесс классовобразования не завершился, напротив, он только начался. Главная причина — отсутствие адекватной экономической базы: товарно-денежные отношения находились в зачаточной форме, как и внутренний рынок страны. Они не охватили основную производительную силу общества — крестьян, которые даже после столыпинской реформы так и не стали свободными фермерами. Рабочий класс численностью около 10 миллионов человек не состоял из потомственных рабочих, многие являлись полурбочими, полукрестьянами. К концу XIX в. промышленный переворот не был полностью завершён. Ручной труд так и не был вытеснен машинами, даже в 80-е гг. XIX в. на его долю приходилось 40%. Буржуазия и пролетариат не стали основными классами общества.

Октябрьская революция разрушила старую социальную структуру российского общества. А новую назвали *бесклассовой*. Так оно и было на самом деле, поскольку уничтожалась объективная и единственная база для возникновения классов — частная собственность. Начавшийся процесс классовобразования был ликвидирован на корню.

Социальная стратификация реального социализма принципиально отличалась от сложившихся исторических типов.

В своих явных и учитываемых параметрах она была искусственной и конструировалась под высокую цель достижения социальной справедливости, которая понималась как гарантированный государством объем и уровень потребления. Характер потребления обуславливался такими социально-учетными параметрами, как прописка и место жительства, должность, занятость в более или менее важной отрасли народного хозяйства.

Новая социальная стратификация, в целом сложившаяся в 40-е годы, основывалась на распределительных отношениях, а не на отношении к собственности, к средствам производства. Несомненными ее достоинствами были стабильность и определенность: отношения между социальными странами (или, точнее, для данной системы — социальными группами) полностью определялись и контролировались государством. Содержание государственной социальной политики составляло формирование квот, норм, системы доплат и компенсаций. Такая деятельность в условиях реального социализма эквивалентна рыночным механизмам регулирования. А дефицит благ, товаров и услуг, сопровождающий ранжированное распределение, создавал особые центростремительные силы и структурировал население и рабочую силу, управленческий аппарат. Смысл и цель социальной активности состоял в том, чтобы, устроившись определенным образом, можно было «достать» и «получить». Социально-учетные группы определялись в территориальном, отраслевом и должностном аспектах. Хотя при этом официально провозглашалось, что социальная структура советского общества состоит из двух классов (рабочих и крестьян) и прослойки (интеллигенции). При этом, если классы определялись по отношению к двум формам собственности (государственной и колхозно-кооперативной), также провозглашенными (в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г.), то для принадлежности к интеллигенции достаточно было иметь высшее образование.

Принято считать, что высшим и правящим классом советского общества был особый новый класс — номенклатура, куда входили те, кто состоял в штатной номенклатуре партийных органов — руководители предприятий, строительства, транспорта, сельского хозяйства, обороны, науки,

культуры, министерств и ведомств. Общая их численность составляла около 750 тыс. человек, а с членами семей численность правящего класса номенклатуры в СССР доходила до 3 млн, т. е. от 1,5% всего населения.

Социальная структура современного российского общества как система групп и слоев (по Т.И. Заславской). Современные представления о факторах, критериях и закономерностях стратификации российского общества позволяют выделить слои и группы, различающиеся как социальным статусом, так и местом в процессе реформирования российского общества. Согласно принятой академиком Т.И. Заславской гипотезе, российское общество состоит из четырех социальных слоев: верхнего, среднего, базового и нижнего, а также десоциализированного «социального дна». Под *верхним слоем* понимается прежде всего реально правящий слой, выступающий в роли основного субъекта реформ. К нему относятся элитные и субэлитные группы, занимающие наиболее важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах. Их объединяют факт нахождения у власти и возможность оказывать прямое влияние на процессы реформ.

Второй слой назван *средним*, во-первых, с учетом его положения на социальной шкале и, во-вторых, потому что он является зародышем «среднего слоя» в западном понимании этого термина. Правда, большинство его представителей не обладают ни обеспечивающим личную независимость капиталом, ни уровнем профессионализма, отвечающим требованиям постиндустриального общества, ни высоким социальным престижем. К тому же пока этот слой слишком малочислен, чтобы служить гарантом социальной стабильности. Однако полноценный средний слой в России может сформироваться лишь на основе социальных групп, образующих сегодня соответствующий протослой. Это мелкие предприниматели, полупредприниматели, менеджмент средних и небольших предприятий, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, наиболее квалифицированные специалисты и рабочие.

Базовый социальный слой очень массивен. Он охватывает более двух третей российского общества. Его представи-

тели обладают средним профессионально-квалификационным потенциалом и относительно ограниченным трудовым потенциалом.

К базовому слою относится основная часть интеллигенции (специалистов), полуинтеллигенция (помощники специалистов), служащие из технического персонала, работники массовых профессий торговли и сервиса, а также большая часть крестьянства. Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в переходном процессе достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к изменяющимся условиям с целью выжить и по возможности сохранить достигнутый статус.

Структура и функции *нижнего* слоя, замыкающего основную, социализированную часть общества, представляются наименее ясными. Отличительными чертами его представителей являются низкий деятельностный потенциал и неспособность адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. В основном этот слой состоит либо из пожилых, малообразованных, не слишком здоровых и сильных людей, не заработавших достаточных пенсий, либо из тех, кто не имеет профессий, а нередко и постоянного занятия, безработных, беженцев и вынужденных мигрантов из районов межнациональных конфликтов. Определить данный слой можно на основе таких признаков, как очень низкий личный и семейный доход, низкий уровень образования, занятие неквалифицированным трудом или отсутствие постоянной работы.

Что касается *социального дна*, то главной его характеристикой служит изолированность от институтов большого общества, компенсируемая включенностью в специфические криминальные и полукриминальные институты. Отсюда замкнутость социальных связей преимущественно рамками самого слоя, десоциализация, утрата навыков легитимной общественной жизни. Представителями «социального дна» являются преступники и полупреступные элементы — воры, бандиты, торговцы наркотиками, содержатели притонов, мелкие и крупные жулики, наемные убийцы, а также опустившиеся люди — алкоголики, наркоманы, проститутки, бродяги, бомжи и т. д.

ТЕМА 14. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И МАССОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ¹

1. Понятие массового сознания и его изучение.
2. Массовые действия.

1. Понятие массового сознания и его изучение

Феномен «массового сознания» является объектом изучения разных наук — психологии, социологии, политологии, культурологии, социальной философии. В советский период феномен «массового сознания» приписывали буржуазному обществу, как связанный с развитием «массовой культуры», с упадком духовного развития общества и преобладанием потребительских тенденций в нем. Позднее, когда понятие «массовое сознание» было реабилитировано, оно ассоциировалось либо с классовым сознанием, либо с сознанием трудящихся масс, что вело к отождествлению этого понятия с групповым сознанием, с одной стороны, или с общественным сознанием — с другой. Часто этот феномен воспринимался как патологический, аномальный. В условиях кризиса, ломки всех общественных устоев, институтов, привычных условий жизни, норм поведения роль массового сознания на ход исторического процесса резко возрастает.

Массовое сознание не существует само по себе, а связано с реальными процессами, сопровождающими жизнь людей в обществе. Массовое сознание — это сознание масс конкретного общества или один из видов общественного сознания — это совокупность духовных образований, разделяемых целыми классами, социальными группами общества, но не сводимых к ним.

Массовое сознание является не только отражением «массового бытия» (К. Маркс), состояния конкретного общества

¹ Написано совместно с Л.Д. Столяренко.

в конкретный период времени, но и состояния «массы» или «человека-массы» (Х. Ортега-и-Гассет).

При выделении структуры массового сознания необходимо различать виды масс (толпа, публика, народ, аудитория, целое общество). Западные социологи под «массой» понимают гетерогенную аудиторию, противостоящую классу.

«Человек-масса», «массовое сознание» ключевое понятия социологии Ортеги-и-Гассета. Под «человеком-массой» он понимает определенный тип человека, а не определенный общественный класс. М. Шелер считал, что современный человек становится только частью массы, а не относительно свободной и автономной частью структуры целого. Масса — это бессубъектный субъект, это плохо структурированное образование, обладающее всегда определенными границами, но которые почти невозможно определить. Принадлежность к массе — чисто психологический признак, ибо человек массы чувствует, что он «точь-в-точь, как все остальные», «масса — это средний, заурядный человек» (Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии, 1989, № 2).

Американский социолог Д. Белл попытался систематизировать различные определения «массы», существующие в западной социологии:

1) «масса как недифференцированное множество», как аудитория массовых коммуникаций, которая подвергается обработке стандартизированной информацией через радио, кино, телевидение, газеты. Такая масса не имеет ни социальной организации, ни собственного мнения, ни устоявшихся правил, ритуалов или традиций; и в то же время стереотипное мышление, единообразие, приспособленчество, несамостоятельность мышления — вот основные характеристики «человека-массы»;

2) «масса как синоним невежественности» — то есть «широкие массы человечества не в состоянии стать истинно образованными и овладеть культурными ценностями»;

3) «масса как механизированное общество», как превращение человека в «аппарат», делая его жизнь математически точной, когда бытие приобретает маскоподобный характер;

4) «масса как бюрократическое общество», когда происходит процесс превращения человека в вещь, в объект,

управляемый, регулируемый обществом, когда все решения принимаются «наверху», в отрыве от основных производителей, в результате подчиненные массы лишаются инициативы, теряют самоуважение. Требование подчиняться лишает человека возможности действовать в соответствии с разумом — осознанно. В массе, по словам французского социолога Ж. Ларуа, происходит «потеря личности в пользу стадности». Такое понимание массы прослеживается в работах М. Вебера, К. Мангейма, Д. Рисмана;

5) «масса как толпа», причем толпа не рассуждает, а повинуется страстям. Становясь частью толпы даже культурный человек может начать действовать бессознательно: он теряет собственное «Я», а верх берет инстинктивное, иррациональное (Г. Лебон). Типичные признаки человека в массе, по мнению западных исследователей, следующие: обезличенность, преобладание чувств над разумом и импульсивность, утрата интеллекта, утрата личной ответственности. А поведение массы обычно стихийно, в своих действиях масса не руководствуется традициями, культурным опытом, наружу прорываются общие для всех подсознательные импульсы. Единство чувства и идей устанавливается не с помощью разума, а с помощью внушения или вербального заражения.

Разновидности массы: 1) по способу образования — искусственная и естественная; 2) по степени сплоченности — текучая и постоянная; 3) по степени организации — примитивная и организованная, возглавляемая вождем; 4) по цели — агрессивная и индифферентная, революционная; 5) по виду — толпа, аудитория, публика, церковь, армия и т. д.

В марксизме под категорией «массы» понимали трудящуюся часть населения, имеющую непосредственное отношение к историческому действию, то есть революционная активность масс меняет лицо общества. «Под понятием массы разумеют большинство всех эксплуатируемых» (В. Ленин), и нет понимания масс вне борьбы, вне активной деятельности, поэтому понятие «революционной массы» противоположно понятию «обыватель», т. е. «народные массы» — это творцы исторического процесса имеют свою творчески-активную позицию

В отечественной философской литературе массовое сознание рассматривают как «своеобразный фокус, в котором сходятся все существенные сечения общественного сознания, и массовое сознание является наиболее емким, суммарным выражением уровня или состояния общественного сознания той или иной эпохи в целом» (Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М., 1967. С. 61).

Массовое сознание в широком смысле есть сознание больших масс людей, народа. В более узком смысле массовое сознание есть та особая форма обыденного сознания, которая появляется под влиянием определенных средств, прежде всего средств массовой информации. Массовое сознание, непосредственно отражая действительность на обыденном, привычном, реально-практическом уровне, концентрированно выражая народный здравый смысл, в то же время включает в себя и элементы теоретического, научного знания. Специфическими особенностями массового сознания являются нормы, обычаи, оценочные представления и потребности, которые выражают реально существующие в обществе ценности и нормы.

Обыденное, привычное, одинаково для всех необходимое и в этом смысле массовое сознание есть непосредственная духовная основа жизнедеятельности людей, та ее сторона, которая объединяет отдельных индивидов в одно целое — социум. Особенность массового сознания состоит в том, что оно сходно, в некоторых отношениях инвариантно у массы членов общества, поставленных в близкие условия жизни.

В массовом сознании людей (с точки зрения его структурной организации) всегда присутствуют, по крайней мере, два основных слоя: *сознание обыденное* в узком смысле этого слова и *сознание практическое*. К узко понимаемому обыденному сознанию относится все то, что связано с отражением минимального набора повседневных потребностей, т. е. обыденное сознание стихийно воспроизводит общественное бытие через призму бытовых потребностей и отношений. А практическое мышление включает в себя весь жизненный опыт человека, в нем синтезируются обыденно-бытовые представления со всей совокупностью профессиональных

знаний, умений, общих представлений о мире и т. п. В содержание практического сознания входят оценки, все многообразие переживаний, убеждения, устремления, цели, вера, суждения, базирующиеся на здравом смысле. Способность людей на уровне обыденного сознания правильно улавливать смысл происходящего коренится в жизненном опыте. Здравый смысл в его позитивном значении может быть охарактеризован как «квинтэссенция обыденно-практического сознания эпохи, сердцевина социальных смыслов, форма выражения общей логики мышления и поведения людей. Здравый смысл содержит рациональное зерно, что не позволяет сознанию оторваться от действительности. То, что противоречит здравому смыслу, не найдет признания у большинства людей. Здравый смысл имеет и свою ограниченность — это проявляется в его односторонности, в неумении видеть процессы в развитии, во всей сложности их взаимосвязи, в неспособности к осознанию концепций, научных достижений. Критерием истины может оказаться общепризнанность, правдоподобность, достоверность, полезность, выгода. На уровне обыденных оценок событий возможны искажения действительности, возможны конформизм и субъективизм. Значительное место в обыденном сознании занимает вера, которая возникает вследствие недостатка информации и ликвидирует противоречия из-за неполной информированности человека. Для веры характерны такие черты как желаемость, непосредственность, эмоциональность, ассоциативность, кумулятивность. Большое влияние на веру оказывают авторитеты и общезначимый опыт предшествующих поколений.

Наличие в массовом сознании противоречивых элементов является основой для его оценки как очень изменчивого, подвижного. Подвижность и изменчивость характерны для некоторых элементов сознания — мнений, слухов, которые непосредственно и быстро отражают изменения в жизни. В целом же массовое сознание благодаря традиционным формам закрепления отличается инерционностью, консерватизмом, стереотипностью.

Стереотипы — это стандартизированные, устойчивые, эмоционально окрашенные образы, представления, понятия, устойчивые формы поведения. «Несмотря на то, что социальные стереотипы неизбежно упрощают, схематизируют или даже искажают видение социальной реальности, стереотипизация выполняет объективно полезную функцию, поскольку само это упрощение объективно необходимо и полезно в общей психической регуляции деятельности» (Агеев В.С.). Стереотипы массового сознания отличаются большой устойчивостью, ригидностью, консерватизмом. Это свидетельствует о способности стереотипов сопротивляться информации, направленной на их изменение. Однако воздействовать и даже манипулировать массовым сознанием путем использования специальных языковых формул, искусственно создаваемых «имиджей», специальных приемов воздействия на сознание и подсознание людей пытаются на практике пропаганды, рекламы, бизнеса, политики.

Массовое сознание предстает как особая форма группового и общественного сознания. Противоречивость функционирования массового сознания: 1) консервативная природа, выражающаяся в феномене «сопротивления среды» социальным преобразованиям; 2) радикализм массовых настроений, характеризующийся склонностью к неповиновению и революционным изменениям существующего порядка. Массовое сознание играет и деструктивную, и креативную роли.

Особенности массового сознания: 1) сложность и противоречивость — в массовом сознании присутствуют несовместимые взгляды — прогрессивные и негативные реакции; 2) синкретизм; 3) размытость, фрагментарность, аморфность, разорванность и др.; 4) эмоциональность; 5) «упрощенное» отражение социальной действительности.

Массовое сознание — неоднородное, внутренне противоречивое многоуровневое образование. Это сознание разных групп людей конкретного общества конкретно-исторического периода от целого общества до отдельных общностей, имеющих временную и случайную природу обра-

зования. Это позволяет абстрагироваться от конкретной личности до «усредненного» абстрактного человека и определить тем самым законы функционирования общества, способы манипулирования или механизмы управления им в зависимости от целей и задач власти. Оно тесно связано с социальными условиями жизни людей и отражает эти условия, обладая относительной самостоятельностью. На конкретно-социологическом уровне понятие «массовое сознание» соответствует общественному мнению. В определенном психическом состоянии обнаруживает себя практическая сторона сознания масс. Изменения массового настроения отражают изменения массового сознания.

«Состояние общественного сознания» — это понятие ввел А.К. Уледов «как доминирующее значение каких-либо идей и взглядов, оказывающих наибольшее воздействие на общественную жизнь людей». В «состояние сознания» включают мотивы, установки, потребности, интересы, массовое сознание на уровне группы отражает то типичное, что присуще всем индивидам. Это типичное не есть «одинаковое» для всех, а именно *общее*.

В России противоречивый характер массового сознания усугублен конфликтом между массовым стремлением сохранить исторически сложившиеся отношения и периодически возникающим стремлением правящего слоя нейтрализовать эту тенденцию массовой реорганизацией различных сфер жизни путем реформ, насаждаемых «сверху».

Стереотипы сознания, привычки, традиции тесно связаны с образом жизни масс, сохраняясь до тех пор, пока существуют эти формы жизни и их носители.

Массовое сознание можно сравнить с «подсознанием» общества. Оно является: 1) хранилищем совокупного социально-культурного опыта, фактором социальной стабильности; 2) с другой стороны — в периоды кризисов и переустройств общества оно может «срываться» и приводит к «непредсказуемым последствиям».

Сопrotивление общественным преобразованиям может носить: 1) радикальный характер бунта; 2) пассивный характер молчаливого сопротивления — «психология социаль-

ной инерции»: в результате все преобразования начинают пробуксовывать.

Возможны резкие изменения массового сознания, массовых настроений в кризисных ситуациях. Массовые настроения зависят от того разрыва, который существует между потребностями, интересами масс и возможностью их реализации, ожиданиями и реальными условиями жизни. Массовое сознание может играть и креативную роль (стабилизирующий фактор), и деструктивную роль, усугубляя противоречия общества, доводя идеи до абсурда.

Как массовое сознание соотносится с идеологией? Существует две точки зрения по этому вопросу: 1) массовое сознание способно воспринимать любую идеологию, отвечающую потребностям социально-экономического развития; 2) нижние слои общественного устройства полностью инертны к идеологическим воздействиям.

Вероятным моментом рождения новой идеологии является период кризиса существующей общественной системы. Уже на начальных стадиях своего развития идеологическая система соприкасается с массовым сознанием: 1) благодаря связи генерируемой идеи с общим интеллектуальным фоном эпохи, т. е. потребности развития общества отражаются не только в сознании интеллектуалов в виде идей и концепций, но и воздействуют на сознание широких масс населения; 2) выражая идеи посредством языка, мыслитель произвольно «включает» один из важнейших каналов трансляции идеологии. По мере того как идеология внедряется в общественное сознание, она неизбежно взаимодействует со структурами массового сознания. Если идеология стала достоянием массового сознания, неизбежен синтез духовных образований различных уровней общественного сознания, формируется «стиль мышления» — согласно общим правилам формирования суждений и оценок у большинства членов данного общества, независимо от принадлежности к тому или иному уровню социальной структуры.

Средства массовой информации в современном обществе могут контролировать основную часть информационного поля личности. Быстрая изменчивость информации, содер-

жащаяся в каналах средств массовой информации (СМИ), приводит к быстрому стиранию традиционных форм мышления. Телевидение как важнейший источник информации является мощным средством воздействия и даже манипулирования массовым сознанием людей. Западные социологи считают, что массовые опросы общественного мнения, интервью зрителей на телевидении способствуют не выявлению реального представления о состоянии массового сознания, а являются средством формирования общественного мнения, воздействия на него; создаются возможности манипулировать массовым сознанием.

Термин «манипулирование» первоначально означал «управлять со знанием дела», а сейчас трактуется как «ловкое и коварное воздействие на людей с целью достижения личной выгоды неблагоприятными средствами», как психическое воздействие, которое осуществляется тайно, а следовательно, во вред тем, на кого оно направлено.

К. Фарбер в работе «Манипулируемое большинство» пишет: «Объект манипулирования считает, что действует на основе своего свободного решения. Но это “свободное решение” — иллюзия. На самом деле им управляют, а его мнением манипулируют. Даже так называемые нравственные принципы зачастую являются результатом манипуляции в целях сохранения власти меньшинства».

Среди западных исследователей проблемы духовного манипулирования можно выделить приверженцев двух основных направлений. Сторонники апологетического направления рассматривают манипулирование как необходимый способ управления сознанием масс и стремятся оправдать его. Они убеждены, что современное общество не может существовать без целенаправленного манипулирования сознанием масс, что рационально-техническая организация современного общества и массовый характер потребления, вызванный техническим прогрессом индустриального общества, делает необходимым и реально осуществимым процесс управления массовым сознанием людей и социальными процессами в целом. Характерным является утверждение, что современный человек страдает от бремени собственной индивидуальности, и поэтому он пытается избавиться от нее, начинает поступать «как все».

Представители социально-критического направления утверждают, что практика нивелировки, стандартизации и упрощения личности, манипулирования массовым сознанием чужда подлинным человеческим интересам. Духовное манипулирование способствует формированию человека-обывателя, удовлетворенного своим положением, человека-конформиста, довольствующего товарами массового потребления. Основные социальные функции духовного манипулирования можно охарактеризовать как функции организации, подчинения и иллюзорной компенсации.

Американский футуролог А. Тоффлер в книге «Третья волна» пишет: «В индустриальной цивилизации инфосфера — система производства и распространения информации — действует по типу фабрики. Средства массовой информации штампуют одинаковую информацию и заталкивают ее в миллионы голов точно так же, как на фабрике штампуются одинаковая продукция для миллионов домов. Стандартизованные, произведенные массовым способом «факты» поступают от нескольких производителей идей к миллионам потребителей. Без этой огромной, мощной системы информации индустриальная цивилизация не смогла бы оформиться и существовать. Бывший президент Американской ассоциации политических наук Г. Лассуэлл пишет о том, что развитие современной коммуникационной техники, позволяющей почти одновременно распространять ту или иную информацию по всему миру, в конечном счете неизбежно приведет к всемирной интеграции, к всемирной идентичности, когда каждый житель планеты будет воспринимать себя и свою жизнь как неразрывную часть планетарной системы на уровне не только научного, но и обыденного сознания, в результате появится глобальная взаимозависимость, все будут мыслить в одних и тех же «глобальных категориях». Ученые Э. Деннис, Ч. Стэйнберг, Б. Рубин предостерегают о том, что распространение манипулятивных процессов в современном мире создает опасность превращения человеческого общества в отлаженный механизм тоталитарного господства над человеком, превращения его в послушный «винтик» этой системы, в существо «одномерное».

В теориях У. Липпмана, Э. Бернайса предлагается управлять массовым сознанием в интересах господствующих

классов с помощью методов воздействия на инстинктивно-эмоциональную сторону психики человека, например, через метод «создания событий», когда организуется внешний возбудитель так, чтобы он, воздействуя на инстинкты и эмоции, эксплуатировал бы наличный стереотип людей или разрушал его и создавал новый.

В пропагандистских кампаниях широко используют приемы и принципы обработки массового сознания:

— принцип «наклеивания ярлыков»;

— наделение какой-либо личности или идеи оскорбительной кличкой для подрыва авторитета;

— принцип «рекомендаций»;

— использование в целях усиления эффекта внушения популярных актеров, певцов, спортсменов, которые должны своей личной популярностью привлечь внимание к какому-то другому лицу или идее;

— принцип «переноса» — идентификация качеств какого-либо известного объекта с качествами малоизвестного объекта, т. е. оценка по ассоциации;

— принцип «простых людей» — идентификация интересов самого информатора или передаваемой им информации с интересами «простых» людей, большинства населения страны;

— принцип «подтасовки карт» — откровенная фальсификация действительных фактов с помощью приемов, незаметных для массовой аудитории;

— принцип «блестящей посредственности» — оперирование привычными, хорошо знакомыми, но в то же время достаточно абстрактными понятиями, над содержанием которых обычно не задумываются («закон и порядок», «права человека», «гуманизм, свобода, справедливость» и т. п.);

— принцип «общего вагона» — стимулирование определенной реакции путем внушения мысли о ее общепринятости («все так думают», «все так делают»).

Экономические, политические и духовные виды манипуляций способны достаточно сильно изменять массовое сознание людей.

В переходные исторические периоды происходит своеобразный разрыв между динамическими слоями массового со-

знания и устойчивыми слоями менталитета, вследствие чего растет противоречивость, напряженность людей, что, в свою очередь, способствует количественному росту психологических, социальных, политических противоречий и конфликтов, росту соматических заболеваний и нервно-психических нарушений, девиантных форм поведения. За период осуществления рыночных преобразований массовое сознание россиян динамично менялось от поддержки реформ в 1985—1992 гг. к скептицизму по отношению к реформам и власти в настоящее время. Политическая апатия, социальная anomия и протестное поведение — одни из проявлений современного массового сознания, которые отражают дезинтеграционные процессы в обществе, разрыв связей между личными, групповыми и общественными ценностями. Социологические исследования показывают, что труд, «интересная работа» сейчас утрачивает значение фундаментальной ценности, но резко возрастает ценность «денег», «материального благополучия», «семьи». Однако, возрастание ценности семьи есть отражение глубокого социального кризиса, а стоимость выживания и сохранения семьи настолько высока, что перекрывает остальные интересы и блокирует иные потребности людей, ставя таким образом семью на грань распада.

Агрессивность и anomия, крен в сторону асоциального самовыражения и девиантного поведения детерминированы именно утратой прежней идентичности, прежней системы ценностей. Таким образом, противоречия современного массового сознания проявляются как:

1) структурные противоречия массового сознания, которые отражают структуру общественных связей, противоречия потребностей, притязаний, интересов людей, вызванные социальными, экономическими, политическими позициями людей;

2) как динамические противоречия между различными элементами массового сознания (стереотипов, привычек, идеалов, ценностей, настроений, идеологием), различным по скорости и механизмам формирования;

3) как генетические противоречия, которые определяют источник происхождения духовных образований: инди-

видуальные и групповые, надгрупповые феномены, отражающие различные стороны и уровни социально-экономически-политических процессов (различия форм отражения социальной и политической жизни по уровням, устойчивости динамизму).

Механизм идентификации можно рассматривать как способ развития и разрешения противоречий массового сознания. Можно выделить уровни идентификации: оценка человеком своего повседневного социального и политического поведения, оценка человеком функционирования социальных и политических институтов, оценка возможностей собственной интеграции в новые социально-экономико-политические структуры. Для выявления уровня идентификации могут быть использованы следующие эмпирические переменные: *переменные первого уровня* (удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем; выделение и осознание проблем развития общества, затрагивающих коренные интересы и потребности людей; степень идентичности с общностью и государством; готовность защищать свои интересы); *переменные второго уровня* (оценка политической и экономической ситуации в стране; степени соблюдения прав и свобод; состояния межэтнических отношений; отношение к деятельности Президента, Государственной Думы, правительства и местных органов власти и управления); *переменные третьего уровня* (политические, экономические, нравственные, религиозные установки и факты поведения; осознание себя в качестве гражданина данного государства; способность и готовность влиять на общественно-политические процессы; принятие законов и норм общества; представления о приоритетных сферах и видах деятельности, реальности социально-профессиональной и территориальной мобильности).

2. Массовые действия

Массовые действия могут быть слабо организованными (паника, погромы) либо достаточно подготовленными и организованными (демонстрации, революции, войны). Многое зависит от того, осознается ситуация или нет, нашлись ли

организаторы и лидеры, способные руководить остальными, или нет. К формам массового поведения относятся следующие:

Массовая истерия — состояние всеобщей нервозности, повышенной возбудимости и страха.

Примерами массовой истерии являются средневековая «охота на ведьм», послевоенная «холодная война», процессы над «врагами народа» в эпоху сталинизма, нагнетание средствами массовой информации угрозы «третьей мировой войны» в 60—70 гг., массовая нетерпимость к представителям иной национальности.

Слухи — совокупность сведений, которые возникают из анонимных источников и распространяются по неформальным каналам.

Распространение слухов — форма массового поведения. Слухи бывают ложными и истинными, они подтверждаются и не подтверждаются. Они возникают в ситуациях дефицита, недостатка информации или в тех случаях, когда аудитория радио, телевидения и печати не верит официальной информации. Совокупность людей, которые пассивно воспринимают слух либо активно его распространяют, составляет аудиторию воздействия слуха.

Аудитория воздействия слуха — не простая сумма пассивных получателей информации. Многие являются ее участниками: они не только передают новость дальше, но и что-то изменяют в ней, добавляют новые подробности либо полностью искажают смысл. Согласно гипотезе американского социального психолога Т. Шибутани, слух как коллективное действие построен на четком распределении ролей. Первые выполняют роль «посыльного» и только распространяют слух. Вторые играют роль «интерпретатора», добавляя к новости собственные соображения. Третьи оказываются в ситуации либо «скептиков», сомневающих в достоверности слуха, либо «сторонников», горячо отстаивающих его. Кто-то берет на себя роль «принимающего решение», готового действовать в соответствии со слухом. Большинство же остается в роли простых слушателей, или аудитория.

Разновидностью слухов выступают *сплетни*.

Новости о злоумышленниках, крадущих детей или насилующих женщин в лифтах, новости о предстоящем повышении цен — это слухи. Они основаны на подсознательном страхе. Новости о том, сколько бриллиантов у первой леди государства, или о том, с кем разводятся и на ком женятся рок-звезды, — это сплетни. Они основаны на любопытстве.

Паника — такая форма массового поведения, когда люди, столкнувшись с опасностью, проявляют нескоординированные реакции. Участники паники действуют независимо, часто мешая и травмируя друг друга.

Паника случается в экстремальных условиях: кораблекрушение, пожар, землетрясение, наводнение или военное нашествие. В подобных ситуациях действуют силы, неподвластные человеку, поэтому обычные средства преодоления кризиса не способствуют достижению успеха. Когда индивид убеждается, что все известные и доступные ему средства, годившиеся в обычных условиях, не срабатывают, он теряет самообладание. Появляется страх, парализующий мышление и волю. Он усиливается, когда человек замечает, что и другие люди тоже охвачены паникой. Возникает цепная реакция панических действий.

Массовая истерия в некоторых случаях выливается в панику, а в некоторых — в погромы.

Погром — коллективный акт насилия, предпринятый неконтролируемой и эмоционально возбужденной толпой против собственности или личности.

Погром часто принимает вид шовинистического выступления против какой-либо национальности или иной группы населения, сопровождающегося грабежами и убийствами. До революции в России было несколько еврейских погромов. В первые дни Октябрьской революции прокатилась волна «винных» погромов.

Погром — спонтанный «кратковременный» всплеск насилия, подогреваемый не убеждениями, а страстями. После выступления одной из рок-групп в Санкт-Петербурге и Москве молодежь устраивала погромы в метро и электричках. Во многих странах Европы футбольные фанаты устраивают погромы после очередных матчей.

Самым известным примером погрома являются так называемые *суды Линча* — самосуды, устраиваемые толпой белых над «провинившимися» неграми.

Бунт — собирательное понятие, обозначающее ряд стихийных форм коллективного протеста: мятеж, волнение, смута, восстание.

Причиной их возникновения служит массовое недовольство чем-либо (угнетением, плохим обращением, условиями труда и жизни) или кем-либо (чаще всего руководством). Бунт может относиться к социальной организации (бунт на корабле) и к реальной группе (бунт крестьян).

Эмоциональное состояние (недовольство) переходит сначала в стихийное действие (негодование), а затем организованное (погромы, поджоги, разрушение тюрем, захват административных зданий).

Бунт означает неподчинение официальным властям. Студенческие бунты, во время которых молодые люди баррикадировали аудитории и не подчинялись администрации, случались в России накануне Октябрьской революции, в современной Европе (знаменитая весна 1968 г.) и в Америке (против войны во Вьетнаме). Известны бунты на кораблях, в армейских гарнизонах, негритянских гетто.

Формы организованного протеста. Если сопротивление — это пассивный способ выражения своего несогласия, то протест — активная форма защиты своих интересов от посягательства извне. Среди форм организованного протеста выделяются:

— **открытый пассивный протест** (невыполнение приказов, неподчинение, невыход на работу);

— **скрытый пассивный протест** (подстрекательство к сопротивлению, заговор, расклеивание листовок, работа с прохладцей);

— **открытый активный протест** (митинги, демонстрации, забастовки, стачки);

— **скрытый активный протест и сопротивление** (террористическая борьба, создание политической нелегальной партии, подготовка военного переворота).

Демонстрации являются формой протеста.

Демонстрация — временное и хорошо организованное коллективное выступление в защиту каких-то целей или в знак протеста против чего-то. Она требует предварительного планирования и подготовки: рекламы в газетах, официального разрешения властей, изготовления транспарантов, распределения ролей, выбора маршрута движения и ораторов.

Демонстрации способны вызвать необратимые изменения в обществе. Массовые демонстрации в России, организованные левыми силами, привели к двум революциям — Февральской и Октябрьской (1917). Перестройка середины 80-х гг. вызвала волну демонстраций в разных городах СССР. Хотя в них принимало участие менее 1% населения, демонстрации левых сил (одноразовое участие от 200 до 700 тыс. человек) оказались очень эффективными: распалась советская держава, с исторической сцены ушла КПСС, социалистический строй сменился капиталистическим, распалась международная социалистическая система.

Типология социальных движений. Социальные движения включают огромное количество людей, мобилизованных для отстаивания социальных изменений или сопротивления социальным изменениям.

Они представляют собой самую организованную и массовую форму поведения больших групп. Социальные революции и религиозные реформации — наиболее яркие примеры.

Большинство людей участвуют в движениях не прямо. Они вносят свой вклад тем, что симпатизируют и поддерживают программу движения, не участвуя напрямую в каких-либо формальных организациях, возглавляющих социальное движение. Формальные организации, например, Фонд мира, претворяют абстрактные цели и идеалы движения в практику конкретных действий — финансирование и организацию велопробегов, сбора подписей, митингов и манифестаций, презентаций, рекламы в прессе.

Социальные движения делятся многие годы и даже десятилетия. Движение за отмену рабства негров (аболиционизм) в США началось в конце XVIII в., а закончилось в конце XX в. За это время менялись участники, промежу-

точные цели, тактика и методы борьбы. Некоторые движения, к примеру, за гражданские права и феминизм, имеют множество рабочих групп, разбросанных по разным городам и даже странам. Они координируются на международном уровне. Многие политические партии начинали свою историю как общественные движения.

В соответствии с целями, которые преследуются, *социальные движения* подразделяются на четыре типа.

Реформаторские движения выступают за постепенное и прогрессивное изменение существующей системы.

Примером является движение «Демократическая Россия», сформировавшееся в конце 80-х гг.; тогда оно находилось в оппозиции правящему коммунистическому режиму. В 1990 г. оно добилось избрания на пост президента России своего кандидата — Б.Н. Ельцина. В борьбе за власть «Демократическая Россия» использовала выступления в прессе, на радио и телевидении, митинги и демонстрации, давление в парламенте. К реформаторским можно отнести экологическое и феминистское движения, «народные фронты» в Прибалтике. Они выступают за крупномасштабные или частичные изменения в обществе.

Регрессивные движения выступают за возвращение (частичное или полное) к старым порядкам.

Обычно такие движения организуют те политические силы, которые раньше были у власти. До августа 1991 г. коммунисты находились у власти, а после «августовской революции», уйдя в оппозицию, организовали регрессивное движение за возвращение общества к социализму. Регрессивным можно назвать «Национальный фронт трудящихся», так как это движение борется за то, что уже когда-то существовало, пусть даже в извращенном виде, как полагают его сторонники. Но к регрессивным движениям нельзя отнести «Память», так как она отстаивает то, чего не было при социализме.

Утопические движения выступают за построение для группы истинных последователей идеального общества.

Средневековые коммуны, движение зеленых, движение «Лонга май», движение кришнаитов и другие относятся к утопическим. Английский предприниматель, а затем теоре-

тик утопического социализма Роберт Оуэн (1771—1858) основывал опытные коммунистические колонии в США («Новая Гармония») и Англии, лишённые частной собственности, классов и эксплуатации. Его начинания оказались неудачными, и вскоре данное утопическое движение прекратило свое существование.

Революционные движения подразумевают коренное изменение существующего строя, его ценностей и институтов.

Такие цели требуют экстраординарных средств. Хотя и не все революционные движения участвуют в акциях насилия, террористическая тактика (захват заложников, ограбление банков, убийство политических лидеров, взрывы в местах массового скопления народа) является «визитной карточкой» революционеров на Ближнем Востоке, в Ирландии, Западной Европе, Латинской Америке.

ТЕМА 15. СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

1. Понятие и функции семьи.
2. Историческое развитие семьи.
3. Типология семьи.

1. Понятие и функции семьи

Семья является предметом исследования многих общественных наук. Каждая из этих наук стремится дать определение семьи и ее функций. С точки зрения содержания, структуры и формы, семья есть исторически изменяющаяся социальная группа, универсальными признаками которой являются гетеросексуальная связь, система родственных отношений, обеспечение и развитие социальных и индивидуальных качеств личности и осуществление определенной экономической деятельности. Семья есть социальная группа, в которой мужчины и женщины удовлетворяют естественные половые и иные (духовные, этические, эстетические) потребности и обеспечивают воспроизводство общества путем рождения потомства. Она является основой как для удовлетворения половых потребностей, так и для реализации социальных и индивидуальных качеств личности. Но точно так же в семье осуществляются и определенные виды экономической деятельности (производительно-потребительские или только потребительские).

Социологическая дефиниция семьи как парциальной социальной группы указывает на то, что характер отношений в семье, ее структура и форма исторически изменчивы, отчего и сама семья является исторически изменчивой социальной группой. Одновременно социологическая дефиниция семьи указывает на ее биологическую, биосоциальную и экономическую основу.

В любом обществе семья имеет двойственный характер. С одной стороны, это социальный институт, с другой — малая группа, имеющая свои закономерности функционирования и развития. Отсюда ее зависимость от общественного

строю, существующих экономических, политических, религиозных отношений и одновременно — относительная самостоятельность. С институтом семьи тесно связан другой общественный институт — институт брака. Брак можно определить как санкционированную обществом, социально и личностно целесообразную, устойчивую форму половых отношений. Семья — малая группа, основанная на родственных связях и регулирующая отношения между супругами, родителями и детьми, а также ближайшими родственниками. Отличительным признаком семьи является совместное ведение домашнего хозяйства.

Основу семьи составляет, как правило, брачная пара. Однако есть семьи, характеризующиеся совместным проживанием, общим ведением хозяйства, но юридически не оформленные. Количество таких семей в последнее время заметно увеличилось. Социологи вообще отмечают снижение желания и готовности населения к заключению брака, что особенно характерно для современных развитых стран. Кроме того, есть и неполные семьи, где отсутствует один из родителей или родительское поколение по каким-либо причинам не присутствует вообще (например, когда дети живут с бабушками-дедушками без родителей).

Семьи в зависимости от представленности в них различных поколений бывают *нуклеарными* (родители и дети) и *расширенными* (супружеская пара, дети, родители кого-либо из супругов, другие родственники и пр.). Процессы индустриализации и урбанизации, широко развернувшиеся в современном мире, привели к преобладанию нуклеарной семьи.

Изменения в составе и структуре семьи нередко служат поводом для пессимистических выводов об ослаблении семейно-родственных связей. В «нормальных» условиях, по Канту, семья должна обеспечить подчинение детей родителям по признаку возраста и женщин мужчинам по признаку пола. В настоящее время оба параметра существенно меняются. Молодежь все раньше покидает родительский дом, стремится жить самостоятельно и все чаще выбирает другую профессию, нежели профессия родителей. Эмансипация женщин тоже вносит свой вклад в разрушение иерархической организации семьи. В связи с этим, по характеру распределения семейных обязанностей, по тому, как решается

в семье вопрос о лидерстве, социологи выделяют на сегодняшний день *три основных типа семьи*.

- *Традиционная* (или патриархальная) семья. Такой тип организации семьи предполагает существование под одной крышей минимум трех поколений, и роль лидера отводится старшему мужчине. Для традиционной семьи характерны: а) экономическая зависимость женщины от супруга; б) функционально четкое разделение сфер семейной жизни и закрепление мужских и женских обязанностей (муж-кормилец, жена-хозяйка); в) признание безусловного приоритета мужчины в вопросах семейного главенства.

- *Неотрадиционная* семья. В ней сохраняются традиционные установки на мужское лидерство и разграничение мужских и женских семейных обязанностей, но в отличие от семей первого типа без достаточных на то объективных экономических оснований. Такой тип семьи социологи называют эксплуататорским, поскольку наряду с правом на равное с мужчиной участие в общественном труде женщина получает «исключительное» право на домашний труд.

- *Эгалитарная* семья (семья равных). Для семьи такого типа характерны: а) справедливое, пропорциональное разделение домашних обязанностей между членами семьи, взаимозаменяемость супругов в решении бытовых проблем (так называемая «ролевая симметрия»); б) обсуждение основных проблем и совместное принятие важных для семьи решений; в) эмоциональная насыщенность отношений.

Существуют и переходные типы семей, в которых ролевые установки мужчин носят более традиционный характер, нежели их фактическое поведение, либо, наоборот, при демократических ролевых установках мужчины мало участвуют в ведении домашнего хозяйства.

Таким образом, в современной семье не только трансформируются традиционные роли женщин в связи с их массовым участием в профессиональной деятельности, но и изменяются роли мужчин. Например, в западноевропейских странах уже не являются аномальными и из ряда вон выходящими случаи, когда мужчина берет отпуск по уходу за ребенком. Поэтому важно выяснить, как супруги воспринимают новую ситуацию, готовы ли они к перераспределению семейных обязанностей, от чего зависит лидерство в семье.

Функции семьи неразрывно связаны с ее структурой. По этому предметом исследования социологии семьи являются функции супружеского взаимодействия, родительские — отношения детей, сотрудничества между родителями, взаимодействия детей, взаимодействия супругов и их родителей, взаимодействия прародителей и внуков.

Достаточно полная классификация функций семьи разработана М.С. Мацковским¹, которая представлена в следующей схеме:

Сфера семейной деятельности	Общественные функции	Индивидуальные функции
1	2	3
Репродуктивная	Биологическое воспроизводство общества	Удовлетворение потребности в детях
Воспитательная	Социализация молодого поколения. Поддержание культурной непрерывности общества	Удовлетворение потребности в родительстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях
Хозяйственно-бытовая	Поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми	Получение хозяйственных-бытовых услуг одними от других
Экономическая	Экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества	Получение материальных средств одними членами семьи от других
Сфера первичного социального контроля	Моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколения	Формирование и поддержание правовых и моральных санкций за недолжное поведение и нарушение моральных норм взаимоотношений между членами семьи

¹ Мацковский М.С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии и практики. М., 1989.

1	2	3
Сфера духовного общения	Развитие личности членов семьи	Духовное взаимообогащение членов семьи. Укрепление дружеских основ брачного союза
Социально-статусная	Предоставление определенного социального статуса членам семьи. Воспроизводство социальной структуры	Удовлетворение потребностей в социальном продвижении
Досуговая	Организация рационального досуга. Социальный контроль в сфере досуга	Удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимообогащение досуговых интересов
Эмоциональная	Эмоциональная стабилизация индивидов и их психологическая терапия	Получение индивидами психологической защиты, эмоциональной поддержки в семье. Удовлетворение потребностей в личном счастье и любви
Сексуальная	Сексуальный контроль	Удовлетворение сексуальных потребностей

2. Историческое развитие семьи

Семья как социальная группа, в которой совершаются определенные процессы и которая осуществляет определенные функции, исторически развивается. Проблема ее исторического развития является предметом многих теорий в рамках общественных наук. Особый интерес представляют результаты этнологических исследований американского ученого Льюиса Моргана (1818—1881), который долгое время жил в одном племени североамериканских индейцев-ирокезов и результаты своих наблюдений, в частности за родственными и семейными отношениями, изложил в книге «Древнее общество».

В своем исследовании семейных и родственных отношений Морган исходил из гипотезы, что в начальный период

истории человеческого общества существовал полный промискуитет, т. е. половые отношения между членами праобщины не регулировались никакими нормами. В дальнейшем, с установлением запрета на половую связь родителей и детей, а также других запретов, возникли определенные формы семейной жизни. Исходя из результатов многочисленных исследований, прежде всего исследований Моргана, большинство ученых сегодня придерживаются точки зрения, что семья в своем развитии прошла через следующие фазы: *промискуитет, кровнородственная семья, пуналуальная семья, синдиасмическая семья и моногамная семья*. Общей характеристикой этого развития является сужение круга половых партнеров и укрепление связей, объединяющих членов семьи.

Промискуитет характерен для низшей («дикий») ступени человечества. Это такая форма совместной жизни, когда отсутствовали отдельные, обособленные семейные группы и семейная жизнь была идентична общественной. На основе этнологических данных и знаний о низком уровне развития примитивного человека на низшей ступени дикости заключают, что существовали неограниченные половые отношения между всеми членами общества. Примитивному человеку было неведомо понятие родства в смысле его, человека, кровнородственной связи с отдельными членами группы, а понятно лишь родство в смысле его принадлежности и связи с целой группой.

Многие социологи оспаривали существование промискуитета как предварительного этапа в развитии семейной жизни; тем не менее можно с уверенностью сказать, что первобытный человек мог существовать лишь в некоторой обширной общности и был с ней теснейшим образом связан. Однако, согласно Моргану, весьма скоро происходит ограничение полового общения и начинают выделяться отдельные группы, между которыми такое общение разрешено. Этот процесс, несомненно, длился весьма долго и привел к возникновению особой формы семьи — кровнородственной.

Кровнородственная семья характеризуется групповым браком, а половое общение в ней разрешено лишь между теми, кто принадлежит к одному поколению. Все те, кто принадлежит к одному поколению, т. е. братья и сестры, неза-

вниси́мо от степени их родства, образуют одну семью. Такая семья является эндогамной общностью, ибо включает людей одного поколения, принадлежащих лишь к одному роду или племени. В современном обществе этого типа семьи не существует. Сужение круга половых партнеров в рамках такой семьи произошло под влиянием развития общества и привело к возникновению более развитой формы семьи — пуналуальной.

В *пуналуальной семье* из полового общения исключаются сперва ближайшие кровные родственники по женской линии, а позже этот запрет распространяется и на остальных, более дальних родственников того же поколения. Этому типу семьи все еще присущ групповой брак, однако принцип эндогамии заменяется экзогамией, так что можно сказать, что это — брак между людьми, принадлежащими к одному поколению, но к разным родам. Пуналуальная семья, таким образом, представляет собой такую форму брачных отношений, когда брачными партнерами являются группа сестер из одного рода и группа братьев из другого рода. В рамках такого типа семьи все более частыми оказываются устойчивые и продолжительные связи между одним мужчиной и одной женщиной. Это — первый шаг к появлению парного брака.

Переходным историческим типом выступает *синдиасмическая семья*, которая появляется на рубеже дикости и варварства и в которой один мужчина живет с одной женщиной, а полигамия (т. е. многобрачие, или, в данном случае, многоженство) остается исключительным правом мужчины. Брачные узы легко расторгаются, и тогда дети остаются с матерью. Регулируя половые отношения определенного мужчины и определенной женщины, синдиасмическая семья делала известным действительного биологического отца и создавала условия для создания моногамной семьи, возникшей во времена разложения родового строя, появления частной собственности и классов.

Моногамная семья отличается тесной связью между мужчиной и женщиной, причем данная связь может быть расторгнута не по воле какой-либо из сторон, но только по воле мужа. Непосредственной причиной возникновения мо-

ногамной семьи было появление частной собственности и стремление ее защитить, т. е. обеспечить бесспорность отцовства и право потомства на владение семейным имуществом. Одновременно с укреплением моногамной семьи шел и процесс разложения старого родового строя и возникновения новых форм человеческих общностей.

Исторически развитие семьи шло от нерегулируемых половых отношений к их ограничению в рамках моногамной семьи. По сути, в процессе развития человека как мыслящего существа он все больше стремился найти в своем половом партнере личность, а не только объект для полового удовлетворения и продолжения рода. Разумеется, этот процесс имел свои особенности и детерминанты в определенные периоды развития общества и в отдельных общинах и сообществах.

3. Типология семьи

Типы семейных структур многообразны и выделяются в зависимости от характера супружества, особенностей родительства и родства. **Моногамное** супружество — это брак одного мужчины с одной женщиной. Моногамия встречается в истории человечества в 5 раз реже, чем полигамия — брак одного супруга с несколькими женами, причем полигамия бывает двух видов: **полигиния** — брак одного мужчины с несколькими женщинами, **полиандрия** — брак одной женщины с несколькими мужчинами (редко встречающийся брак — в 20 раз реже моногамии и в 100 раз реже полигинии).

Экзогамные браки относятся к таким, где супружество возможно лишь вне данной родственно-семейной группы, фратрии. Напротив, эндогамные браки заключаются исключительно внутри данной фратрии.

Типы семейных структур, определяемые по критериям родительства — родства, многообразны и подчеркивают какие-либо свойства в связи с линиями отца или матери. В связи с этим в этносоциологии и социологии семьи и родства принято различать социальное отцовство «*pater*» и физиологическое отцовство — «*genitor*» и, соответственно,

материнство. Отсюда на основе принципов локализации семейных групп прибегают к выделению *патрилинеальных* и *матрилинеальных семей*, где наследование фамилии, имущества, социального положения ведется по отцу либо по матери.

По критерию *власти* различают *патриархальные семьи*, где отец является главой семейного «государства», и *матриархальные семьи*, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется мать. Там, где нет четко выраженного семейного главенства и где преобладает ситуативное распределение власти между отцом и матерью, имеет смысл говорить об *эгалитарных* семьях (эгалитарность понимается как равное влияние супругов с взаимозаменяемыми ролями).

Выделяется еще так называемая *партнерская семья* с совместным обсуждением семейных решений, причем если муж имеет большее влияние, то это будет партнерская семья с доминированием мужа, если жена — то с доминированием жены. Кроме того, выделяются семьи с принятием решений одним из супругов — *автономные семьи*.

Далее, по критерию *социального положения* супругов (или родителей супругов) семьи могут быть *гомогенными*, где супруги примерно из одной социальной страты, и *гетерогенными*, где они происходят из разных социальных групп, каст, классов. Применяется также для более широкой характеристики семей и браков по социальным и демографическим признакам различение *гомогамных* семей, однородных по национальности, возрасту, профессии, образованию и т. д. и *гетерогамных* семей, где наблюдаются различия по социальным индикаторам.

По критерию *пространственно-территориальной локализации* семьи бывают *патрилокальные*, в которых молодожены переходят жить в дом отца мужа, и *матрилокальные*, где молодежь остается жить у родителей жены. Сегодня, когда молодожены-горожане вынуждены селиться у тех родителей, у которых есть для этого соответствующее жилище, точнее говорить об *унилокальных* семьях. В этом случае поселение молодоженов или у родителей мужа, или у родителей жены состоялось не по причине следования традиции. Встречаются также *неолокальные* семьи, имеющие возможность жить отдельно от родителей в своем доме.

Самыми распространенными в современных урбанизированных агломерациях являются **нуклеарные** семьи, состоящие из родителей и их детей, из двух поколений. Расширенная семья представляет собой две и более нуклеарные семьи с единым домохозяйством и состоящая из трех и более поколений-прародителей, родителей и детей (внуков). Когда надо подчеркнуть наличие в нуклеарной семье, основанной на полигамном браке, двух и более жен-матерей (полигиния) или мужей-отцов (полиандрия), тогда говорят о составной нуклеарной семье.

В **повторных** семьях (основанных на повторном, не первом браке) вместе с супругами могут находиться дети данного брака и дети предшествующего брака кого-либо из супругов, имеющие родного отца или мать. Рост разводов увеличил долю повторных семей, которые в прошлом возникали по причине предшествующей смерти супруга, и в них дети гораздо реже могли иметь при одной матери двух отцов (при одном отце двух матерей).

Нуклеарная семья, состоящая из трех или только трех внутрисемейных позиций (муж-отец, жена-мать, дети-сыновья и братья, дочери и сестры), может быть двух типов.

Репродуктивная семья — состоящая из родителей и несовершеннолетних детей и **ориентационная** семья — родительская семья, из которой вышли взрослые дети, имеющие свои репродуктивные семьи. Расширенная семья, состоящая более чем из трех вышеназванных позиций (если, например, добавляются теща-тестя, свекор-свекровь, братья и сестры с их супругами и детьми, братья и сестры самих супругов и т. д.), имеет несколько разновидностей.

Линеальная семья образуется, когда все дети одного пола после вступления в брак остаются в доме родителей (Индия). **Стержневая** семья возникает, когда вместе с родителями остается кто-то один из всех детей семьи (сельские регионы Европы). **Полная расширенная** семья формируется, если братья с женами остаются в доме отца и их сыновья после женитьбы также остаются с ними (Китай).

Расширенная семья всей своей структурой обнаруживает, что цементирующей связью является кровное родство родителей и детей, братьев и сестер. Поэтому иногда нуклеар-

ные семьи именуется *супружескими*, а расширенные — *кровнородственными*.

Семьи послеразводные, с одним родителем и детьми, называются, в отличие от семей с двумя родителями — *неполными* (прежде эти семьи в основном были семьями вдов, ныне они итог чаще всего развода).

В социологии и демографии принято разделение семей по количеству детей на три типа: *малодетные семьи* — это те, где мало детей с точки зрения социально-психологической. Для возникновения первичных групповых отношений среди детей двоих детей недостаточно, двое — лишь пара. Двухдетная семья — это семья, состоящая из двух пар — супругов и детей, парные отношения в них нельзя считать строго групповыми, т. к. групповые отношения образуются, начиная с трех членов группы. С другой стороны, мало детей в семье может быть с точки зрения воспроизводства населения (демографической) — чтобы предшествующие поколения сменялись последующими, необходимо примерно 2,5 детей на семью или четверть двухдетных семей, а треть — трехдетных, 20% — четырехдетных и 7% пятидетных и более, а 14% бездетных и однодетных. Реальная структура семей по детности в России, где уровень рождаемости упал ниже 16 рождений на 1000 жителей — границы простого воспроизводства населения — и достиг 11,5 на 1000 в 1992 г., соответствует в среднем 1,59 детей на семью. Это означает чрезмерное преобладание малодетных семей с 1—2 детьми до 16 лет — таковых в РФ примерно 90%. *Многодетных семей* с 5 и более детьми, где детей намного больше, для простого замещения поколений — меньше 1%. *Среднедетных семей* с 3—4 детьми, где детей достаточно для слегка расширенного воспроизводства — около 9%. Таким образом, структура семей по детности резко искажена: многодетных семей в 15 с лишним раз меньше, чем следует, среднедетных — в 5 раз, тогда как однодетных в 5 раз больше, поэтому рождаемость не компенсирует смертность. Более того, в 1992 г. уровень смертности (12,6 на 1000 жителей) превысил рождаемость, обнажив процесс депопуляции, складывающийся из начавшегося в 60-е годы в России распространения малодетности и ускоренного роста смертности с середины 70-х годов.

Огромное разнообразие семейных структур образуется, когда ставится задача классификации семей с учетом изменения семьи во времени от старта к финишу семейной жизни. Введение параметра продолжительности, стажа брака и семьи, изменения семьи в ходе жизни привело к понятию семейного цикла жизни или «жизненного цикла семьи». Возможно, слово «цикл» здесь неточно, т.к. только при смене семейных поколений повторяются одни и те же стадии становления и распада семьи как социально-психологической целостности. Но в отличие от динамики взаимоотношений членов семьи, быстрых изменений состояний семейной атмосферы, термин «цикл семейной жизни» применим для характеристики повторяемости процессов, происходящих при последовательной смене стадий функционирования семьи.

Разработка схем семейного цикла представляет самостоятельную задачу социологии семьи (на основе статистических данных о распространенности тех или иных этапов цикла в семейной структуре населения).

Семейный цикл определяется стадиями родительства (по семейным событиям) от начала до прекращения брака. 1-я стадия — стадия бездетности, предродительство; 2-я — стадия репродуктивного родительства и 3-я — стадия социализационного родительства; 4-я — стадия прародительства. Сегодня нет статистических данных, позволяющих определить среднюю длительность каждой из четырех стадий. Чем больше в обществе доля семей, проходящих все стадии цикла, чем дольше длятся 2 и 3 стадии, тем выше качество семейной жизни. Стадия репродуктивного родительства включает в себя репродуктивный цикл семьи, который может быть полным, если повторяемость репродуктивных событий охватывает последовательность коитус—зачатие—роды, и неполным, если цикл сводится к коитусу с успешным применением контрацепции, не допускающим зачатие и роды. Семейный цикл может формироваться по разным основаниям. Ян Щепаньский выделяет при условии отсутствия развода три фазы: до рождения ребенка, социализацию до отделения от родителей взрослых детей и фазу постепенного распада супружества. Другие ученые увеличивают число фаз, пытаясь совместить возрастной цикл с

родительством. Учет возможных болезней, разлук, смертей, разводов и др. позволяет расширить и углубить картину различных семейных состояний и сконструировать исчерпывающую типологию семей, охватывающую все разновидности семей — от старта до финиша семейной жизни.

ТЕМА 16. ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

1. Понятие демографии.
2. Основные компоненты численности населения.
3. Состав народонаселения.
4. Тенденции роста населения мира.

1. Понятие демографии

Демография — это статистическое изучение человеческого населения, его численности и плотности, территориального распределения и жизненной динамики (рождения, браки, смертные случаи и т. д.).

Основы статистической демографии были заложены в работе Джона Граунта; его работа «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» (1662) посвящена рассмотрению еженедельных сводок смертей и крещений («бюллетеней смертности»), относящихся к концу XVI в.

Большинство демографических исследований XIX в. были также посвящены феномену смертности. Позже демографы установили, что в промышленных странах во второй половине XIX в. имело место значительное снижение рождаемости. Они стали изучать рождаемость и воспроизводство с таким же большим интересом, как прежде изучали смертность. В период между двумя мировыми войнами демография приобрела более широкий междисциплинарный характер. В 1928 г. был основан Международный союз научных исследований населения.

Несмотря на возрастание сложности статистического анализа, а также стремительное увеличение числа демографических научно-исследовательских институтов, периодических изданий и международных организаций, основой демографических исследований продолжают служить данные переписей населения и регистрации жизненной стати-

стики. Даже самая тщательная перепись не обладает совершенной точностью, однако в странах с долгой традицией регистрации демографическая статистика рождений, смертей и браков является достаточно точной.

2. Основные компоненты численности населения

Для изучения демографических изменений необходимо знать уровень рождаемости, смертности и миграции. Эти факторы оказывают влияние не только на численность населения и скорость ее прироста, но и на состав населения по таким параметрам, как пол, возраст, этнический или расовый состав, географическое распределение.

Рождаемость. Демографы различают фертильность — биологический потенциал воспроизводства, и рождаемость — реальный уровень достигнутого воспроизводства. Различие между биологическим потенциалом и реальным уровнем рождаемости определяется действием некоторых приходящих факторов, а именно: (1) большинство женщин не вступают в процесс воспроизводства сразу по наступлении половой зрелости, которое само по себе невозможно связать с точно определенным возрастом; (2) некоторые женщины, обладающие потенциалом воспроизводства, никогда не рожают; (3) некоторые женщины после смерти мужа не вступают в повторный брак; (4) некоторые элементы социального поведения ограничивают рождаемость; (5) многие пары сознательно стремятся ограничить свою рождаемость при помощи полового воздержания, контрацепции, абортов или стерилизации.

В целом в мире рождаемость значительно ниже биологического потенциала. Ее сдерживают требования культурной среды, прежде всего те из них, которые касаются брака и половой жизни, и постоянное стремление части супружеских пар к ограничению числа своих детей.

Воспроизводство есть по своей сути биологический процесс, и потому анализ рождаемости должен учитывать биологические факторы. К ним относятся:

1. Возраст, допускающий возможность воспроизводства.
2. Уровень фертильности — т. е. ежемесячной возможности забеременеть при отсутствии контрацепции.
3. Количество самопроизвольных абортов и доношенных беременностей.
4. Длительность временного бесплодия после рождения ребенка.
5. Возраст наступления постоянного бесплодия.

Смертность. Одним из интеллектуальных оснований демографии как науки является понимание того факта, что человеческая смертность характеризуется статистической регулярностью, которую можно проследить на больших группах населения.

Продолжительность жизни среди первобытных людей составляет всего 25—30 лет. Пик смертности приходится на младенчество и детство: почти 20% новорожденных умирают на первом году жизни, а еще 30% — до достижения пятилетнего возраста.

В развивающихся странах к 1980 г. средняя продолжительность жизни составляла 55—60 лет (максимум в Латинской Америке, а минимальные показатели — в Африке). В развитых странах западной Европы и Северной Америки в этот же период средняя продолжительность жизни составляла около 75 лет, и менее 1% новорожденных умирало на первом году жизни.

По неизвестным науке причинам продолжительность жизни женщин обычно превышает мужскую, и это преимущество женщин возрастает по мере общего повышения продолжительности жизни. В конце XX в. разрыв между женской и мужской продолжительностью жизни составляет 7 лет (78 лет у женщин и 71 год у мужчин) в странах с развитой рыночной экономикой, и 8 лет (74 года и 66 лет) в странах Восточной Европы.

Младенческая смертность. Младенческая смертность измеряется отношением числа смертей на первом году жизни к общему числу родившихся в данном году. Приблизительно в мировом масштабе младенческая смертность составляет 80 на 1000 (то есть 8% новорожденных умирают, не достигнув 1 года).

В некоторых странах Азии и Африки смертность новорожденных достигает 150 и даже 200 на 1000 (то есть 15–20% младенцев ежегодно умирает в первые двенадцать месяцев своей жизни). В развитых странах, таких, как Япония или Швеция, этот показатель составляет менее 10 на 1000, или 1%. В целом младенческая смертность среди мальчиков выше, чем среди девочек.

В развивающихся странах снижение младенческой смертности в целом связано с улучшением питания, повышением уровня санитарии, доступностью медицинского обслуживания и увеличением пространства рождаемости благодаря применению контрацепции.

Детоубийства. Убийение новорожденных долгое время практиковалось в человеческом обществе. Оно было обычным делом в древней Греции, Риме, Китае и практиковалось в Европе вплоть до XIX века.

Во многих обществах, практикующих детоубийство, младенцы не считались полноценными людьми, пока они не подверглись обряду инициирования, проводившемуся в период от нескольких дней до нескольких лет после рождения, и поэтому убийство до инициирования было социально приемлемо. Причины детоубийства были разные: отсутствие эффективной контрацепции; устранение незаконных, уродливых, осиротевших, одного из близнецов; половые предпочтения, например, у арабов.

С развитием и распространением средств эффективного регулирования деторождения детоубийство стало осуждаться в большинстве обществ, хотя оно продолжает практиковаться в некоторых изолированных традиционных культурах.

Смертность среди пожилых людей. В 1970-е и 1980-е годы в промышленных странах стало наблюдаться неожиданное значительное снижение смертности среди пожилых людей. В Соединенных Штатах, например, число очень пожилых людей (85 лет и старше) увеличилось почти в четыре раза: с 590 тыс. в 1950 году до 2461 тыс. в 1980 году. Такое увеличение числа пожилых людей повлекло за собой рост потребности в организации и финансировании здравоохранения этой группы.

Брак. Одним из главных факторов, воздействующих на детородность вообще и детородность в различных обществах, являются формы брака и развода. Во многих обществах в Азии и Африке, например, брак заключается сразу после полового созревания женщины, примерно в возрасте 17 лет. Напротив, в Европе давно господствует отсроченный брак. В некоторых европейских странах средний возраст заключения первого брака приближается к 25 годам. Другой аспект исторических форм брака в Европе — высокая распространенность постоянного безбрачия: до 10% всех женщин никогда не вступают в брак. Напротив, в традиционных странах Азии и Африки вступают в брак почти все женщины.

Развод и вдовство, эти неустрашимые компоненты брака, могут «съедать» от 20% до 50% потенциально репродуктивного возраста.

Миграция. Поскольку население страны может быть увеличено или уменьшено посредством миграции, при анализе изменения численности населения следует тщательно рассматривать формы миграции. Общее определение миграции населения сводит это понятие к изменению постоянного места жительства, в отличие от поездок и других более частых, но временных передвижений.

В настоящее время самыми крупными миграциями населения являются внутренние, т. е. осуществляющиеся внутри одного государства. Во многих странах мира с 1940-х годов наблюдается очень быстрый рост городов. В развивающихся странах с высокими темпами прироста населения население некоторых городов удваивалось каждые 10 лет.

Миграции населения в города способствовали росту смертности. Города были местом концентрации инфекции; действительно, многие человеческие вирусные болезни не распространяются, если плотность населения невысока.

Естественное увеличение и прирост населения. Естественное увеличение — это различие между числом рождений и смертей в населении; норма естественного увеличения — различие между процентом рождаемости и показателем смертности. Диапазон возможных норм естественного увеличения достаточно узкий. Он редко превышает 4% в год; сама высокая известная норма являющаяся результатом

соединения очень высокого процента рождаемости и весьма низкого показателя смертности, наблюдается в Кении в 1980-х годах. Здесь естественное увеличение населения составляет 4,1% в год. Нормы естественного увеличения населения в других развивающихся странах вообще более низкие, приблизительно 2,5% в год. Нормы естественного увеличения населения в промышленных странах очень низкие: самые высокие нормы среди них составляют приблизительно 1%, другие находятся в пределах несколько десятых 1%, а некоторые даже слегка отрицательные (то есть население этих стран медленно уменьшается).

Прирост населения. Норма прироста населения — это норма естественного увеличения, объединенная с влияниями миграции. Таким образом высокая норма естественного увеличения может быть погашена большой миграцией из страны, и низкой норме естественного увеличения можно противостоять высоким уровнем иммиграции. Однако эти влияния миграции на темпы прироста населения менее значительны, чем влияния изменений в детородности и смертности.

3. Состав народонаселения

Структура населения определяется такими компонентами как возраст, пол, этническая или расовая категория и статус проживания (городской или сельский).

Возрастная структура. Демографы обычно используют пирамиды населения, чтобы описать возрастную и половую структуру населения. Пирамида населения представляет собой график, в котором длина каждого горизонтального отрезка означает число (или процент) людей определенной возрастной группы; например, основание такой диаграммы состоит из отрезка, представляющего самую молодую долю населения, этим людям меньше пяти лет. Каждый отрезок разделен на части, соответствующие числу мужчин и женщин. В большинстве населений пропорция более пожилых людей намного меньше, чем более молодого, так, что диаграмма сужается к вершине. Группы молодого населения представлены пирамидами с широким основанием

из детей младшего возраста и узкой вершины из более старших, в то время как более старшее население характеризуется большим количеством людей.

Вопреки общему мнению, основным фактором, оказывающим влияние на возрастную структуру населения и, следовательно, общую форму соответствующей пирамиды, является не смерть, или нормы смертности, но скорее норма фертильности (детородности). Повышение или снижение смертности воздействует в некоторой мере на все возрастные группы. Однако изменение в детородности воздействует на численность людей только единственной возрастной группы — группы нулевого возраста, недавно рожденной. Следовательно снижение или увеличение в детородности имеет большое влияние на один конец возрастной структуры и таким образом может оказывать главное влияние на всю возрастную структуру.

Это означает, что младшие возрастные группы соответствуют высоко фертильным населением, типичным для развивающихся стран. Более старшие возрастные группы преобладают в населении с низкой фертильностью, в развитых странах.

Половая структура. Вторым важным структурным аспектом населения является относительная численность мужчин и женщин, составляющих его. Установлено, что рождается слегка большее количество мальчиков, чем девочек (типичное отношение — 105 или 106 мальчиков на каждые 100 девочек). С другой стороны, общей закономерностью является более высокая смертность среди мужского пола фактически в любом возрасте после рождения. Это различие имеет очевидно биологическое происхождение. Исключения наблюдаются в странах типа Индии, где смертность женщин может быть выше, чем мужчин в детстве и в возрасте деторождения из-за неравного распределения ресурсов в пределах семьи и низкого уровня здравоохранения.

Хотя мальчиков и рождается больше, но далее численность мужчин и женщин станет равной, и в еще более старшем возрасте число женщин становится непропорционально большим. Например, в Европе и Северной Америке среди людей 70 летнего возраста и старше в 1985 г. число

мужчин на каждые 100 женщин было приблизительно 61—63. (Согласно Отделению Населения Организации Объединенных Наций, число мужчин в Советском Союзе было только 40 на каждые 100 женщин, что объясняется высоким уровнем мужской смертности в период второй мировой войны, а также увеличением мужской смертности в 1980-х годах.)

Половая структура оказывает существенное влияние на брак. Дефицит мужчин данного возраста понижает нормы брака женщин в той же самой возрастной группе или обычно в несколько более молодой, и это в свою очередь, вероятно, уменьшает фертильность. Во многих странах социальные традиции диктуют норму, согласно которой мужчины должны быть более старшими по возрасту, чем их супруги. Таким образом, если имеется повышение детородности типа «младенческого бума» в период после второй мировой войны, то число мужчин социально соответствующего брачного возраста недостаточно для числа несколько более молодых женщин. Это может вести к отсрочке брака этих женщин. Снижение детородности в таком обществе вероятно будет вести в конечном счете к недостатку женщин подходящего возраста для брака, что может привести к более раннему браку этих женщин и расширению возрастной разницы в браке. Все эти влияния развиваются медленно; требуется по крайней мере 20—25 лет для значительного падения или повышения детородности, чтобы затронуть брак.

Этнический или расовый состав. Народонаселение всех наций мира отличается большим или меньшим разнообразием относительно этнической или расовой принадлежности. (Этническая принадлежность включает национальные, культурные, религиозные, лингвистические, или другие признаки, которые восприняты как характеристика отличных друг от друга групп.) Такие различия в населении часто расцениваются как социально важные, и поэтому статистика расовых и этнических групп обычно легко доступна. Категории, используемые для анализа таких групп, отличаются у разных народов. Так, например, человек пакистанского происхождения рассматривается как «черный» или «цветной» в Великобритании, но, вероятно, считался бы

«белым» или «азиатом» в Соединенных Штатах. По этой причине международные сравнения этнических и расовых групп неточны, и этот компонент структуры населения гораздо менее объективен, чем категории возраста и пола, обсужденные выше.

Географическое распределение и урбанизация. В структуре народонаселения важно также учитывать его географическое распределение — дифференциацию между сельскими и городскими областями проживания. В течение многих десятилетий наблюдался всеобщий поток населения из сельских областей в городские. Среди наиболее высоко урбанизированных обществ в мире можно отметить страны западной и северной Европы, Австралии, Новой Зеландии, умеренного пояса Южной и Северной Америки. Во всех этих странах доля населения, живущего в городских областях, превышает 75% и достигает 85% в Западной Германии. Средний уровень урбанизации существует в некоторых странах Латинской Америки, где от 50 до 65% всего населения живет в городах. Наконец, во многих развивающихся странах Азии и Африки процесс урбанизации начался только недавно, и в них менее чем 1/3 населения живет в городе.

В некоторых странах скорость урбанизации удивительна. Население Мехико в 1960 г. было примерно 5 млн человек; 17 млн в 1985 и предполагается, что оно может достигнуть 26 млн—31 млн к 2000 г. Общая закономерность, присущая многим развивающимся странам состоит в том, что скорость роста городов вдвое превосходит рост населения в целом. Таким образом для населения, увеличивающегося на 3% ежегодно (удваивающегося за 23,1 года), скорость роста городов составляет по крайней мере 6% ежегодно (удваивается за 11,6 лет).

4. Тенденции роста населения мира

Прежде чем перейти к рассмотрению современных тенденций роста населения для развивающихся и промышленных стран, полезно иметь представление о динамике роста народонаселения в истории человечества. Ученые полагают, что приблизительно 10 тыс. лет назад население составляло

только 5—10 млн человек. К началу христианской эры численность населения приблизилась к 300 млн человек и имелось очевидно небольшое его увеличение до 1000 г. нашей эры. Дальнейший рост населения шел медленно, особенно, после эпидемии чумы и других катастроф средневековья. В 1750 году (условное начало промышленной революции в Англии), население мира достигло 800 млн человек. Это означает, что за 750 лет с 1000 г. до 1750 г., ежегодный темп прироста населения в среднем составлял 0,1%.

Причины такого медленного роста хорошо известны. При отсутствии элементарных знаний в области гигиены (роль бактерий как возбудителей болезней была неизвестна до XIX в.) уровень смертности был очень высок, особенно среди младенцев и детей. Только половина новорожденных младенцев доживала до пяти лет. Уровень фертильности был также очень высоким, так как это было необходимо для поддержания существования населения при таких высоких уровнях смертности.

С 1750 г. начинается ускоренный рост населения. В какой-то мере он стал следствием повышающегося уровня жизни, улучшением средств транспорта и связи, которые смягчали влияния неурожаев, заканчивающихся катастрофическим ростом смертности.

Численность населения мира была около 1 млрд человек в 1800 г., затем увеличилось еще на 1 млрд к 1930 г. (третий миллиард был добавлен к 1960 г., четвертый к 1974 г. и пятый перед 1990 г.); наиболее быстрый рост населения в XIX в. наблюдался в Европе и Северной Америке, которая испытала постепенное, но в конечном счете большое снижение в уровне смертности. Тем временем, смертность и фертильность остались высокими в Азии, Африке и Латинской Америке.

В начале 1930-х гг. и после второй мировой войны уровень смертности стал понижаться во многих странах Азии и Латинской Америки на фоне нового всплеска роста населения, который достиг уровней более высоких, чем это было ранее в Европе. Скорость этого роста, который некоторые ученые называют «демографическим взрывом», была результатом падения уровня смертности, явившегося следстви-

ем улучшения состояния общественного здравоохранения, гигиены и качества продуктов питания, главным образом импортируемых из развитых стран. Кроме того, формы брака в Азии и Латинской Америки были (и продолжают быть) весьма отличными от европейских; брак в Азии и Латинской Америке — ранний и почти всеобщий, в то время как, в Европе многие никогда не вступает в брак.

Эти высокие нормы роста сохраняются при очень большой численности населения. Глобальный прирост населения стал очень высоким и в абсолютном и в относительном значении. Пик нормы увеличения населения был достигнут в начале 1960 г., когда каждый год население земного шара увеличивалось примерно на 2%, или приблизительно на 68 млн людей. Так как в это время и уровни смертности и нормы фертильности уменьшились, ежегодная норма роста населения снизилась приблизительно на 1,7%. Но даже эта более низкая норма означает, что численность людей на земном шаре увеличивается каждый год приблизительно на 68—80 млн человек.

После второй мировой войны наблюдалось быстрое снижение в уровне смертности во многих развивающихся странах. Сокращение смертности, несопровождаемой сокращением фертильности, имело простой и предсказуемый результат: ускорение прироста населения. К 1960 г. многие развивающиеся страны имели такие высокие нормы роста как 3% в год, превышающие самые высокие нормы роста европейского населения. Так как население по этой норме удваивается каждые 23 года, население таких стран увеличивается катастрофически быстро. За 25 лет с 1950 по 1975 гг. население Мексики увеличилось с 27 млн до 60 млн человек; Ирана с 14 млн до 33 млн; Бразилии с 53 млн до 108 млн; и Китая с 554 млн до 933 млн.

Самые большие темпы роста населения были достигнуты в Латинской Америке и в Азии в середине и в конце 1960-х годов. С тех пор эти регионы испытывали переменный рост, но иногда уровень фертильности снижался наряду с уровнем смертности, и все это суммировалось в обычно умеренном, а иногда и большом снижении прироста населения. Наиболее значительное снижение наблюдалось в

КНР, где норма роста, как оценивали, снизилась от 2% в год в 1960 г. до 1% в 1980 г., в результате официальной политики сдерживания брака и деторождения. Восточная Азия испытала наиболее значительное снижение в приросте населения.

На юге Азии норма прироста снизилась только от 2,4 до 2,0%; в Латинской Америке от 2,7 до 2,3%. Тем временем в Африке прирост населения ускорился от 2,6: до 3 и более % в течение того же самого периода. Здесь снижение уровня смертности не сопровождалось снижением фертильности.

Во многих промышленных странах после второй мировой войны наблюдался «младенческий бум». Четыре страны — Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия — испытали существенное повышение уровня фертильности по сравнению с низким уровнем довоенного периода. В Соединенных Штатах, например, фертильность повысилась на 2/3 в 1950 г. по сравнению с 1910 г.

Другая группа промышленных стран, включающая большинство стран Западной Европы и некоторые восточно-европейские страны (особенно Чехословакию и Восточную Германию), также пережила «младенческий бум». В течение нескольких лет после войны уровень фертильности возрос в результате увеличения числа браков и рождений, отсроченных в течение военного времени. В начале и середине 1960-х гг. показатели фертильности в этих странах начали падать и во многих случаях достигли уровня, сопоставимого с уровнем 1930 г.

Третья группа промышленных стран, состоящая из большинства стран Восточной Европы и Японии, имела весьма различные нормы фертильности. Низкая фертильность была в 1930 г., уровень фертильности также начал снижаться в 1950 г. после недолгого периода «младенческого бума». Во многих из этих стран снижение сохранилось и в 1960 г., но в некоторых странах оно изменилось в результате проведения специальной правительственной политики в области рождаемости.

В 1980-х гг. уровни фертильности в наиболее развитых промышленных странах были очень низкими. Существуют две причины этого явления: отсрочка брака и деторождения молодыми женщинами, занятыми на производстве, и

сокращение численности детей, рожденных замужними женщинами.

Прогнозирование населения представляет собой совокупность предположений относительно будущей фертильности, смертности и норм миграции. Оно часто бывает ошибочным. Прогнозирование основывается на явных предположениях. Большинство демографов предлагает набор альтернативных прогнозов, который, как ожидается, определит диапазон вероятного будущего. Важно, чтобы все демографические прогнозы включали новые тенденции и недавно полученные данные. ООН каждые два года подготавливает набор прогнозов для всего мира и для отдельных стран.

ТЕМА 17. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. Понятие социальной нормы.
2. Девиантное поведение. Основные подходы к объяснению девиантного поведения.
3. Основные формы девиантного поведения.
4. Делинквентное поведение.

1. Понятие социальной нормы

Социальные нормы, подобно другим ценностям, выполняют функции оценки и ориентации личности, общности. Вместе с тем они не ограничиваются этими функциями. Нормы осуществляют регулирование поведения и социальный контроль за поведением. Они носят ярко выраженный волевой характер. Это не только выражение мысли, но и выражение воли. При этом, в отличие от индивидуального волеизъявления, норма выражает типичные социальные связи, дает типовой масштаб поведения. Норма не только оценивает и ориентирует, подобно идеям, идеалам, но и предписывает. Ее характерной чертой является императивность. Это единство оценки и предписания.

Социальные нормы — это правила, выражающие требования общества, социальной группы к поведению личности, группы в их взаимоотношениях друг с другом, социальными институтами, обществом в целом.

Регулирующее воздействие норм состоит в том, что они устанавливают границы, условия, формы поведения, характер отношений, цели и способы их достижения.

Вследствие того, что нормы предусматривают и общие принципы поведения, и конкретные его параметры, они могут давать более полные модели, эталоны должного, нежели другие ценности.

Нарушение норм вызывает более конкретную и четкую негативную реакцию со стороны социальной группы, обще-

ства, его институциональных форм, направленную на преодоление отклоняющегося от нормы поведения. Поэтому нормы являются более действенным средством борьбы с девиацией, средством обеспечения порядка, устойчивости общества.

Нормы возникают вследствие потребности в определенном поведении. Так, например, одной из самых древних норм была норма честного отношения к своей доле в общественном труде. На заре человечества можно было выжить, только придерживаясь данной нормы. Она появилась в результате закрепления повторяющихся необходимых совместных действий. Интересно, что эта норма не потеряла своего значения и в настоящее время, хотя ее питают иные потребности, актуализируют другие факторы.

Многообразие социальной реальности, социальных потребностей порождает и многообразие норм. Классифицировать нормы можно по разным основаниям. Для социолога имеет значение выделение норм по субъектам, носителям норм. По этому основанию выделяют общечеловеческие нормы, нормы общества, групповые, коллективные. В современном обществе наблюдается сложная коллизия, взаимопроникновение этих норм.

По объекту или сфере деятельности разграничиваются нормы, действующие в области определенных видов отношений: политические, экономические, эстетические, религиозные и т. д. По содержанию: нормы, регулирующие имущественные отношения, общение, обеспечивающие права и свободы личности, регламентирующие деятельность учреждений, взаимоотношения между государствами и т. д.

По месту в нормативно-ценностной иерархии: основополагающие и второстепенные, общие и конкретные. По форме образования и фиксации: жестко фиксированные и гибкие. По масштабам применения: общие и локальные.

По способу обеспечения: опирающиеся на внутреннее убеждение, общественное мнение или на принуждение, на силу государственного аппарата.

По функциям: нормы оценки, ориентирующие, контролируемые, регламентирующие, карающие, поощряющие.

По степени устойчивости: нормы, опирающиеся на социальную привычку, на обычай, традиции и не имеющие такого основания и др.

2. Девiantiное поведение. Основные подходы к объяснению девiantiного поведения

Нормативные системы общества не являются застывшими, навсегда данными. Изменяются сами нормы, изменяется отношение к ним. Отклонение от нормы столь же естественно, как и следование им. Полное принятие нормы выражается в конформизме, отклонение от нормы — в различных видах *девиации, девiantiного поведения*. Во все времена общество пыталось подавлять *нежелательные формы человеческого поведения*. Резкие отклонения от средней нормы как в положительную, так и в отрицательную стороны грозили стабильности общества, которая во все времена ценилась превыше всего.

Социологи называют отклоняющееся поведение *девиантным*. Оно подразумевает любые поступки или действия, не соответствующие писаным или неписаным нормам. В некоторых обществах малейшие отступления от традиции, не говоря уже о серьезных проступках, сурово карались. Все находилось под контролем: длина волос, форма одежды, манеры поведения. Так поступали правители древней Спарты в V в. до н. э. и советские партийные органы в XX в.

Борьба с девиациями часто перерождалась в борьбу с разнообразием чувств, мыслей, поступков. Обычно она оказывается нерезультативной: через какое-то время отклонения возрождаются, и в еще более яркой форме. В конце 80-х годов советская молодежь подражала западным моделям поведения настолько откровенно, что бороться с этим общество было не в силах.

В большинстве обществ контроль девiantiного поведения *несимметричен*: отклонения в плохую сторону осуждаются, а в хорошую — одобряются. В зависимости от того, позитивным или негативным является отклонение, все формы девиаций можно расположить на некотором континууме. На одном его полюсе разместится группа лиц, проявляющих *максимально неодобряемое поведение*: революционеры, террористы, непатриоты, политические эмигранты, предатели, атеисты, преступники, вандалы, циники, нищие. На другом полюсе расположится группа с *максимально одобряемыми*

отклонениями: национальные герои, выдающиеся артисты, спортсмены, ученые, писатели, художники и политические лидеры, миссионеры, передовики труда.

Если мы проведем статистический подсчет, то окажется, что в нормально развивающихся обществах и в обычных условиях на каждую из этих групп придется примерно по 10—15% общей численности населения. Напротив, 70% населения страны составляют «твердые середняки» — люди с несущественными отклонениями.

Хотя большая часть людей преимущественно живут в согласии с законами, их нельзя считать абсолютно законопослушными, т. е. социальными конформистами. Так, при обследовании жителей Нью-Йорка 99% опрошенных признались в том, что они совершили один и более незаконных поступков, например, скрытно воровали в магазине, обманывали налогового инспектора или постового, не говоря уже о более невинных — опоздание на работу, переход улицы или курение в неположенных местах. Полную картину девиантного поведения в конкретном обществе составить весьма трудно, поскольку полицейская статистика регистрирует незначительную часть происшествий.

Итак, всякое поведение, которое вызывает неодобрение общественного мнения, называется девиантным. Это чрезвычайно широкий класс явлений: от безбилетного проезда до убийства человека. В широком смысле *девиант* — любой человек, сбившийся с пути или отклонившийся от нормы. При такой постановке вопроса следует говорить о формах и размерах отклонения. К *видам* (или *формам*) *девиантного поведения* относят уголовную преступность, алкоголизм, наркоманию, проституцию, гомосексуализм, азартные игры, психическое расстройство, самоубийство.

В узком понимании под девиантным поведением подразумеваются такие отклонения, которые не влекут за собой уголовного наказания. Иначе говоря, не являются противоправными. Совокупность противоправных поступков, или преступлений, получила в социологии особое название — *делинквентное* (буквально — преступное) поведение. Оба значения — широкое и узкое — одинаково употребляются в социологии.

Каковы же причины девиации? В конце XIX и начале XX в. были распространены биологические и психологические трактовки причин девиации. Итальянский врач Цезаре Ломброзо считал, что существует прямая связь между преступным поведением и биологическими особенностями человека. Он утверждал, что «криминальный тип» есть результат деградации к более ранним стадиям человеческой эволюции. Этот тип можно определить по таким характерным чертам, как выступающая нижняя челюсть, реденькая борода и пониженная чувствительность к боли. Теория Ломброзо получила широкое распространение, и некоторые мыслители стали его последователями — они тоже устанавливали связь между девиантным поведением и определенными физическими чертами людей.

Уильям Х. Шелдон (1940), известный американский психолог и врач, подчеркивал важность строения тела. Он считал, что у людей определенное строение тела означает присутствие характерных личностных черт. *Эндоморфу* (человеку умеренной полноты с мягким и несколько округлым телом) свойственны общительность, умение ладить с людьми и потворство своим желаниям. *Мезоморф* (чье тело отличается силой и стройностью) проявляет склонность к беспокойству, он активен и не слишком чувствителен. И наконец, *эктоморф*, отличающийся тонкостью и хрупкостью тела, склонен к самоанализу, наделен повышенной чувствительностью и нервозностью.

Опираясь на исследование поведения двухсот юношей в центре реабилитации, Шелдон сделал вывод, что наиболее склонны к девиации мезоморфы, хотя они отнюдь не всегда становятся преступниками.

Хотя подобные биологические теории были популярны в начале XX в., другие концепции их постепенно вытеснили. Сторонники психологической трактовки связывали девиацию с психологическими чертами (неустойчивостью психики, нарушением психологического равновесия и т. п.). Были получены данные о том, что некоторые умственные расстройства, особенно шизофрения, могут быть обусловлены генетической предрасположенностью. Кроме того, некоторые биологические особенности могут оказывать влияние на

психику личности. Например, если мальчика дразнят за маленький рост, его ответная реакция может быть направлена против общества и выразится в девиантном поведении. Но в таких случаях биологические факторы лишь косвенно способствуют девиации, сочетаясь с социальными или психологическими. Поэтому при любом биологическом анализе девиации необходимо учитывать сложную совокупность многих факторов.

Развернутое социологическое объяснение девиации впервые дал Э. Дюркгейм. Он предлагает теорию аномии, которая раскрывает значение социальных и культурных факторов. По Дюркгейму, основной причиной девиации является аномия, буквально — «отсутствие регуляции», «безнормность». По сути, аномия, — это состояние дезорганизации общества, когда ценности, нормы, социальные связи либо отсутствуют, либо становятся неустойчивыми и противоречивыми. Все, что нарушает стабильность, приводит к неоднородности, неустойчивости социальных связей, разрушению коллективного сознания (кризис, смешение социальных групп, миграция и т. д.), порождает нарушения общественного порядка, дезорганизует людей, и в результате появляются различные виды девиаций.

Э. Дюркгейм считает девиацию столь же естественной, как и конформизм. Более того, отклонение от норм несет не только отрицательное, но и положительное начало. Девиация подтверждает роль норм, ценностей, дает более полное представление о многообразии норм. Реакция общества, социальных групп на девиантное поведение уточняет границы социальных норм, укрепляет и обеспечивает социальное единство. И, наконец, девиация способствует социальному изменению, раскрывает альтернативу существующему положению дел, ведет к совершенствованию социальных норм.

Теория аномии получает дальнейшее развитие у Р. Мертон. Главной причиной девиации он считает разрыв между целями общества и социально одобряемыми средствами осуществления этих целей. В соответствии с этим он выделяет типы поведения, которые, с его точки зрения, являются вместе с тем типами приспособления к обществу. Мертон

показывает это на примере отношения американцев к такой цели, как достижение богатства.

Первый тип поведения — **конформность** — предполагает соответствие и культурным целям, и средствам.

Второй тип девиантного поведения — **инновация** — предполагает согласие с целями, но отрицание социально одобряемых средств их достижения. Принимая, например, цель достижения богатства, представители низшего класса не могут пользоваться такими средствами достижения, как занятие престижной деятельностью, образование, экономический успех. Отсюда предрасположенность к незаконным способам осуществления цели: рэкету, спекуляции, шантажу, торговле наркотиками.

Третий тип — **ритуализм** — предполагает, наоборот, отрицание целей, но принятие традиционных, одобряемых обществом средств их достижения. Он обычно выражается в снижении уровня притязаний и часто встречается, по мнению Мертона, у представителей низшего слоя среднего класса. Это может служить источником девиантного поведения, например, у бюрократа, абсолютизирующего формальные процедуры.

Четвертый тип — **ретретизм** — предполагает отрицание и цели, и средств. Более всего ретретизм характерен для лиц, оказавшихся вне общества: бродяг, наркоманов, пьяниц и др., которые отказываются от поиска безопасности, престижа, притязаний на достоинство.

Пятый тип — **бунт** — предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов и формирование новых целей и средств.

Известный социальный антрополог *Р. Линтон* ввел понятия модальной и нормативной личности. В результате сходных процессов социализации (а практически каждое общество и государство много усилий тратят на образование, воспитание и поддержание культурных стандартов жизни своих молодых и зрелых граждан) люди отнюдь не ведут себя как «инкубаторские», хотя могут попадать в сходные обстоятельства и выглядеть, на первый взгляд, похожими.

Нормативная личность — та, черты которой лучше всего выражают данную культуру, это как бы идеал личности данной культуры.

Модальная личность — статистически более распространенный тип отклоняющихся от идеала вариаций. И чем более нестабильным становится общество (например, в переходные, транзитивные периоды системных преобразований), тем относительно больше становится людей, социальный тип которых не совпадает с нормативной личностью. И наоборот, в стабильных обществах культурное давление на личность таково, что человек в своих взглядах, поведении и фантазиях все меньше и меньше отрывается от навязанного «идеального» стереотипа. Он хорошо знает, каким он должен быть, а послушных и понятливых общество обычно поощряет: они — основа социальной стабильности, поэтому стабильно и их вознаграждение за «примерное поведение».

Согласно культурологическим объяснениям, девиация возникает в результате конфликтов между нормами культуры. В обществе существуют отдельные группы, нормы которых отличаются от норм остального общества. Это обусловлено тем, что интересы группы не соответствуют нормам большинства. Например, в таких субкультурах, как уличные банды или группы заключенных, полиция скорее ассоциируется с карательной или продажной организацией, чем со службой по охране порядка и защите частной собственности. Член такой группы усваивает ее нормы и, таким образом, становится нонконформистом с точки зрения широких слоев общества.

Миллер (1958) утверждал, что существует ярко выраженная субкультура низшего слоя общества, одним из проявлений которой является групповая преступность. Эта субкультура придает огромное значение таким качествам, как готовность к риску, выносливость, стремление к острым ощущениям и «везение». Поскольку члены банды руководствуются этими ценностями в своей жизни, другие люди, и в первую очередь представители средних слоев, начинают относиться к ним как к девиантам.

Согласно культурологическим объяснениям, девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры. Но здесь возникает вопрос: почему лишь некото-

рые люди усваивают ценности «девиантной» субкультуры, а то время как другие отвергают ее? Одни исследователи утверждают, что преступности *обучаются*. Люди усваивают девиантное поведение в ходе общения с преступниками. Если большинство друзей и родственников того или иного человека занимаются преступной деятельностью, существует вероятность, что он тоже станет преступником.

Криминальная девиация является результатом преимущественного общения с носителями преступных норм. Более того, социологи тщательно описали факторы, сочетания которых способствуют криминальному поведению. Они подчеркивают, что важную роль в этом играют не контакты с безличными организациями или институтами, а повседневное общение.

Говард Беккер в своей книге «Аутсайдеры» (1963) отверг многие психологические и социологические объяснения девиации, потому что они основаны на «медицинской модели», согласно которой человек, проявляющий девиантное поведение, считается в некотором смысле «больным». Такие подходы не учитывают политического аспекта девиации. Беккер считал, что девиация на деле обусловлена способностью влиятельных групп общества (имеются в виду законодатели, судьи, врачи и пр.) навязывать другим определенные стандарты поведения. «Социальные группы создают девиацию, — писал он, — поскольку они следуют правилам, нарушение которых считается девиацией; кроме того, они навязывают эти правила определенным людям, которым «наклеиваются ярлыки» аутсайдеров. С этой точки зрения, девиация — не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя»».

Концепция Беккера и подобные ей названы *теорией стигматизации (наклеивания ярлыков)*, т. к. они объясняют девиантное поведение способностью влиятельных групп ставить клеймо «девиантов» членам менее влиятельных групп. Именно так поступали с неграми в Америке. Они подвергались преследованию и иногда линчеванию по ложным обвинениям в изнасиловании белых женщин. Короче говоря, Беккер высказал мысль, что «суждение о том, яв-

ляется ли тот или иной поступок девиантным, обусловлено его характером (речь идет о том, связан ли он с нарушением какого-то правила), а также тем, как его оценивают другие люди».

Большинство людей нарушают некоторые принятые в обществе нормы и правила поведения. Подросток может покуривать сигареты с марихуаной. Администратор делает приписки к счету, кто-то пытается заниматься гомосексуализмом. Окружающие вначале смотрят на эти поступки сквозь пальцы, а человек, нарушающий правила, скорее всего не считает себя девиантом. Лемерт (1951) называет этот тип поведения *первичной девиацией*. Но что произойдет, если друг, член семьи, коллега или полицейский узнают о таких поступках и расскажут другим? Часто это приводит к тому, что называется *вторичной девиацией*: на человека ставят клеймо девианта; окружающие начинают обращаться с ним как с девиантом, постепенно он и сам привыкает считать себя таковым и вести себя в соответствии с этой ролью.

Конфликтологический подход к девиации представлен группой социологов, которые называют себя «радикальными криминологами». Они отвергают все теории преступности, трактующие ее как нарушение общепринятых законов. Согласно конфликтологам, создание законов и подчинение им является частью конфликта, происходящего в обществе между различными группами. Так, когда возникает конфликт между властями и некоторыми категориями граждан, власти обычно избирают вариант принудительных мер. Например, сотрудники полиции с большей готовностью применяют законы, направленные против бедняков и не причастных к власти, тех, кого можно подавлять, не встречая сопротивления.

Другие конфликтологи, разделяющие марксистскую точку зрения, утверждают, что законы и деятельность правоохранительных органов — это орудие, которые правящие классы (владеющие средствами производства) используют против тех, кто лишен власти. Например, в XII в. были приняты законы, запрещающие бродяжничество, что было обусловлено стремлением землевладельцев заставить бедняков ра-

ботать, ибо в то время каждый десятый работник погибал от чумы или его забирали в отряды крестоносцев.

Таким образом, «радикальная криминология» не интересуется, почему люди нарушают законы, а занимается анализом сущности самой законодательной системы. Сторонники этой теории рассматривают «девиантов» не как нарушителей общепринятых правил, а скорее как бунтарей, выступающих против капиталистического общества, которое стремится «изолировать и поместить в психиатрические больницы, тюрьмы и колонии для несовершеннолетних множество своих членов, якобы нуждающихся в контроле» (Тэйлор и др., 1973).

3. Основные формы девиантного поведения

К основным формам девиантного поведения в современных условиях можно отнести преступность, алкоголизм, наркоманию, суицид. Каждая форма девиации имеет свою специфику.

Преступность. Социологические исследования преступности и ее причин берут начало в работах русского статистика К.Ф. Германа (1824 г.). Мощный толчок развитию социологии преступности дала работа франко-бельгийского ученого — математика-статистика Л.А. Кетле «Социальная физика» (1835 г.). В ней, опираясь на статистический анализ, Кетле приходит к выводу о том, что всякий социальный строй предполагает определенное количество и определенный порядок преступлений, вытекающих из его организации.

По мере изучения проблем преступности все большее количество факторов, воздействующих на ее динамику, попадает в поле зрения исследователей. К ним можно отнести: социальное положение, род занятий, образование, нищету как самостоятельный фактор. Выявлено также особое значение деклассирования, т. е. разрушения или ослабления связей между индивидом и социальной группой. В 30-е годы нашего столетия исследования, проведенные представителями так называемой чикагской школы в социологии, выявили влияние внутригородских различий на уровень преступности: самые «преступные районы» — районы, где присут-

сгвует высокая степень социальной дезорганизации. До сих пор остается дискуссионной проблема соотношения биологического и социального в формировании преступного поведения.

Как отмечают исследователи, развитие преступности в нашей стране по основным качественным показателям приближается к общемировым тенденциям. Хотя пока регистрируемый уровень преступности у нас ниже, чем в индустриальных странах, но очень высок темп прироста преступлений. В этой связи нужно учитывать, что преступность имеет порог количественного и качественного насыщения, за которым она из криминологической, правоохранительной проблемы превращается в проблему политическую.

В России на состояние преступности большое влияние оказывает переход к рыночным отношениям и появление таких феноменов, как конкуренция, безработица, инфляция. Специалисты отмечают, что пока еще характер преступности в нашей стране можно определить как «патриархальный», но уже заметны процессы, говорящие об «индустриализации» девиантности.

Преступность — отражение пороков человечества. И до сих пор искоренить ее не удалось ни одному обществу. В настоящее время необходимо сосредоточиться на реальной задаче — снижении темпов прироста и удержании преступности под контролем на социально терпимом уровне.

Алкоголизм. С давних пор человечеству известны опьяняющие напитки. Изготавливались они из растений, и их потребление было частью религиозного ритуала, которым сопровождалось празднество. Сравнительно дешевый способ получения крепких напитков был освоен в XVI в. Коренные перемены произошли после того, как был открыт промышленный способ получения этилового спирта. Именно это открытие сделало возможным массовое потребление алкоголя, и в XVIII в. пьянство приобрело широкий размах в таких европейских странах, как Англия, Германия, Швеция и др. Примерно в это же время в России быстро входит в употребление водка. Можно сказать, что XIX в. породил, а XX в. усугубил весьма сложную проблему для человеческой цивилизации — проблему алкоголизма.

Фактически алкоголь вошел в нашу жизнь, став элементом социальных ритуалов, обязательным условием официальных церемоний, праздников, некоторых способов времяпрепровождения, решения личных проблем. Однако эта социокультурная ситуация дорого обходится обществу. Как свидетельствует статистика, 90% случаев хулиганства, 90% изнасилований приотягчающих обстоятельствах, почти 40% других преступлений связаны с опьянением. Убийства, грабежи, разбойные нападения, нанесение тяжких телесных повреждений в 70% случаев совершаются лицами в нетрезвом состоянии; около 50% всех разводов также связано с пьянством.

Изучение различных аспектов потребления алкоголя и его последствий представляет большую сложность. По каким критериям можно судить об алкогольной ситуации и ее динамике? Как правило, используются три группы социологических показателей остроты алкогольной проблемы и масштабов распространения пьянства в стране: во-первых, уровень потребления алкоголя на душу населения и структура потребления; во-вторых, характеристики массового поведения, являющегося следствием потребления спиртного; в-третьих, ущерб, причиненный экономике и обществу пьянством.

Показатель уровня потребления алкоголя имеет смысл только в сочетании с данными о структуре потребления. Следует учитывать и еще целый ряд характеристик, например, регулярность потребления, длительность, связь с приемом пищи. Важны и особенности распределения общего объема потребления алкоголя среди населения: численность и состав пьющих, непьющих, пьющих умеренно; распределение потребления алкоголя между мужчинами и женщинами, по возрастам и другим социально-демографическим признакам. Поведение при одинаковой степени опьянения и оценки этого поведения также существенно различаются в социокультурных и этнических группах. Все перечисленные характеристики входят в понятие модели алкогольного потребления.

В истории борьбы общества с алкоголизмом можно обнаружить два направления. Во-первых, ограничение доступ-

ности спиртных напитков, сокращение их продажи и производства, повышение цен, ужесточение карательных мер за нарушение запретов и ограничений. Во-вторых, усилия, направленные на уменьшение потребности в алкоголе, улучшение социальных и экономических условий жизни, рост общей культуры и духовности, спокойная, взвешенная информация о вреде алкоголя, формирование у населения безалкогольных стереотипов поведения.

История борьбы с алкоголизмом знала и попытки введения на территории некоторых стран «сухого закона» (Англия, США, Финляндия, Россия). Все они не достигли своей цели, потому что наличие алкоголя — не единственная и не главная причина существования алкоголизма. Проблема преодоления пьянства и алкоголизма является сложнейшей, она включает экономический, социальный, культурный, психологический, демографический, юридический и медицинский аспекты. Только с учетом всех этих аспектов возможно ее успешное решение.

Наркомания. Термин происходит от греческих слов *narke* — «оцепенение» и *mania* — «бешенство, безумие». Это заболевание, которое выражается в физической и (или) психической зависимости от наркотических средств, постепенно приводящей к глубокому истощению физических и психических функций организма. Наркомания (наркотизм) как социальное явление характеризуется степенью распространенности потребления наркотиков или приравненных к ним веществ без медицинских показаний, куда входит как злоупотребление наркотиками, так и болезненное (привычное) их потребление. Конвенция о психотропных веществах 1977 г. в качестве наркотиков рассматривает вещества, вызывающие зависимость (привыкание) на основе возбуждения или угнетения центральной нервной системы, нарушения моторных функций, мышления, поведения, восприятия, появления галлюцинаций или изменения настроения. Всего насчитывается около 240 видов наркотических веществ растительного и химического происхождения.

Точное количество лиц, злоупотребляющих наркотиками в нашей стране, определить вряд ли возможно из-за несовершенства системы социального контроля, но по некоторым

оценкам в 1994 г. их число могло составить от 1,5 до 6 млн человек, т. е. от 1 до 3% всего населения России. Подавляющее большинство наркоманов (до 70%) — это молодые люди в возрасте до 30 лет. Соотношение мужчин и женщин составляет примерно 10:1 (на Западе — 2:1). Более 60% наркоманов впервые пробуют наркотики в возрасте до 19 лет. Таким образом, наркомания — это прежде всего молодежная проблема. Тем более, что значительная часть наркоманов, особенно тех, кто употребляет так называемые «радикальные» наркотики (производные опийного мака), до зрелого возраста не доживает.

Суицид. Суицид — намерение лишить себя жизни, повышенный риск совершения самоубийства. Эта форма отклоняющегося поведения пассивного типа является способом ухода от неразрешимых проблем, от самой жизни.

В разные эпохи и в разных культурах существовали свои оценки этого явления: часто самоубийство осуждали (с точки зрения христианской морали самоубийство считается тяжким грехом), иногда же допускали и считали в определенных ситуациях обязательным (например, самосожжение вдов в Индии, обычай сати, или харакири самураев). При оценке конкретных суицидальных актов многое зависит от мотивов и обстоятельств, от особенностей личности. Исследования свидетельствуют, что фактором, провоцирующим суицидное поведение, выступает специфическая комбинация таких характеристик, как пол, возраст, образование, социальное и семейное положение.

Мировой опыт исследования самоубийств выявляет основные закономерности суицидного поведения. Суициды в большей степени характерны для высокоразвитых стран, и сегодня существует тенденция к увеличению их числа. Суицидная активность имеет определенные временные циклы. Факт весенне-летнего пика и осенне-зимнего спада ее был отмечен еще Э. Дюркгеймом. Количество самоубийств возрастает во вторник и снижается в среду—четверг. Конец недели больше «опасен» для мужчин. Соотношение между мужчинами и женщинами примерно таково: 4:1 при удавшихся самоубийствах и 4:2 при попытках, т. е. суицидное поведение мужчин чаще приводит к трагическому исходу.

Отмечено, что вероятность проявления этой формы отклонений зависит и от возрастной группы. Самоубийства совершаются чаще в возрасте после 55 и до 20 лет, сегодня самоубийцами становятся даже 10—12-летние дети. Мировая статистика свидетельствует, что суицидное поведение чаще проявляется в городах, среди одиноких и на крайних полюсах общественной иерархии.

В России начала XX в. суицидное поведение не получило такого распространения, как в ряде европейских стран. К 80-м г. ситуация существенно изменилась: СССР по частоте самоубийств превзошел некоторые из европейских стран (30 на 100 тыс. населения), затем наблюдалось снижение числа самоубийств до 19 на 100 тыс. населения в 1989 г. Однако тот глубокий социально-экономический кризис, в котором находятся сегодня республики бывшего СССР, вызовет, как считают социологи, новую волну самоубийств.

Исследование суицидного поведения на территории бывшего СССР выявляет целый ряд особенностей. Все бывшие республики Советского Союза можно условно разделить на две группы: первая — республики Европейской части бывшего СССР, Россия, Грузия, в них уровень самоубийств среди городского населения ниже, чем среди сельского, и составляет около 70%; вторая — республики Средней Азии, Закавказья (кроме Грузии), Казахстан; здесь уровень городских самоубийств выше, чем в сельской местности, в среднем в 2 раза. Первое соотношение можно назвать европейским, а второе — азиатским типом распространения самоубийств. Азиатский тип распространения самоубийств объясняется национально-религиозными традициями, особенностями межличностных отношений, большим количеством многодетных семей, урбанизацией; европейский — неблагоприятной социально-экономической обстановкой на селе, стагнацией деревенской жизни, оттоком работоспособных селян в города, старением сельских жителей. По этим же причинам среди городов по числу самоубийств лидируют малые и средние.

Наконец, несомненна связь суицидного поведения с другими формами социальных отклонений, например, с пьянством. Судебной экспертизой установлено: 68% мужчин и

31% женщин покончили с жизнью, находясь в состоянии алкогольного опьянения. На учете как хронические алкоголики состояли 12% совершивших самоубийство мужчин и 20,2% всех покушавшихся на свою жизнь (см.: *Гилинский Я.М., Смолинский Л.Г. Социодинамика самоубийств // Социс. 1988. № 5. С. 62*).

В отечественной социологии до настоящего времени мало исследована остается проблема *аддикции* (аддикция — пагубная склонность к чему-либо). Между тем, без понимания механизма возникновения и протекания этого явления, на наш взгляд, трудно анализировать алкоголизм, наркоманию и некоторые другие формы деструктивного поведения.

Суть аддиктивного поведения заключается в стремлении изменить свое психическое состояние посредством приема некоторых веществ или фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности. Процесс употребления такого вещества, привязанность к предмету или действию сопровождается развитием интенсивных эмоций и принимает такие размеры, что начинает управлять жизнью человека, лишает его воли к противодействию аддикции. Такая форма поведения характерна для людей с низкой переносимостью психологических затруднений, плохо адаптирующихся к быстрой смене жизненных обстоятельств, стремящихся в связи с этим быстрее и проще достичь психофизиологического комфорта. Аддикция для них становится универсальным средством бегства от реальной жизни. Для самозащиты люди с аддиктивным типом поведения используют механизм, называемый в психологии «мышлением по желанию»: вопреки логике причинно-следственных связей они считают реальным лишь то, что соответствует их желаниям. В итоге нарушаются межличностные отношения, человек отчуждается от общества.

Какие вещества, предметы или действия могут быть средством для людей с аддиктивной формой поведения? Это — наркотики, алкоголь, табак, азартные игры (включая компьютерные), длительное прослушивание ритмической музыки, а также полное погружение в какой-либо вид деятельности с отказом от жизненно важных обязанностей человека.

Аддиктивное поведение формируется постепенно. Начало отклонения связано с переживанием интенсивного острого изменения психического состояния человеком в связи с принятием определенных веществ или определенными действиями, возникновением понимания того, что существует определенный способ изменить свое психологическое состояние, испытать чувство подъема, радости, экстаза.

Далее формируется устойчивая последовательность прибегания к средствам аддикции. Сложные жизненные ситуации, состояния психологического дискомфорта провоцируют аддиктивную реакцию. Постепенно такое поведение становится привычным типом реагирования на требования реальной жизни. Происходит формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности, т. е. возникает другая личность, вытесняющая и разрушающая прежнюю.

4. Делинквентное поведение

Нарушения социальных норм могут быть серьезными и несерьезными, сознательными и неосознаваемыми. Все серьезные нарушения, сознательные они или нет, подпадающие под категорию противоправного действия, относятся к *делинквентному* поведению. Алкоголизм — типичный вид девиантного поведения. Алкоголик — не только больной человек, но и девиант, он не способен нормально выполнять социальные роли. Наркоман — преступник, так как употребление наркотиков квалифицируется законом как преступное деяние. Самоубийство, т. е. свободное и намеренное прекращение своей жизни, — девиация. Но убийство другого человека — преступление.

К преступлениям относятся мошенничество, хищения, изготовление фальшивых документов, взятки, промышленный шпионаж, вандализм, воровство, взлом, автокражи, поджоги, проституция, азартные игры и другие разновидности противоправных действий.

Девиантное и делинквентное поведение можно различить следующим образом. Первое *относительно*, а второе *абсолютно*. То, что для одного человека или группы — отклонение, для другого или других может быть привычкой. Выс-

ший класс считает свое поведение нормой, а поведение представителей других классов, особенно низших, — отклонением. Поведение считается таковым относительно культурных норм данной группы. Но делинквентное поведение *абсолютно по отношению к законам* страны. Уличное ограбление представителями социальных низов может считаться нормальным видом заработка или способом установления социальной справедливости. Но это не отклонение, а преступление, поскольку существует абсолютная норма — юридический закон, квалифицирующий ограбление в качестве преступления.

Районы города, где чаще других происходят преступления, называют *криминогенными*, а категории населения, которые более других склонны совершать девиантные или делинквентные поступки, — *группами риска*. К ним относятся, в частности, молодежь. Источником такой склонности служит расхождение между степенью биологической и социальной зрелости, между требованиями, предъявляемыми подростком к самому себе, и требованиями, предъявляемыми к нему обществом. В силу физиологических особенностей формирующегося организма подросток отличается повышенной активностью, но вследствие социальной незрелости он еще не готов к самоконтролю. Он не умеет прогнозировать все последствия своих поступков, неправильно понимает свободу и независимость личности. Социологи установили, что человек тем больше усваивает образцы девиантного поведения, чем а) чаще с ними сталкивается, б) моложе его возраст.

Остановимся на основных видах делинквентного поведения среди молодежи.

Преступность. Социология рассматривает преступность в качестве социального явления, которое носит деструктивный для общества характер. Ее можно определить как относительно устойчивую распространенную форму девиантного поведения, достигшую степени общественной опасности и определяемую уголовным законодательством. Понятие преступности среди несовершеннолетних и молодежи связано с возрастными группами от 14 до 29 лет, хотя ряд тенденций имеет место и в младших возрастных группах (бо-

лее 90 тыс. детей в России ежегодно совершают преступления до достижения возраста уголовной ответственности).

Специфическими чертами преступности несовершеннолетних и молодежи являются:

Во-первых, ее высокая латентность (т. е. неполнота выявленных преступлений). Из-за нее фактический уровень преступности в 2—3 раза выше, чем зарегистрированный. Латентность связана со следующими факторами:

а) взрослые потерпевшие не всегда обращаются в правоохранительные органы;

б) значительная часть преступлений совершается в своей же среде, взаимоотношения в которой специфичны и в ряде случаев исключают сообщение родителям, учителям, работникам милиции;

в) у правоохранительных органов в настоящее время недостаточно сил и средств, и поэтому они стремятся сосредоточить их на борьбе с тяжкими преступлениями, в то время как заявления о менее тяжких преступлениях (а это 4/5 всех преступлений несовершеннолетних, т. е. кражи, хулиганство, грабежи) часто остаются без регистрации и меры по ним не принимаются.

Во-вторых, в среде молодого поколения повышенной криминальной активностью отличаются несовершеннолетние. Уровень преступности среди подростков в 1,5 раза превышает аналогичный показатель среди других молодежных групп.

В-третьих, преступность несовершеннолетних носит преимущественно групповой характер — три из пяти совершаемых преступлений.

В-четвертых, преступность несовершеннолетних и молодежи в значительно большей степени, чем преступность взрослых, «чувствительна» к мерам борьбы с ней, к уровню контроля со стороны семьи, воспитательных учреждений, социальных служб, общественности, тем более, что до 80% преступлений совершается вблизи места жительства, учебы, в том числе и непосредственно в учебных заведениях и общежитиях. Около половины преступлений несовершеннолетних совершается из-за отсутствия родительского контроля.

Можно выделить некоторые тенденции преступности несовершеннолетних и молодежи в России.

1. Процесс омоложения преступности обусловлен, как правило, вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность путем передачи криминального опыта и подстрекательства уголовными элементами.

2. Все больше молодых людей вовлекаются в сферу организованной преступности. Это создание группировок для контроля над определенной территорией или видом деятельности с целью получения прибыли в виде преступного промысла (рэкет, проституция, торговля наркотиками и т. д.).

3. Рост рецидива. В последние годы он составляет более 40% (в других странах, например, в ФРГ — 5%).

4. Феминизация молодежной преступности. Только за 1987—1992 гг. преступность девушек возросла в 2 раза и составляет 1:8 по отношению к мужской (раньше она составляла 1:10). Это кражи, соучастие в мошенничестве, вымогательстве, убийствах и даже изнасилованиях.

В целом молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет совершают 57% всех зарегистрированных преступлений.

Причины преступности. Помимо общих причин девиантного поведения можно выделить и специфические причины преступности несовершеннолетних и молодежи.

- Отрицательные влияния в семье. В 30—40% случаев преступлений несовершеннолетних установлено прямое отрицательное влияние родителей и старших членов семьи (пьянство, грубость, жестокость, асоциальный образ жизни). Типичными для родителей несовершеннолетних преступников являются низкая культура, престижно-потребительские установки.

- Отрицательные влияния в ближайшем окружении: бытовом, учебном, производственном со стороны как сверстников, так и взрослых.

- Проникновение в молодежную среду стереотипов поведения, не совместимых с общественными ценностями (пропаганда наркотиков, культура силы, половой распущенности).

- Рост криминогенного значения неумения или нежелания педагогов формировать позитивные идеалы у учащихся в условиях плюрализма мнений, давления демагогии, экстремизма.

• Распад системы трудоустройства подростков и молодежи и воспитания их в трудовых коллективах. Длительное отсутствие вследствие этого определенных занятий у части молодежи.

Эти обстоятельства и формируют криминогенную личность, для которой характерны утрата интереса к учебе, утилитарное отношение к профессии, равнодушие к проблемам общества, существенные искажения нравственного и правового сознания, в частности, толкование долга, совести, дозволенности, исходя из личных желаний или групповой солидарности, ориентацию на сиюминутные удовольствия, равнодушие к переживаниям и страданиям других людей, жестокость, лживость, несамокритичность. Сформированный криминогенный тип личности уже готов к совершению преступления, и в соответствующей ситуации такой человек, не задумываясь, совершает его.

В современную эпоху острых социальных потрясений негативные отклонения, в том числе преступления, получают все большее распространение. По данным VII Конгресса ООН (1985), преступность в развитых западных странах в 80-е годы по сравнению с 70-ми существенно возросла: число насильственных преступлений увеличилось 2 раза, корыстных — в 3 раза. Алкоголизм охватил до 10% работающих. Появились или получили распространение новые особенно опасные формы преступности, в том числе преступность в бизнесе на внутригосударственном и международных уровнях (преступность транснациональных монополий), коррупция служащих, хищение произведений искусства, преступность, связанная с наркотиками, международный терроризм, преступления против потребителя (фальсификация продуктов), экологические преступления, экономический шантаж и др.

Изменились и формы преступлений, и типы негативных отклонений в нашей стране. Развитие частного предпринимательства, кооперации вызвали к жизни такую форму посягательства, как рэкет. Получили развитие организованная преступность, детская преступность, проституция.

Исследователи современных процессов обращают внимание на то, что девиантное поведение закономерно возникает

в обществах, переживающих трансформацию. Более того, в условиях всестороннего кризиса общества оно может приобретать тотальный характер. На фоне усиления кризисных явлений нарастает неудовлетворенность своим положением. Массовое чувство социальной неудовлетворенности, невосребованности приводит к отчуждению от общества, к нарастанию тревожности. Одним из последствий социальной неудовлетворенности является нарастание пессимистических настроений и даже появление деморализованности населения (упадок духа, растерянность).

По данным социологов, та или иная степень деморализованности была характерна для 85% населения. Типичными реакциями на аномию становится безразличие к средствам достижения цели, цинизм, экстремизм.

Механизм девиантного поведения раскрывается через анализ взаимодействия нормативного регулирования, особенностей личности, ее отношения к норме и к реальной жизненной конфликтной ситуации. На поведении сказываются острота и продолжительность конфликтной ситуации, особенности адаптации к ней личности и другие моменты.

ТЕМА 18. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ¹

1. Предмет социологии религии.
2. Различные типы деприваций как фактор образования религиозных групп.
3. Закономерности эволюции религиозных движений

1. Предмет социологии религии

В прошлом веке под влиянием идей дарвинистской биологии социологическая мысль обратилась к проблеме происхождения и развития социальных институтов. Соответственно, и в социологии религии изначально преобладало стремление установить, каким образом в человеческих обществах возникли религиозные представления и традиции. Когда социальный дарвинизм вышел из моды, исследователи подошли к признанию того, что вопросы подобного рода уводят в глубочайшее доисторическое прошлое. И тем не менее, по-прежнему правомерным и плодотворным остается интерес к проблеме возникновения и развития религиозных групп. Эта проблема пока не получила однозначного решения, хотя ей уделялось так много внимания, как никакой другой проблеме социологии религии. В современной социологической мысли вопросы происхождения и развития религиозных групп главным образом рассматривались в рамках так называемой «теории секты и церкви», представленной работами М. Вебера и Э. Трельча. Первоначально установление дистинкции между сектой и церковью диктовалось только стремлением создать четкую типологию религиозных организаций, а не интересом к условиям их возникновения.

Этой же концепции придерживался Г.Р. Нибур, констатирующий наличие динамической взаимосвязи между организациями типа секты и типа церкви. Согласно мнению

¹ Написано совместно с И.Н. Полонской.

Нибура, исследование этого взаимоотношения может способствовать выяснению вопроса, как происходит развитие религиозных групп. Тенденция церкви к компромиссу с миром и светской властью приводит некоторых верующих к ощущению, что церковь отстает от своей религиозной традиции. Такие верующие обычно порывают с церковью с тем, чтобы создать новую религиозную группу. В начале своего существования такие группы, как правило, имеют ярко выраженный сектантский характер. Они занимают бескомпромиссную позицию по отношению к миру, отвергают идею профессионального духовенства, условием членства в группе считают наличие сходного религиозного опыта, придерживаются буквалистских взглядов в теологии.

Со временем, однако, изменяются условия, породившие новую религиозную группу. Начинается процесс постепенного формирования качеств, присущих уже не секте, а церкви, которые прежде отвергались и порицались основателями группы. После того как завершается переход от секты к церкви, религиозная группа становится питательной средой для возникновения новых сект, и весь процесс повторяется снова.

Согласно этой теории, новые секты набирают своих членов преимущественно из экономически угнетенных классов. Таким образом, возникновение новых групп является результатом не только религиозных расхождений, но и социального неблагополучия. Подспудный социальный протест таится под внешней формой теологических расхождений. Однако постепенно новая группа адаптируется к существующему социальному порядку, и в ней начинают преобладать тенденции к компромиссу, к сдерживанию протеста.

Этот процесс завершается крушением. Секта обеспечивает своих членов каналом, с помощью которого их ощущение социальной депривации вытесняется ощущением собственной религиозной избранности, привилегированности. Члены секты теперь сравнивают себя с другими, исходя не из своего относительно низкого экономического положения, а из своего особого высшего религиозного статуса.

Как утверждает М. Вебер, сектантская идеология включает в себя пуританскую этику, акцентирующую самодисциплину. Со временем члены секты, благодаря преимуще-

ствам своей идеологии, поднимаются до уровня среднего класса, что, в свою очередь, приводит к переориентации системы ценностей. Поскольку сама по себе экономическая депривация исчезает, больше нет необходимости компенсировать ощущение депривации. Когда члены секты адаптируются к окружающему «большому» обществу, вместе с ними приспособляется и их религиозное движение: происходит переход от секты к церкви.

Эта теория работает в большинстве случаев. Однако применительно к некоторым ситуациям она не срабатывает, и потому ее, очевидно, нельзя рассматривать как общую теорию происхождения и развития религиозных групп. Ею упускается тот факт, что не все религиозные группы начинают свое существование как секты. Кроме того, как мы говорили выше, некоторые религиозные группы сразу формировались выходцами из среднего класса, а не обездоленными представителями социальных низов. И, наконец, теория «церкви и секты» не принимает в расчет культы; она не работает в случае теософских групп или, например, движения «Черных мусульман». Она не годится также для описания религиозных групп, которые не обнаруживают признаков эволюционирования в церковь. Она не дает ответа на вопрос, при каких условиях реакция на экономическую депривацию носит религиозный характер, а при каких — секулярный.

2. Различные типы деприваций как фактор образования религиозных групп

Ч. Глок и Р. Старк предложили обобщенный и дополненный вариант теории развития религиозных групп. Они также рассматривают депривацию в качестве необходимого условия возникновения новых религиозных движений.

Теория «секты и церкви» имеет в виду главным образом экономическую депривацию. Действительно, в любом обществе существуют индивиды и группы, живущие в относительно неблагоприятных экономических условиях. Всегда существуют и люди, остающиеся на самом дне социально-эконо-

мической иерархии. Однако, кроме экономической, имеются и другие формы депривации, которые также сказываются на развитии как религиозных, так и секулярных движений.

Под *депривацией* следует понимать любое состояние, которое порождает или может породить у индивида или группы ощущение собственной обездоленности в сравнении с другими индивидами или группами, или с интернализированным набором стандартов. Ощущение депривации может быть сознательным, т. е. индивиды и группы, переживающие депривацию, могут понимать причины своего состояния. Но возможно и такое развитие ситуации, когда депривация переживается как что-то иное, то есть индивиды и группы воспринимают свое состояние в превращенной форме, не сознавая его подлинных причин. В обоих случаях, однако, депривация сопровождается острым желанием преодолеть ее. Исключением могут быть только ситуации, когда депривация оправдывается системой ценностей данного общества, например, кастовая иерархия в Индии.

Можно выделить пять типов депривации:

1. *Экономическая депривация* проистекает из неравномерного распределения доходов в обществе и ограниченно-го удовлетворения потребностей некоторых индивидов и групп. Степень экономической депривации оценивается по объективным и субъективным критериям. Индивид по объективным критериям экономически вполне благополучный и даже пользующийся привилегиями, может, тем не менее, испытывать субъективное ощущение депривации. Для возникновения религиозных движений субъективное ощущение депривации является наиболее важным фактором.

2. *Социальная депривация* объясняется склонностью общества оценивать качества и способности некоторых индивидов и групп выше, чем других, выражая эту оценку в распределении таких социальных вознаграждений, как престиж, власть, высокий статус в обществе и соответствующие ему возможности участия в социальной жизни. Основания для такой неравной оценки могут быть самые разнообразные. В современном обществе молодых ценят выше, чем

пожилых, мужчин-работников — выше, чем их коллег — женщин, талантливым людям предоставляют привилегии, недоступные для посредственных. Социальная депривация обычно дополняет экономическую: чем меньше человек имеет в материальном плане, тем ниже его социальный статус, и наоборот. В целом образованный человек стоит «выше» на социальной и экономической шкале, чем необразованный.

3. *Организмическая депривация* связана с врожденными или приобретенными индивидуальными недостатками человека: физическими уродствами, инвалидностью, слабостью и т. д.

4. *Этическая депривация* связана с ценностным конфликтом, возникающим при несовпадении с идеалами общества идеалов отдельных индивидов или групп. Такого рода конфликты могут возникать по многим причинам. Некоторые люди могут ощущать внутреннюю противоречивость общепринятой системы ценностей, наличие латентных негативных функций установленных стандартов и правил, они могут страдать от несоответствия реальности идеалам и т. д. Часто ценностный конфликт возникает из-за наличия противоречий в социальной организации. Известны такого рода конфликты между обществом и интеллектуалами, у которых имеются свои критерии совершенства в искусстве, литературе и других областях творчества, не разделяемые широкой публикой. Многие религиозные реформаторы (например, Лютер), а также и политические деятели радикально-революционного направления (Маркс), видимо, испытывали ощущение депривации, вызванное этическим конфликтом с обществом — невозможностью вести образ жизни, соответствующий собственной системе ценностей.

5. *Психическая депривация* возникает в результате образования у индивида или группы ценностного вакуума — отсутствия значимой системы ценностей, в соответствии с которой они могли бы строить свою жизнь. Это преимущественно бывает следствием острого и не разрешенного в течение долгого времени состояния социальной депривации, когда человек в порядке самопроизвольной психической компенсации своего состояния утрачивает приверженность ценностям не признающего его общества.

Обычной реакцией на психическую депривацию является поиск новых ценностей, новой веры, смысла и цели существования. Личность, испытывающая состояние психической депривации, как правило, наиболее восприимчива к новым идеологиям, мифологиям, религиям. В противоположность этой категории лица, переживающие этическую депривацию, демонстрируют глубокую приверженность к привычным для себя ценностям. Психическая депривация проявляется прежде всего в чувстве отчаяния, отчуждения, в состоянии аномии, проистекающих из объективных состояний депривации (социальной, экономической или организмической). Она зачастую выливается в действия, направленные на устранение объективных форм депривации.

3. Закономерности эволюции религиозных движений

Субъективное ощущение депривации является необходимой предпосылкой возникновения какого бы то ни было организованного социального движения — религиозного или секулярного. Однако сама по себе депривация — это лишь необходимое, но вовсе не достаточное условие. Состояние депривации должно разделяться многими людьми; существующие в обществе институты должны быть неспособны разрешить его; наконец, должен появиться лидер с привлекательной для масс новой идеей, и тогда возникает движение протеста.

Это движение, направленное на преодоление состояния депривации, как уже говорилось, может быть как религиозным, так и секулярным. В случаях экономической, социальной и организмической депривации, когда ее причины воспринимаются неадекватно или нет возможности предпринять необходимые действия для устранения, наиболее типично возникновение религиозных движений. В ситуациях противоположного характера — когда сущность депривации адекватно осознается ощущающими ее людьми и они чувствуют, что в силах устранить ее причины, — движение протеста приобретает секулярные формы. Таким образом, религиозные движения скорее служат психологической ком-

пенсации ощущения депривации, нежели устранению ее подлинных причин.

В случаях этической и психической депривации дело обстоит совершенно иначе. Религиозное движение может не менее эффективно, чем секулярное, устранить депривацию. Попытки разрешения состояния психической депривации обычно и принимают форму религиозных движений. Тем не менее такие попытки могут проявляться и в форме радикальных политических движений — особенно если имеет место сочетание психической и экономической депривации.

Экономическая депривация, если она достаточно интенсивна, чревата возможностью возникновения революционного протеста. И действительно, там, где она порождает секулярные движения, они, как правило, имеют революционный характер. Однако для победоносной революции необходима такая мощь, какой едва ли может обладать депривированная группа. Поэтому даже интенсивная экономическая депривация редко приводит к революции.

Религиозные движения, возникшие как результат экономической депривации, хотя и не являются в буквальном смысле революционными, все же на символическом уровне остаются таковыми. Латентный протест против общества стремится найти выражение в идеологии, отвергающей и развенчивающей это общество. Поэтому для участников религиозного движения происходит как бы символическая трансформация социальной системы, в то время как в действительности все остается без перемен.

Так и обстоит дело с сектами; именно к этому типу относятся, как правило, религиозные организации, возникающие под влиянием экономической депривации. Такие движения не нуждаются в использовании теологической базы традиционной для данного общества религии. К примеру, движение «Черных Мусульман» заимствовало многое из «чуждой» религиозной доктрины. Но характерный для этого движения резкий социальный протест и представления о превосходстве негритянской расы указывают на то, что оно относится к типу религиозных движений, порожденных экономической и социальной депривацией.

Социальная депривация, в том случае, если она не содержит в себе сильного экономического компонента, обычно не пробуждает стремления к полной трансформации общества — будь то реальной или символической. Критику вызывает не социальная система в целом, а ее часть или несколько частей.

Многие секулярные движения вызваны тем или иным видом социальной депривации. Как правило, целью их является устранение депривации той или иной конкретной группы населения путем повышения ее социального статуса.

Иногда полусекулярные по своему характеру движения пытаются компенсировать низкий социальный статус посредством создания альтернативной статусной системы. Такую роль обычно играют клубы, братства, общества и ложи, особенно привлекательные для дискриминируемых расовых и этнических групп.

Социальная депривация может быть непосредственно связана с религиозным статусом и потому порождать религиозные инновации. Многие этнические субденоминации в рамках лютеранства, например, возникли из-за того, что существующие религиозные структуры не могли удовлетворить статусных запросов тех или иных групп. Такие организации не только помогают преодолеть религиозное неравенство, но служат также и средством снятия социальной депривации.

Классическими примерами могут служить движения реформированного иудаизма и консервативного иудаизма. Оба движения возникли как попытка дать современным евреям возможность пользоваться своим религиозным наследием, в то же время обходясь без тех аспектов иудейской ортодоксии, которые несовместимы с достигнутым ими статусом в секулярном обществе.

Религиозные организации, возникающие как реакция на социальную депривацию, имеют тенденцию к развитию скорее в церковь, чем в секту. Так происходит потому, что люди, страдающие от социальной депривации, стремятся в первую очередь приспособиться к окружающему их обществу, а не преобразовать его в целом или изолироваться от него. Отсюда их согласие принять сложившиеся в обществе институциональные формы.

Существуют религиозные движения, возникшие прежде всего как попытка преодолеть организмическую депривацию. Чаще, однако, бывает так, что эта цель составляет лишь один из аспектов движения наряду с другими. Поэтому трудно определить, к какой именно организационной форме тяготеют религиозные группы такого рода. Там, где единственной целью является снятие организмической депривации, движение скорее принимает формы, близкие к культу (например, Крисчен Сайенз в начале своего существования).

Реакции на этическую депривацию обычно бывают по своему характеру скорее реформистскими, чем революционными. В средние века реформаторы такого рода стремились к созданию и укреплению религиозных ценностей. Примером может служить деятельность Саванаролы и его приверженцев. Начало эпохи Просвещения ознаменовалось, помимо всего прочего, и тем, что окончательно сложилась и получила социальное признание гуманистическая система ценностей; с этого времени разрешение этической депривации происходит и в гуманистических терминах.

В редких случаях секулярные движения, порожденные этической депривацией, принимают революционный характер, поскольку страдающая от этической депривации элита получает поддержку экономически обездоленных масс. Но гораздо чаще этическая депривация порождает реформистские движения, направленные на возрождение каких-либо погрязших обществом ценностей или на пересмотр некоторых элементов принятой системы ценностей, но не на трансформацию существующей социальной организации.

Религиозные движения, связанные с этической депривацией, могут приводить к революционным переменам в религиозной жизни и мировоззрении (например, реформа Лютера). Это бывает в тех случаях, когда и само движение, и противодействующие ему силы отличаются достаточной мощностью. Но необходимо подчеркнуть, что в намерения самого Лютера не входило создание нового религиозного направления; он всего лишь стремился реформировать существующую церковь, приблизив ее к идеалу первоначального христианства. Чаще религиозные движения, вызванные

этической депривацией, носят более локальный характер. Классическим примером подобного движения может служить участие белых религиозных лидеров Америки в борьбе за гражданские права негритянского населения. Если правозащитное движение негров обусловлено в первую очередь их экономической и социальной депривацией, то белое духовенство вовлекается в него, испытывая состояние этической депривации из-за несоответствия между христианским идеалом равенства и практическим ущемлением в правах негритянского населения. Многие религиозные группы возникли как реакция на ощущение некоторыми верующими противоречия между традиционными представлениями и данными современной науки.

Чувство этической депривации обычно испытывают представители социальной элиты, высшего и среднего классов. Возникновение ценностного конфликта возможно там, где имеется определенный интеллектуализм и достаточный уровень образованности.

Психическая депривация почти всегда вызывает крайне острую реакцию, поскольку она связана с отрицанием господствующей в данном обществе системы ценностей. Ощущающие психическую депривацию субъекты тяготеют к новым идеологиям, радикализму в политике (как правому, так и левому). Религиозные движения, возникшие на почве психической депривации, как уже говорилось выше, обычно принимают форму разнообразных культов.

Социологические исследования, проведенные среди миллениаристских религиозных групп, показывают, что все члены этих групп прошли через период «церковной веры», затем отвергли все доступные им религиозные перспективы, испытали период отчаяния и кризиса, и, наконец, обратились к новому движению. Все оккультистские организации состоят из людей, переживших состояние психической депривации. К этой категории религиозных групп относятся также теософское движение и многие новые образования, которые можно классифицировать как культы, отвергающие доминирующую религиозную традицию.

Таким образом, имеющая место в обществе или даже угрожающая в будущем депривация выступает главным со-

циально-психологическим фактором, определяющим возникновение новых религиозных организаций и движений. Тип депривации накладывает отпечаток на характер этих движений. Можно сделать вывод, что существует некоторое соответствие между типом депривации и организационной формой порожденного ею религиозного движения. Экономическая депривация способствует возникновению сект, социальная депривация — церквей, а психическая депривация — культов.

Но тип депривации сказывается не только на различии форм возникающих организаций. Он определяет и ход их развития, и выживаемость. Ч. Глок и Р. Старк выделяют три базисных паттерна развития религиозной организации. Первый паттерн — это краковременный расцвет и скорая гибель. Второй — это сохранение в течение неопределенно длительного времени в той организационной форме, в которой движение возникло изначально. Третий — это выживание движения в форме, радикально отличающейся от первоначальной.

Помимо типа депривации, породившей движение, характер и перспективы его развития определяются также устойчивостью депривации и успешностью борьбы с ней.

Движения, порожденные экономической депривацией, имеют тенденцию либо к относительно быстрому исчезновению, либо к изменению своей организационной формы. Редко они сохраняются надолго в первоначальной форме.

Абсолютное меньшинство сект сохраняются как секты. Либо они распадаются, либо эволюционируют, приобретая форму церквей или деноминаций. Кроме того, как сказано выше, секты имеют тенденцию к стимулированию роста социального статуса своих членов. Поэтому организационная форма меняется в соответствии с меняющимся статусом индивидов, входящих в секту.

Способность церквей к выживанию в почти неизменной форме в значительной степени определяется устойчивостью социальной депривации. Поскольку в обществе всегда существуют люди, страдающие от социальной депривации, они образуют постоянный источник пополнения церкви. А она, в свою очередь, всегда остается для таких людей источни-

ком утешения, которое они не могут получить в «большом» обществе. Кроме того, церковь только компенсирует депривацию, но не устраняет ее. И потому первоначальные причины возникновения церкви не исчезают с течением времени. Наибольшую преданность церкви выказывают прихожане, в наименьшей степени пользующиеся социальным признанием: это те, кто менее других одарен интеллектуально, пожилые люди, инвалиды, женщины, лица, не имеющие нормальной семьи.

Организмическая депривация порождает движения, эволюция которых определяется развитием новых знаний о причинах и лечении умственных и физических заболеваний. Религиозные движения такого рода могут существовать очень долго, пополняя свои ряды теми, кто не может найти облегчения в секулярных сферах жизни. Однако со временем успехи медицины могут стать важным негативным фактором в развитии таких движений. Ибо, как выяснил Б. Малиновский в своих исследованиях на Тробрианских островах, люди не прибегают к магии, когда имеют в своих руках более эффективные средства контроля.

Движения, обусловленные этической депривацией, обычно продолжают существовать недолго. Не потому, что этическая депривация не является устойчивым элементом функционирования общества; это не так. Всегда имеются люди, считающие, что те или иные компоненты установленной системы ценностей нуждаются в изменении или пересмотре. Однако такие попытки всегда порождают сильное сопротивление остальной части общества. Таким образом, этическая депривация остается, как правило, уделом чудаков, и связанные с ней движения быстро сменяются новыми. Исключения — долгое время сохраняющиеся движения такого рода — объясняются тем, что предлагаемые ими варианты разрешения депривации оказываются приложимы к долговременным социальным тенденциям. Эти тенденции обеспечивают постоянный приток членов в такие организации. В целом этическая депривация переживается абсолютным меньшинством населения, и движения, порожденные ею, всегда остаются движениями меньшинства.

Для движений, связанных с психической депривацией, типичными являются два варианта развития. Либо они набирают силу и осуществляют трансформацию общества, а затем трансформируются и сами, либо быстро распадаются и исчезают. Поскольку такие движения связаны с ценностной ориентацией, несовместимой с превалирующей системой ценностей, они вызывают сильное противодействие и должны либо победить, либо потерпеть поражение. Религиозные движения такого рода обыкновенно приобретают форму культов и становятся объектами враждебности и даже преследований со стороны широких масс. Однако такие движения иногда выживают (например, христианство первоначально было культом с точки зрения традиционной римской религии). Победив, они сталкиваются в свое время с такими же проблемами, что и вытесненные ими религии. Хотя новые религиозные организации и могут вначале обеспечить своим прозелитам оригинальную систему значений, они все же не могут устранить социальные истоки депривации, которые, в свою очередь, порождают психическую депривацию и безверие.

Таким образом, к закономерностям возникновения и развития религиозных групп и организаций можно отнести:

1. Обусловленность возникновения новых религиозных групп постоянно действующими социально-психологическими факторами, а именно — отдельными видами депривации или их сочетанием.

2. Неизбежность прохождения религиозной группой в развитии фазы секты с более или менее выраженной социально-критической или социально-деструктивной направленностью.

3. Завершение процесса развития либо институализацией в качестве церкви, либо деградацией и распадом, в зависимости от специфики породившей данную группу формы депривации и социальных условий.

ТЕМА 19. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. Власть.
2. Господство.
3. Авторитет.
4. Политическое действие.
5. Три значения слова «политика».
6. Политическое господство.

Понятия «власть» и «господство» применяют и вне сферы политики. Но прежде всего они используются при анализе политических феноменов. Понятие «авторитет» мы встречаем повсюду, но особенную актуальность это понятие получает там, где авторитет оказывает влияние на политические процессы. Поэтому целесообразно прояснить смысл понятий «политическое действие» и «политика», чтобы потом сделать некоторые замечания относительно понятия «политическое господство».

Под понятиями «власть», «господство» и «авторитет» мы в большинстве случаев подразумеваем компоненты в многомерных и неравных социальных отношениях. Они включают в себя три аспекта.

Во-первых, социальные отношения ситуативны. Определение отдельной ситуации включается в непрерывную или прерывающуюся последовательность ситуаций, в ходе которых люди постоянно имеют дело с теми же самыми партнерами по интеракции.

Кроме того нужно принять во внимание, что «власть», «господство» и «авторитет», если рассматривать их в общем, хотя и существуют длительное время, при более близком наблюдении оказываются подверженными некоторым колебаниям. Однако, несмотря на это, социологию интересуют «власть», «господство» и «авторитет» в их устойчивости в социальных отношениях. Таким образом, нашей темой

являются, если точнее выразиться, «отношения власти, господства и авторитета».

Во-вторых, отношения, которые здесь имеются в виду, являются комплексными по своему типу. «Отношения власти» содержат еще и другие компоненты, например, авторитет. Это же относится к отношениям, которые первоначально могли бы определяться как «отношения авторитета». Наряду с этим могут играть роль аспекты отношений другого рода, например, отношений в кооперации и обучении. Отношения господства осуществляются чаще всего с помощью социальных институтов, которые определяют регламентацию и предоставляют возможность иметь дело с самими «господствующими» лишь в очень незначительной мере.

Необходимо определить аналитически, что такое власть, авторитет и господство в узком смысле, четко разграничить их и дать характеристику конкретным социальным отношениям как образованным с помощью власти, авторитета или господства.

В-третьих, мы хотим назвать асимметричными такие отношения, в которых структурное влияние одной стороны на действие другой стороны сильнее, чем обратное. Полезно было бы найти общее родовое определение для понятий «власть», «господство» и «авторитет». Но мы не находим подходящего слова. Например, выражение «социальное влияние» слишком неопределенно. Во всяком случае, подразумевается устойчивое социальное влияние, т.е. социальное отношение, в котором наличествует возможность подчинить собственному желанию и своему социальному поведению поведение других. «Власть» и «авторитет» были бы частными аспектами этого влияния. Наряду с этим можно было бы подумать о других видах влияния, например, о тотальном влиянии посредством убеждения на основе большего знания, которое не всегда должно трансформироваться в авторитет, или же о влиянии при помощи сексуальной привлекательности. «Господство» и в этом случае является частным аспектом «власти». Каждое отношение господства есть также отношение власти. Но не всякое отношение власти укрепляется настолько, чтобы можно было говорить о господстве.

1. Власть

Власть проявляется как компонент во многих социальных отношениях. Она характеризуется тем, что личность имеет возможность осуществлять свою волю по отношению к другим людям, несмотря на их сопротивление. Наша дефиниция почти дословно повторяет определение М.Вебера, что «власть означает возможность осуществлять собственную волю в социальном отношении также вопреки сопротивлению» («Хозяйство и общество»).

Здесь имеется в виду исключительно социальная власть, т.е. власть над людьми. В случае необходимости она проводится посредством социального действия вопреки сопротивлению людей (т.е. посредством действия, которое связано с действием других людей). Здесь не имеется в виду власть над природой (вещами), потому что распоряжение вещами является одновременно и целенаправленным осуществлением власти над людьми. Собственность на вещи может быть источником власти, но не должна быть таковым. Хотя, разумеется, юридически защищенное, эксклюзивное распоряжение вещами гарантирует не только спокойное наслаждение собственника ими, но усиливает его положение, так что он может оказывать давление на других.

Макс Вебер подчеркивает «аморфный» характер понятия власти. Речь может идти об экономической власти, например, о власти на рынке, т.е. о монополистических позициях, которые диктуют партнерам определенные условия обмена, хотя формально остается в силе принцип обмена между свободными и равноправными партнерами. Можно говорить также об эксклюзивном распоряжении средствами производства, которое вынуждает тех, кто не владеет средствами производства, продавать свою рабочую силу обладателю средств производства. Речь идет о неравных положениях на рынке. На рынке труда, как правило, работодатель сильнее, потому что он не обязан немедленно покупать труд за ту цену, которую назначает предлагающий рабочую силу.

Власть может происходить также из монополии на применение физического насилия, т.е. распоряжение оружием

(или лучшим, чем у других, оружием). Угроза насилия (она должна быть, конечно, убедительной) при этом приобретает большее значение, чем применение насилия. Потому что последнее разрушает упорядоченные повседневные отношения взаимодействия (интеракции), в сохранении которых, как правило, заинтересованы стоящие у власти. Нередко они извлекают из них выгоду.

Власть может, в конце концов, основываться на монополии распоряжения информацией в самом широком смысле, в которой настоятельно нуждаются другие. Сюда может относиться также «священное знание», поскольку оно считается в обществе истинным и необходимым, а также владение магическими практиками. Обладание определенным знанием только тогда может стать источником власти, когда те, кто его передают, могут склонить своих партнеров к ответным услугам (повиновение, денежное вознаграждение), которые надолго укрепляют их власть, т.е., например, дают возможность усилить экономическое господство. Кроме того, можно, наверное, говорить, что власть на основе информационной монополии является тогда не только властью на данный момент, если исходить не из знания статистических данных (которые при передаче быстро устаревают), а из сущности знаний и квалификаций, которые способствуют тому, чтобы в определенной сфере продуцировать новое предвидение необходимой информации.

Что предсказывает прорицатель (если всем отныне известно, что событие наступило), уже неинтересно. Однако он аккумулирует власть благодаря тому, что хранит в тайне, как он осуществляет предсказывание. Всем известно, что он один может знать будущее и высказывать новые пророчества практического характера (например, когда пойдет дождь). Власть эксперта может развиваться лишь в индустриальном обществе, когда на основе качественного образования, которое не каждый может осилить, создается определенная группа в области «монополии инноваций». Разумеется, при условии, что общество зависит от постоянного потока научной информации, открытий и изобретений.

В этой связи следует подумать и о власти над средствами массовой информации. Если в обществе наличествует

потребность в непроверяемой информации, которая не может быть удовлетворена через неофициальный пересказ друг другу, но требует организаторских и технических вспомогательных средств, тогда может образоваться монополия данной группы на распоряжение этими средствами. (Чаще всего это группа, которая обладает властью, полученной из других источников. Но существует и исконная власть прессы.) Власть этой группы может осуществляться тогда, когда информацию, которую необходимо обнародовать, она хранит в тайне от других.

Здесь следует затронуть также «манипулирование мнением». Это понятие включает в себе противоречие. Строго говоря, тому, кем «манипулируют», не навязывается мнение против его воли. Ведь он охотно и без оговорок верит в то, что ему преподносят. С другой стороны, для эффективной манипуляции необходимо, чтобы манипуляторы были в состоянии склонить мнение в нужное для них направление — так, как будто оно развилось без этого влияния.

Само собой разумеется, что различные источники власти могут взаимно дополнять друг друга, и, как правило, это происходит в действительности. Средневековый рыцарь обладал не только личным оружием, которое не мог позволить себе крестьянин и с помощью которого он мог осуществлять физическое насилие. Как профессиональный воин, он также знал, как им пользоваться и имел хорошую физическую форму. Это было возможно благодаря господству над крепостными, которые должны были заботиться о материальном поддержании его жизни.

2. Господство

Власть, как было сказано, выступает в разнообразных формах. Она может быть относительно прочной, но также дискретной, соответственно, эфемерной. Она может быть частичной или тотальной, институционально закрепленной или неофициальной. В некоторых случаях она усиливается, упрочивается и аккумулируется в господство. Господство является особым видом власти.

Полицейский — регулировщик дорожного движения не господствует. Господствует ли начальник на производстве, трудно ответить в единичном случае. Хотя он способствует реализации господства, ему не нужно господствовать самому. Важным прежде всего является вопрос, распространяется ли осуществление повиновения в ограниченной сфере и на другие жизненные сферы. Многие рабочие большую часть своей жизни проводят на иерархически организованном предприятии в подчиненном положении, и так как эта часть их жизни существенно определяет все их существование, имеет смысл говорить о предприятии как о системе, в которой репродуцируется господство.

Наблюдение за конкретным осуществлением господства позволяет сделать вывод, что успех господства в существенной степени зависит от того, найден ли верный момент для успешного осуществления собственной воли. Это отличает господство над людьми от так называемого «господства над машиной», которое «непрерывно». Правда, если машины имеют непредвиденные неполадки, мы склоняемся к антропоморфному наблюдению: мы говорим, что у них свои «причуды».

Однако господство характеризуется определенной устойчивостью. Оно осуществляется через повиновение, которое предполагает прочную установку повиновующихся. Эта установка не идентична признанию: существует повиновение против воли.

Как правило, господствующие стараются найти у подчиненных позитивно оцениваемое признание своего превосходства. Это, конечно, является лучшей основой для повиновения. Поэтому они стремятся, таким образом, добиться также авторитета. Однако господство может основываться на послушании против воли, которое, разумеется, закрепляется в установку. Там, где кто-либо от случая к случаю уступает более сильному, мы не могли бы говорить о господстве, но, скорее всего, о власти.

Прежде всего господствующие пытаются легитимизировать свое господство. «Легитимность» и «авторитет» — не одно и то же, хотя легитимность существует благодаря авторитету. Но существует также авторитет, который не леги-

тимизирует использование средств принуждения, которые свойственны любым отношениям господства. В социологии мы говорим о легитимном господстве, когда подчиненные считают осуществление господства, а следовательно, также требование повиновения и применение принуждения и насилия от господствующих лиц проявлением действующих в обществе норм. Не принципиально, что считает легитимным или нелегитимным сам социолог. (Отклонение от этих норм, а прежде всего от официальных правил, в исключительных случаях может «как-то» оправдываться. Например, все это может быть справедливым в отношении революций, движений сопротивления, спонтанных неправомерных вмешательств в определенных ситуациях.)

Как известно, М.Вебер привязывает свою типологию господства к типам легитимности. Он также не исключает нелегитимного господства. Но он считает, что господство, как правило, пытается легитимизировать себя. Кроме того, он полагает, что посредством вида легитимизации можно объяснить различие между типичными формами осуществления господства. Так, в «харизматическом господстве» мы находим фигуру «апостола», в «традиционном господстве» — «патримониальных слуг» и «сословных господ», в «легальном господстве» — «бюрократический аппарат».

И наконец еще одно предостережение: нельзя путать «легальность» (т.е. правило, согласно которому все верховные действия должны основываться на законах, которые возникают официально) с «легитимностью». «Легальность» является формой легитимности наряду с другими (например, традиция, харизма). Хотя легитимизация путем легализации характерна для современного правового государства, однако очевидно, что ее не во всех случаях достаточно. (Например, мы считаем «нелегитимными» законы, если оказывается, что они противоречат конституции или ее духу. Некоторые государственные акты времен нацистского режима считаются сейчас не только безнравственными, но также и «противозаконными», хотя они соответствовали действующим тогда законам.) Форма легитимизации через легализацию не обязательно включает признание авторитета за теми лицами и государственными инстанциями, которые ответ-

ственны за проведение государственных актов. Ведь, в частности, в демократии народ понимается как «суверен», т.е. носитель верховной власти. Государство как «аппарат» обязано служить ему. Хотя каждый в отдельности должен быть законопослушным, он должен уважать чиновников или избранных представителей. Правда, демократия в «идее» и в действительности — совершенно разные вещи.

3. Авторитет

Авторитет — социальное влияние, возникающее благодаря тому, что лицам, группам или институтам приписывается превосходство, которое находит всеобщее признание. Признание этого превосходства содержит также и отказ от самоопределения. Подвергается сомнению или собственная компетентность в вынесении самостоятельных решений, или способность иметь свое мнение в определенных вопросах, или собственная способность к выполнению определенных действий. Признание превосходства носителя авторитета дает тем самым возможность определить поведение других, полагающихся на него. Такое влияние часто происходит также без решительных действий носителя авторитета.

Фактически нельзя понимать авторитет в качестве специфического социального феномена, как определенное свойство носителя авторитета. Если говорят, что он обладает «превосходством», эта фраза ничего содержательного не содержит относительно носителя авторитета, а лишь говорит нечто о его отношении к другим лицам. Существует много качеств обладателя авторитета, которые могут способствовать формированию авторитета (ум, физическая сила, импозантность выступлений, ораторское искусство, легитимность разного рода, — или ему присуща харизма, или он считается «воплощением» традиции и т.д.). Но все эти качества неизбежно способствуют авторитету вместе или по отдельности. Авторитет проявляется только тогда, когда в присутствии других лиц на основе признания превосходства устанавливается определенное поведение.

Следует отметить, что многим людям с трудом удается добиться авторитета с помощью сознательных действий.

Авторитет нельзя путать с «авторитарным поведением». Последнее мы чаще всего обнаруживаем именно там, где недостает авторитета. Авторитет часто создается независимо от воли, активности и знаний носителя авторитета.

«Авторитет» нужно отличать в понятийном отношении от власти, хотя в социальной действительности он часто выступает в тесной связи с властью. В то время как для власти специфично то, что воля стоящих у власти может осуществляться вопреки сопротивлению, для авторитета характерно, что преклонение перед ним не включает ожидания, что сопротивление может быть сломлено. Там, где это происходит, мы имеем дело с отношением, в котором наряду с авторитетом также присутствует власть. Они могут дополнять друг друга.

Как было сказано, отделить «авторитет» от «власти» можно только аналитически. Но это нужно делать, если мы хотим исследовать сложные ситуации, в которых «диффузная власть», т.е. власть, которая укрепляется до положения «господства», и «авторитет» смешиваются и в различных формах взаимодополняют друг друга.

Современное бюрократически организованное государство впервые в истории позволяет осуществляться господству сверху донизу в кратчайшие сроки. Документированность всех процессов дает правящим кругам возможность в любое мгновение контролировать то, как осуществляется внизу воля господствующих. Если современное государство обнаруживает неэффективность механизмов господства, то причина этого лежит не в недостатке средств власти, а в том, что они разрослись и стали не удобными в использовании.

Немецкий король эпохи средневековья всегда был готов со своим войском на месте устранить хаос и непослушание. Он должен был заполнять любую «брешь» авторитетом, легитимностью своей власти или силой, внушающей уважение. Впрочем, это «внушение уважения» является феноменом, в случае с которым трудно оценить, следует ли его рассматривать как «угрозу» или как редуцированную форму реализации авторитета.

Насколько можно видеть в распространенной тенденции подчиняться внушению «голой» силы (таким образом, что

не только не думают о сопротивлении, но идентифицируют себя с ней), нечто вроде «коллективного невроза», ответить нелегко. Применение психологических понятий к социальным феноменам иногда неизбежно, но влечет за собой в итоге определенные трудности.

4. Политическое действие

Широко распространенным является мнение, что политика есть деятельность, которая составляет смысл государства или связана с ним. **Политическое действие** является действием государственных органов или действием, которое пытается влиять на деятельность государственных инстанций. На наш взгляд, такое представление о политике слишком узко. Во-первых, следует принимать во внимание то, что государство в нашем сегодняшнем смысле существовало не во все времена. Если в качестве государства обозначается политический союз, который монополизировал внутри определенной области применение легитимного физического принуждения (М. Вебер «Хозяйство и общество»), то необходимо констатировать, что в прежние времена, например, в том же европейском средневековье большинство господствующих структур, возможно, похожих на государственные, не являлись, однако, государствами. Они не имели в своем распоряжении замкнутой, ясно очерченной области (существовали разнообразно перекрещивающиеся претензии на господство; см. К. Шмитт «Государство как конкретное понятие, связанное с исторической эпохой»). Только постепенно удалось полностью централизовать систему правосудия и ввести «всеобщий мир». Это был также важный шаг на пути становления государства в нашем сегодняшнем смысле.

С одной стороны, не всякое действие государства мы характеризуем как политическое, несмотря на то, что речь идет об осуществлении политических решений. Государственное управление — это не то же самое, что политика, хотя оно, бесспорно, ориентируется на политику и политическое влияние. Но было бы неверно обозначать все, что происходит в обществе, как политику, хотя, конечно, едва ли существуют жизненные сферы, которые не затронуты полити-

ческими условиями и политическими решениями. Необходимо обозначать предметные сферы как политические или политизированные, если приписываемое им социальное действие является типично политическим. Иначе нужно было бы говорить о политической релевантности. Так, жизнь внутри многих семей, несомненно, не является политической. Но многое из того, что происходит в семье, имеет политическую значимость (релевантность). Например, школьные реформы, которые исходят от политических решений, могут угрожать домашнему согласию. Прежде всего целесообразно установить, какой тип действия нужно считать политическим. При этом, разумеется, необходимо одновременно принимать во внимание определенное своеобразие социальной сферы, которое дает повод или позволяет политически действовать. Но нельзя установить раз и навсегда, о каких сферах при этом идет речь. Существуют сферы общественной жизни, которые с течением времени политизируются, т.е. теряют свой изначально «неполитический» характер. Может происходить и обратное.

Политическим действием является действие, осуществляемое неполностью регулируемой пограничной областью между подсистемами общества, которые различным образом институционализированы. Политическое действие пытается «влиять» на отношение подсистем друг с другом.

Политическое действие предполагает, что это отношение подсистем друг к другу потенциально динамично. Политическое действие постоянно имеет дело с изменчивостью общества. Оно может нести консервативный замысел или намерение изменить что-либо. Лишь там, где существует неполностью регулируемое игровое пространство, возможна политика. Поэтому тоталитарные системы имеют тенденцию ограничивать возможности политики в своем внутреннем пространстве. (Здесь не следует вдаваться в объем понятия «тоталитарный».) Исполнение политических решений в *полностью институционализированном* бюрократическом аппарате не является политическим действием, но оно обладает *политической релевантностью*.

Политическое действие по сути является поведением группы, т.е. действием между разнородными институционализи-

рованными группами и подсистемами. Таким образом, оно не может быть полностью определено через интересы, ценности, нормы и конкретные поведенческие ожидания группы или подсистемы (хотя действующий субъект понимается как представитель группы). Политическое действие постоянно должно ориентироваться на множество интересов, ценностей, норм и т.д., хотя некоторые из групп и подсистем не признаются действующими субъектами. Так как политическое действие осуществляется в социальной сфере, в которой большое число более или менее организованных людей преследует различные цели, соответствующие разнообразным интересам и ценностным представлениям, влияние на отношение подсистем друг к другу фактически не может происходить вне власти.

Так как в названном поле деятельности цели, как правило, не могут осуществляться посредством единичного спонтанного действия, политическое действие должно обладать *непрерывностью*. Отдельные шаги, которые приближают к цели, должны целесообразно планироваться. Так как в этой сфере постоянно нужно считаться с подобным рациональным образом действий других людей и групп, которые преследуют иные цели, необходимо включать в собственный расчет их фактическое и возможное поведение.

Политическое действие практично, оно ориентируется существенным образом на то, что может быть реализовано. («Политика есть искусство возможного», — говорил Бисмарк.)

Политическое действие вращается в определенной, во многих отношениях неприятной, часто преступающей границы гуманного, сфере абстракций. Профессиональный политик должен лично знать невероятно много людей и помнить их имена. Но несмотря на это он постоянно имеет дело с «анонимностью», с государствами, партиями, организациями, движениями, законами, общественным мнением, связями, т.е. чистыми феноменами, представление о которых вынуждает к тому, чтобы прежде всего вынести за скобки своеобразие личностей и единичных судеб. Это не исключает того, что политическая цель может реализовывать индивидуальную свободу и личностный потенциал многих людей.

Хотя в неполностью институционализированной и изменяемой пограничной области между социальными подсистемами постоянно всплывают новые альтернативы действий, характерным признаком политического действия является сознательно осуществляемый акт решения.

Политическое действие возможно, конечно, не только в сфере отношений между подсистемами общества, но также и в отношениях между различными обществами.

5. Три значения слова «политика»

Понятие «политика» мы выводим из понятия «политическое действие». Это само собой разумеется.

1) *Политика* является охватывающей ситуацию, постоянной связью политических действий. Эта связь отчасти носит характер интеракции, отчасти она становится результатом взаимной стратегической ориентации касающихся друг друга, но не взаимодействующих акций. Смыслу такого понятия политики отвечает выражение: «Кто-то начинает заниматься политикой».

2) *Политика* является когерентным, распространяющимся на отдельные ситуации политическим действием индивида или групп («Кто-то занимается политикой»).

3) *Политика* есть последовательность когерентных, координированных, направленных на определенную цель политических действий («Кто-то делает политику»).

Три дефиниции *политики* фактически отсылают к определенному типу поведения, а именно — к *политическому действию*. Причем мы исходим из того воззрения, что не существует «зон», которые были бы «политическими» сами «в себе» или же неполитическими. Более или менее политизированными могут быть самые разнообразные социальные сферы, поскольку социальное действие принимает в них более или менее характер политического действия. Следовательно, существует большая или меньшая степень политизации различных социальных сфер, согласно тому, пронизаны ли они деятельностью структурами политического типа и соприкасаются ли их тематические области с политическими интенциями или нет.

6. Политическое господство

Не всякий вид господства мы называем «политическим господством». **Политическое господство** есть реализация повиновения в заданном ансамбле гетерогенно институционализированных подсистем общества с высокой степенью регулярности. Оно подразумевает в социальной области существование множества подсистем и необходимость организованной системы институтов.

Во-первых, *коммуникативных институтов*. (Господствующими кругами используются информация о соответствующих шансах найти повиновение, информация об обстоятельствах, знание которых необходимо для формирования воли, информация по контролю за исполнением приказов или их невыполнением. Повинующиеся должны быть кроме того информированы об ожидаемом от них поведении. Передача установки, которая гарантирует готовность к повиновению, происходит тоже посредством коммуникативных институтов.) Можно было бы спросить, нуждается ли политическое господство для своего оправдания в посредничестве политической «общественности», которая предполагает при доступности происходящих здесь коммуникативных процессов определенные институты. Даже в диктатурах, в которых много решений принимается без участия общественности, господствующие круги с трудом могут отказаться от того, чтобы при случае не обратиться в обход всякого институционального порядка и проложенных информационных каналов напрямую ко всему народу.

Во-вторых, *институтов, принуждающих к повиновению*. (Например, существуют организации, применяющие физическое насилие, а также для защиты от влияний, которые могли бы угрожать безопасности политической власти.)

ТЕМА 20. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

ЛЕКЦИЯ 1.

1. Развитие теорий «социальной инженерии».
2. Сущность социальных технологий.
3. Классификация основных видов социальных технологий.

1. Развитие теорий «социальной инженерии»

«Управление людьми» отличается от «управления ресурсами» и по своим технологическим принципам, и по стратегическим целям. Как отдельное направление в системе научного знания, социальные технологии стали развиваться с начала XX века в рамках теории управления и социальной инженерии. Само появление социальной инженерии было связано с попытками применения выводов социологических наук для практических задач, создания социальных технологий.¹

В США, Франции, Англии в 20-е годы широко разрабатывались и внедрялись различные технологии совместного общения, организационные технологии, технологии самоменеджмента. Многие идеи и опыт этих технологий аккумулировались в теории человеческих отношений, разработанной в 1920—1930-х годах Э. Мэйо.²

В то же время социоинженерный подход начал складываться и в советской социологии и был связан с именами

¹ Дятченко Л. Я. Социальные технологии в системе управления общественными процессами. Автореф. докт. дис. М., 1993. С. 4; Коротец И. Д., Штомпель Л. А., Штомпель О. М. Человек и общество (Философия). Словарь-справочник. Ростов-на-Дону, 1996. С. 44.

² Дятченко Л. Я. Цит. соч. С. 4.

А. К. Гастева, П. М. Керженцева, М. М. Бирштейн, О. А. Ерманского.¹

С 1930-х годов в отечественной литературе интерес к социальным технологиям продолжительное время был ограничен из-за идеологического неприятия всего, что относилось к зарубежной социальной инженерии.²

Сама же западная социология развивалась и вширь, и вглубь. Дальнейшее развитие «малых социологий» (теорий среднего уровня) интенсифицировало разработку специализированных средств и методов, используемых в социальной инженерии, как систему целеуказаний, создающих возможность для рациональной деятельности. Эти средства в 1970-е годы стали обозначать термином «социальные технологии».³

С середины 1960-х годов работы по развитию методов социоинженерной деятельности были возобновлены и осуществлялись по следующим направлениям: теория и практика социального планирования, разработка целевых комплексных программ развития регионов, отраслей, сфер общественной жизни (с 1970-х годов), социальное проектирование (1970—80-е годы), управленческое и иные виды консультирования (1980-е годы), игротехническая деятельность.⁴

Хотя указанные направления не обозначались в то время термином «социальная технология», но по своей сути они представляли собой определенные социальные технологии или их взаимосвязанные комплексы.⁵

Само же понятие «социальная технология» стало входить в отечественную теорию и практику социального управления в 1970-е и 1980-е годы.

¹ Дудченко В. С., Макаревич В. Н. Социоинженерная деятельность, социальное проектирование, социальная технология. // Марксистско-ленинская социология. М., 1989. С. 153.

² Шепель В. М. Настольная книга бизнесмена и менеджера. М., 1992. С. 143.

³ Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996. С. 204.

⁴ Дудченко В. С., Макаревич В. Н. Социоинженерная деятельность, социальное проектирование, социальная технология. М., 1989. С. 153—154.

⁵ Данакин Н. С. Теоретические и методические основы разработки технологий социального управления. Автореф. докт. дис. М., 1994. С. 4.

Основой для развития социальных технологий являются достижения в области теории организации, социологии, социальной психологии и теориях социального управления. Однако до начала 90-х годов в российском научном обороте практически не было источников, посвященных непосредственно разработке, проектированию социальных технологий, их внедрению в практику.

Сегодня ситуация меняется, и вопросам социальных технологий стало уделяться достаточно большое внимание. Вместе с тем до сих пор проблема социальных технологий содержит немало «белых пятен». Так, по мнению большинства исследователей, ни одно из существующих определений технологий не является точным. Если применительно к производственной сфере под технологиями понимается *совокупность методов, способов и приемов преобразования материалов* в полезную вещь, услугу, информацию, что почти не оспаривается, то при переводе этой дефиниции непосредственно в социальную практику разногласия усиливаются, что не способствует решению проблем практики. В результате в стороне от внимания исследователей остаются вопросы готовности и способности людей к использованию социальных технологий, проблемы внедрения теоретических находок и апробированных приемов в практику.

Однако в рамках обозначенной проблемной области ведется изучение целого ряда важных аспектов современного социального менеджмента, таких, как содержание инновационного антикризисного управления, мотивационные возможности социального управления. Результаты всех этих исследований до сих пор не были концептуально осмыслены и теоретически систематизированы. Многие проблемы обозначены специалистами в области социологии управления лишь на постановочном уровне, ряд вопросов и ныне носит относительно нерешенный, дискуссионный характер.

Неразработанность целого ряда важных теоретических аспектов исследования инновационного социального содержания управления региональными экономическими процессами, а также их высокая практическая значимость в условиях кризисного социально-экономического развития современного российского общества предопределяют необходимость дальнейшего изучения этой проблемы.

2. Сущность социальных технологий

Любые социальные преобразования, связанные с повышением уровня и качества жизни людей, представляют собой инновационные процессы, протекающие под воздействием целенаправленных мер по созданию новых общественных структур, институтов, форм социального взаимодействия. По мнению американского специалиста в области менеджмента П. Друкера, «социальные нововведения оказываются более значительными, чем внедрение паровых локомотивов или телеграфа»¹. Эффективным же средством осуществления этих инноваций выступают социальные технологии.

Особую значимость социальные технологии имеют в условиях сегодняшней России, осуществляющей сложнейший и неизвестный до сих пор мировой практике переход от жестко планируемой организации общественной жизни к обществу, основанному на экономической и политической свободе, инициативе и ответственности человека. Поиск новых форм и способов организации общественной жизнедеятельности во всех ее сферах требует выработки и реализации самых разнообразных социальных технологий, особенно в управленческих процессах, где отчетливее всего проявляется эффективность технологизации.

Далеко не все граждане нашего общества готовы к новым экономическим отношениям. Отсюда потребность в технологиях, во-первых, направленных на социальную защиту той части населения, которая в силу объективных причин не может приспособиться к новым условиям, во-вторых, в технологиях самоорганизации (саморегулирования и сбалансированного развития) экономических и социальных систем и, в третьих, в новых технологиях обучения, позволяющих с минимальными затратами времени и сил повысить уровень подготовки людей для новых сфер их деятельности.

Таким образом, проблема социальных технологий сегодня приобрела весьма актуальное общественное звучание.

Основой для развития социальных технологий являются знания и опыт, накопленные социологической наукой. До

¹ Друкер Питер Ф. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. М., 1992. С. 45.

недавнего времени методы социологии развивались в основном как методы получения знания, в результате чего исследователи, имея доказательные выводы о сути явлений, не могли дать рекомендаций о способах воздействия на неблагоприятные тенденции, подсказать пути разрешения выявленных проблем.¹ Как отмечает А. И. Пригожин, контраст между достоверностью выводов и зыбкостью рекомендаций начал постепенно преодолеваться благодаря переходу социологии из сферы одних только исследований и разработок в стадию «активной социологии», — выявления проблем и выработки их решения.

Иначе говоря, потребовались социальные технологии осуществления реальных изменений. Активная социология не предлагает решения, но технологизирует их.²

Понятие «социальная технология» может быть представлено в следующих положениях:

1. *Социальная технология* — это определенный способ осуществления человеческой деятельности по достижению общественно значимых целей.

2. Сущность способа состоит в рациональном расчленении деятельности на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией.

3. Это расчленение осуществляется предварительно, сознательно и планомерно на основе и с использованием научных знаний, передового опыта, с учетом специфики той области, в которой осуществляется деятельность.

4. *Социальная технология* выступает в двух формах: как программа, содержащая процедуры и операции (содержание которых — способы и средства деятельности), и как сама деятельность, построенная в соответствии с этой программой.

5. Специфика программы состоит в том, что она существенным образом предопределяет направленность и содержание технологизируемой деятельности.

¹ Данакин Н. С. Теоретические и методические основы разработки технологий социального управления. Автореф. докт. дис. М., 1994. С. 4.

² Пригожин А. И. Нововведение: стимулы и препятствия. М., 1989. С. 113. Перестройка: переходные процессы и механизмы. М., 1990. С. 95.

6. *Социальная технология* является элементом человеческой культуры и возникает двумя путями: «вырастает» в социокультурной среде эволюционно либо строится по ее законам как искусственное образование.¹

Существует немало определений социальных технологий.

Одно из первых в советской науке принадлежит В. Г. Афанасьеву: «Социальная технология — важный элемент механизма управления, поскольку она являет собой средство перевода требований объективных законов на язык общественной практики социального управления. Это перевод абстрактного языка науки, отражающей объективные закономерности развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей, каждого конкретного человека на наилучшее достижение поставленных целей».²

Э. Маркарян полагает, что в широком смысле слова все средства регуляции жизнедеятельности человеческих коллективов, выраженные в соответствующих ценностно-нормативных системах и социальных институтах могут быть охарактеризованы как социальная технология.³ В узком смысле, по мнению П. Яхиела, под социальной технологией понимается процедурная и технологическая сторона прикладной социологии.⁴

С. Брусов определяет социальные технологии как средства обмена человеческими способностями и потребностями между духовным и материальным производством.⁵

Л. Дятченко дает определение социальной технологии «как социально организованной области знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в усло-

¹ Дудченко В. С., Макаревич В. Н. Социоинженерная деятельность, социальное проектирование, социальная технология // Марксистско-ленинская социология. М., 1989. С. 159-160.

² Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. С. 235.

³ Маркарян Э. Теория культуры и современная наука: логикометодологический анализ. М., 1983. С. 259.

⁴ Яхиел П. Социология и социальная практика. М., 1985.

⁵ Брусов С. Специфика социальных технологий и их использование в сфере культуры и досуга // Культурно-досуговая деятельность: перспективы развития и проблемы регулирования. Свердловск. 1991. С. 55.

виях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов».¹

Рассматривая социально-технологический подход к формированию личностных качеств специалиста, Л. Съедина подразумевает под данным подходом «особый способ гармонизации уровней социального пространства, его обработки, улучшения социального поля, на котором происходит социализация индивида».²

Э. Капитонов предложил следующее определение: «Социальная технология — это способ реализации проекта воздействия на предмет какой-либо деятельности, рационально расчлененной на отдельные процедуры и операции, направленные на поддержание социальной системы в рабочем состоянии или преобразовании ее в соответствии с заданными параметрами».³

Наиболее полное и удачное, на наш взгляд, определение дано в словаре-справочнике «Социальное управление» (1994): «Социальная технология — алгоритм, процедура осуществления действий в различных областях социальной практики: управлении, образовании, исследовательской работе, художественном творчестве.

Социальная технология — элемент человеческой культуры, возникает эволюционно либо связано с потребностью быстрого и крупномасштабного «тиражирования» новых видов деятельности. Построение социальной технологии осуществляется за счет разделения деятельности на отдельные операции, процедуры при условии глубокого понимания природы и специфики той области, в которой разворачивается практика».⁴

В социальном управлении наибольшее признание получили социальные технологии, предназначенные для выра-

¹ Цит. по: Сперанский Б. Н. — Дятченко Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. М., Белгород. 1993. // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 156.

² Съедина Л. М. Социально-технологический подход к формированию личностных качеств специалиста. Автореф. канд. дис. Белгород. 1997. С. 14.

³ Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов-на-Дону. 1996. С. 210—211.

⁴ Социальное управление. Словарь-справочник. Под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М., 1994. С. 150.

ботки управленческих решений, повышения эффективности деловых совещаний, осуществления организационного проектирования, подбора, расстановки и обучения кадров, снятия социального напряжения.

Разработка социальных технологий — особое научно-прикладное направление управленческой деятельности, выражающееся в трансформации знаний в целях диагностики состояния социальных явлений и процессов, подготовки и реализации решений по их изменению и развитию.

По мнению большинства исследователей, ни одно из существующих определений социальных технологий не является точным.¹ Множество определений социальных технологий, по мнению Г. Галиева, свидетельствует, прежде всего, о сложности самого явления технологизации социальных процессов и о том, что формулировка ее дефиниции находится в процессе разработки.²

Таким образом, понятие «*социальная технология*» в научной литературе используется в следующих четырех значениях.

1. Совокупность методов, средств, приемов, способов организации человеческой деятельности по воздействию на социальные процессы и системы. Социальная технология организует целенаправленное взаимодействие социальных субъектов: с одной стороны, субъекта — организатора взаимодействия и инициатора преобразований; с другой стороны, социального субъекта — участника взаимодействия.

2. Описание указанных выше методов в текстах (методиках).

Обучение применению социальных технологий по опубликованной методике занимает от 1—3 месяцев до 2 лет.

3. Под социальной технологией понимается также область знания, рассматривающая вопросы создания, использования, распространения соответствующих методов и процедур преобразованной деятельности. Некоторые авторы предпочитают называть эту область социальной инженерии-

¹ Дятченко Л. Я. Социальные технологии в системе управления общественными процессами. Автореф. докт. дис. М., 1993. С. 10.

² Галиев Г. Т. Проблемы социальной технологии преодоления межнациональных конфликтов. Автореф. докт. дис. Уфа. 1997. С. 27.

ей, другие считают, что в этом значении «социальная технология» может выступать в качестве научной дисциплины (М. Марков).

4. Под социальной технологией понимается существенная характеристика самой деятельности по целенаправленному преобразованию социальных субъектов.¹

Условия, необходимые для технологизации любого процесса, и признаки любой технологии были обстоятельно рассмотрены М. Марковым.

По его мнению, для технологизации любого процесса необходимо наличие по крайней мере двух условий. Первое: сам процесс должен иметь такую степень сложности, которая позволяла бы и требовала расчленения его на относительно обособленные части. Следовательно, потребность в создании технологии диктуется прежде всего самим объектом, степенью его сложности. Второе: изыскание средств, которые позволили бы так систематизировать действия субъекта, чтобы максимальный эффект достигался при минимуме усилий.

Первым признаком любой технологии является разграничение, разделение, расчленение данного процесса на внутренне связанные между собой этапы, фазы, операции.

Второй признак любой технологии — координированность и поэтапность действий, направленных на достижение искомого результата.

Третий, весьма существенный признак — каждая технология предусматривает однозначность выполнения включенных в нее процедур и операций. Это решающее, неременное условие достижения результатов, адекватных поставленной цели.²

Отсюда вытекает достаточно лаконичная дефиниция: «**Технология** — способ реализации людьми конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательно взаимосвязанных процедур и операций, которые

¹ Дудченко В. С., Макаревич В. Н. Социоинженерная деятельность, социальное проектирование, социальная технология. // Марксистско-ленинская социология. М., 1989. С. 160—162.

² Марков М. Технология и эффективность социального управления. М. 1982. С. 44—47.

выполняются более или менее однозначно и имеют целью достижение высокой эффективности».¹

Одна из таких технологий — социальная технология «Работа с увольняющимися рабочими» — была разработана и внедрена на КАМАЗе под руководством А. К. Зайцева. Она включала шесть операций:

- 1) заполнение увольняющимися рабочими специального бланка «Заявление об увольнении»;
- 2) собеседование в отделе кадров;
- 3) подготовка социологами материалов для заседания общественного отдела кадров;
- 4) проведение заседания общественного отдела кадров;
- 5) традиционное оформление заявления, если увольнение не удалось предотвратить в установленные сроки;
- 6) подготовка и передача отделом кадров в вычислительный центр списков уволенных и списков рабочих, аннулировавших заявления об увольнении, и подготовка социологами на основании этих данных ежеквартального информационного бюллетеня «Анализ причин текучести».

Внедрение этой немудреной технологии позволило устранить на уровне цеха до 60% причин увольнений, а на уровне завода — до 80%.²

«Технологический» эффект достигается за счет:

- 1) расчленения деятельности на определенное число операций, необходимых и достаточных для ее эффективного осуществления, исключения тем самым «пустых» и бесполезных действий;
- 2) четкого распределения операций между исполнителями и исключения «необеспеченных» операций, функций;
- 3) координации действий исполнителей и исключения или «минимизации» возможных сбоев;
- 4) алгоритмизации деятельности и экономии ресурсов за счет сокращения времени на поиски, выбор вариантов и т.п.³

¹ Марков М. Там же. С. 48.

² Зайцев А. К. Внедрение социальных технологий в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. М., 1980.

³ Данакин Н. С. Теоретические и методические основы разработки технологий социального управления. Автореф. докт. дис. М., 1994. С. 6.

3. Классификация основных видов социальных технологий

В социальных технологиях видят средства обмена человеческими способностями и потребностями между духовным и материальным производством.¹

Рассматривая роль социальных технологий как одного из важнейших элементов управления общественными процессами, Л. Дятченко определяет их как социально организованную область знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов.² Этот же автор понимает под социальной технологией «процесс целенаправленного воздействия на социальный объект с целью получения запрограммированного результата».³

Объектом социальной технологии выступают люди, их взаимодействие, малые и большие социальные группы, а также разнообразные институты и организации.

Социально-технологический подход является альтернативой административно-командному. Он предполагает учет живого многообразия внутренних и внешних связей социальных явлений, многовариантности и естественности их изменений, а также ориентацию на развитие человека как личности, на создание для каждого человека возможности реализации собственного потенциала.

В России налицо потребность в продуманной технологии создания условий для того, чтобы общество развивалось без чьего-либо авторитарного давления, ущемления прав и свобод отдельных личностей и социальных групп. Для решения этой общегосударственной проблемы необходима выработка и претворение в жизнь различных региональных и

¹ Брусов С. Специфика социальных технологий и их использование в сфере культуры и досуга // Культурно-досуговая деятельность: перспективы развития и проблемы регулирования. Свердловск, 1991. С. 55.

² Дятченко Л. Я. Социальные технологии в системе управления общественными процессами. Автореф. дисс., докт. социол. наук. М., 1993. С. 8—9, 10—11.

³ Дятченко Л. Я. Там же. С. 24.

локальных программ, т.е. социальных технологий на среднем и микроуровне.

Рыночной экономике нужны современные технологии управления и организации, позволяющие рационализировать труд каждого человека, создать эффективные деловые связи между различными активными социальными группами.

В реальной жизни используются самые разнообразные технологии. Практика и теория выработали для каждого вида человеческой деятельности, для каждого социального процесса различные технологии. Каждой из них присущи неповторимые черты и признаки. Сегодня активно разрабатываются технологии управления и информационные технологии, технологии в сфере образования, профессиональной подготовки, формирования здорового образа жизни и развития активности человека, технология разрешения конфликтов и т.п. Общая тенденция этого процесса такова, что каждая отрасль знаний, изучающая человека и его деятельность, разрабатывает свои социальные технологии, обеспечивающие реализацию социальных разделов и оптимизацию социальных процессов.

В зависимости от того, на каком уровне общественных отношений разрабатываются и внедряются социальные технологии, можно разделить их на три группы:

— **макротехнологии**, т.е. технологии макросистем (региональные подсистемы общества, классы, партии, большие социальные группы и т.п.);

— **мезотехнологии**, т.е. технологии, используемые на «среднем» уровне — города и другого населенного пункта, крупного трудового коллектива и т.п.;

— **микротехнологии**, т.е. технологии, рассчитанные на небольшие объединения людей, общественные процессы на микроуровне, а также технологии самоорганизации, направленные на развитие и рациональное использование личностного потенциала.

Возможна классификация социальных технологий по основным сферам общественной жизни и видам человеческой деятельности: производственно-трудовой, политической, подготовительно-трудовой или образовательной деятельности, занятий спортом, деятельности в семейно-бытовой сфере и т.п.

По направленности деятельности выделяют 4 типа социальных технологий.

1. Технологии формирования социальных систем. Сюда относятся, например, методы социального проектирования.

2. Функциональные технологии, направленные на поддержание стабильности социальных систем и процессов. К ним можно отнести, например, типовые процедуры управления. Они направлены на решение социальных проблем, периодически возникающих в деятельности организаций.

3. Технологии, направленные на преобразование и развитие социальных систем. Сюда в первую очередь относятся методы игр открытого типа.

4. Технологии социальной борьбы как средство защиты социальных систем, подавления нежелательных явлений. В первую очередь имеются в виду высокоразвитые и технологизированные системы защиты безопасности и правопорядка общества.¹

Представляется возможным говорить о традиционных, уже апробированных и широко внедряемых в практику технологиях и об инновационных социальных технологиях, т.е. таких, которые еще не нашли широкого применения и потребность в которых все более ощущается на практике. В свою очередь, возможны различные основания для классификации инновационных социальных технологий, среди которых необходимо обратить внимание на классификацию по типу новшества: технологии прямого и косвенного действия.

Инновационные социальные технологии прямого действия своим предметом имеют непосредственно человеческие сущностные силы, способности, свойства, развивающиеся в зависимости от соответствия экономики, политической организации, социального строя, образа жизни и т.п. природе человека, его предназначению. Они направлены на формирование такой совокупности социальных процессов, которая бы соответствовала свободному и универсальному развитию человека. В самом обществе — это, как правило, социальные технологии перехода от тоталитарного строя к

¹ Дудченко В. С., Макаревич В. Н. Соционженерная деятельность, социальное проектирование, социальная технология // Марксистско-ленинская социология. М., 1989. С. 166—167.

демократическому обществу и правовому государству, от режима принудительного труда на основе господства государственной собственности к свободному труду на основе многообразия форм собственности и т.д.

Инновационные социальные технологии косвенного действия направлены на совершенствование организационно-управленческих аспектов человеческой деятельности в рамках имеющейся совокупности социальных процессов. Это технологии совершенствования существующих структур, организаций, порядков с целью их большего соответствия природе и предназначению человека (например, совершенствование форм организации и оплаты труда и т.п.).

В условиях перехода к рыночной экономике обостряется потребность в разработке новых технологий, основание которых необходимо для того, чтобы эффективно включиться в рыночные отношения. К примеру, и для предприятий, продолжающихся оставаться государственными, и для акционерных объединений, и для товариществ с ограниченной ответственностью необходимы технологии организации малого бизнеса, ведения биржевых операций, связей с иностранными партнерами и т.п.

Вместе с тем, как показывает жизнь, наряду с технологиями, переводящими систему из одного состояния в другое, в сегодняшних российских условиях не менее необходимы *технологии, повышающие надежность системы*. Нельзя разрушать старые социальные отношения, не создав условий для того, чтобы новые развивались прочно, устойчиво.

«Социальная технология — это такая инновация, которая на основе критического анализа имеющегося опыта рационализирует деятельность людей, повышает эффективность социальных процессов и, что особенно важно в современных условиях России, способствует становлению и развитию новых организационных структур».¹

¹ Дудченко В. С., Макаревич В. И. Там же. С. 30.

ЛЕКЦИЯ 2.

1. Применение социальных технологий на региональном уровне.
2. Зарубежный опыт регионального программирования.
3. Проект «Технополис».

1. Применение социальных технологий на региональном уровне

Применение социальных технологий на региональном уровне играет решающее значение. Это связано со следующими причинами.

В региональной экономике, в отличие от экономики с точно заданными, фиксированными целями для конкретных программ и систем, сам поиск и формирование целей для сложных региональных структур, в которых осуществляется вся полнота жизнедеятельности общества, должны быть отнесены к разряду основополагающих концептуально-методологических проблем. Целевые параметры региональной науки на глобальном уровне соединяются с нормативно-прогностическими целями и онтологическими категориями существования человека и жизнедеятельности общества. Причем, как в региональном прогнозировании, так и в региональной политике, поставленные цели при соответствующей системе их реализации зримо воплощаются и материализуются.

Поэтому исключительно важно своевременно и безошибочно эти цели отыскивать и конкретизировать. Ибо цели регионального развития отнюдь не сводятся к извечным целям рыночной экономики, В региональных целях и тенденциях так или иначе отражаются и проецируются глобальные многовековые устремления человечества.¹

«Региональное программирование и регулирование по существу являются одним из главных направлений государ-

¹ Матрусов Н. Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. М., 1995. С. 47.

ственного противодействия односторонне рыночным факторам роста в важнейших сферах жизнедеятельности страны — социальной, экономической и др.»¹

В соответствии с современной методологией регионального программирования в целевых программах в обязательном порядке должны быть поставлены конечные цели трех основных типов.

Первый тип направлен на рациональное размещение производства. Он включает вовлечение в хозяйственный оборот новых видов ресурсов и их эффективное использование, достижение рациональной специализации региональных хозяйств, формирование комплексов, наиболее полно использующих местные возможности и ресурсы; рациональное и сбалансированное развитие городских и сельских мест поселения.

Второй тип целей ориентирован на обеспечение одинаковых социально-экономических условий проживания, уровня жизни в различных регионах страны. Это связывается с воздействием на уровень доходов населения разных регионов, уровень занятости и с уменьшением негативных последствий безработицы, стимулированием миграции трудовых ресурсов в нужном направлении, предотвращением деградации слаборазвитых и депрессивных районов.

Третий тип целей следует отнести к ресурсно-экономическим. Они направлены на установление рациональных масштабов производственного потребления природных ресурсов, на предотвращение или ограничение отрицательных антропогенных воздействий на природу, наносящих ущерб жизнедеятельности населения и развитию хозяйства: создание условий для туризма и отдыха населения.

Эти цели, вытекающие из объективных потребностей развития производительных сил и жизнедеятельности общества, определяют многоцелевой и комплексный характер региональных программ по самой их сущности.

Ряд авторов справедливо отвергает отождествление территориального развития с ростом экономического потенциала территорий, убедительно показывая, что такой рост

¹ Матрусов Н. Д. Там же. С. 52.

может вести и к развитию и к деградации регионов.¹ Отсюда вытекают концепции о территориальном развитии как режиме функционирования региональной системы, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и взаимонеразрушающим воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории.

Таким образом, главной задачей регионального уровня управления является единство экономического и социального развития при приоритете социальных задач. Это значит, что каждое принимаемое решение должно оцениваться с позиций его влияния на условия жизни людей. При этом следует учитывать, что ранжирование социальных задач и очередность их решения должны оцениваться по степени их влияния на эффективность экономического развития региона.²

Важное значение в регулировании социально-экономических процессов в регионе приобретают вопросы экономической диагностики, позволяющей оценивать потенциальные социально-экономические возможности региона через подробное исследование и оценку социально-экономического потенциала.

Целевая модель экономического механизма регулирования и управления региональным хозяйством должна включать не только воспроизводственный аспект развития региональной экономики, но и проблемный. Региональные комплексные программы рассматриваются как важное звено механизма управления процессом реализации пространственной стратегии и комплексным экономическим и социальным развитием.³

¹ Черников Д., Добрынина Л., Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1997. // Российский экономический журнал, 1997. № 9. С. 102.

² Шнипер Р. И. Регион. Экономические методы управления. Новосибирск, 1991. С. 27.

³ Шнипер Р. И. Там же. С. 305.

2. Зарубежный опыт регионального программирования

Впервые программно-целевой подход к решению региональных проблем применили в США при реализации крупномасштабных государственных мероприятий по поднятию экономики «района бедствия», охватывающего территорию семи штатов на юго-востоке страны, в долине реки Теннесси. Главной целью «программы Теннесси» была определена ликвидация разрыва по уровню экономического развития между этим регионом и передовыми штатами страны. С самого начала программа осуществлялась в виде многоцелевого комплекса мероприятий по использованию ресурсного потенциала региона под эгидой специально созданного федерального агентства — Управления долины р. Теннесси.

Основные ее задачи — создание единой системы регулирования стока в бассейне р. Теннесси, улучшение условий судоходства на реке, посадка лесов и улучшение состояния земель в регионе, значительное наращивание производства электроэнергии в соответствии с многоцелевым использованием гидротехнических сооружений.

Центральным объектом расхода федеральных ассигнований была названа многоцелевая система плотин водохранилища. Тем самым создавались условия для обеспечения защиты почв от наводнений, развития судоходства и, в особенности, для производства электроэнергии. Это, в свою очередь, стимулировало развитие в регионе энергоемких отраслей промышленности и высокоэффективного сельского хозяйства.

Кроме того, «Комплексная программа Теннесси» включает разнообразные отраслевые программы по созданию и внедрению новых видов удобрений в государственном масштабе, по улучшению качества окружающей среды и широкомасштабному освоению рекреационных ресурсов, по развитию населенных пунктов и социальной инфраструктуры. Многие из них, в особенности относящиеся к «показательным», имеют общенациональное значение, снискав региону в соответствующих отраслях науки и производства славу «лаборатории передового опыта».

В 1965 году в США были приняты Закон об общественных работах и экономическом развитии и Закон о развитии района Аппалачей. Согласно первому из них, в стране создана трехступенчатая иерархия территориальных единиц, вовлеченных в федеральные программы стимулирования экономического развития: многоштатные регионы экономического развития, округа экономического развития, реконструируемые ареалы.

В этом законе перечислены восемь признаков, на основании которых выделяются «регионы экономического развития»: уровень безработицы существенно превосходит средненациональный; уровень дохода на семью существенно ниже средненационального; неудовлетворительное состояние жилищного фонда, учреждений здравоохранения и образования; сильная зависимость экономики региона от одной или двух отраслей хозяйства, находящихся в состоянии длительного застоя; высокий уровень оттока из региона рабочей силы или капитала; отрицательное воздействие на экономику региона структурных сдвигов, вызываемых техническим прогрессом; сильная зависимость экономики региона от контактов с военными ведомствами; замедленные темпы промышленного развития.

Программы развития многоштатных регионов реализуются на совместной федерально-штатной основе под руководством «региональных комиссий» — органов со смешанным федерально-штатным представительством. Наиболее крупной среди них считается программа развития района Аппалачских гор — самого большого «проблемного» региона страны, занимающего территорию 13 штатов, площадь 420 тыс. кв. км с населением более 19 млн. человек.

В центре этой программы — инфраструктурные мероприятия, что типично для регионального программирования в США. В ней выделяются два крупных блока: «программа автодорожного строительства» и «местные программы развития», включающие мероприятия в области здравоохранения, образования и профессионально-технической подготовки рабочей силы. Кроме того, в «местных программах развития» реализуются разнообразные проекты по благоустройству территорий и охране окружающей среды, вклю-

чая планирование и проектирование городов и жилищ, создание парков и зон отдыха, очистку сточных вод, рекультивацию горных разработок, направленные на повышение общей «привлекательности» региона.

Самым значительным результатом реализации Аппалачской программы признается прекращение оттока населения из региона. К началу 80-х годов было образовано пять многоштатных регионов. Для них разработаны соответствующие программы регионального развития.

Следует также добавить, что особое место в сфере государственного регионального регулирования в США занимает природопользование — важнейшая область государственного хозяйствования.¹

Налицо тенденция усиления хозяйственной деятельности государства как в США, так и в других развитых странах. Отмечая это обстоятельство, специалисты обращают внимание на то, что американская экономика «не распадается на множество различных производителей и потребителей, а складывается из них. Это значит, что формирование отрасли и подотраслей, хозяйственных комплексов и регионов, а также экономики в целом происходит как бы снизу вверх, а не наоборот... Понятно, что при таких обстоятельствах не может возникнуть и не возникает проблема хозяйственного обособления или “экономического суверенитета” какого-либо штата страны».²

В этой связи нельзя не отметить постоянную угрозу «экономического суверенитета» со стороны ряда российских регионов (прежде всего Дальнего Востока, Сибири и Урала) и необходимость изучения соответствующих зарубежных социальных макротехнологий.

Аналогичные США тенденции и усиливающееся внимание к проблемам регионального развития наблюдаются в Европе.

Не меньшее внимание проблемам регионального развития уделяется в Японии, хотя, на первый взгляд, незначительные территориальные размеры этого государства позволяют придавать им второстепенное значение. В действи-

¹ Матрусов Н. Д. Цит. соч. С. 49—52.

² Матрусов Н. Д. Там же. С. 52.

тельности, однако, «региональный фактор» играет приоритетную роль в комплексном решении насущных и перспективных задач японской экономики. Причем, японский опыт его интерпретации заслуживает, по мнению ряда ученых, высокой оценки.¹

3. Проект «Технополис»

Пристального внимания заслуживает разработанная в 80-е годы стратегия регионального развития, конкретизированная в программе «Технополис». Суть ее состоит в том, что в стране создаются специализированные города (технополисы), в которых должны быть органично соединены наука, наукоемкие производства и подготовка соответствующих кадров. Кроме того, по проекту, в них обеспечиваются комфортабельные жилищно-бытовые и наилучшие экологические условия.

Авторы «Технополиса» считают, что это — «программа строительства городов XXI века», так как в ней «предусматривается сбалансированное сочетание высокотехнологической промышленности, науки и жизненного пространства (процветающие и просторные зоны проживания), а также соединение богатых традиций регионов с передовой промышленной технологией».²

Под строительство технополисов выделяются территории, отвечающие следующим требованиям: они находятся вне высокоразвитых регионов; имеют производственный задел для разработки передовых технологий; располагают благоприятными земельными и водными ресурсами под промышленное и жилищное строительство; включают города с населением свыше 150 тыс. человек, могущие стать центрами технополисов; в их пределах находятся университеты для подготовки кадров и специалистов в области новых технологий, а также аэропорты и скоростные автодороги.

«Анализ концептуальных положений программы «Технополис» и других перспективных направлений хозяйственного развития Японии позволяет обнаружить их глубокую

¹ Матрусов Н. Д. Там же. С. 53.

² Матрусов Н. Д. Там же.

внутреннюю связь. Причем, что существенно, важнейшее значение в этих разработках уделяется ценностным и региональным параметрам».¹

Так, самым всеобъемлющим и своеобразным явлением в Японии в настоящее время признается софтизация экономики, внешне во многом совпадающая с ее структурной перестройкой, понимаемой как перераспределение ресурсов общества между сферами, секторами и отраслями хозяйства. Однако, по мнению специалиста-японоведа Росина, «правильнее видеть в софтизации рождение принципиально новых ориентиров и мотивов в действиях производителей и потребителей, новых ценностных установок при принятии решений на всех уровнях хозяйства, что в значительной степени обуславливается привнесением общечеловеческих, цивилизованных начал в ходе экономической деятельности...»²

По мнению Н. Матрусова, софтизация экономики и развитие технополисов интегрируется прежде всего в содействии наступлению «эры регионов». Под этим термином, сравнительно недавно введенном и получившим широкое распространение в Японии, понимается в первую очередь уменьшение резких диспропорций между центром и периферией Японии. Но это лишь одна из двух граней «эры регионов», которая не определяет и тем более не будет определять ее специфику. Ведь большее или меньшее подтягивание периферии к центру главным образом усилиями правительства представляет собой не что иное, как освоение извне, в нем объективно заложено тиражирование «столичных» шаблонов на «остальных окраинах».

Между тем, в стране ширятся и крепнут настроения в поддержку местной автономии, т.е. охраны и развития всего того, в чем проявляется своеобразие, уникальность каждого региона, их отличие от общих стандартов страны и друг от друга. Носители указанных настроений, соглашаясь на интеграцию провинции в современность, выступают за приоритет ее освоения изнутри, на базе неповторимо локальных производств (принцип «каждой деревне — свой

¹ Матрусов Н. Д. Там же. С. 54.

² Матрусов Н. Д. Там же.

продукт» успешно реализуется во многих префектурах), процветанию которых они охотно способствуют.¹

Программа «Технополис» и движение «одна деревня — один продукт», по сути, реализуют одну и ту же концепцию регионального развития, позволяя, по словам инициатора этого движения М. Хирамацу, «сломать прежнюю психологию безысходности, возродить чувство гражданской гордости за свою малую родину, подтолкнуть людей к ее возрождению... Кампания “одна деревня — один продукт” в конечном счете направлена на то, чтобы создать человека нового типа. Не менять малую родину на столицу, а трудиться здесь во имя ее возрождения — такие психологические установки мы хотим привить нашей молодежи».²

Любопытно, что сама идея технополисов как территориальных научно-производственных комплексов, как формирование на периферии «интеллектуальных ядер», строго говоря, впервые появилась в нашей стране и была воплощена в виде Академгородка под Новосибирском. Однако в дальнейшем, как следует из анализа современного зарубежного опыта, в ряде стран она получила большее распространение, нежели у нас. Нельзя не отметить, что это тенденция — прекрасные наработки наших ученых в сфере социальных технологий (например, по научной организации труда, внедренных, опять-таки, в той же Японии) остаются невостребованными (или мало востребованными) в собственной стране, что еще раз подчеркивает нашу «ахиллесову пяту» — слабый инновационный менеджмент.³

Специалисты отмечают высокий природосохраняющий и культурно-преобразующий эффект. Японский опыт высветил и важнейшую проблему при создании технополисов — проблему лидеров проекта и специалистов.⁴ Указанная проблема особенно актуальна для нашей страны.

Зарубежными странами накоплен богатейший опыт применения социальных технологий на региональном уровне.

¹ Матрусов Н. Д. Там же, С. 54—55.

² Цит. по: Тимонина И. Л. Япония: опыт регионального развития. М., 1992. С. 36.

³ Развитие социального управления // Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология: Учебник. М., 1998. С. 241—314.

⁴ Матрусов Н. Д. Цит. соч. С. 55.

Однако попытки его бездумного использования (и даже агрессивного рекламирования) небезопасны. «Недопустим простой перенос на почву другой культуры социальных технологий иной ментальности, что вызывает самые неожиданные социальные, политические, экономические и психологические реакции».¹

Нельзя не отметить все увеличивающийся интерес исследователей к анализу зарубежного опыта в области социальных технологий.²

Выводы

1. По мере усложнения региональных программ, протекающих в условиях разнообразных негативных процессов — социальных, экологических, экономических — возрастает значимость управления ими: будь то в форме предотвращения, адаптации, ускорения или иной корректировки. Иными словами, возрастает роль социальной технологии как специфического средства управленческой деятельности.

2. На наш взгляд, необходимо больше внимания уделить социальным технологиям в сфере культуры и досуга. Не стоит бездумно отказываться от исторических первых социально-культурных технологий — национальных традиционных обрядово-ритуальных форм, а в современной социально-педагогической практике — от экспериментальных школьных программ (Д. Кабалевский, Б. Неменский и др.), комплексных программ эстетического и художественного воспитания, развития народного творчества, охраны памятников истории и культуры, организации семейного досуга и т.д.

Деятельность многих современных социально-культурных институтов является базой для создания прогрессивных социальных технологий. Формируются или проектируются они, как правило, ситуативно, в зависимости от ряда факторов, в частности, наличия и состава существующих центров просвещения, культуры, искусства, спорта на данной террито-

¹ Социальное управление. Словарь-справочник. С. 152.

² Басов Е. М., Бушин Н. И., Ищенко Н. П. и др. Социальные технологии в странах современной цивилизации. Хрестоматия. Т. 1 и 2. Минск, 1993; Вахрушев В. Принципы японского управления. М., 1993 и др.

рин. характера общественных досуговых инициатив населения и условий для их практической реализации, социально-демографической, экономической, этнической и других ситуаций в регионе.

Разработка социальных технологий в сфере культуры и досуга связана с определенными сложностями, поскольку сама эта сфера отличается динамизмом, имеет социально открытый характер, в ней действует большое количество разнопрофильных социальных институтов со своими специфическими особенностями. Известен, например, сложный процесс разработки и внедрения социальной технологии использования хозрасчетных механизмов в практике культурно-досуговых центров. Конкретным результатом реализации этой технологии стало создание разнообразных предпринимательских, коммерческих структур, территориальных фондов культуры и искусства на уровне республики, области, края, района, города.¹

3. Цели регионального развития отнюдь не сводятся к известным целям рыночной экономики, ибо в них проецируется не конъюнктурная, повседневная, а онтологическая, многовековая устремленность человечества.

4. Налицо острая потребность как в усилении (освоении) инновационного управления, так и в повышении роли управления безопасностью реформируемого российского общества (в частности, проблема «подконтрольности» «центру» региональных подсистем и т.п.).²

5. Общемировой тенденцией регионального развития является ориентация соответствующих программ на ценностные установки и стратегические задачи общества.³

¹ Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности: Учебное пособие. М., 1995. С. 101—102.

² Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Цит. соч. С. 306—310.

³ Матрусов Н. Д. Цит. соч. С. 56.

ЛЕКЦИЯ 3.

1. Федеральная региональная политика.
2. Социальные технологии в федеральной и региональной экономической политике.

1. Федеральная региональная политика

Согласно теории административного управления (Драго, 1980)¹, принято различать четыре основных типа местного управления: федерализм, самоуправление, децентрализацию, централизацию. Основанием для классификации при этом служит автономия местных коллективов и степень признания «местных свобод».

О *федерализме* как модели государственного устройства можно сказать следующее:

— государства, входящие в состав федерации, имеют три основных признака: самостоятельность государственных органов (на основе выборов), наличие автономной компетенции и статус юридического лица, включая собственные финансовые ресурсы и бюджет. Автономная компетенция существует в конституционной и законодательной областях, а также в области управления;

— в федеративных государствах вопросы местного управления возникают на двух уровнях: вначале на уровне члена федерации, а затем внутри него. В бывшем Советском Союзе эти отношения возникали даже на трех уровнях, где некоторые союзные республики, в свою очередь, включали автономные республики;

— благодаря законодательной автономии членов федерации система управления в местных коллективах может различаться в разных государствах-членах;

— существует тенденция к подчинению субъектов федерации центральной власти во многих областях деятельности

¹ Здесь и далее в скобках даются ссылки на автора и год издания источника, приведенного в списке использованной литературы.

и превращению их в простых исполнителей решений федеральных органов;

— с точки зрения права, субъекты федерации должны быть полностью равноправными, но опыт показывает, что так почти никогда не бывает: Пруссия в Германской империи, Россия в СССР и т.д.

Самоуправление отличается от федерализма прежде всего тем, что автономия местных образований носит не законодательный, а лишь административный характер. Но их административная автономия абсолютна, т.е. местные коллективы обладают полным набором управленческих функций. Это значит, что правительство и федеральные службы действуют в пределах главным образом политических задач (оборона, безопасность, иностранные дела, национальные финансы), а функции образования, коммунальных услуг, поддержания порядка и т.д. переданы местным властям. Кроме того, местные коллективы выступают не как часть государства, а как полностью автономные образования, в некоторых случаях действующие с государством на равных. Единственной формой контроля является деятельность законодательных и судебных властей.

С середины XIX в. по настоящее время практически во всем мире имеет место тенденция к ослаблению самоуправления и укреплению сильной центральной власти. На примере Великобритании можно увидеть, что ограничения самоуправления проявились в трех направлениях (Драго, 1980):

— создание специализированных правительственных органов и передача центральным властям ряда управленческих функций местных коллективов;

— наделение специализированных министерств полномочиями в отношении местных коллективов, которые устанавливаются в виде последующей апробации решений местных коллективов (административная опека);

— дополнение административного контроля денежным, т.е. политика выделения государственных субсидий местным коллективам.

Концепция **децентрализованного управления** имеет принципиально иной характер. Местные коллективы здесь обладают двойственной природой. Они остаются свободными

самоуправляющимися коллективами, но в то же время выступают и как территориально обособленные подразделения государства, т.е. их органы власти одновременно являются представителями интересов местного коллектива и представителями государства на данной территории.

Децентрализация обладает следующими отличительными чертами (Драго, 1980):

— местные органы власти, как и при самоуправлении, остаются выборными, но наряду с ними могут существовать и назначаемые;

— административная автономия децентрализованных властей существует, но ограничена законом, т.е. государственные органы выполняют свои управленческие функции в полном объеме, тогда как другие поделены между государством и местными коллективами (разграничение полномочий и предметов ведения). Кроме того, местные органы власти подчиняются режиму опеки в отношении как назначения должностных лиц, так и собственной деятельности;

— местные коллективы имеют статус юридического лица и наделены бюджетной автономией, но опека осуществляется и здесь.

На практике повсюду «естественной формой управления», как заметил еще А. Токвиль, стала централизация. Государство фактически руководит деятельностью местных органов даже в тех странах, где существует «самоуправление».

Централизация в чистом виде не признает автономии мест. Она свойственна авторитарным режимам, но широко используется и режимами демократическими, где считают, что политические свободы должны быть закреплены только на общенациональном уровне. Однако с момента достижения государством определенных размеров отказаться от местных органов становится невозможно по чисто техническим причинам. Таким образом, дезагрегирование предстает как одна из форм централизации и препятствует ее гипертрофированию. Дезагрегирование подразумевает наличие местных органов, зависящих от правительства функционально и в порядке подчиненности их должностных лиц. Зависимость должностных лиц означает, что руководство местных органов

назначается центральным правительством и может быть им смещено, а функциональная зависимость — что центральная власть может признавать за местными органами весьма широкую компетенцию, но в любой момент может изменить или отменить принятые ими решения, пересмотреть их полномочия. Наконец, обычно местные органы не обладают статусом юридического лица (Драго, 1980).

Взаимоотношения между федеральным центром и субъектами федерации в России носят амбивалентный характер, свойственный всем институтам переходного общества. С одной стороны, многие исследователи отмечают слабость центральной власти и отсутствие продуманной стратегии, в том числе в области регионального управления. С другой стороны, государство все же представляет собой главную общественную силу и зачастую пытается регламентировать те области региональной жизни, которые и с точки зрения конституционного права, и из соображений целесообразности должны были бы находиться в компетенции региональных властей.

Вмешательство государства ведет к дроблению объектов социально-экономического управления, их двойному подчинению — как региональной администрации, так и федеральному центру. Это усложняет структуру управления и процесс принятия решений, что зачастую выражается в ловле рыбы в мутной воде. Необходимость решения повседневных вопросов экономической жизни в Москве сдерживает инициативу и самостоятельность региональных властей, делает нецелесообразным для них развитие инноваций. С другой стороны, стремление к всеохватывающему экономическому контролю, истоки которого восходят ко временам союзного Госплана с его планированием вплоть до последнего винтика, приводит к чрезмерной загрузке федерального правительства текущими вопросами вместо сосредоточения на проблемах стратегического управления.

Разумеется, такая ситуация не является случайной и обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов.

К числу объективных факторов, определяющих вмешательство государства в региональную политику, можно отнести следующие.

Во-первых, статья 72 Конституции РФ определяет чрезвычайно широкий круг вопросов (14 пунктов), отнесенных к совместному ведению РФ и ее субъектов. Таким образом, уже в основном законе фиксируются области двойного подчинения, управление которыми, по всей видимости, будет приводить к противоречиям между центральной и местной властью и требовать конкретного подхода и специальных решений в каждом отдельном случае. Ясно, например, что трактовка пункта «и» — «установление общих принципов налогообложения и сборов в РФ» — может привести к устраивающему обе стороны решению только в результате длительного процесса переговоров и компромиссов; это касается и большинства остальных положений статьи.

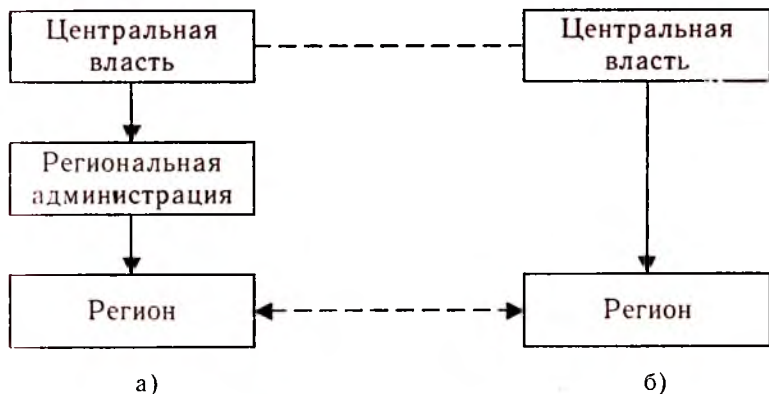
Во-вторых, следует учитывать наличие общенациональных (или даже транснациональных) финансово-промышленных групп, имеющих свои интересы в регионах и стремящихся отстаивать их с помощью центральной власти. Интересы «центральных» и региональных ФПГ сталкиваются в ходе приватизации, развития банковской сферы, проведения экспортно-импортных операций и т.д., причем в силу отмеченной выше всеобъемлющей государственной регламентации и те и другие стремятся заручиться поддержкой государственных чиновников. Ситуация еще больше осложняется тем, что и в федеральном правительстве, и в Государственной Думе, и в президентской администрации (не говоря уже о Совете Федерации, в который по должности входят представители регионов) имеются подразделения, ответственные за региональную политику.

К числу субъективных факторов влияния можно отнести:

— специфику переходного периода, требующую усиления централизации и единоначалия при проведении социально-экономических преобразований;

— специфические отношения того или иного региона с Москвой, выражающиеся, например, в наличии представителей или целого регионального «землячества» в различных органах центральной власти.

Модификация схемы управления в условиях вмешательства государства в региональную политику показана на рисунке.

Структура государственного регионального управления: а) — опосредованное государственное руководство (через администрацию региона); б) — непосредственное вмешательство государства в региональную политику.

Следует подчеркнуть, что представленный вариант управления (б) имеет не только отрицательные стороны. Непосредственное участие государства в управлении регионом позволяет в ряде случаев обеспечить требуемый контроль при выполнении социальных, экологических и иных программ, когда узкорегionalные интересы могут вступать в противоречие с общегосударственными.

Например, при выборах губернатора центральные власти вполне могут и должны (разумеется, в рамках закона) поддерживать кандидата, наиболее подходящего для проведения сбалансированной политики общегосударственной направленности, стремясь не допустить победы популиста или тем более экстремиста. Примеры такого рода (правда, преимущественно неудачные) легко найти в текущей российской практике.

Существенная роль государства заключается также в том, что только оно может выступать арбитром в территориально-отраслевых или межрегиональных конфликтах (при этом возникает более сложная, чем на рисунке, ромбовидная структура управления). Так, при решении вопроса о строительстве Ростовской АЭС именно государству, на наш

взгляд, должно принадлежать решающее слово с учетом предшествующего печального опыта развития атомной энергетики. Установление приоритетов при финансировании угледобывающих регионов в рамках процесса реструктуризации угольной отрасли также является прерогативой государства. В рамках одного региона невозможно получить оптимальное решение проблемы распределения миграционных потоков и так далее. Список примеров легко может быть продолжен.

Ключевым вопросом федеральной региональной политики является согласование интересов федерального центра и регионов. С методологической и практической точек зрения принципиально помнить, что и центр, и регионы представляют собой конгломераты интересов, на реализацию которых направлена их деятельность. Отношение к регионам как пассивным объектам управления, автоматически выполняющим поступающие сверху указания, совершенно ошибочно и ведет к «пробуксовке» даже самых лучших намерений и программ центра. Попытка силового давления на регионы требует значительно больших усилий и имеет гораздо менее долговременный и надежный эффект, чем апелляция к региональным интересам.

Исторический опыт свидетельствует о том, что к успеху приводят лишь те планы реформ, которые не просто искусственно конструируются и спускаются сверху, а опираются на подлинно легитимные и массово востребованные идеи. При этом очевидно, что чем более разнородной в экономическом, национальном, религиозном и прочих отношениях является страна, тем большее значение приобретает квалифицированный учет региональной специфики.

Некоторые подходы к коллективному принятию решений, пригодные для решения задач регионального управления, рассматриваются в следующем пункте работы.

2. Социальные технологии в федеральной и региональной экономической политике

Взаимоотношения между федеральным центром и регионами по поводу проведения некоторой программы эконо-

мического или иного характера естественно представлять в рамках древовидной структуры управления, в которой центр находится на верхнем уровне и обладает определенным приоритетом и привилегиями, а регионы образуют нижний уровень управления.

Как должен действовать центр, чтобы добиться своей цели и успешно выполнить программу? Известно большое количество концепций оптимального принятия решений в такой ситуации, к числу которых прежде всего следует отнести: 1) равновесие и регулируемое равновесие; 2) оптимальность по Парето; 3) принцип гарантированного результата; 4) сценарии предостережений; 5) управление при неточном знании центром параметров нижнего уровня; 6) кооперативное принятие решений.

Дадим характеристику этих подходов с учетом того, что теоретико-игровой способ мышления уже является достаточно общим в социологии (Crozier, Friedberg, 1977).

В первых пяти подходах предполагается, что интересы как центра, так и каждого из регионов выражаются стремлением к максимизации некоторой целевой функции. Конечно, такое предположение достаточно сильно упрощает действительность, но все же представляется вполне приемлемым при проведении экономических программ, когда критерием оптимальности естественно считать величину прибыли, получаемой соответствующим субъектом. В этом случае понятно, что трудно, практически невозможно ожидать ситуации, в которой всем участникам удастся максимизировать свои целевые функции. В реальности приходится идти на компромисс, природа которого определяется тем или иным подходом к выбору решения.

1) Равновесие и регулируемое равновесие

Каждый субъект располагает определенными ресурсами и возможностями для достижения своей цели; выбор конкретного варианта из множества возможных фиксирует его стратегию (управление). После того как все субъекты выбрали свои стратегии, складывается ситуация, для которой известны значения всех целевых функций. Взаимосвязь и взаимообусловленность всех участников определяется тем

обстоятельством, что каждый участник может распоряжаться только своей стратегией, в то время как значение его целевой функции зависит от выбора стратегий абсолютно всеми остальными субъектами.

Ситуация является **равновесной**, если выполняется следующее условие: если все субъекты, кроме одного, придерживаются своих равновесных стратегий (тех, которые приводят к рассматриваемой ситуации), а какой-то один «уклонист» решает в одностороннем порядке изменить свою стратегию, то в получаемой новой ситуации значение целевой функции «уклониста» оказывается не больше, чем в равновесной ситуации. Таким образом, смысл концепции равновесия как принципа коллективного принятия решений состоит в том, что никому из участников не выгодно в одиночку отклоняться от равновесной стратегии.

Конечно, концепция равновесия не свободна от недостатков, к числу которых прежде всего относятся следующие:

— в конкретных обстоятельствах равновесная ситуация может не существовать;

— может быть несколько равновесных ситуаций, выигрыши участников в которых различны, и тогда не вполне понятно, какую из этих ситуаций следует предпочесть;

— может найтись ситуация неравновесная, но такая, что все субъекты в ней получают больше, чем в равновесной.

Однако, несмотря на все указанные недостатки, концепция равновесия является, пожалуй, самым распространенным подходом к принятию решений в ситуациях со многими действующими субъектами.

Является ли равновесным нынешнее федеративное устройство России? Если это так, то, например, Чечне невыгодно выходить в одностороннем порядке из состава федерации; время покажет, как будут развиваться события. Здесь следует сделать еще одну важную оговорку: концепция равновесия, как и остальные рассматриваемые подходы, может быть работоспособной лишь в том случае, когда интересы участвующих субъектов действительно полностью описываются стремлением достичь максимума своих целевых функций; если же они руководствуются какими-то дополнительными неучтенными или вовсе не рациональными соображе-

ниями, то никаких определенных заключений делать уже нельзя. Тем не менее, естественно считать, что в конечном итоге серьезная политика должна определяться именно соображениями рациональности, и, например, интересы нефтяных монополий играют более важную роль, чем амбиции радикально настроенных фундаменталистов или иных экстремистов.

Модификацией рассмотренного подхода является понятие **регулируемого равновесия**, в котором существенную роль играет иерархическая структура управления и наличие центра на верхнем уровне управления (Горелик, Кононенко, 1982).

Древовидная структура управления, состоящая из центра и регионов, функционирует отнюдь не в вакууме, а в некоторой внешней среде. Во многих случаях в соответствии с практическим опытом естественно считать, что центр осведомлен о параметрах внешней среды (макроэкономическая ситуация, действия иностранных государств и т.п.) в большей степени, нежели регионы. Центр может делиться с регионами имеющейся у него информацией, но при этом отнюдь не обязан всегда сообщать им истинную картину; он может исказить ее в определенном направлении, руководствуясь своими интересами. Например, при экспорте природного сырья государству выгодно представлять спрос на него на внешнем рынке заниженным, чтобы регионы снизили добычу, что позволит поддерживать более высокую цену на сырье. Таким образом, передача информации регионам становится стратегическим управлением центра; такая стратегия называется **информационным регулированием**.

Если в результате информационного регулирования возникает равновесная ситуация, то она называется **регулируемым равновесием**. Задача центра заключается в получении такого регулируемого равновесия, при котором целевая функция центра принимает наибольшее значение. Регионы при этом также довольны, поскольку возникающая равновесная ситуация отвечает их представлениям об оптимальности.

Интересно, что во многих случаях искажение информации в пользу центра оказывается выгодным и регионам,

т.е. значения их целевых функций в получаемой «фиктивной» ситуации равновесия также увеличиваются. Идею такого управления («ложь во благо») легко пояснить на том же примере с экспортом сырья: если регионы не располагают оценками внешнего спроса, то каждый из них стремится добыть побольше сырья, вследствие чего суммарная добыча растет, а с ней снижается и цена на сырье. Занижение же внешнего спроса центром (если, конечно, регионы верят этой оценке) позволяет сохранить цену на высоком уровне, что в конечном счете оказывается более выгодным для всех участников.

2) Оптимальность по Парето

Итальянский ученый В. Парето хорошо известен социологам как автор теории нелогического действия и биологически обоснованной теории элит. Им же предложен названный впоследствии его именем принцип оптимальности, широко применяемый при оценке решений в ситуациях со многими субъектами.

Ситуация называется **оптимальной по Парето**, если не существует другой ситуации, в которой все участники получают не меньшее, а хотя бы один — строго большее значение своей целевой функции, чем в исходной ситуации. Иначе говоря, ситуация является паретовской, если один из участников может получить больше только за счет другого участника.

Важность этого понятия применительно к взаимоотношениям (особенно экономическим) центра и регионов трудно переоценить. Если распределение федеральных дотаций между регионами отвечает паретовскому условию, то требование какого-либо региона об увеличении дотации в случае его удовлетворения центром автоматически означает, что хотя бы один из оставшихся регионов должен пострадать, и никакие аргументы внеэкономического содержания не могут скрыть этот факт. Другое дело, если распределение не паретовское; это, скорее всего, свидетельствует об ошибке планирования со стороны центра, и вот здесь регионы могут и должны отстаивать свои дополнительные требования.

Проблемы, связанные с паретовским принципом оптимальности, обычно также связаны с неединственностью паретовской ситуации. Понятно, что бюджетное финансирование в рамках той или иной программы можно разделить между регионами по-разному, и многие из этих распределений будут паретовскими; но для двух конкретных регионов отнюдь не безразлично, какой из них получит больше, а какой — меньше. Это рассуждение свидетельствует в пользу гласности и серьезного предварительного обсуждения региональных экономических программ до окончательного принятия решения федеральным центром.

Если при рассмотрении конкретной экономической программы обнаруживается несколько парето-оптимальных распределений средств между регионами, то для принятия решения федеральный центр должен принять во внимание какие-то дополнительные соображения, в качестве которых естественным образом выступают оценки социально-политической ситуации в стране и целом и в конкретных регионах в отдельности. Скажем, при реформировании угольной отрасли наибольшие средства, очевидно, следует направлять в те регионы, где шахтеры находятся в особенно бедственном положении.

3) Принцип гарантированного результата

Этот принцип оптимальности (Гермейер, 1971, 1976) специально ориентирован на принятие решений в ситуациях с иерархической структурой. Он характеризуется следующими отличительными чертами. Анализ проводится с точки зрения центра, который рассчитывает на наихудший для себя выбор остальных участников (регионов) и в этой наихудшей для себя ситуации стремится максимизировать свою целевую функцию. С другой стороны, центр обладает «правом первого хода», т.е. он первым выбирает и сообщает остальным участникам (регионам) свою управляющую стратегию. Эта привилегия предоставляет центру ряд дополнительных возможностей.

Во-первых, после того как стратегия центра становится известной регионам, они могут спокойно максимизировать свои целевые функции в состоянии полной определенности.

Зная этот принцип поведения регионов и их критерии оптимальности, центр значительно сужает свою область неопределенности при выборе стратегии: он может уверенно рассчитывать на то, что каждый регион выберет не произвольно допустимую управляющую стратегию, а именно ту, которая максимизирует его целевую функцию.

Во-вторых, выделенное положение центра дает ему возможность использования своей управляющей стратегии для манипулирования. Он может, например, передавать искаженную информацию (как в случае информационного регулирования). Другой манипулятивной технологией является применение рефлексивных стратегий, когда выбор центром своей управляющей стратегии ставится в зависимость от соответствующего регионального выбора. Такого рода рефлексии допускают наглядную экономическую интерпретацию: премии за выполнение заданий, штрафы за нарушение поставленных условий, выделение ресурсов по производственным программам и т.д. Применяя стратегии поощрения и наказания, центр сообщает регионам, что если они будут придерживаться предлагаемых им «правил игры», то центр будет максимизировать их целевые функции (поощрение), в противном случае — минимизировать (наказание). Разумеется, такая манипулятивная технология может оказаться практически действенной лишь в том случае, если центр располагает реальными рычагами воздействия на регионы (что представляется справедливым в значительном числе реальных ситуаций).

Принцип гарантированного результата является очень общим подходом к принятию решений в иерархических структурах управления и может быть конкретизирован применительно к задачам в текущей ситуации. В отличие от равновесных и парето-оптимальных ситуаций, гарантированный результат всегда достижим (хотя и может оказаться достаточно скромным).

4) Сценарий предостережений

Этот принцип оптимальности (Мулен, 1985) позволяет обеспечить стабильность ситуации на основе взаимных угроз. Угроза некоторому участнику означает, что если он

решит отклониться от стратегии, которая приводит к стабилизируемой всеми участниками ситуации, то они не позволят получить ему больше, чем он мог бы получить в этой ситуации. Если все действующие субъекты используют угрозы, то возникает сценарий предостережений, т.е. все участники предостерегают друг друга от отклонения от стабилизируемой ситуации.

Следует отметить, что угроза не всегда оказывается практически эффективной, поскольку для того, чтобы наказать «уклони́ста», другим участникам иногда приходится жертвовать личными интересами. Поэтому особый интерес представляют предупреждения, т.е. угрозы, которые не только минимизируют целевые функции «уклони́ста», но и максимизируют при этом целевые функции остальных участников. Если предупреждения существуют, то вместе с угрозами они образуют эффективный сценарий предостережений, когда каждый субъект отдает себе отчет в том, что в случае отклонения от стабилизируемой ситуации он будет немедленно и охотно наказан остальными участниками. Например, блокаду Ирака можно считать предупреждением со стороны других государств Залива, поскольку, отстаивая демократические ценности, права и свободы граждан, они в то же время избавляются от серьезного конкурента на нефтяном рынке.

5) Управление при неточном знании центром параметров нижнего уровня

Данная ситуация в определенном смысле противоположна ситуации, рассмотренной при анализе регулируемого равновесия: если там предполагалось, что центр лучше регионов осведомлен о состоянии внешней для всей системы среды, то здесь акцентируется тот факт, что центр зачастую не обладает точной информацией о регионах, их интересах и возможностях.

В таких условиях очень важную роль приобретает возможность обмена информацией о неизвестных параметрах, которая в ряде случаев позволяет улучшить гарантированный результат как центра, так и регионов (Горелик, Кононенко, 1982). Часто оказывается действенным адаптивное

управление, при котором центр постепенно уточняет свои данные о региональной обстановке.

Для России с ее размерами, слабостью информационной инфраструктуры и традициями «не высовываться» концептуальное осмысление указанной ситуации и отработка механизмов принятия соответствующих решений (в том числе в условиях дефицита времени) представляются крайне актуальными. Хорошим примером могут служить президентские выборы 1996 г., когда поведение региональных избирателей оказалось очень различным и во многом совершенно не соответствующим представлениям федерального центра. В такой ситуации трудно переоценить возможность оперативного обмена информацией с учетом региональных интересов.

6) Кооперативный подход к принятию решений

Кооперативный подход к принятию решений принципиально отличается от всех рассмотренных ранее подходов. Если во всех случаях предполагалось, что субъекты действуют изолированно, независимо друг от друга выбирая свои стратегии с целью максимизации индивидуальных целевых функций, то теперь допускается образование коалиций участников, и именно коалиции выступают главными действующими лицами в процессе принятия решений. Коалиция представляет собой единое целое; ее участники могут обмениваться материальными и информационными ресурсами и делить между собой полученный доход.

При объединении двух коалиций в одну возникает эмерджентный эффект, т.е. доход новой коалиции представляет собой не простую сумму доходов двух исходных коалиций, а еще большую величину, получаемую за счет системных свойств нового объединения.

Смысл принципов оптимальности при кооперативном подходе заключается в определении справедливого в том или ином смысле распределения между участниками дохода максимальной коалиции, т.е. всего множества действующих субъектов. Принято использовать следующие естественные условия справедливости распределения:

— каждый участник должен получить в распределении не меньше, чем он мог бы получить, действуя самостоятельно и не вступая ни в какие коалиции (принцип индивидуальной рациональности);

— доход максимальной коалиции без остатка делится между всеми участниками (оптимальность по Парето; это несколько иное выражение идеи итальянского социолога).

Смысл этих требований вполне понятен: если для какого-то участника не выполняется принцип индивидуальной рациональности, то ему незачем участвовать в предлагаемом распределении, а если не выполняется оптимальность по Парето, то существуют какие-то скрытые резервы, недоступные для некоторых или даже для всех участников. Распределение, удовлетворяющее сформулированным принципам справедливости, называется дележом, и есть веские основания считать, что только дележи являются практически реализуемыми способами распределения дохода максимальной коалиции при кооперативном подходе; иначе возникает источник недовольства и конфликтов.

Однако в большинстве практических ситуаций множество дележей оказывается слишком широким, и для выбора конкретного варианта распределения требуется привлечь дополнительные соображения.

Говорят, что один дележ доминирует над другим, если имеется хотя бы одна коалиция, для всех участников которой первый дележ выгоднее второго и может быть реализован. Тогда множество всех недоминируемых дележей (так называемое С-ядро) дает наиболее широко распространенный принцип оптимальности при кооперативном подходе. Дележи, принадлежащие С-ядру, удовлетворяют минимальным требованиям каждой коалиции, и наоборот, — если дележ не входит в С-ядро, то обязательно найдется хотя бы одна «обиженная» коалиция, т.е. такая, которая в этом дележе получает меньше, чем могла бы заработать сама по себе, не участвуя в предлагаемом дележе.

Имеются и другие подходы к определению оптимальности при кооперативном подходе (Розенмюллер, 1974; Робертс, 1986).

Кооперацию следует рассматривать как более высокий уровень подхода к принятию коллективных решений по сравнению с предыдущими рассмотренными подходами. Если центру удастся договориться с регионами о координации информационных, финансовых и иных ресурсов и совместном принятии решений, то существуют очень хорошие шансы на получение эмерджентного эффекта. К сожалению, эгоистические и сепаратистские тенденции зачастую одерживают победу над разумными соображениями, и здесь очень важную роль призваны сыграть социальные технологии регионального управления.

Как пишут В. Курбатов и С. Фурдей, «социальная технология в широком смысле этого понятия — это, по сути, особый вид теории (социальной теории), которая после осмысления вопросов о качественной и количественной определенности изучаемого общественного явления ставит и обосновывает вопрос о том, как возможны специфические операции с результатами познавательной деятельности» (Курбатов, Фурдей, 1995).

В аспекте рассматриваемой проблемы под социальной технологией регионального управления можно понимать комплекс методов и процедур, направленный на реализацию некоторой федеральной программы с учетом интересов всех участвующих регионов. Рассмотренные выше механизмы информационного регулирования, угроз и предупреждений, адаптивного управления, кооперации можно интерпретировать как примеры социальных технологий, основанных на соответствующих принципах оптимальности при принятии коллективных решений.

Выводы

Можно с уверенностью утверждать, что полнота учета региональных интересов является решающим условием успеха социальной технологии регионального управления. Попытки «выкручивания рук», когда центр проводит свою политику, не обращая внимания на интересы регионов, неизменно оказываются либо вовсе бесплодными, либо дающими лишь кратковременный эффект и оборачивающимися

большими потерями в дальнейшем. К числу ярких печальных примеров такого рода можно отнести советскую национальную политику, трактовавшую интересы входивших в состав Советского Союза территориальных объединений и их населения чисто формально (чего стоит только передача Крыма Украине!). Неизбежным следствием такой политики (которую нельзя назвать социальной) явился распад СССР и последующий перенос сепаратистских тенденций и международной напряженности уже в условия существования Российской Федерации.

Примером социальной технологии в области экономических отношений может служить порядок распределения собираемых налогов между федеральным, региональными и местными бюджетами. Достаточно очевидно, что высокий процент отчислений в пользу региональных и местных бюджетов стимулирует их в пользу лучшей собираемости налогов, и, наоборот, попытка центра присвоить себе львиную долю поступлений приведет к снижению дисциплины сбора налогов, расцвету «теневой бухгалтерии» и в конечном счете к существенным потерям для федерального бюджета. В этой ситуации политику центра удобно описывать в терминах гарантированного результата, который увеличивается при использовании стратегии типа «если регион собирает больше налогов, то абсолютная величина остающихся в его распоряжении средств также увеличивается». Можно пойти дальше и ввести гибкую шкалу, при которой в случае увеличения суммы собираемых в регионе налогов в распоряжение региона будет поступать больший процент от собранной величины; на наш взгляд, это предложение заслуживает, по крайней мере, рассмотрения. Разумеется, эта стратегия (как и практически все рассматриваемые стратегии) может быть распространена и на внутрорегиональный уровень, т.е. на отношения между региональной и местными администрациями.

Конечно, социальные технологии не сводятся лишь к выбору принципа оптимальности и построению соответствующего механизма реализации. Они касаются всех сторон социальных явлений и требуют мобилизации всех релевантных знаний, умений и ресурсов.

Важную роль здесь играют:

- сбор и обработка достоверной социологической информации;
- технологии массовых коммуникаций и public relations;
- методики социального моделирования и конструирования;
- социально-политическая культура, стиль отношений и т.д.

Следует обратить внимание на еще одну сторону рассматриваемой проблемы. Изохронная техника социальных манипуляций в отдельных случаях позволяет добиваться результатов, на самом деле не отвечающих региональным интересам. Скажем, при квалифицированной организации избирательной кампании и достаточных ассигнованиях центр может обеспечить избрание удобного для себя губернатора, заведомо не являющегося лучшим в списке имеющихся кандидатур. Но такая политика является недальновидной и опять-таки неминуемо обернется потерями для центра в будущем. Конечно, вопрос о соотношении текущих и стратегических целей заслуживает отдельного рассмотрения; подчеркнем лишь еще раз, что согласование интересов всех участвующих субъектов является фундаментальным инвариантом проблемы регионального управления.

Более детальный анализ проблемы позволяет сделать дополнительные уточнения. Во-первых, ни центр, ни регионы не монолитны — в действительности они представляют собой конгломераты различных индивидов, групп и организаций со своими частными интересами. Однако, с точки зрения взаимодействия между центром и регионами, их внутренней структурой в ряде практически важных случаев можно пренебречь, а при необходимости — анализировать и конструировать специальные механизмы согласования интересов для «внутренних» структур, использующие те же идеи, что и на «внешнем» уровне.

Во-вторых, описание интересов центра и регионов единственной для каждого субъекта целевой функцией также является весьма сильным упрощением. В действительности каждый субъект (даже без учета его внутренней структуры) стремится достичь множества целей, т.е. руководству-

ется набором критериев, который к тому же изменяется во времени. Но в каждой конкретной фиксированной ситуации все же можно попытаться выделить критерий, играющий важнейшую роль. Во всяком случае, анализ согласования интересов и механизмов его реализации представляется значительно более перспективным подходом, нежели всякое отсутствие социальной теории и социальных технологий.

ТЕМА 21. ИДЕОЛОГИЯ И ГУМАНИЗМ

1. Значение идеологии в жизни общества.
2. Определение идеологии.
3. Гуманизм и общество будущего.

1. Значение идеологии в жизни общества

Переход от XX к XXI веку есть не просто смена веков, не просто переход к новому тысячелетию существования человечества — это событие, связанное с переходом от одного типа цивилизации (техногенной) к совершению иной, подлинно человеческой (антропогенной) цивилизации. Смена типов цивилизаций сопровождается чередой кризисов: экономических (финансовых особенно), политических, духовных, связанных прежде всего с нравственной деградацией индивидов в условиях одностороннего развития технологического прогресса общества. Все это ставит проблему сущности будущего общества и человека. Будущее развитие общества зависит прежде всего от идеологических знаний и ценностей, лежащих в основании нового общества. Это сводит решение проблемы будущего общества, цивилизации к выяснению прежде всего роли и значения идеологии в жизни в обществе. Характерно, что на XVI Всемирном социологическом конгрессе, прошедшем в июле 1998 г в Монреале (участником которого был автор данной лекции) после десятилетий объявленной деидеологизации социальных наук видные социологи мира заявляют, что все же следует признать, что социальные науки и социология в том числе являются идеологическими науками. Особое значение проблема роли идеологии в жизни общества приобретает в условиях современной реформируемой демократии России.

В условиях деидеологизации современного российского общества получили развитие процессы, приведшие в ряде случаев к стагнации и даже разложению духовной, политической, экономической, социальной, семейно-бытовой сфер

общества. Предполагалось, что освобождение от оков марксистско-ленинской идеологии даст свободу мысли, экономическую предприимчивость, политическую активность, обеспечит соответствующий взлет экономики, политики и свободной культуры. Однако прогресс свободного от всякой идеологии российского общества не состоялся.

«После 70 лет усиленного насаждения, — отмечает И. Б. Чубайс, — последовал крах идеологии, который оставил общество как бы в чистом поле, на пустом месте. На некоторое время страна погрузилась почти в пустоту и вакуум... Причем отсутствие мировоззренческих ценностей, то, что получило название беспредел, ведет к общей деградации, но наиболее негативно воздействует на саму власть. Сбросив с себя краснокоммунистический плащ и слегка прикрываясь маской с надписями свобода, рынок, православие, властвующая каста, по существу, не скрывает свои истинные интересы и намерения — это власть, деньги, привилегии. Эти интересы поставлены в центр внимания всех ветвей власти и всех ее уровней, ибо ничего другого, ничего возвышающего, никакой общегосударственной идеи у них попросту нет. Сама же Россия нынешнюю «элиту» абсолютно не интересуется. Точно также и народ для нынешних правителей — просто досадная, неприятная помеха, которой зачем-то еще и зарплату нужно платить. Подобного периода в нашей истории не было никогда»¹.

По догматам материалистического понимания истории, К. Маркса и по «теории» западного либерализма считалось, что экономика — это основа жизни, следовательно, с прогрессивным изменением в экономической сфере общества автоматически произойдет расцвет политической, социальной и духовной сфер жизни общества. Так же считали и российские либеральные демократы, ожидая подъема экономики и расцвет на ее основе духовной и политической жизни россиян после избавления от коммунистической идеологии. Но, как известно, все произошло наоборот, и правящие с августа 1991 г. демократы оказались у «разбитого корыта» российской экономики и общества в целом. Нет не

¹ Чубайс И. Б. От русской идеи — к идее новой России. М., 1997. С. 54—55.

только предсказываемого теоретиками неолиберализма и неоконсерватизма расцвета, но нет вообще нормальной экономики, политической структуры, духовной культуры, нет ни науки, ни экономики, а есть разброд, хаос и всеобщее обнищание и прежде всего духовная деградация народа. За короткий срок произошел развал и крах великой державы и превращение ее в сырьевой придаток западной цивилизации. Как справедливо отмечает итальянский мыслитель и журналист Джульетто Кьеза, искренне сожалеющий об утрате Россией своей ведущей роли в развитии мировой цивилизации и культуры: «Прощай, Россия! Иногда страны, нации, народы исчезают, уходят и не возвращаются. Бывало, что от народа не оставалось и следа и ученым даже не удавалось разузнать что-нибудь о его истории. Но это — не наш случай. От России в любом случае останется память, огромная, как и ее вклад в развитие человеческой цивилизации, как ее литература, театр и наука, как ее военная мощь и ее жестокость, ее подлость и свирепость, как ее нетронутая, дикая красота и гениальная авантюрная склонность к утопии, превратившие ее в лабораторию гигантского трагического эксперимента. Только великий народ мог создать все это одновременно... Третий Рим, или вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами полчищ варваров, второй под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается намного быстрее. И без боя. Россия со всей своей хвалебной духовностью склоняется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма»¹.

В сложившейся в России ситуации естественно напрашивается вывод, что не экономика определяет развитие общества, а что-то более существенное, основополагающее. Но что? Как известно, есть ленинское замечание, точнее поправка к материалистическому пониманию истории. В. И. Ленин утверждал, что не экономика определяет политику, а наоборот, политика определяет экономику. Может быть, причина наших бед в том, что мы недостаточно развиваем политику,

¹ Кьеза Д. Прощай. Россия! М., 1997. С. 256—257.

не осуществляем должного политического, государственно-го, в частности, регулирования экономики страны? Об этом как раз и говорят и пишут в последнее время российские политики, политологи и другие исследователи российской действительности. Это так. Но все предпринятые попытки российских законодателей и правительства регулировать экономику через создание различных правовых пакетов антикризисной политики оказываются безрезультатными. Следовательно, не экономика и не политика определяют развитие общества. Остается такая сфера общества, как духовная культура, включающая в себя искусство, науку, образование и СМИ. Может быть, именно духовная культура — основа развития общества, ведь не зря же говорят о СМИ как о четвертой власти в стране, наряду с законодательной, исполнительной и судебной? Но в свободной от всякой идеологии, особенно государственной идеологии, России мы видим стагнацию и развал, деградацию и гибель искусства, науки, образования, в целом великой русской культуры. Свобода, как это не странно звучит, оказалась губительной для культуры России. Видимо, не в свободе или несвободе причина развития и упадка духовной культуры, а в чем-то более важном, носящем более глубокий характер, чем экономика, политика, культура. Что же это за таинственное образование общества, которое постоянно уходит из рук российских демократов-реформаторов, ускользает от их всевидящего ока? А это, оказывается, то, против чего они так яростно выступали в начале своей реформаторской деятельности. Это то, что они так яростно разрушали, ожидая долгожданную свободу творчества и жизни. Это то, с чего, собственно, начинается возникновение, становление, развитие и даже гибель любого общества, и тысячелетняя история человечества является тому подтверждением. Да, это так многократно проклинаямая и осуждаемая либералами демократами идеология. Правда, к середине 1996 года, они в своем непробиваемом упорстве реформировать российское общество, пришли к выводу, что для успешного реформирования социальных сфер им не хватает объединяющей национальной идеи и идеологии. Было даже специальное указание Президента Б. Н. Ельцина создать такую идеоло-

гию. Как справедливо отмечает политолог А. Кива: «... Национальная идея — это обручи нации. Как только они лопаются, нация либо впадает в глубокую депрессию, либо распадается, либо становится жертвой какой-то реакционной идеи и даже человеконенавистнической идеологии»¹. К сожалению, столкнувшись с трудностями, возникающими при формировании новой национальной идеологии, сторонники демократического направления эту идею объединяющей идеологии забросили.

Вся деятельность правящей элиты свелась к выбиванию денег для бюджетников и пенсионеров, правда, не забывая при этом об личном обогащении власть предержащих. Разумеется, российское общество при таких условиях своего существования все больше и больше скатывается к криминально-свободному (демократическому) обществу, где провозглашается главный принцип жизни — «обогащайся любым способом». Все структуры общества России подчинены этому либерально-демократическому принципу всеобщего обогащения. Причем, говоря об обогащении, имеют в виду только материальное, забывая, что обогащаться прежде всего надо духовно, а не материально, ибо если не будет духовного обогащения человека и общества, то не будет и материального богатства народа и личности.

Духовность общества и личности прежде всего связана с мировоззрением, формируемым под воздействием правящей или государственной идеологии. На основе правящей идеологии формируется сложная социальная структура, которую можно определить как идеологическую структуру общества. Идеологическая структура общества и есть то самое социальное образование, которое определяет развитие экономической, политической и даже культурной сфер жизни общества. Потому что идеология, прежде всего, есть определенная система знаний и ценностей, лежащих в основании любого общества. Какова идеология, таково и общество, основанное на этой идеологии. Но если идеологическая структура разрушается, а на ее месте ничего не возникает (как и получилось в России после 1991 года: с роспуском

¹ Кива А. Идеи отличаются не на бумаге, а в сознании народа // Российская газета. 1996. 1 августа.

КПСС была разрушена идеологическая структура советского общества), то общество стагнирует, а затем разлагается, превращаясь в криминальное образование с деградировавшими индивидами, стоящими на стадии не только духовного, но и физического вырождения.

Выяснение того факта, что для нормального развития и функционирования российского общества необходима идеология, является безусловно правильным указанием Президента России. Но какая идеология необходима России? Отметим, что это должна быть объединяющая общенациональная идеология. Но такого указания явно недостаточно. Необходимо решить, какой она должна быть по содержанию — неолиберальной, неоконсервативной, социал-демократической или какой-то другой. Коль Россия исторически была страной, основанной на религиозной православной идеологии, и мы наблюдаем своего рода возрождение православной идеологии, то необходимо выяснить связь будущей идеологии с православно-христианскими ценностями. Но поскольку в недавнем прошлом Россия была также советской социалистической державой и ряды российской коммунистической партии все более пополняются, то естественно, встает вопрос об отношении будущей идеологии к идеологии коммунистической. Учитывая историческое географическое положение России — быть местом соединения идеологий и культур Востока и Запада, — необходимо также при создании новой идеологии России интегрировать идеологические ценности цивилизации Европы и Азии, ведь не зря Россию называли евразийской державой, равной не только одной цивилизации, как, допустим, Китай, но и целому континенту. Все это позволяет нам утверждать, что нельзя навязывать России какую-то одну идеологию, присущую только Западу или Востоку, что и пытаются сделать дорвавшиеся до власти демократы-реформаторы, да причем хотят внедрить не просто неолиберальную идеологию вообще, а с американским уклоном. Естественно, что для такой специфической страны как Россия этот американский вариант либерально-демократической идеологии оказался просто неприемлемым, и, следовательно, произошло отчуждение ее ценностей. Ради справедливости следует отметить, что упо-

енные идеей деидеологизации (как одной из идей западной идеологии), демократы особо не заботились о насаждении идеологических ценностей неоллиберализма и неоконсерватизма в сознание россиян. Причем постоянно путали идеи и принципы неоллиберализма и неоконсерватизма, зачастую выдавали ценности неоллиберальной идеологии за идеи неоконсерватизма, тем самым вносили путаницу и неразбериху в определения тех идеологических принципов организации, на основе которых демократы пытались строить свободное демократическое общество России, как они постоянно заявляли в своих выступлениях. Эта идеологическая путаница, доходящая до абсурда и нашла свое отражение в Конституции Российской Федерации в статье 13, гласящей о запрете на государственную идеологию России.

Возникло неразрешимое противоречие: с одной стороны, Президент и его команда говорят о необходимости создания объединяющей общенациональной идеологии, с другой стороны, есть Конституция России (принципы которой, как подчеркивает, Б. Н. Ельцин незыблемы), но как мы отметили выше, 13 статья этой самой Конституции гласит, что не одна идеология не может быть государственной, значит, правящей. Таким образом, получается, что необходима объединяющая общенациональная идеология, но она не имеет права быть государственной. Кроме как абсурдной такую идеологическую и социальную ситуацию в России не назовешь. А если идеологическое состояние абсурдно, то и само общество следует определить как абсурдное общество.

Выход из этого состояния российского общества видится в одном — в создании и внедрении новой государственной идеологии России, которая должна будет определять развитие духовной, политической, экономической, социальной и даже семейно-бытовой сфер жизни нашего многострадального общества. Учитывая, что старые религиозные идеологии, в том числе и русского православия, к концу XX века уже явно безбожно устарели, и вряд ли современные русские граждане будут руководствоваться в своей жизнедеятельности принципами поведения, основанными на вере в Бога и загробную жизнь. Учитывая также, что ценности современных западных идеологий, таких как неоллиберализм,

неоконсерватизм и даже социал-демократия к началу нового столетия уже исчерпали свой потенциал, т.е. западное общество, основанное на принципах приоритета материального богатства над духовным оказалось в социальном тупике. Следует сделать вывод, что необходимо создать новую идеологию, которая учитывала бы положительные стороны идеологий как капиталистических, так и социалистических стран, а также ценности идеологий и культур Востока и Запада. Кроме этого, при создании новой идеологии необходимо учитывать мировые тенденции образования глобального общества, причем со спецификой формирования общества глобального гуманизма.

Будущее гуманистическое общество обусловлено длительной эволюцией как самих идей гуманизма (от гуманистических взглядов мыслителей Древнего мира до современных представителей гуманистической мысли), так и постепенным накоплением элементов реального социального гуманизма в тысячелетней истории человеческих обществ и цивилизаций. В целом равнодействующая социального прогресса действительно подводит нас к образованию общества глобального гуманизма.

Учитывая социальную и особенно идеологическую ситуацию в России, тенденции мирового развития цивилизаций, а также геополитическое значение России — быть центром синтеза культур Востока и Запада, следует признать, что единственно верной идеологией для нашего государства будет являться идеология гуманизма. Идеология гуманизма и явится той духовной силой, которая преобразует наше деградированное российское общество в подлинно человеческое общество социального гуманизма.

Чтобы рассмотреть основные принципы идеологии гуманизма, необходимо выяснить, что такое идеология. Какова ее сущность, характерные черты, функции и уровни развития? А начнем наш анализ с краткого рассмотрения истории самого понятия «идеология».

2. Определение идеологии

С появлением понятия «идеология» в философской, социологической и политологической мысли сложились различные подходы к ее определению. История идеологических учений говорит, что понятия «идеология» до начала XIX века не было, хотя идеологическая структура как таковая существовала во всех обществах. Историческим типом идеологии с древнейших времен была в различных своих видах религиозная идеология, и учение о религии представляло собой идеологоведение в религиозной форме. Это учение, как правило, входило в состав теологии или мифологии, в зависимости от конкретно-исторических условий существования той или иной религиозной идеологии и ее оболочки. Предпонятиями идеологии, выражающими сущность идеологии, являлись мифология и теология. Понятие религиоведения появилось в новое время, практически одновременно с понятием «идеология». Особое значение в учениях об идеологии имело понятие «философия религии», выполнявшее промежуточную роль между предпонятием идеологии (в форме мифологии и теологии) и понятием идеологии.

Термин «идеология» начали употреблять в конце XVIII — начале XIX веков во Франции. Понятие «идеология» было введено в научный оборот Антуаном Дестютом де Траси в его работе «Этюд о способности мыслить». Позже, в другом своем фундаментальном четырехтомном произведении «Элементы идеологии» де Траси подробно рассматривает «идеологию» как науку об идеях, о том, как они возникают, и о законах человеческого мышления. Дестют де Траси считал, что идеология, как наука об идеях, представляет собой науку такого же типа, как и физика, математика, зоология. Но в то же время идеология является философской наукой, анализирующей причины и законы формирования идей. Де Траси утверждал, что идеология должна служить теоретической основой для политической, нравственной, педагогической наук. Кроме того, идеология, по де Траси, имеет большое политическое значение, так как она учит правильному мышлению политических деятелей. Поэтому, утверждал он, идеология должна стать теоретическим фундамен-

том политической и экономической жизни, а также быть руководством для политической деятельности руководителей государства.

Главной заслугой де Траси в разработке идеологического процесса является то, что он сделал, пожалуй, пока единственную попытку создать единое, целостное идеологическое учение Запада. Так, еще 20 июня 1796 г. в Париже в Национальном институте наук и искусств де Траси выступил с докладом «Проект идеологии», в котором он предложил обобщить и систематизировать учения Бэкона, Локка, Кондильяка, Гельвеция и других в виде особой «теории теорий» или науки об идеях — идеологии. Важнейшее значение в его трактате занимали мысли об использовании идеологии для улучшения общественного устройства нации.

Здесь самое время обратиться к фигуре Наполеона Бонапарта. Именно он, критикуя идеологов как пустых доктринеров, оторванных от реальной жизни, увидел в их деятельности опасность для созданного им политического режима. Своим выступлением против группы «идеологов» Наполеон положил начало традиции западной критики идеологии. Понятию «идеология» стали придавать негативное значение, понимая под ним абстрактное доктринерство, непрактичность, фантазии, чуждые действительности, т.е. ложное, оторванное от практической жизни сознание идеологов. Такое понимание идеологии было присуще философской и социальной мысли во времена деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.

В теоретическом наследии классиков марксизма по вопросу об идеологии можно выделять два подхода. Первый — это использование понятия «идеология» в традиционном смысле, для обозначения искаженного, превращенного сознания. Разумеется, Маркс и Энгельс не считали, как Наполеон, что идеология, будучи ложным сознанием, бессодержательна и бессмысленна; они видели, что в такой превращенной форме отражается историческое развитие. Второй же подход обнаруживается тогда, когда они, развивая свое материалистическое понимание истории, рассматривали общественное сознание в качестве отражения общественного бытия.

Столкнувшись с проблемами реализации идеологического учения К. Маркса и Ф. Энгельса в России еще в начале своей политической и теоретической деятельности, В. И. Ленин пришел к выводу о необходимости введения понятия «научная идеология». Под научной идеологией В. И. Ленин понимает, разумеется, марксизм, а буржуазная идеология соответственно, по его мнению, была лишена научного, объективного характера.

В работах советских и зарубежных марксистов недавнего времени были проанализированы такие понятия, как идеология, общественное сознание, формы общественного сознания, социальная психология масс и духовная жизнь социалистического общества. Появились работы, в которых специально рассматривались проблемы создания марксистского идеологического учения. К этим работам прежде всего следует отнести исследования В. Иванова, Ж. Тощенко, М. Яковлева и других. К сожалению, после объявленной деидеологизации советского, а затем и российского общества проблемы изучения идеологии стали уделять мало внимания. Более того, деидеологизация России, как отмечали ранее, привела к хаосу и беспорядку в социальной, политической и экономической жизни. Что касается «свободного» духовного производства российского общества, то после снятия диктата марксистско-ленинской идеологии оно влачит жалкое существование и находится на стадии духовной деградации и «вымирания» в условиях хронического безденежья российского бюджета.

Понимание идеологии как ложного, иллюзорного, превращенного сознания было свойственно видным западным философам и социологам, в частности, М. Шелеру, Э. Дюркгейму, М. Веберу, К. Мангейму, П. Сорокину, Т. Парсонсу и другим. Из них наиболее известным исследователем идеологического процесса остается Карл Мангейм.

Особое место среди критиков идеологии занимают представители Франкфуртской школы социальной философии. Так, Г. Маркузе, например, утверждал, что в настоящее время наука и техника полностью превратились в идеологию, а Ю. Хабермас считает, что наука и техника, выполняя задачи идеологии, воздействует на развитие общества железной ло-

тикой своего господства даже больше, чем прежние идеологии. Что касается сторонников социального учения постмодерна, то тенденция деидеологизации современного западного общества явно преобладает в их концепциях над теориями реидеологизации, все же имеющими место в социальных доктринах современного Запада. Как отмечает А. А. Зиновьев: «Западное общество считается неидеологическим. Существование особой западной идеологии отрицается. Но это на самом деле есть одна из идей западной идеологии. Она существует, причем является более мощной, чем была советская, по всем основным характеристикам — по числу занятых в ней людей, по средствам распространения и вдалбливания ее в головы людей, по пропитанности ею всей сферы общества... Идеология спрятана, растворена, рассеяна во всем том, что предназначено для менталитета людей, — в литературных произведениях, фильмах, специальных книгах, научно-популярных и научно-фантастических сочинениях, газетных и журнальных статьях, рекламе и т.д. Она слита с внеидеологическими феноменами настолько, что вторые просто немыслимы без нее. Это делает ее неуязвимой для критики. Она везде и во всем, и потому кажется, будто ее вообще нет... Люди там даже не замечают, что с рождения и до смерти постоянно находятся в поле действия идеологии. Они потребляют ее вместе со всем тем, что они потребляют для своего ментального питания. Делают они это без всякого усилия, без принуждения, свободно, без «борщ»¹.

В понимании идеологии сегодня становится самоочевидной необходимость освобождения от марксистских догм, зажатых в тиски искусственно сконструированного исторического материализма. Действительно, все рассуждения об идеологии, основанные на соотношении общественного бытия и общественного сознания, неадекватны реальному положению вещей. Неправомерен перенос основного вопроса философии — отношения сознания к бытию — на общество. Общественного сознания как самостоятельного общественного образования не существует; в реальности наблюдается

¹ Зиновьев А. А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 311—

философское, научное, нравственное, художественное, правовое, политическое сознание индивидов, а не общества вообще, т.е. «идеальной головы» общества нет. Вне индивида все идеи, теории, концепции, учения не являются сознанием, это опредмеченные формы сознания, ранее произведенные индивидами. Наука, философия, мораль, искусство, право, политика — специфические сферы деятельности человека (или, говоря языком культурологии, специализированные сферы культуры), в которых индивиды профессионально заняты познанием природы и общества, а не формой общественного сознания.

Разделение «общественного сознания» на обыденное (социальную психологию людей) и теоретическое (идеологию) также является неправомерным. Идеология в целом, и политическая, — в том числе, это определенная система философских, научных, художественных, нравственных, правовых, политических, экономических, социологических ценностей и знаний о мире, обществе, человеке, лежащих в основании формирования и развития общества и личности. Идеология дает также представление о месте и роли человека в мироздании, о смысле жизни личности, о лучшем устройстве будущего общества, к которому должны стремиться все граждане мира. Идеологические знания и ценности организуют, регулируют, направляют и интегрируют деятельность людей в духовной, политической, экономической, социальной и семейно-бытовой сферах жизни общества, объединяют страны с однотипной идеологией в цивилизации, направляют взаимодействие между регионами цивилизаций, обеспечивают целостность социосферы в целом. Идеологическая власть повелевает и управляет идеологической деятельностью индивидов, а также координирует и направляет деятельность государственной, политической, экономической форм власти общества. Идеологические организации разрабатывают и внедряют в сознание личностей идеологическое учение, контролируют деятельность социальных сфер и различных ветвей власти в обществе. Идеологическая структура, таким образом, является определяющей силой развития и функционирования всех систем социосферы.

Описав сущность идеологии, можно обозначить ряд ее характерных черт.

Таким образом, *идеология в целом*:

— всегда давала целостную картину мира, акцентируя внимание на месте и роли человека в этом мире;

— интегрировала знания, выработанные предшествующими поколениями, заимствуя ранее полученные знания и вымыслы из других идеологий;

— стимулировала и направляла человеческое поведение, интегрируя при этом действия людей и общества;

— является организующей формой общественной жизни, побуждает действовать и, следовательно, жить;

— определяла преобразование, развитие и функционирование общества в истории человечества.

Наконец, идеологические системы определяют директивы человеческой деятельности и поведения личности в социальном мире.

Для более четкого понимания роли идеологии в жизнедеятельности человека, в функционировании общественной системы необходимо определить ее функции. Их так же можно выстроить в следующий ряд.

Познавательная функция — определяет систему знаний, полученных в сфере духовной культуры и на основе опыта социальных групп. Создается та или иная модель социального мира и места человека в нем.

Оценочная (аксеологическая) функция — дает вполне конкретную оценку на основе социальных интересов различного рода ценностей и норм поведения, конкретно — нравственных, эстетических, правовых, политических, экономических и других.

Программно-целевая функция идеологии — показывает цели, разрабатывает программы их достижения и регламентирует тем самым поведение людей в обществе.

Футурологическая функция — моделирует будущее развитие общества, дает представление о лучшем устройстве общества, к которому необходимо стремиться как к идеалу.

Интегрирующая — обеспечивает формирование определенного подхода к явлениям социокультурной практики общества.

Защитная функция — обеспечивает конкурентное (либо борьба, либо сосуществование) взаимодействие с другими идеологиями.

Наконец, **социально-организующая функция** — определяет принципы организации и управления жизнью общества. Фактор идеологии «вписан» в мир общественной жизни и человеческой культуры, что очень хорошо просматривается в развитых и сложных цивилизациях.

Кроме характерных черт и функций идеологии следует также выделять **уровни идеологии**.

Теоретический уровень идеологии первый предполагает разработку, внедрение и функционирование в сознании личностей фундаментальных знаний и ценностей, являющихся основой той или иной идеологии. В большей степени этот уровень развития и функционирования идеологического учения связан с профессиональными идеологами, специально занятыми разработкой основополагающих идей и принципов идеологии.

Второй уровень идеологии связан с разработкой и внедрением общедоступных идеологических знаний и ценностей, приемлемых для массового изучения и внедрения в сознание масс народа. Часто данный уровень связывают с массовой идеологической пропагандой и агитацией, поэтому ряд исследователей данный уровень идеологии определяет как пропагандистский.

Третий уровень идеологии предполагает формирование и функционирование идеологических ценностей на уровне обыденных идеологических представлений и взглядов. Обыденные идеологические представления образуются двумя путями. Первый путь означает, что идеологи-профессионалы, в частности, пропагандисты разрабатывают простые, элементарные идеологические представления и идеи, рассчитанные на самый примитивный уровень усвоения идеологических идей и ценностей; второй путь предполагает, что идеологические взгляды и представления вырабатываются индивидами самостоятельно в их повседневной жизни; это обычно взгляды, формируемые личностями в сфере общения и быта (как правило, это рассуждения о политике в компании сослуживцев и друзей).

В любой идеологической системе следует выделять также такой уровень идеологии, который можно определить как идеологическую психологию. Этот уровень идеологии обычно отождествляют с политической психологией масс народа. К данному уровню идеологии следует отнести идеологические чувства и эмоции, которые могут формироваться индивидами самостоятельно. Во время противостояния идеологических систем отношение между идеологиями (на психологическом уровне) проявляется как психологическая война в бескомпромиссной борьбе идей.

3. Гуманизм и общество будущего

Представления о будущем всегда играли важную роль в истории как русской, так и мировой общественной мысли. Особое значение предвидение будущего имело в переломные эпохи истории человечества. Вот и сейчас, на рубеже тысячелетий проблема будущего земной цивилизации приобретает особую актуальность.

Развитие России неотделимо от развития человечества. Русская идея и идеал России всегда выступали в органическом единстве. Русская идея в своей длительной эволюции проявлялась в различных формах: в западничестве, славянофильстве, почвенничестве, евразийстве и т.д. Русская идея — это тяжкий путь познания Россией своего прошлого, настоящего, будущего, это путь постижения смысла и своего предназначения. Давно замечено, что Россия развивается как бы по кругу, от деспотии к свободе, от демократии к тоталитарному режиму, и в этом, по мнению многих, и заключается особый путь России. Хотелось бы верить, что, взяв новый старт, Россия вырвется из замкнутого круга «вечного возвращения» и укажет путь себе и другим к подлинно человеческому, гуманистическому будущему. Хочется надеяться, что Россия станет духовным центром гуманистической цивилизации, единством идеологий и культур Востока и Запада. «То, что есть только в России и чего нет по отдельности ни на Востоке, ни на Западе, — отмечает В. С. Полосин, — это ее особая историческая миссия быть местом соединения восточной и западной культур, созерца-

ния и рационализма, интуиции и расчета, чувства и слова. Россия как бы некий всемирный Алтарь, на котором должно произойти чудо единения человечества и обретения всем человечеством того смысла и той цели бытия, которые лишь частично возникали на исторических путях западных и восточных народов»¹.

Таким образом, после распада СССР, как и тысячу лет назад, перед Россией встала проблема выбора пути развития. По какому пути она пойдет? По пути, указываемому идеологами современных западных стран, или по пути, прописанном в манифестах коммунистических и социалистических партий? А может, для России возможны другие пути развития, учитывая исторические тенденции ее восточной ориентации? Все это ставит проблему выбора Россией своего пути развития в зависимости от конкретно-исторической ситуации, от выбора руководством и народом страны правящей или государственной идеологии.

Можно предположить, что будущее России, как и всего человечества не будет связано с технотронным обществом, абсолютизирующим технологическую сторону прогресса, с коммунистической перспективой, где человек превращается в безликую часть тоталитарного государства, а будет нацелено на гуманистическое общество, которое должно стать подлинно человеческим обществом достойных и свободных людей, стремящихся к знаниям. Это будет цивилизация нового типа гуманизма — социального. Как справедливо отмечает академик В. Е. Давидович: «Знаменем, под которым можно собрать пестрое человечество, могла бы послужить идея формирующегося глобального гуманизма. Она еще только возникает, что называется, проклевывается, она могла бы вобрать в себя многое, что накоплено в гуманистике и естествознании, в мировых религиях и дерзаниях вольнодумцев, в Западной цивилизации и на Востоке. Пожалуй, накопление, начинающее свой исторический бег в XXI столетии, постарается оформить, отточить, вылепить эту идею. А XX век лишь поставил эту задачу»².

¹ Полосин В. С. Не превратить орла в одноглавого. Взгляд на новую госидеологию // Российская газета, 1993, 2 марта.

² Давидович В. Е. Человечество перед лицом глобальных проблем // Основы философии в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону. 1997. С. 441.

Подлинной целью и основой будущего российского гуманистического общества будет являться действительно целостно развитая личность. Личность нового общества будет творческой индивидуальностью, представляющей собой своего рода микрокосм, в котором отражается макрокосм. Эволюция Вселенной имеет направленность на самопознание, потому что человек и его общество являются неотъемлемой рефлексивной частью мироздания. В целом Вселенная — это субстанция, познающая через людей самое себя, также как и человек, познавая Вселенную, осознает самого себя. В результате спонтанной эволюции Вселенной возник уникальный феномен — разум человека, предназначенный для самопознания. Человек порожден Вселенной для ее самопознания, в этом космический смысл и предназначение человека в мироздании.

Главная ценность будущего российского общества, думается, должна заключаться в достоинстве и свободе человека; достоинство личности должно лечь в основу образования и развития всех отношений гуманистического общества. Достоинство человека будет определяться не знатным происхождением или материальным богатством, а знаниями, освоенными и добытыми им в процессе его жизни. Гуманист — это и есть достойный человек, стремящийся к знаниям. Достоинство, знания, творчество, свобода, справедливость и человеколюбие станут главными ипостасями целостной гуманистической личности будущего общества. Без принципа человеколюбия не могут в полной мере быть реализованы другие принципы. К примеру, достоинство может превратиться в самолюбие, знания могут стать опасной для людей антигуманной силой. Абсолютная свобода, без уважения достоинства и свободы других личностей, приведет к необузданной свободе одного индивида. Только один пример сравнения: важнейшая нравственная заповедь христианства «Возлюби ближнего своего» прошла через века, в то время как нравственный принцип разумного эгоизма нового и новейшего времени привел к «озверению» современного общества, культу насилия современной цивилизации. Можно сказать, что абсолютизация нравственных принципов протестантской морали, особенно индивидуальной сво-

боды, в западных странах приводит к «гипериндивидуализму». По мнению американского социолога П. Бергера, значительная правовая свобода субъектов частного контрактного права может восприниматься как некая социальная аномалия. «Критики современного капитализма как справа, так и слева, — отмечает П. Бергер, — тем не менее правы, заявляя, что освобождение от коллективной солидарности обошлось весьма дорого. Его цену Маркс назвал “отчуждением”, а Дюркгейм — “аномией”. Она связана с появлением личностей, оторванных от общины, предоставленных самим себе, взаимодействующих с такими же обособленными и мобильными людьми. Если эта цена каким-то образом не минимизируется, то в итоге возникает так называемый «гипериндивидуализм, который — что неудивительно — воспринимается незапальными наблюдателями и внутренними критиками капитализма как патология современного капиталистического общества»¹. В обществе, где действует принцип материального обогащения, к духовному богатству, как правило, относятся безразлично, а то и враждебно, ибо духовное богатство не приносит прибыли.

Принцип человеколюбия всегда имел особое значение в истории мировых идеологий, а не только в христианстве. Так, древнекитайский гуманист Конфуций считал, что новый благородный человек будущего идеального государства должен прежде всего обладать человеколюбием, наряду с такими чертами новой личности как знания, предполагающим освоение культурного богатства, а также таким качеством человека как творческая индивидуальность². Для будущего гуманистического общества принцип человеколюбия должен играть важнейшую роль. Знания, творчество, достоинство, свобода, человеколюбие и справедливость личности должны стать определяющими нравственными и правовыми принципами будущей гуманистической цивилизации.

Будущее гуманистическое общество станет своего рода обществом знания, «градом знания» на Земле и в Космосе. Глобальная гуманистическая цивилизация Земли будет сво-

¹ Бергер П. Капиталистическая революция. М., 1994. С. 142.

² См.: Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука. 1993. Гл.4.

его рода сферой знаний нашей планеты, о которой говорил В. И. Вернадский, называя ее ноосферой. Ноосфера — это и есть сфера знаний, которая будет распространяться на другие космические сферы. Разумеется, «град знания» человек должен воздвигнуть вначале в себе самом. В новом обществе должно быть гармоническое соответствие между духовным и материальным богатством человека при определяющей роли первого, так как духовные деяния прежде всего определяют наши достоинства. Великий русский писатель и мыслитель гуманист А. П. Чехов еще сто лет назад призывал к созданию нового общества социального гуманизма, основанного на духовном богатстве. «Признание всякого человека в духовной деятельности, — утверждал он, — в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для них ненужным грубый, животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе, и тогда увидите, какая, в сущности, насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворить его могут только религия, наука, искусство... Не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей. Нужны не школы, а университеты... Конечно. Мы высшие существа, и если бы в самом деле мы осознали всю силу человеческого гения и жили бы только для высших целей, то в конце концов мы стали бы как боги»¹.

Личность будущего гуманистического общества должна также развивать в себе физическое богатство, физическое совершенствование, т.е. личность должна будет обладать богатством человеческого здоровья. Эта форма человеческого богатства должна основываться на духовном богатстве. Наряду с духовным, материальным и физическим богатством личность будущего общества должна формировать и развивать свое экологическое богатство на основе совместного гармонического развития природы, общества и человека. Как справедливо отмечает Н. Н. Моисеев, «наше будущее состоит лишь в том случае, если мы усвоим аксиому: «Человек — элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере». «Этот принцип, — под-

¹ Чехов А. П. Дом с мезонином. Рассказ художника // Избранные сочинения (Б-ка учителя). М., 1988. С. 307—309.

черкивает автор, — я называю принципом коэволюции человека и биосферы. Его выполнение — необходимое условие сохранения человека на Земле. Я думаю, что в настоящее время это важнейшая проблема фундаментальных знаний... Это высшая задача гуманитарных знаний — знаний, которые будут опираться на современное естествознание, на физику, биологию, химию. Но все-таки это задача прежде всего гуманитарных знаний, поскольку речь должна идти о поведении человека, о его способности гармонично вписаться в жизнь биосферы и воспитании в рамках определенных стандартов»¹.

Важнейшим принципом гуманистического общества должен также стать принцип свободы творчества личности во всех ее формах. Общество должно обеспечивать одинаковые социальные «стартовые» условия для всех, а далее все зависит от способностей, трудолюбия и потенциальных возможностей человека в процессе его свободного труда и творчества. Для свободного творческого труда должны существовать определенные стимулы. Одним из них должно стать справедливое вознаграждение за труд, причем, чем более труд является творческим, тем больше он должен стоить, значить для человека и для общества.

Разумеется, в будущем гуманистическом обществе не все люди будут заниматься творческим трудом по производству новых знаний. Творческим может считаться также такой труд, который как бы заново воспроизводит ранее полученные знания, например, творческая деятельность педагога, ученого, деятеля искусств, актера и т.д. Более того, в будущем обществе будут также различия по степени творческого содержания труда, т.е. интенсивность творческого труда будет различной. Интенсивность творческого труда зависит не столько от количества произведенного знания в процессе этого труда, сколько от качества знаний (степени творческого содержания). Великое открытие и разработка прикладного характера — и то и другое — творческий труд, но различного качества. Нетворческие виды труда останутся, но они не будут играть решающего значения в обществе.

¹ Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 175-176.

Люди, занимающиеся нетворческим трудом, умственным или физическим по форме, не будут определять прогрессивное развитие гуманистического общества. Конечно, желательно, чтобы все люди будущего нашли себя в каком-либо творческом труде в соответствии со своими способностями и интересами. Это идеальный вариант, к которому и необходимо будет стремиться в гуманистическом обществе.

Рассмотрение главных принципов организации будущего общества подводит нас к выводу, что важнейшей, определяющей основой гуманистического общества будет являться идеологическая структура, включающая в себя учение, регулирующее развитие нового общества на основе знаний о мире и роли человека в нем. Это знание будет представлять собой единство философского, научного, художественного, нравственного, правового, политического, экономического и экологического знаний. Подобное гармоническое единство должно давать целостное, а не одностороннее знание. Идеологию гуманизма можно представить как систему ценностей и ценностных ориентаций, идеалов и директив действия, идеологических чувств и веры. Идеологическая структура гуманистического общества с необходимостью должна включать в себя систему идеологического воздействия и идеологические регулятивы действия личностей во всех сферах общества, а также идеологические органы и организации, которые будут осуществлять творческое развитие идеологии, т.е. производить идеологическое знание и внедрять его в массовое сознание. В процессе становления нового общества должна осуществиться переориентация общества с производства материальных благ на производство духовных ценностей. Поэтому главной задачей общества гуманизма станет повсеместное производство знаний как важнейшей государственной задачи, а производство материальных товаров — как результат производства знаний. Производство знаний в государственных масштабах составит главное отличие гуманистического общества от современных обществ западного и постсоциалистического толка. Гуманистическое общество будет обществом знаний. Достижение материального благополучия общества всеобщего потребления для гуманистов не является самоцелью. Для гуманистов глав-

ное, чтобы на основе удовлетворенного материального интереса формировались и развивались духовные интересы личности. В гуманистическом обществе материальное богатство отойдет на второй план, а на первый план выйдет формирование, развитие, совершенствование духовного богатства личности и общества. В новом обществе личность освободится от материального бремени добывания хлеба насущного через переход к предметно-творческому производству и замкнутым технологическим циклам. Гуманистические личности займутся самым главным, сущностно-человеческим делом — формированием и развитием самого человека. В будущем обществе такие ценности как свобода, демократия, творческая инициатива, плюрализм мнений, национальное достоинство, художественное и духовное самовыражение, технотронная революция и другие необходимо будет переориентировать, развернуть на достижение духовного, а не только материального богатства.

В будущем обществе производство знаний будет осуществляться во всех сферах жизни общества, а не только в области духовной культуры. Для этого современное общество необходимо преобразовать, перестроить так, чтобы знания, культурные ценности создавались в его духовном, социально-политическом и материальном производствах. Высшей целью нового общества явится формирование и развитие целостной личности, а сущность человека определяться совокупностью знаний, освоенных индивидом, а не совокупностью, по Марксу, всех безличных общественных отношений¹. В гуманистической личности совокупность освоенных ею знаний должна представлять собой целостное знание как гармоническое сочетание теоретических и обыденных форм знаний.

К сожалению, решение вышеназванных проблем в современной России выглядит далеко не лучшим образом. Об этом убедительно пишут В. Дикевич, А. Ю. Тупицын, А. Фетисов: «Одной из сущностных особенностей современной социокультурной ситуации в России, отмечают они, — является забвение правящей элитой антропологических проблем. Между тем человек, понимаемый как высшая общественная

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.3.

ценность, становится сегодня конечным основанием и критерием любой общественно значимой деятельности. Произнесенные в начале нашего столетия слова Макса Шелера о том, что «никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя», именно в конце XX века оказались чрезвычайно актуальными. Можно утверждать, что лишь те общественные практики, которые будут соразмерны антропологическим изменениям в современной социокультурной ситуации, определяют лицо и XXI века, и всего следующего тысячелетия»¹.

Если сущность человека определяется совокупностью освоенных и добытых им знаний, то их производство превращается в высшую цель и задачу всех сфер и структур гуманистического общества. Второй по значению после идеологической структуры общества остается сфера духовной культуры, или свободное духовное производство, которое будет состоять из таких отраслей духовного производства как искусство во всех его видах, наука (в которой будут осуществляться фундаментальные исследования, не имеющие идеологического характера), система образования (средняя и высшая школы, вузовская наука).

Роль науки в жизни общества огромна, от ее потенциала зависит будущее любого общества. Как отмечают авторы коллективной исследовательской работы «Россия: национальная стратегия и социальные приоритеты»: «Общепризнанно, что научно-технический потенциал любой страны есть большее богатство, чем запасы полезных ископаемых или накопленное веками мастерство работников традиционных отраслей производства. Наука является самым современным инструментом материального и духовно-нравственного процветания, индикатором интеллектуального и морального уровня развития общества. Судьба России как государства, являющегося составной частью мирового сообщества, всецело зависит от состояния и перспектив ее интеллектуальных ресурсов»². К сожалению, в современной России наблюдается резкое снижение затрат на развитие науки и об-

¹ Дикевич В. Н., Тупицын А. Ю., Фетисов А. В. В поисках «субъекта развития» // НГ — сценарии. 1997. 9 октября.

² Россия: национальная стратегия и социальные приоритеты. / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1997. С. 113.

разования, что приводит к сокращению объемов фундаментальных и прикладных исследований, закрытию ряда проектных институтов, НИИ и даже целых отраслей. Разрушение российского научного потенциала может произойти в ближайшее время, если доля расходов страны на науку в течение 5—7 лет не будет превышать 1% от ВВП. Финансирование научного потенциала нашей страны в последние годы составило: 1992 г. — 0,57%, 1993 г. — 0,52%, 1994 г. — 0,47%, 1995 г. — 0,41%, 1996 г. — 0,53% от национального валового продукта. В Германии, Англии, Франции, Японии доля расходов валового продукта на науку составляет в среднем 2,7—3,1%, тогда как Россия находится на уровне таких государств как Аргентина (0,3%), Румыния (0,45%), Болгария (0,5%)¹.

В духовном производстве гуманистического общества будет осуществляться освоение и производство знаний во всех его разнообразных видах. Сфера духовной культуры в будущем будет являться главной сферой по производству и распространению знаний. В ходе перестройки этой сферы общества все нетворческие виды духовного труда будут переданы компьютерным системам обслуживания творческой деятельности людей, занятых в свободном духовном производстве. За человеком, действующем в сфере духовного производства, останется подлинно человеческий творческий труд, производящий знания и духовные ценности. Этот творческий труд и будет являться основой формирования и развития гармоничной личности как главной цели гуманистического общества. Творческий труд, осуществляющийся в сфере духовного производства, должен в соответствии с законом стоимости по количеству и качеству творческого труда быть самым высокооплачиваемым. Знания, освоенные и добытые человеком в сфере духовной культуры, и будут определять его сущность и достоинство.

В сфере социально-политического производства будут создаваться и функционировать политические ценности и отношения по поводу власти и управления. Эта сфера также будет определяться идеологической структурой гуманистического общества. К социально-политическому производ-

¹ См.: Там же.

ству следует отнести деятельность нескольких групп профессионально занятых в этой области людей. Одна из них представляет собой управленческий аппарат министерств и ведомств. Ко второй группе следует отнести людей, осуществляющих деятельность, связанную с государственной властью. Это деятельность людей, обеспечивающих общественный порядок, государственную оборону и безопасность. К третьей группе следует отнести деятельность людей, осуществляющих правовое регулирование общества и работающих в органах суда, прокуратуры, адвокатуры и других подобных им организациях государственного аппарата.

В будущем российском обществе нетворческие виды управленческого труда также будут «переданы» компьютерам, входящим в автоматизированные системы управления общественными процессами. А за личностью останется подлинно человеческая творческая управленческая деятельность в сфере управления и регулирования социальными процессами. Этот творческий управленческий труд, производящий знания и политические ценности, будет определять сущность и достоинства целостной личности, действующей в социально-политическом производстве. Разумеется, чем выше степень творческого содержания управленческого труда, тем оно будет больше стоять по сравнению с нетворческим управленческим трудом, который все же будет иметь место в сфере управления, но уже не будет определять ее стратегическое развитие.

Наибольшей реформе в гуманистическом обществе подвергнется экономическая сфера, или материальное производство. Как известно, в условиях современного НТП уже происходит изменение места и роли человека в технологическом процессе производства. В машинном производстве человек является частью технологического процесса, его деятельность является частичной. Личность, формирующаяся на основе нетворческой частичной деятельности представляет собой частичную личность. Чтобы личность сформировалась целостно, необходимо изменить процесс производства так, чтобы личность вышла из технологического процесса, стала над этим процессом. Для этого необходимо, чтобы нетворческая деятельность, не производящая знаний,

была передана машинам, функционирующим по замкнутым технологическим циклам с использованием не только механической, но и физической, химической, биологической форм движения. В современных развитых странах мира замкнутые технологические циклы с использованием многих форм движения уже создаются как в промышленности (так называемые заводы «под замком»), так и в сельском хозяйстве. Но даже самые совершенные технологические процессы будут устаревать, поэтому необходимо будет создавать новые. Разработка и создание новых технологий, направленных на дальнейшее преобразование природы на основе коэволюции человека и биосферы, предполагает, что в сфере материального производства должна существовать целая система предметно-творческого производства, в котором будет осуществляться подлинно человеческая творческая, производящая знания деятельность. Материальное производство будущего гуманистического общества можно будет определить как гигантскую научную лабораторию, функционирующую в единстве с замкнутым технологическим процессом, производящим в автоматическом режиме предметы потребления, т.е. промышленные товары. В предметно-творческом производстве будут осуществляться в основном прикладные исследования. Произойдет своего рода слияние научно-исследовательских и проектных институтов с производством. Наука станет производственной, а производство научным. Фундаментальные исследования в основном будут осуществляться в духовном производстве, в сфере академической и вузовской науки, имеющей общегосударственную систему обеспечения. В догуманистических обществах в материальном производстве знания использовались для производства товаров. В будущем обществе главным будет производство знаний для создания новых технологий, а товары будут уже следствием производства знаний. Осуществится преобразование экономической сферы — перемещение с производства материальных благ на производство духовных ценностей и знаний. Закон стоимости по количеству и качеству творческого труда будет стимулировать людей на производство знаний как самых главных ценностей в обществе. Причем этот закон будет регулировать процесс производ-

ства знаний во всех сферах общества, а не только в экономической. Как отмечает А. И. Колганов: «Экономическая и общественная системы должны быть ориентированы на то, чтобы творческий потенциал каждого человека встречал наибольшие возможности для своего свободного развития — будь то в производстве, науке, системе просвещения или в создании благоприятных экономических условий. Такой подход предполагает, что методы экономической и социальной мобилизации ресурсов российского общества будут подчинены в первую очередь не задаче наращивания объемов производства, ускоренного экономического и технологического роста, а стремлению создать условия для самоосуществления человека»¹.

Таким образом, в будущем обществе на основе творческого труда, производящего знания, будет формироваться целостная личность — как главная цель гуманистического общества. Экономической основой свободного целостного развития личности будет являться ее личная собственность, тогда как остальные формы собственности ориентированы на поддержание развития личной собственности человека. Особое значение приобретет интеллектуальная собственность, священная и неприкосновенная. Поэтому произведенные человеком знания, являющиеся его собственностью, должны охраняться государством и законом.

Предложенная здесь абстрактная модель будущего гуманистического общества должна обрести свои конкретно-исторические формы развития, т.е. национальные модели со своими особенностями и спецификой в каждой стране. Логично предположить, что гуманистические страны войдут в различные региональные объединения. Историческая миссия России при реализации подобного сценария заключается в том, чтобы стать центром, объединяющим Восток и Запад на духовной основе, т.е. новой целостной идеологии гуманизма. В этом суть *Великой Русской Идеи*, объединяющей идеи Мира. Мировая идея социализма оказалась разъединяющей идеей, она разорвала Мир на системы капитализма и социализма, ведущие между собой бескомпромис-

¹ Колганов А. И. Модернизационный эксперимент большевиков // НГ — сценарии, 1997, 10 апреля.

сную идеологическую борьбу. В отношениях между странами следует отличать идеологическую конфронтацию как бескомпромиссную агрессивную войну, борьбу идеологий и идеологическую конкуренцию, предполагающую сосуществование и взаиморазвитие идеологий.

Говоря о человеческой цивилизации, о ее будущем, следует отметить, что равнодействующая прогресса человечества ведет к возникновению цивилизации глобального гуманизма. Будущее России и человечества в целом, таким образом, не за обществом техники, даже гуманизированной, не за обществом всеобщего потребления, не за обществом казарменного социализма, а за подлинно человеческим обществом гуманизма.

СЛОВАРЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

- Авторитарный** (от лат. *autoritas* — власть) — основанный на личной власти, личной диктатуре.
- Агенты (акторы)** — действующие социальные субъекты, а иногда также организации и институты.
- Адаптация социальная** — приспособление личности или социальной группы к общественной среде, в ходе которого согласовываются требования и ожидания участвующих в нем субъектов.
- Альтернативы** (франц. *alternative*, от лат. *alter* — один из двух) — в социологической анкете — варианты ответов-подсказок, из которых необходимо выбрать один или несколько.
- Аномалия** (греч. *anomalía*) — отклонение от общей закономерности, неправильность, негативная сторона социального явления.
- Аномия** (от франц. *anomie*) — отсутствие закона, организации), состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом всего общества, его социальных институтов, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства (понятие введено Э. Дюркгеймом, теория разработана Р. Мертоном).
- Анонимность** (от греч. *anonymos* — безымянный) — в социологическом опросе обязательное условие для исследователя не требовать от респондента его фамилии, имени и отчества.
- Антропология** (от греч. *anthropos* — человек и *logos* — учение) — наука о происхождении и эволюции человека, а также о дописьменных культурах.

Апатия (от греч. *apatheia* — бесстрашие) — безразличное, безучастное отношение к окружающему.

Аскетизм (от греч. *asketes* — упражняющийся в чем-либо) — ограничение или подавление чувственных желаний, сознательное воздержание как система философских убеждений.

Ассимиляция — постепенное слияние группы меньшинства с доминирующей культурой.

Ассоциация (от. позднелат. *assotiatio* — соединение) — психологическая связь между двумя или несколькими образами, мыслями, чувствами.

Атрибуты (от лат. *attributum* — придаю, наделяю) — необходимое, существенное свойство.

Аутсайдер (англ. *outsider* — посторонний) — отстающий, самый неавторитетный в группе.

Белые воротнички — служащие, работники преимущественно умственного труда.

Бизнес-слой — вся совокупность людей, занимающихся бизнесом, предпринимательством.

Бизнес-элита — высшая прослойка класса бизнесменов.

Блокирование — препятствование чему-либо, задержка, непропускание.

Брак — исторически меняющаяся форма социальных отношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родственные права и обязанности.

Бюрократия — организация, деятельность которой предусматривает разделение иерархически упорядоченных ролей, складывающихся на основе четких правил и процедур; социальный слой, непосредственно осуществляющий функции управления обществом.

Валидность — основная характеристика качества измерения в социологии, одна из составляющих на-

дежности социологической информации. Различают теоретическую (концептуальную) и эмпирическую (валидность по критерию).

Вассал (от позднелат. *vassus* — слуга) — в средневековой Европе феодал, находящийся в личной зависимости от другого феодала, которого в этом случае называют сеньором.

Взаимодействие социальное — способ осуществления социальных связей и отношений в системе, предполагающей наличие не менее двух субъектов, самого процесса взаимодействия, а также условия и факторы его реализации. В ходе взаимодействия имеет место становление и развитие личности, социальной системы, изменение их в социальной структуре общества и т.п.

Владетельный (действительный) — дворянин в России, имевший земельный участок.

Власть — способность навязывать свою волю другим и мобилизовывать ресурсы для достижения цели.

Власть традиционная — власть, основанная на традициях и обычаях.

Вторичная группа — обозначение всех больших социальных групп или социальных организаций, где отношения между людьми носят формально-служебный характер.

Выборка — часть населения (популяции), строго отражающая особенности и соотношение всех элементов генеральной совокупности (исследуемого сообщества в целом).

Выборка случайная — выборка, составленная таким образом, что каждый элемент структуры населения (и любое сочетание элементов) может быть включен в нее с одинаковой вероятностью.

Выборка целевая — выборка, в которой исследователь отбирает людей для опроса из заданных целями исследования групп.

Выборочная совокупность — множество людей, которых социолог опрашивает.

Гедонизм (от греч. *gedone* — удовольствие) — в Древней Греции система философских представлений о том, что наслаждение выступает высшей целью и основным мотивом человеческого поведения.

Гезельшафт (от нем. «*Gesellschaft*» — общество) — термин Тённиса, характеризующий отношения в индустриально-урбанистическом обществе, основанные на стремлении к личной выгоде, при этом порядок поддерживается на базе формальных законов; формируется специализация профессиональных ролей и светские ценности.

Гемайншафт (от нем. «*Gemeinschaft*» — общинность) — термин Тённиса, характеризующий отношения в сельских общинах, где люди живут в соответствии с их семейными и общественными обязанностями; основное значение придается обычаям и религиозным ценностям; разделение труда ограничено.

Гендер — совокупность социальных характеристик пола.

Гендерный идеал — ожидание определенного поведения мужчин и женщин, присущее данной культуре.

Генеральная совокупность — все население или та его часть, которую социолог намерен изучить, опираясь на выборочную совокупность.

Геноцид — умышленное массовое уничтожение представителей определенной расы или национальности.

Геронтология — наука о старости.

Гипертрофированный — преувеличенный.

Гипотеза — предположение о взаимосвязи между независимой и зависимой переменными.

Государство — социальный институт и совокупность социальных организаций, осуществляющих управление обществом и распределяющих общественные ресурсы.

- Государство авторитарное** — государство, в котором власть находится в руках монарха или диктатора, управляющего с помощью насилия.
- Группа** — совокупность взаимодействующих людей, ощущающих свою взаимосвязь, совокупность, воспринимаемая другими как некое сообщество.
- Группа вторичная** — совокупность людей, между которыми почти отсутствуют эмоциональные отношения, их взаимодействие обусловлено стремлением к достижению определенных целей.
- Группа контрольная** — в эксперименте испытуемые, с которыми обращаются как с испытуемыми из экспериментальной группы, но на них не оказывает влияние независимая переменная.
- Группа малая** — совокупность людей, между которыми имеются непосредственные контакты.
- Группа первичная** — небольшое количество людей, между которыми устанавливаются прямые контакты, отражающие многие аспекты их личностных свойств, и складываются устойчивые эмоциональные отношения.
- Группа этническая** — часть общества, члены которой осознают себя (или считаются с точки зрения других) носителями общей культуры.
- Девиация** (от позднелат. *deviatio* — отклонение) — отклонение в поведении человека от общепринятых норм.
- Деградация** — постепенное ухудшение, снижение или утрата положительных качеств.
- Деиндивидуализация** — процесс оставления своей гражданской сущности.
- Декларативный** (от лат. *declaratio* — объявление, провозглашение) — ширковещательный, чаще всего существующий на словах, а не на деле.
- Делинквентность** — (от лат. *delinquens* — совершающий проступок) в социологии и юриспруденции обо-

значение противоправных действий трудновоспитуемых подростков, состоящих на учете в милиции или замеченных полицией за регулярно совершаемые нарушения, способные повлечь за собой уголовное наказание.

Демография (от греч. demos — народ и графия — описываю) — наука, при помощи статистики изучающая рождаемость, смертность, долгожительство, плодовитость, брак, миграцию и другие процессы населения конкретной страны.

Демократия представительная — государство, где народ на определенные сроки делегирует свою власть избранным лицам, которые впоследствии должны быть переизбраны. Для таких государств характерны следующие особенности; признание прав индивидуальности, наличие конституционного правительства; согласие со стороны тех, кем управляют; лояльная оппозиция.

Демонстративный (от лат. demonstratio — показывание) — намеренно показной, выпячивающий жест или поступок.

Депривация — лишение или недостаточность условий, необходимых для нормальной жизни.

Десоциализация — разобучивание, утрата прежних навыков и манер поведения.

Деструктивный (от лат. destructio — нарушение) — разрушающий нормальную структуру чего-либо.

Диада — состоящая из двух человек малая группа.

Дискриминация — социальное подавление, ущемление в правах или несправедливое обращение с членами групп общественных меньшинств или непривилегированного большинства.

Дистанцирование — сознательное отгораживание, отдаление одного человека, как правило, занимающего высокий статус, от другого, с меньшим статусом.

Дисфункциональный — противоречащий или нарушающий основные функции (цели) организации.

Дисциплинатор — тот, кто занимается укреплением дисциплины.

Дифференциация — деление общества на общности, фрагментация человеческой жизнедеятельности на множество относительно ограниченных культурных пространств, конкретных функций и социальных занятий.

Драматургический подход — взгляд на интеракцию, согласно которому социальные ситуации рассматриваются как драматургические миниатюры, по ходу действия которых люди стремятся создавать о себе определенные впечатления, формируют свой образ в глазах других.

Единица выборки — единица отбора и анализа данных при выборочном обследовании.

Заражения теория — объяснение коллективного поведения тем, что люди в толпе иррациональны и подвержены эмоциям, которые распространяются, словно вирус.

Значимое действие — действие, основанное на истолковании значения ситуации или события.

Ид — согласно Фрейду, подсознательное «Я», которое является источником энергии, стимулируемой стремлением к удовольствию.

Идеальный тип — определенный образ-схема состояний и процессов, как если бы они происходили без отклонений и помех, которая рассматривается как наиболее удобный способ упорядочения эмпирического материала (понятие введено в социологию М. Вебером).

Идентификация (от позднелат. *identificatio* — отождествляю) — признание тождественности, опознание, в социологии — процесс эмоционального и иного са-

моотождествления человека с другим человеком, группой, образом.

Идеология — система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений.

Иерархия (от греч. hieros — священный и arche — власть) — расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему.

Иммиграция — перемещение людей в данное общество извне.

Имперское сознание — характерные для восточных деспотий, авторитарных и тоталитарных режимов приязания высших эшелонов власти и части простого населения на исключительность, непогрешимость, повелевание другими; сложный комплекс социально-психологических установок.

Индекс — количественный показатель, обобщающий первичную социологическую информацию, полученную в ходе измерений с помощью одной или нескольких шкал.

Индивидуализм — тип мировоззрения, в основе которого лежит противопоставление отдельного индивида обществу.

Индивидуальность — сочетание психологических особенностей человека, составляющих его своеобразие, отличие от других людей.

Инициация (от лат. initiatio — совершение таинств) — обряд посвящения подростков во взрослые.

Инноватика — новообразование, внедрение новшеств.

Инновация — в теории Мертона — реакция на аномалию, которая предполагает согласие с целями общества, но отрицает социально одобряемые способы их достижения.

- Институт социальный** — устойчивый комплекс правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему; совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности.
- Институционализация** — закрепление практики или области общественных отношений в виде закона или социальной нормы, принятого порядка.
- Институция** — установление, обычай, порядок, принятый в обществе.
- Инструментальные (контакты, зависимость)** — практически ориентированные, выгодные.
- Интеграция** — объединение.
- Интеграция социальная** — совокупность процессов, благодаря которым происходит соединение разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; формы поддержания социальными группами устойчивости и равновесия общественных отношений; способность социальной системы к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий.
- Интенциональность (от интенция — намерение)** — неосознаваемое достижение цели.
- Интеракционизм** — одно из главных направлений в зарубежной социологии, сводящее сущность общества к межличностному взаимодействию.
- Интеракция (англ. interaction)** — взаимодействие людей в группе, обществе.
- Интервью** — целенаправленная беседа, цель которой — получить ответы на вопросы, предусмотренные программой исследований.
- Интернализация (англ. internalization — усвоение)** — в социологии принятие элементов поведения или культуры, усвоение.

Информация социальная — знания, сообщения, сведения об отношениях людей, состоянии и характере развития социальных процессов, условиях жизнедеятельности, общественном положении индивидов и социальных групп, взаимодействии их интересов.

Иррациональный — неразумный, противоречащий разуму и логике.

Исследование социологическое — вид социального исследования, способ изучения социальных установок и поведения (деятельности) индивидов на основе системы логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, направленных на получение достоверных данных об изучаемом объекте или процессе для решения конкретных теоретических и социальных проблем.

Капитализм — социально-экономическая система, при которой особое значение придается отношениям и праву частной собственности, накоплению капитала и получению прибыли.

Квазиобщество — обозначение мирового сообщества, которое по многим признакам похоже на обычное общество.

Класс — большая социальная группа, отличающаяся от других по критериям доступа к общественному богатству (распределению благ в обществе), власти, социальному престижу.

Когнитивное развитие — процесс формирования мыслительной деятельности личности.

Компетенция (от лат. *competere* — соответствую, подхожу) — круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному должностному лицу или органу; знания и опыт в той или иной области.

Конвенциональный (от лат. *conventio* — договор, приглашение, сделка) — общепринятый, покоящийся

только на договоренности между людьми, на условных правилах и ни на чем более.

Конвергенции теория — 1) в исследовании коллективного поведения взгляд, согласно которому сама по себе толпа не способствует проявлению необычного поведения. Она привлекает определенные типы людей, и таким образом реализуется поведение, к которому они были предрасположены; 2) В исследованиях развития обществ конвергенция означает возрастание сходства по мере экономического развития традиционных обществ.

Конвергенция — возрастание сходства в развитии разных социальных объектов или возбуждение реализации поведенческих предрасположенностей.

Консенсус (от лат. consensus — согласие, единодушие) — принятие конечного решения на основе общего согласия участников или сторон, всеобщее согласие.

Консонанс (франц. consonance — созвучие) — гармония, согласованность представлений, мыслей, эмоций (противоположно диссонансу).

Конструкт (от лат. constructio — составление, построение) — искусственно созданное нечто, в котором части связаны в единое целое.

Контент-анализ (от лат. content — содержание) — в социологии количественный анализ текстов газет или книг.

Контракт — договор, соглашение.

Контркультура — субкультура, нормы или ценности которой противоречат главным составляющим господствующей культуры.

Контроль переменных — способность исследователя сознательно регулировать и изменять условия эксперимента.

Контроль социальный — совокупность норм и ценностей общества, а также санкций, применяемых в целях их осуществления. Цель — предотвращение де-

виантного (отклоняющегося) поведения путем наказания или исправления.

Конфликт — столкновение интересов различных социальных общностей, форма проявления социального противоречия.

Конфликт социальный (от лат. *conflictus* — столкновение) — столкновение интересов различных социальных обязанностей, частный случай проявления социального противоречия.

Конформизм — некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам и т.д.

Конформистский — приспособленческий, согласующийся с другими.

Конформность (от позднелат. *conformis* — подобный, соответствующий) — приспособленность, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующего мнения, некритическое следование чужим образцам.

Концепция (от лат. *conceptio* — понимание, система) — определенный способ понимания, трактовки явлений, основная точка зрения, ведущий замысел.

Кооптация — инструмент урегулирования организационного конфликта, представляющий собой вовлечение неудовлетворенных сторон в процесс принятия решений.

Корреляционный анализ — количественное изучение статистических связей между признаками социальных объектов.

Корреляция (от позднелат. *correlatio* — соотношение) — взаимная связь, взаимозависимость эмпирических признаков, свойств, черт, показателей (в социологии).

Коррупцированный — продажный.

Коррупция (от лат. *corruptio* — подкуп) — процесс, связанный с прямым использованием должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях

личного обогащения (подкуп чиновников, дача взяток).

Коэффициент корреляции — мера плотности корреляционной связи. Когда каждому значению одного признака соответствуют различные, но близкие значения другого признака, т.е. тесно располагаются около своей средней величины, — связь более полная.

Кредо — определенная система убеждений.

Ксенофобия — страх и ненависть ко всему чуждому для образа жизни данного общества.

Култ — религиозная секта, придерживающаяся крайних воззрений и призывающая к радикальным изменениям верований личности, общества или того и другого одновременно.

Культура — система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям.

Культура массовая — форма культуры, произведения которой стандартизируются и распространяются среди широкой публики, без учета региональных, религиозных или классовых субкультур.

Культура элитарная — форма культуры, включающая изящные искусства, музыку, литературу и предназначенная для высших слоев общества.

Культурная диффузия — распространение особенностей, свойств данной культуры на другие культуры.

Культурный релятивизм — убеждение, что культуру можно понять лишь на основе ее собственных ценностей в ее собственном контексте.

Латентные (от лат. *latent*) — скрытые.

Легитимизировать (от лат. *legitimus* — законный) — придавать чему-либо законный характер, узаконивать.

Легитимность — характеристика признания членами общности существующего социального порядка, наделение престижем, который диктует нормы и устанавливает образцы поведения.

Легитимный — законный.

Личность — устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида, продукт общественного развития (социализации) и включения людей в систему социальных отношений посредством деятельности и общения.

Личность авторитарная — совокупность черт личности, которая стремится проецировать чувство собственной неполноценности и слабости на членов другой группы и проявляет враждебность к этой группе.

Лобби — организация, оказывающая политическое давление в процессе принятия политических решений или мер, которые затрагивают интересы определенной группы.

Лонгитюдное исследование — вид повторного исследования, при котором ведется длительное периодическое наблюдение над одними и теми же социальными объектами.

Люмпен — деклассированный человек, полностью выброшенный из общества и утративший обычные ценности, нормы, стандарты отношений и поведения (преступник, нищий, бомж и т.п.).

Мазохистский — самоистязующий (названо по имени австрийского писателя Л. Захер-Мазоха).

Макросоциология — область социологического знания, изучающая крупные элементы социальных структур, их состояния и взаимодействия.

Макроуровень — в социологии — описание крупных явлений, процессов и структур, охватывающих большие социальные группы и народы; миграция населения, кризис институтов, переход от одного типа общества к другому и т.п.

- Макроуровень социологического исследования** — сосредоточение внимания на крупномасштабных социальных структурах и институтах.
- Манипулировать** (от лат. *manipulos* — пригоршня, горсть) — пускаться в ухищрения, махинации, заставлять других делать то, что полезно тебе.
- Маргинальность** — промежуточность, «пограничность» положения индивида между разными социальными группами.
- Маркетинг** — (от англ. *market* — рынок) — организация сбыта и производства новой продукции, изучение спроса, потребительского рынка.
- Метапотребности** — сверхпотребности, стоящие над обычными.
- Метод** — систематизированный способ достижения теоретического или практического результата, решения проблемы или получения новой информации на основе определенных регулятивных принципов познания и деятельности, осознания специфики изучаемой предметной области и законов функционирования ее объектов. Он очерчивает путь к достижению цели (истины) и включает в себя стандартные и однозначные правила (процедуры), обеспечивающие надежность и достоверность полученного знания. Различают всеобщие и конкретно научные методы.
- Методология** — теоретическое учение о научных методах.
- Методология исследования** — стратегия научного поиска, опирающаяся на осознание задач, метода или методов его проведения, программных установок, ценностных характеристик, нормативов и регуляторов теории изучаемой предметной области.
- Миграция** — территориальное перемещение каких-либо групп населения.
- Микросоциология** — область социологического знания, изучающего преимущественно межличностные, внутригрупповые и повседневные взаимодействия людей.

Микроуровень — в социологии — описание малых явлений, процессов и структур, характеризующих ближайшее окружение человека: семья, круг друзей, общение, малая группа.

Микроуровень социологического исследования сосредоточение внимания на мельчайших элементах межличностного общения.

Мобильность (от лат. *mobilis* — подвижный) — в социологии — перемещения людей из одной группы, общности, города, страны и т.п. в другие группы.

Мобильность вертикальная — изменение положения индивида, которое вызывает повышение или понижение его социального статуса.

Мобильность горизонтальная — изменение положения, которое не приводит к повышению или понижению социального статуса.

Мобильность индивидуальная — изменение положения индивида в системе социальной стратификации.

Мобильность интергенерационная — переход профессионального статуса от родителей к детям.

Мобильность коллективная (групповая) — изменение положения социальной группы в системе социальной стратификации.

Мобильность социальная — переходы людей из одних общественных групп и слоев в другие (социальные перемещения), а также их продвижение к позициям с более высоким престижем, доходом и властью (социальное восхождение), либо движение к более низким иерархическим позициям (социальное нисхождение, деградация). Различают групповую и индивидуальную формы мобильности.

Модернизация — совокупность технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы в целом.

Моногамия (от греч. *monos* — один и *gamos* — брак) — единобрачие, историческая форма брака и се-

ми, возникшая из парного брака в эпоху распада первобытнообщинного строя.

Монородительские (от греч. monos — один) — семьи с одним родителем: отцом или матерью.

Наблюдение — метод социологического исследования и получения информации путем прямой и непосредственной регистрации событий и условий их протекания.

Нарциссизм — любовь, влюбленное отношение к своему собственному Я.

Наука — социальный институт, обеспечивающий производство и накопление знаний; одна из форм общественного сознания.

Неравенство — положение, при котором люди не имеют равного доступа к социальным благам.

Неформальный — основанный на личных отношениях, неписаных правилах.

Нигилизм (от лат. nihil — ничто) — отрицание общепринятых ценностей и форм общественной жизни.

Номенклатура (от лат. nomenclatura — перечень, роспись имен) — перечень руководящих должностей, замещение которых производит вышестоящий орган.

Номинализм — направление в социологии, согласно которому все социальные явления получают реальность только как реализация целей, установок, мотивов индивида.

Нонконформность (от англ. nonconformist — несогласные) — несогласие, инновативное приспособление.

Норма (от лат. norma — руководящее начало, правило, образец) — в социологии совокупность всех правил, которые формально или неформально приняты в группе или обществе.

Норма социальная — средство социальной регуляции поведения индивидов и групп.

Нуклеарная семья — (от лат. nucleus — ядро) — семья, состоящая из родителей и детей, т.е. социаль-

ного и биологического ядра, достаточного для воспроизводства потомства и общественных связей.

Обмена теория — концепция о социальном взаимодействии, согласно которой на поведение людей влияет то, как оно вознаграждалось в прошлом.

Обработка данных — совокупность операций и процедур анализа первичной социологической информации.

Образование — институционализированный процесс, на основе которого передаются ценности, умения и знания от одного человека, группы, сообщества — к другим.

Обряд — совокупность символических стереотипных коллективных действий, воплощающих в себе те или иные социальные идеи, представления, нормы и ценности и вызывающих определенные коллективные чувства.

Общественное движение — организованные коллективные усилия, которые способствуют или препятствуют социальным изменениям.

Общество — объединение людей, имеющее закрепленную совместную территорию, общие культурные ценности и социальные нормы, характеризующее осознанной социокультурной идентичностью (самопричислением) ее членов.

Община — первичная форма социальной организации, возникшая на основе родовых связей и характеризующаяся непосредственным типом социальных отношений.

Общность — совокупность людей, связанная сходством жизненных условий, единством ценностей и норм, отношениями организации и осознанием социальной идентичности (самопричислением).

Объективный — существующий вне нас как объект.

Обычай — воспринятая из прошлого форма социальной регуляции деятельности и отношений людей, которая воспроизводится в определенном обществе

- или социальной группе и является привычной для его членов (различные обряды, праздники, производственные навыки и т.д.).
- Опрос** — метод сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к представителям определенной социальной группы. Бывает сплошным и выборочным.
- Организация** — крупная вторичная группа, образуемая для достижения определенных целей
- Оргнабор** — существовавшая в эпоху развитого социализма форма государственного распределения рабочей силы на «ударные стройки» (ключевые объекты экономики).
- Остракизм** (от греч. ostrakismos, ostrakon — черепок) — в Древней Греции изгнание отдельных граждан из города по решению народного собрания; гонение, преследование.
- Отношения социальные** — отношения между людьми и группами людей, занимающими различное положение в обществе.
- Отчуждение в сфере труда** — состояние работников, которое заключается в чувстве бессилия, ощущении, что труд не имеет смысла, в отстранении психологической невключенности в свою работу.
- Ошибка репрезентативности** — расхождение между генеральной и выборочной совокупностями, отклонение одной от другой.
- Панельное исследование** — способ сбора информации посредством нескольких опросов членов постоянной выборочной совокупности (панели).
- Парадигма** — знание, которое дает обобщенную модель постановки проблем и их решений.
- Партократ** (от лат. partio — делю, разделяю и греч. kratos — сила) — человек, опирающийся или взывающий к силе политической партии.

- Патерналистский** (от лат. pater — отец) — патернализм характеризует попечительский, заботливо-отеческий, покровительственный стиль отношения, особенно в менеджменте.
- Патология** (от греч. pathos — страдание и logos — учение) — учение о болезнях; отклонение от нормы. Патологический — больной, ненормальный.
- Пенитенциарная** (от лат. poenitens — раскаивающийся) — предупреждающая преступления, исправительная система.
- Первичная группа** — в социологии описывает ближайшее окружение человека: семья, круг родственников, друзей и знакомых.
- Переменная** — признак исследуемого объекта, который может принимать различные значения (пол, возраст) доход, профессия, статус и т.д.). Различают зависимые (те, которые следует объяснить с помощью эксперимента или иным способом) и независимые (вызывающие реальные изменения или объясняющие их) переменные.
- Персонификация** (от лат. persona — личность) — представление отвлеченных свойств и явлений в образе человека.
- Пилотажное исследование** — пробное исследование преимущественно методической направленности, цель которого — проверка качества социологического инструментария.
- Плотность населения** — число жителей на квадратный километр.
- Плутократия** (греч. plutokratia, от plutos — богатство и kratos — сила, власть) — политическое господство богачей.
- Побратимство** — обычай родового строя, по которому двое или несколько мужчин, не состоявших в кровном родстве, с целью взаимной поддержки устанавливали между собой связь, приравниваемую к родственной.

- Поведение коллективное** — относительно стихийное и неорганизованное поведение группы людей, реагирующих на неопределенную или угрожающую ситуацию
- Повторные исследования** — долговременное изучение по единой программе некоторого объекта.
- Полиандрия** (от греч. *poli* — много и *andros* — муж) — многомужество, редкая пережиточная форма группового брака, при которой женщина имеет несколько мужей, обычно братьев.
- Политическая социализация** — процесс развития, в ходе которого дети и подростки воспринимают идеи, политическую позицию и поведение, типичное для данной общности.
- Политическое устройство** — совокупность институтов и идеологий, регулирующих политическую деятельность внутри общества.
- Предикат** (от лат. *praedicatum* — сказуемое) — то же, что свойство.
- Предрассудок** — суждение о группе или ее членах в соответствии со стереотипными установками.
- Прибавочная стоимость** — согласно Марксу, разница между общей стоимостью продукта и стоимостью сырья, средств производства, рабочей силы (себестоимостью).
- Проблема исследования** — сформулированное противоречие между состоянием социальной действительности и ее теоретическим представлением, требующее для своего разрешения использования научных методов, процедур и приемов уточнения знания.
- Проблема социальная** — социальное противоречие, осознаваемое субъектом как значимое несоответствие между существующим и должным.
- Программа исследования** — изложение его целей, общей концепции, исходных гипотез вместе с логической последовательностью операций для их проверки.

- Пролетариат** (лат. *proletari*, от *proles* — потомство) — в Древнем Риме низший неимущий слой граждан, при капитализме — рабочий класс.
- Промискуитет** — беспорядочные половые сношения.
- Протообщество** — период человеческого стада.
- Профессионализмы** — лексические системы, свойственные профессиональным группам.
- Процесс социальный** — последовательная смена состояний общества или его отдельных систем.
- Разделение труда** — дифференциация видов деятельности, складывающаяся в обществе в процессе исторического развития.
- Ранжирование** — способ оценки переменной, когда ее значению приписывается место в последовательности величин (ранг), определяемое при помощи порядковой шкалы.
- Рационализация** — переход от спонтанных, субъективных традиционных способов поведения к организации деятельности согласно рационально установленным требованиям.
- Рационально-легитимное господство** — власть, основанная на убеждении правильности и необходимости узаконенных норм.
- Реализм** — подход к социальной действительности к надындивидуальному единству, системе отношений, независимой от индивидуального сознания.
- Регламентированный** (франц. *regle* — правило) — жестко связанный правилами.
- Регуляция** — управление, согласование, приведение в порядок.
- Резонанс** — отклик.
- Рейтинг** (англ. *rating*) — индивидуальный числовой показатель оценки каких-либо достижений в классификационном списке.
- Рекрутирование** (от нем. *Rekrut*) — принятие на службу или работу по найму либо по повинности.

- Религия** — система верований и ритуалов, с помощью которых группа людей объясняет и реагирует на то, что находит сверхъестественным и священным.
- Репрезентативность** — свойство выборки отражать характеристики изучаемой (генеральной) совокупности
- Ресоциализация** — переобучивание новым ролям и ценностям.
- Респондент** — тот, кого опрашивает социолог.
- Ретреализм** — согласно классификации Мертона, реакция на аномии, предполагающая отрицание общественных целей и средств их достижения.
- Ретритизм** (от англ. retreat — уединение, отступление, уход) — отвержение культурных целей и институциональных средств, уход от реального мира в свой внутренний болезненный мир (бродяги, хронические алкоголики и наркоманы, психически ненормальные люди).
- Референтная группа** — группа, к которой хотел бы принадлежать человек или на которую он равняется как на эталонную.
- Рефлексия** — (от лат. reflexio — обращение назад) — процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения, самопознание.
- Рецептивный** — передающий или принимающий возбуждение.
- Ритуал** (от лат. ritualis — обрядовый) — вид обряда, форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий, выражающая определенные социальные и культурные ценности.
- Ритуализм** — тип приспособления, предполагающий оставление или понижение слишком высоких культурных целей, большого денежного успеха и быструю социальную мобильность там, где подобные устремления могут быть удовлетворены.

Родство — совокупность социальных отношений, основанных на кровных узах, браке и специальных правовых нормах (опекунстве, усыновлении и т.п.).

Ролевая напряженность — ситуация, при которой одна роль предъявляет человеку противоречивые требования.

Ролевая система — совокупность ролей, соответствующих данному статусу.

Ролевой конфликт — ситуация, при которой человек сталкивается с противоречивыми требованиями двух или более несовместимых ролей.

Роль — модель поведения, часть статуса.

Роль возрастная — совокупность ожиданий, связанных с возрастом.

Рудиментарное (от лат. rudimentum — зачаток, первооснова) — остаточное, когда-то существовавшее, но теперь переставшее функционировать.

Саботаж (франц. sabotage) — сознательное неисполнение определенных обязанностей, вредительство.

Самонанятые — то же самое, что самозанятые: одновременно собственники и работники, мелкие бизнесмены.

Санкции негативные — наказание, препятствующее поведению, которое не соответствует культурным нормам.

Санкции позитивные — поощрение за соблюдение норм.

Санкция (от лат. sanctio — строжайшее постановление) — мера положительного или отрицательного воздействия.

Священное — по Э. Дюркгейму, то, что связано с божественным и сверхъестественным.

Секта — религиозная организация, которая отвергает ценности остального общества и требует «обращения» в свою веру и исполнения соответствующих ритуалов.

- Секуляризация** — процесс, при котором подвергаются сомнению верования в сверхъестественное и связанные с ним ритуалы, а институт религии утрачивает свое социальное влияние (церковь отделяется от системы правления).
- Семья** — основанное на кровном родстве, браке или усыновлении (опекунстве) объединение людей, как правило, связанных отношениями собственности, общностью быта, взаимной ответственностью за воспитание детей.
- Семья нуклеарная** — семейная структура, состоящая из взрослых родителей и детей, находящихся на их иждивении.
- Семья расширенная** — семейная структура, включающая, помимо нуклеарной семьи (супруги и дети), других родственников, например, старших родителей, их сестер и братьев, внуков, двоюродных родственников.
- Символ** — обобщенное, закодированное обозначение понятия, действия или предмета, синтетически выражающее его смысл.
- Сленг** (англ. slang) — то же, что жаргон, в англоязычных странах; вариант разговорной речи, не совпадающий с нормой литературного языка.
- Социализации агенты** — институты, люди и социальные группы, которые способствуют социализации личности.
- Социализация** — процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, которому он принадлежит.
- Социализм** — политическая теория и социальная практика реализации принципов общественной собственности и социальной справедливости в сфере распределения.
- Социальная дезорганизация** — условия в обществе, при которых культурные ценности, нормы и обще-

ственные отношения отсутствуют, слабы или противоречивы.

Социальная интеракция — процесс, в котором люди действуют и взаимодействуют друг с другом.

Социальная клаузула (лат. *clausula* — заключение) — закрытие социальной группы, ограничение доступа в ее ряды.

Социальный институт — совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности.

Социальный контроль — совокупность норм и ценностей общества, а также санкции, применяемые в целях их осуществления. В изучении девиации — усилия окружающих, направленные на предотвращение девиантного поведения, наказания девиантов или их исправления.

Социобиология — наука о генетических механизмах коллективного поведения.

Социограмма — способ регистрации межличностных отношений в малой группе при помощи чертежа.

Социометрия — изучение структуры межличностных отношений в малых группах.

Социум — социальное окружение человека, общество.

Среда социальная — совокупность социальных условий жизнедеятельности человека, оказывающих влияние на его сознание и поведение.

Средний класс — социальная группа, занимающая промежуточное положение между элитой и классом наемных работников в структуре современного общества.

Статус — социальная позиция (положение) индивида в группе или обществе.

Статус аскриптивный (приписанный) — прирожденный, унаследованный статус.

Статус возрастной — социальное положение, приписываемое индивиду на основе возраста.

- Статус достигнутый** — значение, приобретаемое индивидом в обществе благодаря его собственным усилиям.
- Статус основной** — статус, определяющий общественное положение и значение человека, связанные с определенными его правами и обязанностями.
- Статус приписанный (предписанный)** — статус, унаследованный от рождения, прирожденный.
- Статус социальный** — позиция человека в обществе, связанная с определенными правами и обязанностями.
- Стереотип** — упрощенный, схематизированный, привычный канон мысли, образ восприятия и поведения.
- Стратификация** (от лат. *stratum* — слой) — расположение социальных слоев (групп) сверху вниз по признаку неравенства в доходах, уровня образования, объема власти, профессионального престижа.
- Стратификация возрастная** — система, в которой разные возрастные группы в обществе неодинаково вознаграждаются.
- Структура** — совокупность жестко закрепленных и взаимосвязанных элементов.
- Субкультура** — система символов, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих то или иное сообщество или какую-либо социальную группу от культуры большинства общества.
- Субординация** — подчиненность нижестоящих вышестоящим.
- Субъективный** — присущий только данному лицу, страстный.
- Суверенность** (государства) выражается в том, что ему принадлежит право официально представлять все общество в целом, издавать нормативные акты, в том числе законы, обязательные к выполнению всеми членами общества, осуществлять правосудие.
- Суицид** — самоубийство.

- Суперэго** — согласно Фрейдю, структура «Я», выполняющая функции нравственного контроля и моральной оценки.
- Теория** — система взаимосвязанных утверждений, выводов, исходных положений и гипотез.
- Тест** — метод строгого измерения и оценки отдельных качеств индивида.
- Техника социологического исследования** — совокупность организационных и методических приемов и способов сбора, обработки и анализа данных.
- Типологизация** — способ выявления сходства и различия множества социальных объектов, поиск критериев их классификации.
- Толерантность** — терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям.
- Толпа** — значительное число людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом.
- Тоталитаризм** — система насильственного политического господства, характеризующаяся полным подчинением общества, его экономической, социальной, идеологической, духовной и даже бытовой жизни власти господствующей элиты, организованной в целостный военно-бюрократический аппарат и возглавляемый лидером («фюрером», «дуче» и т.д.).
- Тоталитарное государство** — государство, лидеры которого стремятся к полному контролю над страной и народом. Для таких государств обычно характерны следующие особенности: насаждение тоталитарной идеологии, однопартийная система, применение террора, контроль над средствами массовой информации, контроль над оружием и централизованное управление экономикой.
- Тотальное** (от позднелат. *totalis* — весь, целый, полный) — всеохватный, всепроникающий.
- Тотем** — символ какого-либо природного создания (например, животного), считающийся священным.

Традиции — элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющиеся в определенном сообществе, социальной группе в течение длительного времени.

Транснациональные — межнациональные.

Триада — активное взаимодействие трех человек.

Триба — (лат. *tribus*, от *tribuo* — делю) — племя.

Урбанизм — состояние, при котором достигается большая численность, плотность и гетерогенность местного населения. Характеристика городской цивилизации.

Факт социальный — единичное общественно значимое событие или некоторая совокупность однородных событий, типичных для той или иной сферы общества.

Флуктуации (от лат. *fluctuatio* — колебание) — случайные отклонения от средних значений.

Формальный — основанный на писаных правилах и законах.

Фрустрация (от лат. *frustratio* — неудача) — тревожность, чувство безысходности, подавленность.

Функция — предназначение, значение, выполняемая роль.

Харизматическая власть — власть, основанная на преданности лидеру, которому приписывают некие высшие, почти мистические свойства.

Харизма — свойство некоторых лидеров внушать своим последователям веру в их сверхчеловеческие способности.

Харизмы рутинизация — термин М. Вебера, относящийся к развитию организационной структуры, которое проходит три стадии: кристаллизации, признания, институционализации.

- Целибат** (от лат. caelebs — неженатый) — обязательное безбрачие католического духовенства.
- Ценности** — разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности).
- Церковь** — религиозная организация, действующая в обществе и имеющая с ним тесную связь.
- Цивилизация** — ступень в развитии общества; уровень социального и культурного развития, который связан с разделением труда.
- Шкала** — измерительный инструмент для оценки социологической информации.
- Эгалитаризм** — стремление всех уравнивать.
- Эго** — по З. Фрейду, составляющая часть личности, выступающая посредником между Суперэго и Ид. Контролирует поведение человека и помогает индивиду ориентироваться в окружающем мире.
- Эгоцентричный** (от лат. ego — я) — сконцентрированный только на себе.
- Эзогамия** — правила, требующие, чтобы люди заключали браки с теми, кто не входит в определенные группы.
- Эспектации** — ожидания.
- Эксперимент** — способ получения данных, при котором условия и переменные контролируются для установления причинно-следственных связей.
- Эксплуатация** — экономическое использование подчиненного класса господствующим в целях получения прибыли.
- Экуменизм** — усилия различных религиозных общностей в достижении более глубокого сотрудничества и взаимопонимания.
- Эмиграция** — переселение за пределы данного общества (государства).

- Эмпирический** — опытный, основанный на фактах.
- Эндогамия** — правила, предписывающие заключение брака внутри определенных групп.
- Этнические** — кровнородственные.
- Этнометодология** — изучение обыденных норм, правил поведения, смыслов языка общения, которые регулируют взаимодействия между людьми.
- Этнос** — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием).
- Этноцентризм** — свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления через призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума.
- Язык** — система коммуникации, осуществляющейся на основе звуков и символов, имеющих условные, но структурно обоснованные значения.

УЧЕБНАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТЕМА 1.

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
2. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991. С. 19—24.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 265—285.
4. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
5. Радугин А.А. Радугин К.А. Социология: курс лекций. М., 1997. С. 10—17.
6. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 156—189.
7. Социология. Основы общей теории // Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996. С. 68—100.
8. Смелзер. Социология. М., 1994.
9. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1998.
10. Фролов С.С. Социология. М., 1996.
11. Энциклопедический социологический словарь / Общая ред. академика РАН Г.В. Осипова. М., 1995.
12. Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования, 1990, № 2, с. 3—16.
13. Ядов В.А. Социологическое исследование. М., 1987.

ТЕМА 2.

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. М., 1990. С. 601—628.
2. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
3. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
4. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1998.
5. Энциклопедический социологический словарь / Общая ред. академика РАН Г.В. Осипова. М., 1995.

ТЕМЫ 3—5.

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

2. Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994.
3. Арон Раймон. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
4. Баразгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Курс лекций. Екатеринбург, 1997.
5. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1997.
6. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная социология. Санкт-Петербург, 1997.
7. История социологии / Под общ. ред. А.Н. Елсукова и др. Минск, 1997.
8. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1—3. М., 1997.
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
10. Монсон Пер. Современная западная социология. СПб., 1992.
11. Новые направления в социологической мысли. М., 1978.
12. Турен Ален. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

ТЕМА 6.

1. Американская социология. М., 1972.
2. Белл Д. Постиндустриальное общество. Америка. 1997. № 9.
3. Бхаскар Р. Общества // Социологос. М., 1991.
4. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
5. Кондратьев Н.Я. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
6. Луман Н. Понятие общества // Проблема теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25—42.
7. Основы социологии. Курс лекций в 2 ч. / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 1994.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
9. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996. С. 102—130.
10. Социология / Под ред. проф. Э.В. Тадевосяна. М., 1995.
11. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
12. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

13. Тощенко Ж.Т. Социология. М., 1998.
14. Туров И.С. Общество как социальная система // Социально-политический журнал. 1994. № 7—8.
15. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

ТЕМА 7.

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
2. Кравченко А.И. Введение в социологию. М., 1994.
3. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
4. Овчинников В.С. Формы исторического процесса // Социально-политический журнал. 1996, № 2.
5. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.
6. Рашковский Е. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996. С. 316—352.
9. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
10. Фролов С.С. Социология. М., 1996.
11. Харчева В.Г. Основы социологии. М., 1997.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

ТЕМА 8.

1. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.
3. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3.
4. Киселева М.С. Культурные коды и типы культуры // Культурология. М., 1993.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
6. Мосс. М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
9. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

ТЕМА 9.

1. Американская социология. М., 1972.
2. Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.
3. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
4. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Многомерный мир современного человека. М., 1998.
5. Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 2. М., 1992.
6. Кравченко А.И. Основы социологии. М., 1997.
7. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
8. Основы социологии. / Отв. ред. проф. А.Г. Эфендиев. М., 1993.
9. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 13—63.
11. Социология / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. М., 1998.
12. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996.
13. Фролов С.С. Социология. М., 1996.
14. Харчева В.Г. Основы социологии. М., 1997. С. 121—141, 158—159.
15. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

ТЕМА 10.

1. Американская социология. М., 1972.
2. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998. С. 183—240.
3. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
4. Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная культура // Социологические исследования. 1992. № 7.
5. Кравченко А.И. Социальная структура: статусы и роли // Социально-политический журнал. 1996. № 2.
6. Социология / Под ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д, 1998.
7. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

9. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
10. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

ТЕМА 11.

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
2. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
3. Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 2. М., 1992.
4. Кравченко А.И. Основы социологии. М., 1997.
5. Основы социологии. / Отв. ред. проф. А.Г. Эфендиев. М., 1993.
6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
7. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
8. Фролов С.С. Социология. М., 1996.
9. Хрестоматия по социальной психологии. М., 1994.
10. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

ТЕМА 12.

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
2. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
3. Радугин А.А. Радугин К.А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж, 1995.
4. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996.
5. Новые концепции общей теории управления. М., 1995.

ТЕМА 13.

1. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 11.
2. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
3. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
4. Орлов А.С. О среднем классе // Социально-политический журнал. 1994. № 9—10.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
6. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
7. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1998.

ТЕМА 14.

1. Кравченко А.И. Основы социологии. М., 1997.
2. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
3. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
4. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

ТЕМА 15.

1. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
2. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
3. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.
4. Основы социологии. / Отв. ред. проф. А.Г. Эфендиев. М., 1993.
5. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
6. Социология / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. М., 1998.
7. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1998.
8. Фролов С.С. Социология. М., 1996.

ТЕМА 16.

1. Альперович В. Социальная геронтология. Ростов н/Д, 1997.
2. Катульский и др. Демографическая ситуация в России // Социологические исследования. 1997. № 6.
3. Кравченко А.И. Основы социологии. М., 1997.
4. Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия. Екатеринбург, 1998.
5. Основы теории народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя. М., 1986.
6. Смелзер Н. Социология. М., 1994.

ТЕМА 17.

1. Американская социология. М., 1972.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998.
3. Кравченко А.И. Введение в социологию. М., 1994.
4. Кравченко А.И. Основы социологии. М., 1998.

5. Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия. Екатеринбург, 1998.
6. Проблемы современного общества. Лекции по социологии / Отв. ред. М.Р. Радовель. Ростов н/Д, 1996
7. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
8. Якуба Е.А. Социология. Харьков, 1996

ТЕМА 18.

1. Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996.
2. Религиоведение: Учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. М., 1998.
3. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
4. Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д, 1996.
5. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
6. Социология религии: классические подходы. М., 1994.

ТЕМА 19.

1. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
2. Кравченко А.И. Основы социологии. М., 1998.
3. Маркович Данило Ж. Общая социология. М., 1998.
4. Основы политической социологии. Москва—Нижний Новгород, 1998.
5. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
6. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1998.

ТЕМА 20.

1. Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.
2. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
3. Гермейер Ю.Б. Игры с противоположными интересами. М., 1976.
4. Горелик В.А., Кононенко А.Ф. Теоретико-игровые модели принятия решений в эколого-экономических системах. М., 1982.

5. Драго Р. Административная наука. М., 1980.
6. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами Белгород, 1993.
7. Курбатов В.И., Фурдей С.Г. Две парадигмы социальных исследований и технологий // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1995. № 4. С. 38—43.
8. Мулен Э. Кооперативное принятие решений. Аксиомы и модели. М., 1991.
9. Основы политической социологии. Москва—Нижний Новгород, 1998.
10. Политические технологии. Ростов н/Д, 1998.
11. Робертс Ф. Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам. М., 1986.
12. Розенмюллер И. Кооперативные рынки и игры. М., 1974.
13. Современные социальные технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Белгород, 1991.
14. Социальное управление. Словарь-справочник / Под ред. В.И. Добренькова, И.М. Слепенкова. М., 1994.
15. Социология / Под ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д, 1998.

ТЕМА 21.

1. Волков Ю.Г. Личность и гуманизм // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 1.
2. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Многомерный мир современного человека. М., 1998.
3. Волков Ю.Г. Ното humanus: Личность и гуманизм. Челябинск, 1995.
4. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995.
5. Къеза Д. Прощай, Россия! М., 1994.
6. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994.
7. Основы политической социологии. Москва—Нижний Новгород, 1998.
8. Турен Алэн. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Тема 1. Предмет, структура и методы социологии.	6
1. Предмет социологии.	6
2. Социология и другие науки	7
3. Структура социологии. Микросоциология и макросоциология	9
4. Методы социологии	15
Тема 2. Понятийный аппарат социологии	22
1. Для чего социологии нужен понятийный аппарат	22
2. Термин	25
3. Статистические категории	27
4. Операциональные понятия	28
5. Модели и модельные понятия	29
6. Понятие «идеального типа»	31
7. Аналитические понятия	34
Тема 3. Возникновение и развитие социологии в XIX веке	37
1. Социально-исторические и теоретические предпосылки возникновения социологии.	37
2. Огюст Конт и возникновение социологии во Франции	39
3. Социология Г. Спенсера	45
4. Марксизм и социология	46
Тема 4. Институционализация социологического знания. 49	49
1. Социология Э. Дюркгейма	49
2. Социология В. Парето и Л. Гумпловича.	56
3. Социология Г. Зиммеля	62
4. Социология М. Вебера	67
Тема 5. Социология в XX веке	75
Лекция 1	75
1. Микросоциологические теории	75
2. Макросоциологические теории. Структурный функционализм Т. Парсонса	88
3. Функциональный анализ и теории среднего	

уровня	103
Лекция 2.	111
1. Конфликтология.	111
2. Символический интеракционизм.	114
3. Этнометодология.	122
4. Теория структурообразования Э. Гидденса.	125
Тема 6. Общество как система.	132
1. Понятия общества и системы.	132
2. Общество как система.	137
3. Типология обществ.	147
Тема 7. Развитие общества.	154
1 Циклический паттерн развития.	154
2. Линейный паттерн развития.	159
Тема 8. Культура.	166
1. Понятие и компоненты культуры.	166
2. Динамика социокультурных изменений.	183
Тема 9. Социология личности.	193
1. Понятие и теории личности.	193
2. Социализация.	206
Тема 10. Социальная структура.	221
1. Понятие социальной структуры.	221
2. Социальная группа.	225
3. Социальный институт.	229
Тема 11. <u>Социальные связи, взаимодействия между</u> <u>индивидами и группами.</u>	235
1. Социальные связи и отношения.	235
2. Теории межличностного взаимодействия. Конфликты.	237
3. Взаимодействия в социальной группе: типы, виды, характер.	242
4. Неорганизованные группы.	252
5. Формирование и развитие социального движения.	254
Тема 12. Социальные организации.	256
1. Понятие организации.	256
2. Типология организаций.	260
3. Строение организаций.	266

4. Функционирование организаций.	268
5. Развитие менеджмента в современной России. . .	274
Тема 13. Социальная стратификация.	279
1. Понятие социальной стратификации.	279
2. Типы стратификационных систем.	282
3. Совокупный социально-экономический статус . .	291
4. Социальная стратификация российского общества.	295
Тема 14. Массовое сознание и массовые действия.	300
1. Понятие массового сознания и его изучение. . .	300
2. Массовые действия.	312
Тема 15. Социология семьи.	319
1. Понятие и функции семьи	319
2. Историческое развитие семьи	323
3. Типология семьи	326
Тема 16. Демография и социальная статистика.	332
1. Понятие демографии	332
2. Основные компоненты численности населения. .	333
3. Состав народонаселения	337
4. Тенденции роста населения мира	340
Тема 17. Девиантное поведение.	345
1. Понятие социальной нормы.	345
2. Девиантное поведение. Основные подходы к объяснению девиантного поведения.	347
3. Основные формы девиантного поведения.	355
4. Делинквентное поведение.	362
Тема 18. Социология религии.	368
1. Предмет социологии религии.	368
2. Различные типы деприваций как фактор образования религиозных групп.	370
3. Закономерности эволюции религиозных движений.	373
Тема 19. Основные понятия политической социологии.	381
1. Власть.	383
2. Господство.	385
3. Авторитет.	388
4. Политическое действие.	390

5. Три значения слова «политика»	393
6. Политическое господство	394
Тема 20. Социальные технологии	395
Лекция 1	395
1. Развитие теорий «социальной инженерии»	395
2. Сущность социальных технологий	398
3. Классификация основных видов социальных технологий	405
Лекция 2	409
1. Применение социальных технологий на региональном уровне	409
2. Зарубежный опыт регионального программирования	412
3. Проект «Технополис»	415
Лекция 3	420
1. Федеральная региональная политика	420
2. Социальные технологии в федеральной и региональной экономической политике	426
Тема 21. Идеология и гуманизм	440
1. Значение идеологии в жизни общества	440
2. Определение идеологии	448
3. Гуманизм и общество будущего	455
Словарь социологических терминов	469
Учебная и справочная литература	500

Серия «Учебники, учебные пособия»

СОЦИОЛОГИЯ

Курс лекций

Волков Юрий Григорьевич,
доктор философских наук
Нечипуренко Виктор Николаевич,
кандидат философских наук
Попов Александр Васильевич,
кандидат социологических наук
Самыгин Сергей Иванович,
доктор социологических наук

Редактор В. Горбов
Корректор А. Веташкова
Художник С. Каштанов
Компьютерный дизайн Н. Николаевой

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Сдано в набор 10.01.99 г. Подписано в печать 25.02.99 г.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура Литературная
Тираж 10 000. Заказ № 60

Издательство «Феникс»,
344007, г. Ростов н/Д, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

ФЕНИКС

ISBN 5-222-00482-1

9 785222 004821

СОЦИОЛОГИЯ КУРС ЛЕКЦИЙ